С. Р. МИНЦЛОВЪ.

ДЕБРИ ЖИЗНИ.

ДНЕВНИКЪ.

СИБИРСКОЕ КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО.
БЕРЛИНЪ.

С. Р. МИНЦЛОВЪ.

ДЕБРИ ЖИЗНИ.

ДНЕВНИКЪ

1910 — 15 г. г.

Уралъ.
Новгородъ.
Малороссія.

СИБИРСКОЕ КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО.
БЕРЛИНЪ.

Типографія Зинабургъ и Ко.
Berlin SW 68, Alte Jakobstr. 129

УФА.

1910 г. Апрѣля 2. Такъ сложилась личная жизнь, что бросилъ Петербургъ и научную и педагогическую дѣятельность и взялъ первое предложенное мнѣ Д. И. Пестржецкимъ мѣсто — въ Уфимскую губернію.

Вчера около полуночи пріѣхалъ въ Уфу; извозчикъ-татаринъ долго везъ на своихъ разбитыхъ дрожкахъ-таратайкѣ; городъ расположенъ на высокой горѣ. Улицы казались вымершими: только кое-гдѣ свѣтились окна. Рано ложится спать матушка-провинція!

Остановился въ гостиницѣ «Россія»; цѣны въ ней на все вполнѣ Петербургскія! Сегодня отправился представляться губернатору; въ канцеляріи его познакомился съ правителемъ ея, Алексѣемъ Петровичемъ Лобунченко, и полиціймейстеромъ, Генрихомъ Генриховичемъ Бухартовскимъ. Бутафорія у здѣшняго Генриха въ исправности: усы большіе и видъ самый бравый; губернатору, насколько успѣлъ замѣтить, — «безъ лести преданъ», по положенію.

Лобунченко — симпатичный хохолъ, лѣтъ 30—35.

Пріемная увѣшана кругомъ портретами губернаторовъ; что-то не держались они по долгу здѣсь въ Уфѣ: самое большое житіе ихъ длилось шесть лѣтъ. Между ними отыскалъ Богдановича; лицо самое умное изо всѣхъ. Подъ нимъ подпись — «погибъ отъ руки злодѣевъ такого-то числа». Подъ каждымъ портретомъ — по парѣ печатныхъ строкъ съ перечисленіемъ дѣяній на пользу Уфы; большинству и двухъ строкъ оказывалось много, и такимъ въ заслугу ставили—однимъ посѣщеніе Государемъ Уфы, другимъ выходъ при нихъ

того или другого закона; одному вкатили даже сенаторскую ревизію!

Губернаторъ Ключаревъ принялъ меня чрезвычайно любезно; поговорили мы съ генераломъ минутъ пять; онъ высказалъ «радость» увидѣть меня и удовольствіе по поводу «совмѣстной службы» со мной и затѣмъ мы разстались.

Черезъ два часа Ключаревъ пріѣхалъ ко мнѣ въ гостиницу съ отвѣтнымъ визитомъ. Совсѣмъ какъ Высочайшія особы при пріѣздѣ въ иностранную столицу! Отъ губернатора отправился въ Губернское Присутствіе, знакомиться съ непремѣнными членами; затѣмъ попалъ въ книжный складъ губернскаго земства; завѣдываетъ имъ нѣкто Малѣевъ—бывшій членъ 2-й Государственной Думы. Оказывается, его немало преслѣдовали въ Уфѣ и только второй годъ какъ дали ему возможность занять его теперешнее мѣсто. Конфисковали книги во всю: списковъ запрещенныхъ новинокъ не присылали, а когда находили таковыя — тянули къ суду.

Братъ Малѣева — священникъ на томъ заводѣ, куда я ѣду; сестра учительствуетъ въ Табынскѣ, тоже находящемся въ моемъ участкѣ.

Бродилъ по Уфѣ; осматривать въ ней, собственю говоря, нечего; дома въ большинствѣ, т. е. вѣрнѣе — за рѣдкими исключеніями, сплошь деревянные. Зелени въ городѣ мало, но есть паркъ; грязь въ изобиліи; снѣгъ съ улицъ, конечно, не счищаютъ, и потому одна сторона ихъ до сихъ поръ покрыта грязнымъ слоемъ толстаго льда въ весьма исковырянномъ видѣ, а другая — солнечная — суха и пылитъ во всю ивановскую. Особенно изумительно грязна Губернаторская улица—она залита жидкою грязью и перейти черезъ нее нечего и думать. Дважды былъ вынужденъ проѣхать по ней и пролетка вязла болѣе чѣмъ на четверть аршина.

Большая часть улицъ еще ждетъ мостовыхъ; во дворахъ горы навоза и мусора; изъ каждыхъ воротъ текутъ болота, такъ что даже по солнечной сторонѣ

приходится то и дѣло перебираться черезъ лужи. Городъ дорогой — цѣны на все выше Питерскихъ, по причинѣ отсутствія мѣстныхъ производствъ.

Въ Питерѣ Нева уже давнымъ-давно прошла, а здѣсь Бѣлая стоитъ еще подо льдомъ; между тѣмъ мнѣ надо на лошадяхъ ѣхать 115 верстъ и дважды перебираться черезъ нее! Какъ бы не застрять здѣсь въ Уфѣ: говорятъ, что подъ Табынскомъ переправы уже нѣтъ.

Апрѣля 3. Приходится сидѣть въ Уфѣ: черезъ Бѣлую запрещенъ не только переѣздъ, но даже переходъ. Ходилъ взглянуть на нее: ледъ сильно разрыхлился и отошелъ отъ береговъ; весна маловодная, а то давно бы его взломало.

Былъ сегодня въ редакціи «Уфимскаго Вѣстника» и познакомился тамъ съ негласнымъ редакторомъ его графомъ П. П. Толстымъ. Толстой произвелъ на меня хорошее впечатлѣніе, но редакція убогая: ютится въ подвалѣ вмѣстѣ съ конторой типографіи. Пригласилъ меня сотрудничать, просилъ присылать имъ все, что найду возможнымъ. Говорилъ, что Уфимская губернія — это въ полномъ смыслѣ слова Калифорнія — совершенно неизвѣстная еще ни въ археологическомъ, ни въ этнографическомъ отношеніяхъ. Жители — невообразимая смѣсь: и киргизы, и башкиры, и татары, и мордва, и чуваши, и русскіе. Въ городѣ тармалама эта еще сугубѣе.

Разспросилъ Толстого про вновь народившійся мѣстный журналъ: «Семья и Школа». Обѣщалъ мнѣ прислать повѣстку въ понедѣльникъ на засѣданіе этнографической секціи, издающей его.

Изъ подвальной дыры отправился съ визитами; былъ у губернскаго предводителя дворянства, князя Кугушева, въ губернскомъ присутствіи, у полиціймейстера и у жандармскаго полковника. Дома засталъ, къ сожалѣнію, только послѣдняго. Мужчина онъ росту огромнаго и, видимо, видалъ виды: черепъ у него раскроенъ наискосокъ и одну ногу волочитъ весьма

замѣтно. Лицо умное — а что за этимъ умомъ скрывается, поживемъ - увидимъ!

Апрѣля 4. Былъ съ визитомъ у губернаторши: Петербургская барыня изъ среднихъ; держитъ себя довольно просто и обходительно. Меблировка роскошная; особенно хороша печь въ гостиной, сдѣланная изъ фигурнаго фаянса — съ цвѣтами и пр. украшеніями. Бесѣдовали, какъ водится, о всякихъ пустякахъ; мое вниманіе привлекло большое серебряное блюдо съ надписями, видимо чье-то подношеніе. Одну надпись прочелъ: «отъ Бухартовскихъ...» Генрихи-то, какъ видно, не зѣваютъ! За то онъ и въ чести: сегодня видѣлъ его и губернатора проѣзжающими въ одной каретѣ.

Заходилъ въ мѣстный музей; зданіе грязное и престарое. Тамъ и остатки мамонтовъ и близнецы въ банкѣ и портретъ коменданта, повѣшеннаго Пугачевымъ и дрянной альбомчишко съ марками и бабочки на булавкахъ — словомъ ерунда невообразимая. Самое интересное — это стоящія у лѣстницы три старинныя пушки, отбитыя у Пугачева; одна отбита на Богоявленскомъ заводѣ, гдѣ предстоитъ мнѣ служить.

Апрѣля 5. Путешествовалъ съ визитами и сегодня. Въ губернскомъ правленіи представлялся вице-губернатору, другому графу Толстому, бывшему моряку; познакомился съ обоими совѣтниками. Одинъ — довольно мрачный, уменьшенно - Собакевичевскаго типа субъектъ — состоитъ вмѣстѣ съ тѣмъ редакторомъ «Уфимскаго Края»; другой — подвижной человѣкъ, весь обритый, съ головой въ видѣ колѣна и длиннымъ носомъ. Любопытенъ, должно быть, безмѣрно, но въ то же время есть въ немъ что то симпатичное. Уже они всѣ, даже почтмейстеръ, знали, что я былъ у губернаторши, что я пишу и т. д. Очень приглашали меня писать въ «Краѣ»; я обѣщалъ прислать этнографическій матеріалъ, а отъ «разсказцевъ» отказался рѣшительно. Узналъ, что въ губернскомъ архивѣ хра-

нятся дѣла о Пугачевѣ и немедленно же взялъ разрѣшительную грамотку на копанье въ этомъ учрежденіи и на уносъ дѣлъ, какія найду заслуживающими вниманія, къ себѣ на домъ.

Побывалъ потомъ въ Земской Управѣ — бесѣдовалъ тамъ относительно дѣлъ книгоиздательства «Всходы»; вечеромъ отправился на засѣданіе «секціи изученія мѣстнаго края» въ частную гимназію.

Лѣстница этой гимназіи воняетъ всѣми кошками губерніи; поднялся во второй этажъ и попалъ въ большую, грязную комнату, освѣщенную лишь одной лампой съ зеленымъ абажуромъ; вокругъ небольшого стола торчало съ десятокъ стульевъ; за ними засѣдали двѣ какихъ то личности — юный блондинъ и — весьма жиденькій, козловидный субъектъ семинарскаго типа. Онъ оказался инспекторомъ семинаріи — совсѣмъ, какъ будто, неподходящая для него должность — тутъ нуженъ какой нибудь протопопъ Аввакумъ, а не скромнаго вида полуюноша! Черезъ нѣкоторое время стали подходить и другіе члены новаго общества: нѣсколько ражихъ дѣтинъ несомнѣнно изъ колокольнаго дворянства, затѣмъ почтенные мужи и старцы. О красотѣ мужчинъ вообще говорить не принято, но среди сидѣвшихъ тамъ почтенныхъ туземцевъ были и явные потомки Хлопуши!

Вырабатывали программу опроса населенія губерніи объ имѣющихся курганахъ, городищахъ и др. остаткахъ древности. Предложилъ свои услуги по разработкѣ будущихъ матеріаловъ и по производству раскопокъ въ Стерлитамакскомъ уѣздѣ. Ни объ археологической, ни объ архивной комиссіяхъ здѣсь еще и не слыхивали и поле дѣятельности огромное. Въ добрый часъ!

Бѣлая тронулась! Сейчасъ вернулся съ берега, смотрѣлъ на ледоходъ. Поразительно красивый видъ съ обрыва горы за соборомъ — даль развертывается необъятная! Дня черезъ четыре, вѣроятно, двинусь дальше.

Апрѣля 6. Въ 10 ч. отправился въ архивъ. Входъ въ него ведетъ черезъ Полицейское уѣздное управленіе — грязнѣйшимъ и темнымъ коридоромъ, по обѣ стороны котораго устроены комнаты — обиталища нижнихъ чиновъ и ихъ растрепъ-супружницъ. Въ концѣ коридора имѣется дверь въ каморку, гдѣ засѣдаютъ двое архивныхъ чинушей. Архивъ большой, но — по словамъ главнаго архиваріуса — все наиболѣе цѣнное увезено въ Оренбургъ. Изъ дѣлъ Пугачевскаго времени уцѣлѣло только два, оба 1774 г. за № 2 и 3.—Реестеръ обнимаетъ лишь незначительную часть дѣлъ; пробѣжалъ я его глазами — довольно много «секретныхъ» дѣлъ, еще больше хлама, есть и курьезныя. Отмѣтилъ себѣ нѣсколько штукъ и просилъ приготовить ихъ мнѣ. Архиваріусъ сообщилъ, что дѣла еще далеко не разобраны и между ними есть многое о бунтахъ — до Пугачевскихъ и 19-го вѣка. Попросилъ всѣ ихъ отдѣлить для меня.

Забралъ съ собой оба «Пугачевскихъ» толстѣннѣйшихъ тома и засѣлъ читать ихъ у себя въ номерѣ. Просмотрѣлъ пока № 2: въ немъ всякаго рода «покорные рапорты» и доношенія Уфимской провинціальной канцеляріи отъ старшинъ, комендантовъ и др. лицъ о появленіи шаекъ въ губерніи, о воровствахъ и разбояхъ, указы о наказаніяхъ за излишнюю болтовню и т. п. Словомъ — всѣ мелкія, иногда довольно любопытныя подробности бунта; для меня онѣ интересны, такъ какъ касаются частью Табынска и Богоявленскаго завода.

Подъ вечеръ пошелъ разыскивать на Достоевскую улицу редакцію, замѣченнаго мною въ одномъ изъ магазиновъ, новаго журнала — «Вѣстникъ Семьи и Школы». Познакомился съ редакторомъ, еще молодымъ преподавателемъ, В. С. Мурзаевымъ; принялъ меня очень любезно. Квартирка довольно бѣдная, но хозяинъ симпатичный. Денегъ у нихъ, конечно, нѣтъ, но хорошихъ желаній и задачъ много. Обѣщалъ и имъ помочь работой, насколько смогу.

Апрѣля 7. Утромъ сегодня пошелъ къ губернатору. Въ кабинетѣ его, весьма уютно и по ученому обставленномъ, были уже полицiйместеръ, правитель канцелярiи, совѣтникъ Федоровъ и еще нѣкiй чинъ канцелярiи. Губернаторъ былъ въ ударѣ — разсказывалъ анекдоты, отъ которыхъ самъ помиралъ со смѣху; а всѣ остальные выжимали изъ себя улыбки и дѣлали игривые глаза; сейчасъ же началось чтенiе не то статьи, не то воззванiя, которое онъ намѣревался разослать во всѣ газеты для напечатанiя. Касается оно постройки въ Уфѣ Аксаковскаго народнаго дома, затѣяннаго по «счастливой мысли г. губернатора Ключарева»; требуется ему на это дѣло 500 000 р., а онъ собралъ пока, въ Уфѣ только 200 000 и остальныя надѣется дополучить съ Россiи.

Не знаю, о чемъ больше говорится въ этомъ произведенiи: о домѣ Аксакова или о самомъ Ключаревѣ; даже проэктъ дома принятъ комиссiей Ключарева; три академическихъ, хотя и премированы, но . . . забракованы. Генералъ читалъ и захлебывался отъ удовольствiя. При воззванiи будетъ посланъ для напечатанiя портретъ губернатора и фотографiи будущаго фасада дома. Стиль его будетъ занятный: съ одной стороны ренессансъ, а съ другой восточно-азiатскiй. Что изъ такого строительнаго флюса выйдетъ—Аллахъ знаетъ! И что значитъ выраженiе — «восточно-азiатскiй?» — китайскiй или японскiй, что-ли?

Усладивъ насъ чтенiемъ о Ключаревѣ, генералъ опять началъ подтрунивать надъ военными губернаторами (самъ онъ штатскiй); къ военнымъ знакамъ отличiя онъ относится очень пренебрежительно.

— Вотъ если рука или нога оторваны или раненъ былъ — ну, такого я признаю; это дѣйствительно храбрый человѣкъ! заявилъ его превосходительство.

Полицiймейстеръ ввернулъ что то о мѣстномъ жандармскомъ полковникѣ.

Генералъ махнулъ рукой.

— А, что вы говорите: это исключенiе! Ну, чтожъ, хромаетъ онъ и голова раскроена! Раненъ, да.

Но какъ раненъ? Я то, вѣдь, знаю: хромаетъ отъ того, что его собака за сухожиліе укусила, а голову разбилъ — это онъ подгулялъ и съ лѣстницы свалился!

Слушатели почтительно пофыркали. Наслушавшись всего въ волю, я обратился къ губернатору съ просьбой разрѣшить мнѣ двѣ вещи; 1) брать къ себѣ въ Богоявленское, какіе найду нужнымъ, дѣла изъ архива; 2) производить раскопки въ уѣздѣ.

Генералъ пришелъ въ восторгъ и заявилъ, что меня послалъ ему самъ Богъ. Что онъ тутъ наговорилъ — всего не запишешь; но общій смыслъ былъ таковъ: онъ, Ключаревъ, великій человѣкъ и творилъ безъ конца, одно за другимъ, великія дѣла, но историка у него еще не было, онъ искалъ его, жаждалъ. Все, всѣ архивы, всѣ самые послѣдніе, такъ сказать, текущія, секретныя дѣла, переписки — все будетъ къ моимъ услугамъ!

— Самое интереснѣйшее, самое любопытное время — исторія Уфы со дня моего пріѣзда сюда! съ ажитаціей говорилъ генералъ, мотая головой и Владиміромъ на шеѣ.

— Но чуръ: вы человѣкъ талантливый, такъ хорошо владѣете перомъ — не забывайте же дѣлиться результатами вашихъ работъ съ «Уфимскимъ Краемъ». Это мое дѣтище, я его создалъ!

Я прикинулся незнающимъ и спросилъ: развѣ не «Вѣстникъ Уфы» ваша газета?

Генералъ омрачился.

— Нѣтъ, это конкурентъ. Не могу никакъ придраться къ нему, чтобы закрыть его... Всѣхъ подписчиковъ можетъ отбить у насъ!

Распростился со мной губернаторъ самымъ сердечнымъ образомъ.

Остальную часть дня провелъ въ своемъ номерѣ, читалъ второе Пугачевское дѣло. Оно наполовину посвящено Салавату Юлаеву и его отцу, пособникамъ Пугачева.

Апрѣля 9. Осматривалъ архивъ, забралъ съ собой кое-какія дѣла изъ него; днемъ видѣлъ Лобунченко. Онъ ѣздилъ на пару дней съ губернаторомъ въ какое то селеніе, переименовываемое въ городъ. Оба они въ восторгѣ отъ поѣздки. Губернатору устраивали такія оваціи и выражали столько восторга и преданности, что было отъ чего закружиться и болѣе крѣпкой головѣ!

Однѣхъ депутацій съ хлѣбомъ-солью и адресами выступило 9; нѣмцы колонисты вручили 1 000 руб., собранные по подпискѣ между ними на Аксаковскій домъ. То то онъ имъ нуженъ! Да-а-а... безъ ума не проживешь теперь на свѣтѣ — если нѣтъ ворожащей бабушки, конечно!

Апрѣля 11. Пишу эти строки въ каюткѣ парохода Ирень: вчера, слава Богу, кончилъ свое Вавилонское сидѣніе на берегахъ Бѣлой и выѣхалъ съ первымъ пароходомъ на Табынскъ.

Передъ отъѣздомъ заѣхалъ проститься съ губернаторомъ. Опять былъ отмѣнно пріятенъ и опять толковалъ объ Аксаковскомъ домѣ и показывалъ планы его. — «Все это мое, все мое!» повторялъ онъ при этомъ. — Рисую я прескверно и потому архитекторъ *только начертилъ,* все по моимъ указаніямъ!»

Затѣя грандіозная и, разумѣется, очень было бы желательно, чтобъ онъ довелъ ее до конца: для Уфы это будетъ огромное пріобрѣтеніе. Но гдѣ онъ возьметъ еще 300 000 и съ кѣмъ онъ будетъ устраивать то, что должно находиться внутри дома?!

Разставаясь, обѣими руками жалъ мою, говорилъ, что увѣренъ, что я также горячо и съ такой же охотой помогу въ устройствѣ дома (въ смыслѣ размѣщенія, разработки и приведенія въ порядокъ коллекцій археологическихъ, нумизматической и т. п.), какъ и онъ самъ, увѣрялъ, что самъ Богъ послалъ меня ему и. т. п.

Словомъ, уѣхалъ отъ него съ полномочіями перерыть хоть всѣ нѣдра губерніи и всѣ архивы ея; получилъ папку какихъ то документовъ, «секретныхъ»

«весьма важныхъ», послѣдняго пятилѣтія; просмотрѣть еще не успѣлъ, что въ ней. Подъ диваномъ у меня лежитъ связка архивныхъ дѣлъ; на досугѣ переберу и, можетъ быть, что нибудь любопытное найдется въ нихъ!

Звалъ меня губернаторъ на торжественное открытіе школы его имени на какой то станціи, но я поблагодарилъ и отказался — предпочитаю поскорѣе добраться до своего Богоявленскаго завода и посмотрѣть, что это такое.

Дни стоятъ знойные, а зелени все еще нигдѣ нѣтъ какъ нѣтъ. Утокъ на Бѣлой гибель: то и дѣло взлетаютъ около парохода. Деревни по ней сплошь татарскія; на берегъ встрѣчать пароходъ высыпаютъ цѣлыя толпы бабъ и дѣвченокъ въ желтыхъ, красныхъ и синихъ платкахъ и платьяхъ; мальчишки имѣютъ очень смѣшной видъ въ своихъ тюбетейкахъ. Какъ только пароходъ даетъ свистокъ — вся толпа шарахается назадъ и цѣлыя кучи дѣвченокъ и мальчишекъ валятся на землю; шарахаются даже взрослые. Совсѣмъ дикая страна!

Апрѣля 12. Сегодня въ 3 ч. утра пріѣхалъ въ Табынское. Пристаней здѣсь нѣтъ и въ поминѣ; пароходъ попросту подваливаетъ къ берегу, выбрасываетъ сходни и начинаетъ выгружаться. Ни навѣсовъ, ни даже шалашей нѣтъ на этихъ импровизированныхъ пристаняхъ. Единственное, что имѣется въ изобиліи— навозъ: его здѣсь на поля не возятъ, а валятъ прямо въ рѣку, такъ что всѣ берега Бѣлой у деревень представляютъ собой отвѣсы изъ навоза.

Вынесли матросы мои вещи на пустынный берегъ; огромное село спало; было еще темно, сіялъ полный мѣсяцъ и только востокъ чуть начиналъ блѣднѣть. Постучался я въ одну избу, затѣмъ въ другую, наконецъ, добился лошадей и покатилъ въ Богоявленское.

Дорога идетъ ровными полями и только на горизонтѣ синѣютъ горы. Буланые коньки, звеня колоколами, несли лихо. Меньше чѣмъ черезъ часъ я былъ

уже въ Богоявленскомъ; миновали Пашковскій стекольный заводъ, переѣхали черезъ р. Усолку и остановились около волостного правленія. Выскочилъ заспанный писарь, остриженный ежомъ, черноголовый, приземистый субъектъ съ подозрительно-синеватымъ носомъ и, пока я грѣлся въ правленіи, разыскалъ старичка, домъ котораго снималъ мой предшественникъ.

Квартира оказалась свободной. Домикъ — особнячекъ, оштукатуренный и выбѣленный внутри, изъ 5 комнатокъ, съ садомъ и всякими постройками — двѣнадцать съ полтиной въ мѣсяцъ. Домикъ уютный, и эти строки пишу, уже сидя въ немъ.

Кругомъ раскинулось село; мужики живутъ зажиточно, много скота и птицъ у всѣхъ. Избы здѣсь кроютъ соломой, или, чаще, вязовой корой, надранной длинными полосами. Вода неважная — жесткая и мутная.

Сейчасъ же распорядился, чтобы моя канцелярія переѣхала изъ волости ко мнѣ; писарь услужливъ до невѣроятности; на зовъ подходитъ рысью, скорчившись въ видѣ пристяжки.

Только что началъ устраиваться — явился десятокъ крестьянъ — уполномоченныхъ отъ общества. Время пахать, составили они приговоръ, какую землю пустить подъ паръ, какую подъ яровое; затѣмъ въ ихъ отсутствіе (большинство работаетъ на заводѣ Пашкова) староста созвалъ 50 человѣкъ и они постановили новый приговоръ, совершенно обратный, удобный для «богатѣевъ». Послалъ я за старостой десятскаго. Черезъ нѣкоторое время онъ возвращается и говоритъ, что староста сказалъ, что сейчасъ ему некогда и что онъ придетъ завтра. Мужикамъ объявилъ, что назначаю на 16-ое число сходъ, въ своемъ присутствіи по тому же вопросу, а самъ отправился въ волость.

Старшины съ писаремъ уже не было — оба уѣхали на торги въ Табынское. Встрѣчаетъ меня помощникъ писаря.

— Гдѣ староста?

— Сейчасъ только ушелъ.

— Куда?

— Домой-съ...

Приказалъ двумъ десятскимъ немедленно доставить его ко мнѣ. Тѣ побѣжали и минутъ черезъ пять явился староста — бородатый мужикъ съ плутоватымъ лицомъ.

Разнесъ я его словесно, что называется, въ дребезги, и посадилъ на двое сутокъ подъ арестъ.

Тѣ же уполномоченные заявили, что онъ не даетъ сдѣлать учета — провѣрки себѣ, и рѣшительно ничего не хочетъ дѣлать, такъ какъ выдѣлился и думаетъ теперь только о своихъ дѣлахъ.

Начало хорошее: еще не принялъ должности, а ужъ долженъ былъ показать зубы!

Апрѣля 16. Вчера вернулся изъ Стерлитамака: ѣздилъ къ предсѣдателю съѣзда познакомиться съ нимъ и съ товарищами и вмѣстѣ съ тѣмъ устроить кое какія дѣла.

Выѣхалъ тринадцатаго въ 6 ч. утра; вслѣдствіе разливовъ пришлось дѣлать крюки; проѣхалъ на лошадяхъ 75 верстъ, съ тремя перепряжками и, несмотря на отличную ѣзду, только въ 3 часа дня прибылъ въ Стерлитамакъ. Были три переправы на паромахъ; одинъ разъ перебирались черезъ оврагъ почти вплавь, по брюхо лошадямъ. Экипажи здѣшніе — именуютъ ихъ «карандасами» — хороши для татаръ, но для нашего брата нѣчто нестерпимое: это самыя обыкновенныя дроги, на которыя поставлена огромная, плетеная изъ толстаго лозняка корзина; спинка ея нѣсколько выше бортовъ. Нѣтъ ни сидѣнья, ни рессоръ, ничего. На дно стелятъ солому, татаринъ садится въ нее калачикомъ и жаритъ во весь духъ, словно сидя у себя дома; только голова виднѣется надъ плетенкой. Но ѣхать такимъ манеромъ непривычному человѣку — это чертъ знаетъ что: отекаютъ ноги, подшвыриваетъ такъ, что иной разъ небо съ овчинку кажется. Растрясло меня сильно и очень былъ радъ, когда, наконецъ, показалась наша уѣздная столица.

Ѣхалъ все время по лѣвую сторону Бѣлой. Деревни большія и, на видъ, живутъ хорошо. Поражаетъ меня изобиліе соломы здѣсь: ею устланы всѣ задворки и, даже, мѣстами улицы; горы ея виднѣются всюду. Никто ее не цѣнитъ, никто о ней не заботится. Цѣлыя деревни стоятъ, можно сказать, на сплошномъ кострѣ: брось кто нибудь неосторожно спичку и огромное пространство вспыхнетъ мигомъ, какъ нефтяная площадь! Навозъ на поля не возятъ, а заваливаютъ имъ — гдѣ нѣтъ рѣкъ — овраги, или же чинятъ дороги. Поневолѣ вспомнишь нашъ сѣверъ, гдѣ навозъ цѣнится, какъ драгоцѣнность! Крестьяне увѣряютъ, что земля здѣсь такъ жирна, что рожь родится выше человѣческаго роста и безъ навоза; даже ложится во многихъ мѣстахъ.

Видѣлъ я всякія дыры и трущобы на Руси, но хуже Стерлитамака еще не встрѣчалъ! Мостовыхъ нѣтъ и въ поминѣ; колдобины и грязища страшныя; гдѣ просохло — тамъ сѣдой тучею виситъ пыль. Городишка деревянный, но около центра, вокругъ торговой площади, довольно много каменныхъ домовъ; площадь вся застроена рядами деревянныхъ лавченокъ, въ которыхъ продается все — начиная отъ конскаго мяса и кончая ведрами и галантереей. Вокругъ площади широкая канава, вся заросшая вонючею грязью; ни улицы, ни площадь не метутся и чего, чего не валяется на нихъ! О грязныхъ бумагахъ и говорить нечего — ихъ вѣтеръ взметаетъ, какъ листья въ осень; дохлыя мыши, крысы, словомъ, всякая мерзость и дрянь — все вываливается на улицы. Тротуары кое гдѣ деревянные, но съ такими дырами, что зѣвать не слѣдуетъ.

Велѣлъ везти себя къ какой нибудь гостиницѣ; возница мой оборачивается и говоритъ: «не въ гостиницу надо, а въ номера!»

— Почему?

— Въ гостиницахъ не останавливаются! назидательно заявляетъ онъ: «останавливаются въ номерахъ!»

— Что же въ гостиницѣ дѣлаютъ?

— Въ гостиницахъ пьютъ, ѣдятъ тоже.

Я не повѣрилъ ему, но, подъѣхавъ къ одной гостиницѣ и зайдя въ нее, убѣдился, что онъ былъ правъ: вывѣска гласитъ «гостиница», а кромѣ буфетной стойки со снѣдью и столиковъ ничего иного въ ней нѣтъ. Отправился по номерамъ. Пакость изумительная; какія то узкія норы съ забрызганными и рваными обоями трактирнаго типа; некрашеные полы, грязныя кровати. Даже умывальниковъ нѣтъ — умываться пожалуйте въ коридоръ къ общему висячему рукомойнику. Едва разыскалъ за рубль болѣе сносную каморку, вымылся и пошелъ въ съѣздъ.

Если бы былъ живъ Гоголь и зашелъ въ него, онъ бы навѣрное подумалъ, что это тотъ самый повѣтъ, куда ходили сутяжничать Иванъ Ивановичъ и Иванъ Никифоровичъ.

Столы лохматые, рваные, съ висящими клюками черной клеенки; полы некрашеные, щелястые; стѣны забрызганы чернилами и проплеваны насквозь; грязь невѣроятнѣйшая. Въ 2 ч. дѣятельность чинушей прекращается и потому зданіе пустовало; узналъ адресъ предсѣдателя и отправился къ нему.

А. М. Брудинскій — весьма пріятно-сытый на видъ и, сравнительно, молодой человѣкъ, очень любезно встрѣтилъ меня; бесѣдовали довольно долго. Очень жаловался на Стерлитамакъ; всѣ въ немъ живутъ волками, особнякомъ. Нѣтъ ни библіотеки, ни театрика, ни кружка любителей — круглый нуль въ смыслѣ общественной жизни. Есть лишь дрянной клубикъ, гдѣ дуются въ карты. Про мой участокъ, четвертый, узналъ плохія новости: считается вторымъ съ конца въ уѣздѣ во всѣхъ отношеніяхъ. Дѣлъ гибель; запущенъ при томъ страшно, такъ какъ мой предшественникъ заболѣлъ, а завѣдывавшій послѣ него господинъ *за четыре мѣсяца ни разу даже не побывалъ въ немъ.*

Отъ Брудинскаго отправился къ члену управы, завѣдывающему народнымъ образованіемъ уѣзда — Д. И. Андронову. Типичный статистикъ изъ вѣчно кочевого пролетаріата: высокій, долговолосый, съ умными

карими глазами; подъ пиджакомъ черная рубаха, этотъ, такъ сказать, мундиръ эсдековъ и эсъеровъ.

Познакомились и за бесѣдою выдудили цѣлый самоваръ, по московски.

Интересны отношенія у мѣстнаго земства съ инспекторомъ школъ Мин. Нар. Пр.: онъ завѣдуетъ земскими школами, а на земство, на всѣ ихъ просьбы и заявленія не только не обращаетъ вниманія, но даже не считаетъ нужнымъ отвѣчать на нихъ. Земство для него не существуетъ, и принципъ его — давить и не дозволять. И это дѣлаетъ универсантъ, человѣкъ 28 лѣтъ, стало быть очень недавно еще оставившій школьную скамью!

Отъ Андронова отправился къ себѣ, но высидѣть дома не могъ: тощища смертная. Хотѣлъ купить газету — нельзя, ихъ здѣсь не продаютъ совсѣмъ. Шатался по улицамъ до одури, заходилъ къ часовщикамъ, искалъ старинныя монеты и такъ дотянулъ до вечера.

Въ четверть десятаго городъ спалъ; на улицахъ не встрѣчалось ни души, всѣ почти окна погасли. Во всемъ городѣ имѣется съ десятокъ фонарей, но и тѣ, несмотря на темную ночь, не горѣли. Темень была эфіопская. Серединой улицы, осторожно, словно слѣпой, добрался я до своего паскуднаго логова, потребовалъ пива и долго сидѣлъ у окна, размышляя, сколько дней я могъ бы выдержать въ этомъ городѣ, не подумавъ о крючкѣ и веревкѣ?

14-го утромъ, покончивъ дѣла и узнавъ, что въ 4 ч. дня отходитъ на Уфу пароходъ «Внучекъ», рѣшилъ ѣхать водою: и удобно, и скоро — въ 9 ч. вечера должны были быть уже въ Табынскѣ. Въ назначенное время пріѣхалъ на пристань; объ отходѣ никто и не думалъ, а продолжали себѣ грузиться. Въ 6 час. начали грузить черезъ нашъ другой пароходъ, стоявшій за нами—«Дѣдушку». Публика ворчала, но такъ, по домашнему. Я отправился въ контору и тамъ довольно крупно поговорилъ съ цѣлой ордой субъектовъ въ формѣ; черезъ полчаса или меньше послѣ этой бесѣды мы, наконецъ, отвалили. Передъ отходомъ узна-

ли, что въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Стерлитамака стоитъ пароходъ изъ Уфы — его не пропускали барки. Нѣсколько штукъ ихъ сѣло на мель и лоцмана протянули проволочные канаты къ обоимъ берегамъ для стаскиванія барокъ. Капитанъ послалъ гонца къ исправнику, требуя помощи.

Берегъ Стерлитамака таковъ, что ѣхать мимо него надо крѣпко зажавши носъ: весь онъ усѣянъ кожевенными заводами, и длинная линія плотовъ и мостковъ вся была покрыта бабами, мывшими въ рѣкѣ грязную шерсть; здѣсь же моютъ и отчищаютъ отъ затнившаго мяса кожи. Если прибавить къ этому, что кожи зачастую снимаются съ палыхъ животныхъ, то настойка изъ всего этого добра, посылаемая Стерлитамакомъ внизъ по теченію, внѣ конкурса.

Прошелъ нашъ «Внучекъ» по рѣкѣ съ часъ и вдругъ сталъ приставать къ берегу. Оказалось, что впереди опасныя мѣста, а такъ какъ ночь темная и Бѣлая течетъ очень быстро, то надо было заночевать. Пріѣхать въ Табынскъ въ полночь и скакать затѣмъ на лошадяхъ мнѣ не улыбалось; узналъ отъ капитана — весьма юнаго и нерѣшительнаго человѣка, что часа въ 3—4 утра непремѣнно пойдемъ впередъ и, значитъ, будемъ въ Табынскѣ часовъ въ 9 утра и со спокойнымъ духомъ отправился въ каюту спать. Но передъ сномъ погулялъ по берегу; быстро надвинулась ночь, темная, звѣздная. За изгибомъ рѣки и выше насъ, на мачтахъ стоявшихъ барокъ, зажглись, какъ звѣзды, яркіе фонари.

Утромъ на зарѣ проснулся. Смотрю — 4 часа, а пароходъ стоитъ, не зашелохнется. Быстро одѣлся, поднялся наверхъ — ни въ рубкѣ, ни на палубѣ ни души. Капитанъ, оказалось, еще спалъ. Постучалъ къ нему въ каюту; онъ выглянулъ заспанный, полураздѣтый.

— Въ чемъ дѣло?

— Почему мы не идемъ?

— Да не пускаютъ барки внизу: опять перегородили рѣку канатами.

— Но вѣдь вчера пропустили они пароходъ снизу?

— Пропустили, такъ какъ пріѣзжала полиція, а теперь ея нѣтъ — и они опять не пускаютъ!

— Что же вы будете дѣлать?

— Пойду назадъ, въ Стерлитамакъ.

Взбѣсился я страшно. Не довѣрься я проклятому пароходу — былъ бы еще вчера дома. Между тѣмъ 16 числа мнѣ во что бы то ни стало надо было поспѣть въ Богоявленское, на сходъ; возвратись пароходъ въ Стерлитамакъ — выполнить обѣщаніе, данное мною крестьянамъ, было бы невозможно.

— Вотъ что! — заявилъ я капитану. — Я ѣду по казенному дѣлу и, если вы сейчасъ же не пойдете внизъ — я дамъ телеграмму губернатору и вамъ не расхлебать тогда каши, которая заварится!

— Но вѣдь канаты же тамъ!

— Рубите ихъ.

— Да какъ же можно?

— Я все беру на себя. Перерублю канаты, составлю протоколъ, его всѣ пассажиры подпишутъ и барочники будутъ въ отвѣтѣ. Никто не имѣетъ права перегораживать судоходную рѣку!

Капитанъ нырнулъ въ каюту одѣваться.

Спустили лодку, я велѣлъ захватить съ собой пару топоровъ, сѣлъ въ нее съ пятерыми матросами, и теченіе быстро понесло насъ за поворотъ къ сгрудившимся баркамъ. На берегъ, дѣйствительно, были протянуты отъ нихъ канаты. Мы подчалили къ крайней, мѣшавшей обойти слѣва, и я закричалъ—«гдѣ боцманъ?»

На палубѣ барки появилась фигура.

— Долой канаты сейчасъ! — дальше пошла словесность, которую записывать излишне, и угроза немедленно перерубить канаты.

Увидавъ топоры, боцманъ понялъ, что я шутить не намѣренъ. Минутъ черезъ десять — чрезвычайно быстро — все было убрано и «Внучекъ», медленно, кормою впередъ, прошелъ, наконецъ, мимо барокъ.

На Волгѣ давно бы навалили на канатъ такихъ

франтовъ носомъ парохода и оборвали бы его безъ всякой полиціи!

На пароходѣ познакомился, разумѣется, со всѣми пассажирами нашего, перваго класса. Ѣхалъ французъ, уполномоченный фирмы Дрейфусъ, затѣмъ мѣстный помѣщикъ, старый, высокій купецъ въ сѣрой поддевкѣ — Алексѣй Васильевичъ Кузнецовъ и нѣсколько дамъ. Кузнецовъ очень заинтересовалъ меня; говоритъ по простонародному, ходитъ въ смазныхъ сапогахъ, на сѣрыхъ шароварахъ черная заплатка и вмѣстѣ съ тѣмъ умница, настоящій цѣлостный, здравый, чисто русскій умъ. Мѣстный старожилъ; знаетъ все и про всѣхъ; поѣздилъ и по свѣту, много читалъ и слышалъ, такъ что бесѣдовать съ нимъ можно о всемъ, начиная съ Маркса и кончая губернаторомъ.

Потребовали мы квартетомъ самоваръ и усѣлись чаевничать. Зашелъ разговоръ объ Уфѣ; у Кузнецова и въ Уфѣ оказался домъ; онъ ведетъ очень большую, свыше чѣмъ на полъ милліона, торговлю хлѣбомъ.

— Да, сказалъ между прочимъ, Кузнецовъ: домъ-то этотъ Аксаковскій — вотъ гдѣ у насъ сидитъ! онъ показалъ на шею.

— Н-да, — подтвердили остальные собесѣдники и лица у всѣхъ сдѣлались недовольными: — всякому безобразію должны быть границы, а вѣдь это что-то безпредѣльное!

Меня это очень заинтересовало.

— Въ чемъ дѣло? — спрашиваю.

— Да помилуйте, вѣдь идетъ сплошное вымогательство какое-то на домъ!

— Я подписался на него около *тридцати* разъ! — сказалъ Кузнецовъ.

— Быть не можетъ! — какъ такъ?

— А вотъ какъ. Сперва губернаторъ лично пріѣзжалъ; за честь этотъ визитъ мы, конечно, должны считать. А за честь, извѣстно, купецъ платить долженъ; и чѣмъ честь больше, тѣмъ и цѣна ей выше. Потомъ полиціймейстеръ съ листомъ — и этому нельзя отказать: человѣкъ нужный; потомъ приставъ при-

шелъ, потомъ околодочный. Околодочнаго-то хотѣлъ пугнуть — плачетъ. «Помилуйте» — говоритъ — «вамъ пятерку подписать ничего не составляетъ, а меня, коли листъ не заполню, выгонятъ за нерадѣніе, такъ и сказано всѣмъ». Ну, что-жъ человѣка губить — и ему подписалъ. Въ Стерлитамакѣ опять все заново. Вотъ такимъ манеромъ тридцать разъ и пожертвовалъ «добровольно» на домъ!

Тоже, только въ меньшихъ размѣрахъ, испытали и остальные мои спутники.

— А какъ, вообще, губернаторомъ у васъ довольны? — спрашиваю компанію.

— Ничего... — отвѣчаетъ Кузнецовъ; такъ-то онъ человѣкъ добрый, помѣшался только вотъ на Аксаковскомъ домѣ — имъ однимъ и занимается. А губерніей за него управляютъ другіе! И вѣдь налеталъ нѣсколько разъ на непріятности съ этимъ домомъ и все нипочемъ ему!

— На какія непріятности?

— Крадутъ вѣдь деньги-то, собранныя. Про одного, кто завѣдывалъ ими, и говорили ему и писали — нѣтъ, не вѣрилъ! А потомъ какъ хватились, анъ 14 000 тысячъ и нѣтъ, растрачены. Этого-то самого завѣдывавшаго выгнать надо было, а онъ его къ награжденію представилъ!

— Что-жъ это онъ, по добротѣ, что ли?

Кузнецовъ махнулъ рукой.

— Мазурку тотъ танцовалъ очень ужъ хорошо! Угодникъ большой былъ всѣмъ, вотъ и сошло съ рукъ. Ихъ вѣдь тамъ шайка!.. А въ Уфѣ, въ городѣ-то, что съ нами дѣлаютъ: видѣли, вѣдь, вы его — немощеный почти, грязный. Въ одинъ прекрасный день пріѣзжаетъ ко мнѣ полицiймейстеръ. — Я, говоритъ, къ вамъ, Алексѣй Васильевичъ, по дѣлу.

— Чѣмъ могу служить?

— Вотъ, видите ли, грязна очень Губернаторская улица: его превосходительству хочется асфальтовый переходъ съ нея на Пушкинскую сдѣлать.

— Да я-то здѣсь при чемъ? Мой домъ не на Пушкинской и не на Губернаторской стоитъ!

— Это все вѣрно, но его превосходительству очень хочется переходъ сдѣлать: тамъ все домишки бѣдные, такъ вотъ ужъ я къ вамъ: на васъ пятерыхъ (купцовъ, тоже имѣвшихъ дома совсѣмъ на другихъ улицахъ) раскладочку сдѣлалъ!

Разсердился, было, я, да смекнулъ — вижу дѣло въ пустякѣ обойдется, не стоитъ изъ-за того съ полиціей ссориться — и согласился. Все-то поразсказать, что у насъ творится — книгу до потолка напишешь!

Убитаго Богдановича очень хвалилъ, хотя въ тоже время крѣпко бранилъ черносотенцевъ.

Около полудня пріѣхалъ къ себѣ въ Богоявленскъ, а въ 6 час. вечера былъ уже на сходѣ.

Галдежъ былъ невѣроятный. Часть мужиковъ хотѣла пустить подъ паръ 400 десятинъ находящейся близъ села земли, другая хотѣла пахать ихъ подъ яровое, а подъ паръ пустить дальнія земли, въ 10 верстахъ отсюда. За первое стояли мужики посостоятельнѣй, въ интересахъ скотины, за второе — тѣ, что побѣднѣй въ интересахъ собственныхъ животовъ. Произвели голосованіе — побѣдили послѣдніе. Такъ и велѣлъ составить приговоръ, несмотря на заявленіе старосты, что надо созвать еще сходъ, такъ какъ на этотъ многіе, дескать, изъ противной старины не явились.

— А они, спрашиваю, знали, что сегодня сходъ?

— Знали.

— Ну такъ пусть на себя и пеняютъ! Тѣмъ дѣло и закончилъ!

Апрѣля 18. Весь вечеръ вчера шелъ сильный дождь; темень стояла непроглядная. Думалъ пойти въ церковь къ заутренѣ — я очень люблю эту ночь около церкви — и остался дома. Читалъ дѣла, взятыя мной изъ Уфимскаго Архива.

Съ визитами не былъ нигдѣ и сегодня; отправлюсь завтра. Былъ у меня только мой письмоводитель, да священникъ пріѣзжалъ съ крестомъ. Здѣсь обычай:

на первый день къ интеллигентнымъ людямъ попы ходятъ съ крестомъ, на второй къ тѣмъ, кто по проще, съ иконами.

Батька — скороглазый и подвижной молодой человѣкъ, по первому впечатлѣнію очень не глупый; съ нимъ былъ дьяконъ — зарастающій саломъ румяный дѣтина.

Не люблю я праздниковъ; чувствуешь себя выбитымъ изъ колеи. По селу ревутъ гармоники; народъ весь разрядился по городски — въ пиджаки и картузы, а бабы понадѣвали суконныя кофточки. Даже сегодня являлось ко мнѣ двое субъектовъ съ жалобами и претензіями; одного, подвыпившаго, турнулъ такъ, что исчезъ отъ меня, какъ «пухъ отъ устъ Эола». Пьяныхъ безъ конца; то тутъ, то тамъ крики и скандалы.

Апрѣля 19. Ѣздилъ сегодня съ визитами. Только что вернулся — разыгралась гроза, льетъ ливмя дождь. Вмѣсто улицы передъ окнами — потокъ воды.

Апрѣля 21. Ходилъ сегодня къ Ключамъ. Въ 5 верстахъ отсюда, подъ горой, бьетъ множество соленыхъ ключей; надъ самымъ мощнымъ стоитъ часовенька, открытая со всѣхъ сторонъ: по преданію на томъ мѣстѣ нашли чудотворный образъ Божіей Матери, находящійся нынѣ въ Табынскѣ. Сѣро-водородомъ вокругъ ключей пахнетъ нестерпимо. Мѣстность гористая и живописная — ущелье, по которому бѣжитъ шумная и быстрая Усолка. Неподалеку, на скатѣ горы, близъ дороги виднѣются остатки валовъ и рвовъ, но уже весьма незначительные и запаханные кругомъ. По показаніямъ части мѣстныхъ жителей — на томъ мѣстѣ стоялъ монастырь, уничтоженный въ 17 вѣкѣ башкирами; по словамъ другихъ тамъ находилась стоянка Пугачева.

Апрѣля 22. Осматривалъ заводъ Пашковыхъ. Изготовляютъ на немъ только оконное стекло.

Послѣ осмотра управляющій Бехманъ зазвалъ къ

себѣ; точно чудомъ квартира его стала наполняться гостями — оказалось, что у нихъ, заводскихъ служащихъ, есть у всѣхъ телефоны и всѣмъ дано было знать о сборѣ. Часть ихъ латыши и нѣмцы; было довольно скучно, такъ какъ общаго пока нѣтъ ничего и разговоры клеились плохо, несмотря на энергію и шутки хозяина.

Дѣлъ много; цѣлые дни осаждаютъ крестьяне съ разборомъ ихъ семейно-общественныхъ дрязгъ. Того обидѣли при земельномъ раздѣлѣ, другого притѣсняетъ сосѣдъ съ усадебнымъ мѣстомъ, третій жалуется на сына и т. д. Все, пока что, кончаю миромъ, безъ судебнаго разбирательства. Вообще, вижу, потребность у населенія въ руководителѣ огромная. Волостные суды пользуются у народа прескверной репутаціей и прозвищемъ «водочнаго» суда. Доходитъ до того, что нѣкоторые изъ Табынцевъ не только ни во что не ставятъ судъ и не являются на него, когда ихъ привлекаютъ, но даже гонятъ вонъ должностныхъ лицъ, приходящихъ къ нимъ исполнять приговоръ. Въ заключеніе— протоколъ урядника и еще худшее дѣло. Просматривалъ въ Волостномъ правленіи книгу рѣшеній суда; на многія есть у меня жалобы и словесныя заявленія мужиковъ, что ихъ дѣло «рублевка перетянула». Возможно, что и такъ!

Апрѣля 24. Приходилъ болѣзненнаго вида рабочій Пальговъ за совѣтомъ, что ему дѣлать. Купилъ онъ въ прошломъ году у общества усадебный участокъ и сталъ строиться. Когда выстроилъ избу — сосѣдъ, дядя его, обнесъ всю избу его, какъ клѣтку, городьбой и подалъ на него въ Волостной судъ жалобу, якобы онъ захватилъ его землю. Судъ постановилъ избу снести и Уѣздный Съѣздъ приговоръ суда утвердилъ.

Жаль стало мнѣ парня. Велѣлъ я позвать старика и сталъ совѣтовать помириться. Старикъ — ни за что!

Взялъ ихъ обоихъ и пошелъ осматривать ихъ усадьбы; вижу — старикъ богатѣй, изба у него великолѣпная, убрана внутри такъ, что и купцу впору. Избен-

ка племянника — худенькая, вся стиснута, а за нею навозный оврагъ; такъ что податься ему некуда.

— Покажи, говорю старику — документы; хочу посмотрѣть, сколько ты земли купилъ!

Оказалось — купилъ онъ земли по фронту 11½ саж. и въ глубину 30 саж.

Сталъ я обмѣрять участокъ — по фронту оказалось 20 саж., въ глубину 30 саж.

— Ну, говорю, старикъ, кто же у кого землю захватилъ?

Уперся онъ. Сбѣжалось много народа, бабы, ребята и человѣкъ до 10 мужиковъ, глазѣютъ на насъ. Слышу, начинаются по адресу старика колкія замѣчанія; черезъ нѣсколько минутъ обступили всѣ меня и наперекоръ стали галдѣть, что старикъ извѣстный кровопійца и т. д. Цикнулъ на нихъ, а старику заявилъ, что теперь помирится онъ или нѣтъ, а я такъ дѣло не оставлю и лишнюю землю у него отберу. Выяснилось, что онъ кромѣ земли племянника захватилъ еще и свободную мірскую.

Съ тѣмъ и ушелъ. Черезъ полчаса является старикъ и смиренно заявляетъ, что идетъ на мировую и «добровольно» даетъ племяннику кусокъ земли. Далъ меньше, чѣмъ оттягалъ, но тотъ былъ радъ и этому; послалъ обоихъ совершать договоръ въ волость.

По закону я не имѣлъ права касаться дѣла, утвержденнаго Съѣздомъ, но... лучше нарушить мертвый законъ, чѣмъ дать обидѣть живого человѣка!

Льютъ дожди; это уже нѣсколько до безчувствія!

Апрѣля 25. Какъ водится, между Ключаревымъ и мѣстнымъ преосвященнымъ Наѳанаиломъ существуютъ нелады.

Въ Уфѣ Лобунченко какъ-то вскользь замѣтилъ мнѣ, что внезапный отъѣздъ губернатора на пару дней тогда былъ вызванъ тѣмъ, что въ то воскресенье предстояло освященіе церкви, а Ключареву лучше было избѣжать присутствія при церемоніи, такъ какъ преосвя-

щенный держитъ себя странно и губернатора ставитъ «на третье мѣсто», что весьма неловко и недопустимо.

Весь вечеръ просидѣлъ я сегодня у нашего священника, о. Сергія Малѣева, и выспрашивалъ его о преосвященномъ. О. Сергій женатъ на дочери Табынскаго благочиннаго, Зыскова, въ этомъ іюлѣ справляющемъ 50-тилѣтній юбилей своего священствованія. Онъ и его жена знаютъ, поэтому, про епархіальныя дѣла многое.

Несмотря на произведенный новымъ владыкой разгромъ старой консисторіи, новая грабитъ не меньше прежней. Отличается и владыка. Въ прошломъ году онъ пріѣхалъ въ Табынскъ; въ 9-ую пятницу тамъ ярмарка и громадное стеченіе народа; главные доходы духовенство получаетъ въ эти дни. Владыка пріѣхалъ и заявилъ: доходы этихъ праздничныхъ дней онъ беретъ въ пользу миссіонерства. Попики, народъ запуганный, и не протестовали; только одинъ осмѣлился послѣ отъѣзда владыки вполголоса, со вздохомъ, сказать: «это не владыка, а экспропріаторъ!» Денегъ онъ увезъ много, а по возвращеніи въ Уфу въ епархіальныхъ вѣдомостяхъ опубликовалъ Табынскому духовенству благодарность за «пожертвованіе» на дѣла миссіонерства... 500 руб. Изъ Табынска онъ далъ знать съ нарочнымъ, что въ 6 час. утра выѣзжаетъ въ Богоявленское и на Святой Ключъ. О. Сергій съ 6 час. утра съ народомъ ждалъ его въ церкви; проходитъ 8 час., 9 час. — архіерея все нѣтъ; народъ сталъ расходиться; прождали его до двухъ часовъ дня и только тогда показалась карета сего мужа. Пріѣхалъ, вошелъ въ церковь, и увидавъ, что она почти пуста, вмѣсто привѣтствія, сталъ разносить собравшихся.

— «Къ вамъ пріѣхалъ дорогой гость, а вы не рады ему, даже не встрѣтили, какъ слѣдуетъ», такъ началъ онъ свою рѣчь и закончилъ ее форменными ругательствами, такъ что одинъ изъ рабочихъ, выйдя потомъ изъ церкви, сказалъ о. Сергію: «архіерей-то пьянъ; хватилъ, видно, у праздника!»

Изъ церкви гость прокатилъ на Ключи, оттуда попалъ со всей своей оравой къ о. Сергію обѣдать. Вой-

дя въ комнаты и не поздоровавшись, первымъ дѣломъ спросилъ хозяйку: «уха есть?» Къ счастью, уха была и всѣ разсѣлись за столъ. О. Сергій не зналъ, что дѣлать: его, хозяина, архіерей садиться не пригласилъ. Стоялъ онъ, стоялъ около владыки и минутъ черезъ двадцать рѣшился сѣсть безъ разрѣшенія и пріютился въ сторонкѣ.

Братъ о. Сергія — А. П. Малѣевъ завѣдываетъ Губернскимъ Земскимъ книжнымъ складомъ; человѣкъ онъ умный и распорядительный. Когда 2-я Дума была распущена, Ключаревъ не пустилъ его въ губернію и Малѣевъ жилъ гдѣ-то въ Финляндіи. Исторія его возвращенія любопытна.

У Бухартовскаго имѣется въ Уфѣ собственный домъ; онъ повелъ разговоры о сдачѣ его въ аренду съ однимъ изъ членовъ земской управы. Тотъ отвѣтилъ ему, что домъ пригодился бы подъ книжный складъ, но что открывать его они не будутъ, пока у нихъ нѣтъ Малѣева — безъ него дѣло не пойдетъ.

— Пусть пріѣзжаетъ! — воскликнулъ Генрихъ.

— Дайте ему сейчасъ же телеграмму!

— Ну, нѣтъ-съ! — возразилъ членъ управы: — онъ пріѣдетъ, а губернаторъ велитъ его въ 24 часа выслать!

— Никогда! Права онъ никакого не имѣетъ на это: ни у насъ, ни у жандармовъ никакихъ данныхъ нѣтъ противъ него!

Словомъ, настоялъ безъ спроса губернатора, неоднократно заявлявшаго на всѣ просьбы, что пока онъ губернаторомъ — ноги Малѣева не будетъ въ Уфѣ, чтобы управа послала изгнаннику телеграмму. Малѣевъ явился и... не только благополучно живетъ въ Уфѣ, но и встрѣчается съ губернаторомъ!

Вотъ что значитъ снять домъ у Генриха!

Апрѣля 26. Несмотря на всякія ограниченія, таютъ башкирскія земли! Что ни день — несутъ приговоры этихъ взрослыхъ дѣтей о продажѣ ими земель русскимъ товариществамъ. Условія зачастую таковы: мы,

такіе-то башкиры, продали свою «излишнюю» землю (по закону меньше 15 дес. у башкира оставаться не можетъ) по 27 руб. за десятину. Цѣна эта самая выгодная, такъ какъ земля гористая, неудобная и т. д. А на дѣлѣ — продаются лѣса и отличные луга и пашни; при этомъ сунутъ въ задатокъ руб. 300—500 въ ту минуту, когда башкирамъ необходимо вносить подати и недоимки, а насчетъ остальныхъ включаютъ условіе; если ссуду не достанемъ въ банкѣ, или еще проще — если не достанемъ остальную сумму, то будемъ платить по одному рублю за десятину ежегодно.

16 лѣтъ назадъ — свѣдѣнія имѣю отъ здѣшнихъ лѣсничихъ — казна купила у башкиръ громадные, строевые лѣса по... одному рублю за десятину. Невѣроятно, но истина! Впрочемъ, можетъ и къ лучшему, что купила казна! Башкиры вывели бы его быстро. До чего не цѣнится здѣсь лѣсъ, хотя теперь онъ уже вырубленъ по горамъ на совѣсть и уцѣлѣлъ только совсѣмъ въ глуши, показываетъ слѣдующее: башкиры бревно, толщиною отъ 6 вершковъ въ верхнемъ отрубѣ, продавали скупщикамъ по пяти копѣекъ, а меньшей величины по три копѣйки. Деньги эти брались ими не *за лѣсъ,* а за работу, за срубку; дерево шло даромъ. Здѣшній лѣсничій, разсказывая мнѣ это, добавилъ, что, несмотря на подобную расцѣнку, г.г. скупщики подкупали счетчиковъ-башкиръ и тѣ мошенничали въ ихъ пользу, въ смыслѣ показанія бóльшаго количества тонкихъ бревенъ и меньшаго толстыхъ.

Чтобъ недалеко ходить за подтвержденіемъ такого рода отношенія къ лѣсу въ здѣшнихъ краяхъ, приведу въ примѣръ нашъ, Богоявленскій заводъ. Въ годъ онъ пожираетъ 40 000 кубовъ дровъ. И эта бѣшеная уйма пускаемаго на вѣтеръ лѣса при оцѣнкѣ стоимости производства стекла *въ разсчетъ не принимается,* хотя мѣстная цѣна на *погонную* сажень дровъ здѣсь 1 руб.

Узналъ причину отсутствія фруктовыхъ садовъ въ губерніи: сплошь и рядомъ бываютъ морозы даже въ концѣ мая и въ іюнѣ. Зимы суровыя, до 40°, лѣто же

настолько жаркое, что на поляхъ разводятъ арбузы и дыни.

Апрѣля 27. Радоница. Сейчасъ вернулся съ кладбища; туда прошелъ крестный ходъ и я отправился вмѣстѣ съ нимъ. Толпа шла большая, исключительно изъ женщинъ; мужчинъ было всего человѣка три, не болѣе; у каждой въ рукахъ имѣлись узелочки съ яйцами или кутьею. На кладбищѣ причтъ отслужилъ литію; бабы разсѣялись по могиламъ; кое-гдѣ завели плачи: станетъ, обхватитъ перекладину креста, припадетъ къ ней и начнетъ причитать — нараспѣвъ, (по мѣстному «голосомъ»), монотонно. Вокругъ собираются кучки, слушаютъ, вздыхаютъ; если плачетъ хорошо — многія бабы начинаютъ утирать глаза концами головныхъ платковъ. Послѣдніе почти на всѣхъ — бѣлые или черные; было нѣсколько желтыхъ и только одинъ красный. Яйца и пряники здѣсь раздаютъ дѣтямъ или старымъ «убогимъ»; иные кладутъ ихъ на могилы, но результатъ тотъ же: все забираютъ ребята, въ изобиліи шныряющіе по кладбищу.

Кладбище убогое, какъ и вообще всѣ крестьянскія; могилы почти сравнялись съ землей, осыпались; много крестовъ сгнило и валяется около нихъ. Слышалъ толки: нѣсколько парней забрались на кладбище, посрубили съ десятокъ крестовъ и развели изъ нихъ костеръ, грѣться; видѣлъ и самъ торчавшіе изъ земли остатки этихъ крестовъ.

День теплый, но пасмурный, дуетъ вѣтеръ.

Апрѣля 30. Вчера подъ вечеръ вернулся изъ поѣздки по Кси-Табынской волости. Дорога довольно живописная; верстахъ въ 4-хъ отъ Табынска начинаются лѣса и горы; горизонтъ закрытъ высокимъ хребтомъ. Лѣсъ мѣшанный — главнымъ образомъ, липовый, съ примѣсью березы и дуба. Черемухи изобиліе. Теперь она цвѣтетъ и весь лѣсъ бѣлѣетъ кудрями ея. Ѣхалъ и грустно было — жаль было этихъ мѣстъ и этихъ лѣсовъ: вездѣ курились дымки костровъ, вездѣ

виднѣлись рубахи хохловъ, постукивали топоры; всюду лежали срубленныя, огромныя деревья; то и дѣло среди лѣса, между пней, открывались кое-какъ вспаханныя и уже засѣянныя овсомъ прогалины. Еще годъ-два и на мѣстѣ этого остатка лѣса разстелется голая пашня.

Дѣла было довольно много: требовалось провѣрить приговоры и уладить кое-какія земельныя недоразумѣнія между башкирами и русскими поселенцами. Волостное правленіе находится въ д. Бурлы. Едва раздались по пустынной улицѣ деревни звуки ямщицкихъ колоколовъ — на крыльцо правленія выскочили старшина съ цѣпью на груди, писарь, помощники его, десятскіе и всякій другой людъ.

Волость почти сплошь состоитъ изъ башкирскихъ деревень и старшина въ ней — Сагаретдинъ Валіевъ, тоже башкиръ, — невысокаго роста, плотный, очень пожилой человѣкъ.

Не успѣлъ я снять бурку и сѣсть на кресло въ правленіи, позади меня оказались двѣ улыбающіяся башкирскія физіономіи; владѣльцы ихъ кланялись и тянули мнѣ загорѣлыя руки, что-то лопоча по своему. Писарь — Аристовъ — сказалъ, что это мѣстные муллы узнали о пріѣздѣ начальника и пришли представляться. Пожалъ я имъ руки, сказалъ нѣсколько словъ, которыя тѣ поняли не больше, какъ на половину, и муллы ушли весьма довольные.

Башкиры народъ весьма тщеславный и почетъ имъ дороже всего. Въ русскихъ волостяхъ въ старосты и старшины тащутъ чуть не силой, вѣчно они умоляютъ «ослобонить» отъ должности; башкиры наоборотъ. Выборы должностныхъ лицъ у нихъ — это своего рода выборы американскаго президента — тутъ и интриги, тутъ и подкупы. Даже должность и знакъ десятскаго — мѣдная бляха — цѣнятся у нихъ весьма высоко. Характерна была жалоба одного башкира на другого: «какъ она смѣетъ ругать на меня? У меня братъ — десятникъ!!» И не то, что должности эти связаны съ какими нибудь доходами — еще писарю, конечно, пе-

репадаетъ порядочно —а прочимъ, вродѣ десятскихъ, если и случается, то и чрезвычайно рѣдко и чрезвычайно мало; главная приманка — почетъ. Даже десятскій — почетный гость вездѣ; къ кому ни придетъ — вездѣ его поятъ чаемъ. Чай у нихъ занимаетъ весьма видное мѣсто въ жизни и завариваютъ они его какъ настоящіе дикари, горстями. Если во время чаепитія является новый гость — въ чайникъ сыплется новая горсть, такъ что чайникъ у нихъ всегда биткомъ набитъ чаемъ; настой дуютъ крѣпчайшій, почти черный. Русскіе фарфоровые заводы приспособились къ ихъ вкусамъ и изготовляютъ теперь пестрыя, восточнаго типа чашки, значительно меньше нашихъ по размѣру и, конечно, аляповатыя. Въ первое время я думалъ, что онѣ Стамбульскія, до того походятъ онѣ на видѣнныя мною въ Крыму и на Кавказскомъ берегу. Дикари башкиры и въ отношеніи ѣды; только теперь начали появляться у нихъ русскія деревянныя ложки, и свою обычную пищу — лапшу — они перестаютъ «пить» изъ огромныхъ общихъ чашекъ, а начинаютъ «хлебать» по русски. Сколько бы башкиръ ни купилъ мяса — все сразу валитъ въ котелъ и все пожирается при помощи сосѣдей. При этомъ, захвативъ мяса изъ котла грязной рукой, суютъ его въ ротъ одинъ другому въ знакъ уваженія и пріязни. Ходятъ они, въ большинствѣ случаевъ, оборванцами, но если принарядятся — костюмъ у нихъ красивый: лапти, бѣлыя онучи, красные штаны, желтая или синяя рубаха, поверхъ нея черная, очень короткая безрукавка, и красная или зеленая тюбетейка на коротко остриженой головѣ. Физіономіи у всѣхъ — пугачевскія. Особенно дикими кажутся онѣ на сходахъ, когда разгораются страсти и начинаются яростные крики и наскоки одинъ на другого. Вотъ гдѣ надо провѣрять латинскую поговорку: человѣкъ человѣку — волкъ! Таковы же и русскіе сходы. Великое зло это пресловутое общинное владѣніе! Сколько оно вноситъ ненависти, ссоръ, несправедливостей, насилія и т. п. Цѣлыя десятки дѣлъ такого рода приходится разбирать ежедневно и выѣз-

жать и выходить на спорныя земли и участки. Наши кабинетные мыслители совершенно не учитываютъ никогда въ своихъ — замѣчательно хорошихъ на бумагѣ — теоріяхъ одного элемента — человѣческой природы, до сихъ поръ еще, въ сущности, волчьей!!

Башкирскія деревни скучнѣйшія въ мірѣ: часть избъ у нихъ до сихъ поръ слѣпыя, т. е. безъ оконъ на улицу; избы небольшія, всѣ крытыя корою, торчащею въ разныя стороны, дворы маленькіе, грязные, обставленные тѣсно скученными, полураскрытыми строеніями; ни на нихъ, ни на улицахъ ни кустика, ни деревца. Кое гдѣ среди избъ торчатъ, какъ колонки, деревянные минаретики такихъ же мечетей. Ни пѣсни на улицахъ, ни игръ дѣтскихъ; изрѣдка промелькнетъ, словно крадучись, закрывающая лицо башкирка; прозвенятъ ея серебряные подвѣски изъ старинныхъ, истертыхъ монетъ на шеѣ и на концахъ косъ, проѣдетъ башкиръ — и только.

Кладбища башкиръ еще унылѣе: ровное поле, едва замѣтныя насыпи и въ нихъ воткнуты колья; кое гдѣ на могилахъ сложены, на подобіе срубовъ, по нѣсколько рядовъ полусгнившихъ стволовъ деревьевъ. Оградъ не полагается.

Пашутъ башкиры плохо; гдѣ ни проѣзжалъ я, — а исколесилъ я за эти дни около полутораста верстъ— вездѣ поля усѣяны, какъ головами, комами земли. Зато водку пьютъ очень хорошо. Лѣнивы, какъ настоящіе номады.

Вечеромъ явился ко мнѣ старшій мулла — ахунъ — моего участка, еще сравнительно молодой, хорошо говорящій по русски, черноглазый человѣкъ, съ просьбою. *Шесть лѣтъ* тому назадъ онъ съ большимъ трудомъ едва выхлопоталъ у общества приговоръ на открытіе въ ихъ деревнѣ русскаго училища для башкирятъ; земскій начальникъ вполнѣ одобрилъ это благое дѣло и отъ имени общества, съ заключеніемъ земскаго, было отправлено въ Стерлитамакъ инспектору народныхъ училищъ прошеніе о разрѣшеніи открыть училище. Отвѣта не было. Тогда черезъ годъ ахунъ

поѣхалъ въ Стерлитамакъ и тамъ въ канцеляріи инспектора узналъ, что ему и не намѣреваются отвѣчать на ходатайство, и самые документы подшили къ «наряду», т. е. къ числу бумагъ, оконченныхъ производствомъ.

Обѣщалъ возбудить переписку и вызвать новаго бумажнаго Лазаря изъ инспекторскаго гроба!

Мая 3. Понедѣльникъ. День будничный, а на улицахъ гремятъ пѣсни изъ пивной лавки, что наискосокъ отъ меня; доносится топотъ трепака и звуки гармоники: празднуютъ субботнюю получку. Изъ трехъ волостей моихъ самыя богатыя села Табынское и Богоявленское. И вмѣстѣ съ тѣмъ они и самыя задолженныя; разоренныя башкирскія деревушки казенныя сборы и продовольственные долги внесли давнымъ давно, а за этими двумя долги въ тысячахъ рублей.

Май 4. Былъ у управляющаго здѣшнимъ имѣніемъ Пашковыхъ — Вильгельма Петровича Бехмана, вѣрнѣе въ трехъ этажномъ амбарѣ, которому позавидовалъ-бы самъ Плюшкинъ. Бехманъ какъ то сказалъ мнѣ, что въ амбарѣ у нихъ валяются, вмѣстѣ съ другимъ старьемъ, старинныя книги и бумаги и я рѣшилъ забраться туда и осмотрѣть ихъ. Старые пузырьки, бутылки, ломанныя сѣдла, желѣзо, посуда, мебель, и т. п. заполняютъ громадное зданіе. На чердакѣ его, у слухового окна, нашелъ стоячую полку съ книгами въ кожанныхъ переплетахъ; полъ вокругъ нихъ по крайней мѣрѣ на четверть аршина весь устланъ разными конторскими книгами и бумагами. Долго рылся въ этой пыли и грязищѣ, но къ сожалѣнію, всѣ эти бумаги чисто дѣлового, заводскаго характера; изъ книгъ самою старою оказалась ариѳметика 1760 г. Другія — тоже разные учебники Екатерининскихъ временъ. Тѣмъ не менѣе кое что выбралъ для своей библіотеки.

Главный, настоящій архивъ Пашковыхъ въ Воскресенскомъ заводѣ, находится въ 90 верстахъ отсюда.

Я слышалъ отъ доктора, что владѣлица его выра-

жала желаніе пригласить кого нибудь для разбора его, и предложилъ безвозмездно свои услуги для этой цѣли. Къ сожалѣнію, Пашкова пріѣдетъ сюда только въ іюнѣ и тогда переговорю еще лично съ ней.

Май 5. Подъ рядъ нѣсколько ночей караулилъ комету Галлея, но эта особа не показывается. Сегодня всталъ въ 3 ч. ночи и опять таки видно ея не было. По разсказамъ туземцевъ, первая комета зимой этого года видна была здѣсь изумительно хорошо; занимала она почти 1/4 неба хвостомъ и, что странно, двигалась съ замѣтною для глаза, необычайною быстротою: видно было, какъ она «уходила» по небу; появлялась она между 6 и 7 ч. вечера и сіяла около часа; затѣмъ скрывалась за горизонтомъ и только хвостъ ея долго еще свѣтился, пока не втягивался за головою.

Работаю; по праздникамъ совершаю пѣшкомъ прогулки въ горы. По вечерамъ читаю, пишу; на дняхъ въ «Вѣстникѣ Уфы» напечатанъ мой небольшой фельетонъ — описаніе поѣздки по Бѣлой — за подписью Агасѳеръ. Въ «Уфимскій Край» тоже послалъ довольно любопытныя выписки изъ архивнаго дѣла 1797 года.

Въ винтъ здѣсь отказался играть совершенно: заявилъ, что туза не умѣю отличить отъ двойки. Иначе ничего не сдѣлаешь и не увидишь въ провинціи.

Мая 7. Сейчасъ вернулся отъ «Ключей»: утромъ съ Пашковскаго завода дали знать мнѣ, что неподалеку отъ Ключей найдены подъ землей какіе то своды и ходы; контора прислала за мною лошадь. Поскакалъ туда. Влѣво отъ дороги, ниже мѣста, на которомъ стоялъ когда то монастырь, среди пашни имѣется почти совершенно незамѣтный бугорокъ. Ребятишки играли на немъ и нашли отверстіе; раскопали они его и увидали кирпичную стѣнку. Побѣжали и разсказали старшимъ, тѣ явились раскапывать. Когда я пріѣхалъ, бугоръ весь уже былъ усыпанъ обломками кирпичей и трое мужиковъ усердно расчищали вырытую ими глубокую яму. Я спустился къ нимъ; оказа-

лась печь, для обжиганія кирпичей. Сложена она была изъ сырца, такъ что ни одного кирпича цѣлымъ вынуть возможности не было — всѣ они разсыпались какъ песокъ. Въ печи, вѣрнѣе въ остаткахъ ея, нашли три ряда кирпичей, положенныхъ для обжиганія. Семидесятилѣтній старикъ, отецъ одного изъ копавшихъ, говорилъ, что на «его памяти» никакихъ заводовъ въ томъ мѣстѣ не было и не слыхано. Надо думать, что этотъ заводикъ работалъ тамъ въ монастырскія времена и былъ разрушенъ башкирами въ одно время съ монастыремъ.

Пока мы возились въ ямѣ, подъѣхалъ приставъ съ урядникомъ, заводской подрядчикъ съ помощникомъ и еще кто то. Отъ печи до предполагаемаго мѣстонахожденія монастыря около полуверсты; отправились изслѣдовать его, благо у копавшихъ былъ съ собой длинный щупъ, лопаты и ломъ. Въ одномъ мѣстѣ, около родника, нашли въ землѣ немного битаго кирпича и кусокъ стекла — и только. Раскопать, какъ слѣдуетъ, было нельзя — все поле покрыто зеленями.

Неподалеко отъ монастыря идетъ въ горы дорога и до сихъ поръ именуемая Ногайской. По ней ходили всегда орды башкиръ, побывалъ на ней и очень еще памятный здѣсь Пугачевъ. Преданіе говоритъ, что въ 1676 г., передъ разрушеніемъ монастыря, монахи успѣли зарыть всѣ монастырскія сокровища въ землю и накрыли ихъ сверху колоколомъ; кладъ лежитъ, будто бы, гдѣ то въ 400-хъ локтяхъ отъ угла стѣны. А гдѣ проходили эти стѣны — неизвѣстно совершенно: всѣ остатки кирпичей были растащены впослѣдствіи богоявленцами, что называется, начисто!

Мая 12. Ѣздилъ въ Табынскъ — въ самое богатое и самое пьяное село моего участка. Безъ водки тамъ ничего не дѣлается, а за водку сходъ творитъ все, что угодно! Самоуправствъ тоже безъ конца. Около двадцати человѣкъ явились на дняхъ къ старостѣ, насильно вытащили его изъ избы и повели «присутствовать» при отводѣ новыхъ усадебныхъ участковъ, ко-

торыхъ никто еще не далъ имъ. Староста «присутствовалъ», но сейчасъ же далъ знать старшинѣ. Тотъ прискакалъ на другой день; оказалось, что двое субъектовъ уже навозили лѣсъ и начали постройки: на запрещеніе старшины строиться, что называется, и ухомъ не повели.

По пріѣздѣ тотчасъ же навелъ порядокъ, плотниковъ прогналъ и «межевку» отмѣнилъ. Было у меня и другое дѣло въ этомъ знаменитомъ Табынскѣ: сходъ у нихъ постановилъ приговоръ — исхлопотать разсрочку платежа недоимокъ на три года. Потребовалъ къ себѣ сельскаго эконома съ его книгами. Оказалось, что однѣ оброчныя статьи, принадлежащія Табынску, съ избыткомъ покрываютъ все.

Не знаю, сколько пропиваютъ Табынцы, но запрошенный сидѣлецъ винной лавки отвѣтилъ, что Богоявленцы, въ среднемъ, пропиваютъ въ годъ по сту рублей на дворъ. Живутъ они, правда, богато: во многихъ домахъ на окнахъ занавѣски, цвѣты, не рѣдкость и граммофоны.

Окончивъ дѣла, отправился съ визитомъ къ мѣстному благочинному, протоіерею Зыскову. Почтенный старикъ — въ этомъ году онъ празднуетъ пятидесятилѣтній юбилей своего священнослуженія — принялъ меня чрезвычайно любезно; сейчасъ же появились закуски, бутылки съ винами и водками и чай. Старушка жена его очень интересуется стариной и знаетъ кое какія мѣстныя преданія; поѣду какъ нибудь спеціально къ ней слушать и записывать ихъ.

Древній Табынскъ, оказывается, стоялъ верстахъ въ четырехъ отъ нынѣшняго у, такъ называемой — Воскресенской горы; тамъ и понынѣ, говорятъ, видны валы укрѣпленія; въ горѣ есть пещера, очень глубокая и неизслѣдованная; причина — невозможность проникнуть въ нее — гаснутъ свѣчи.

Разспрашивалъ нѣсколькихъ Табынскихъ стариковъ объ укрѣпленіи подъ горой, но никто ничего не помнитъ и не знаетъ. «Церковь тамъ, сказываютъ, когда то была и крѣпость. Казаки, будто бы, жили.

На нихъ Пугачъ съ войсками приходилъ, сраженіе тамъ было. Ребятенками когда мы были — ядра чугунныя находили тамъ. Много ихъ было, мы въ шары играли въ нихъ на улицѣ» — вотъ и все, что удалось узнать пока. «Шары» всѣ распропали давно и только одинъ семидесяти двухъ лѣтній старикъ принесъ мнѣ большое, почти полу-пудовое чугунное ядро, выпаханное еще отцомъ его около древнихъ валовъ. Но это ядро рѣдкое; большая часть ихъ, по его показанію, не превосходила размѣра небольшого яблока.

Такіе же, мелкія ядра, находились лѣтъ 40—50 тому назадъ и у насъ въ Богоявленскомъ и тоже распропали безслѣдно. Тѣмъ не менѣе старшина принесъ мнѣ пару. Отецъ благочинный обѣщалъ прислать мнѣ кое какія старинныя мѣдныя деньги, находящіяся въ церкви, и пушку, лежащую у нихъ съ незапамятныхъ временъ.

Любопытно показаніе Табынскихъ стариковъ: Бѣлая, на крутомъ берегу которой расположено нынѣшнее Табынское, течетъ теперь по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ на ихъ памяти находились улицы; постройки и улицы были даже на другомъ берегу рѣки, тамъ гдѣ теперь низина, песокъ и лознякъ. За какіе нибудь полвѣка рѣка отодвинулась и срыла громадную по высотѣ стѣну берега приблизительно на четверть версты въ толщину. Стоялъ я на обрывѣ надъ рѣкой и то и дѣло, то слѣва, то справа слышался шумъ и плескъ воды: обрушивался огромными кусками берегъ.

Мая 17. Объѣзжалъ Кармышевскую волость, почти сплошь населенную татарами. Мѣста чрезвычайно живописныя — кругомъ горы, много рѣкъ. Днемъ судилъ и разбиралъ споры на сходахъ, вечера посвящалъ собиранію всяческихъ свѣдѣній о здѣшнихъ мѣстахъ; узналъ кое что цѣнное, но записывать сюда не буду — уже написалъ и послалъ въ «Уфимскій Край» цѣлыхъ три статьи о томъ.

Удивительно темный народъ здѣшніе муллы! Въ Янгискаинѣ старшина сказалъ мнѣ, что при одной

изъ мечетей — ихъ тамъ три — имѣется чрезвычайно умный и образованный мулла; отправился я вечеромъ къ старшинѣ пить традиціонный чай и посмотрѣть на старинныя монеты, имѣющіеся у него; только что татарка, прикрывая лицо желтымъ платкомъ, поставила намъ на столъ подносъ съ чашками — отворилась дверь и вошелъ невысокій человѣкъ въ хорошемъ халатѣ и съ бѣлымъ тюрбаномъ на головѣ.

«Здравія желаемъ ваше высокоблагородіе!» отчеканилъ сей «ученый» мужъ, приложивъ ладонь съ растопыренными пальцами къ виску. «Имѣю честь явиться къ вашему высокоблагородію!»

Оказалось, этотъ мулла былъ солдатомъ и вернулся унтеръ-офицеромъ — чинъ большой и важный въ глазахъ татаръ.

Поздоровался я съ нимъ за руку, чѣмъ онъ былъ очень польщенъ и долго бесѣдовалъ съ нимъ, выспрашивая о старинѣ и пещерахъ, довольно часто попадающихся въ здѣшнихъ горахъ. Боже мой, какимъ круглымъ невѣждой оказался «ученый» мулла! Передо мной сидѣлъ смутно помнящій выправку и кое чего нахватавшійся въ городской казармѣ солдатъ и только. Самыя простыя вещи его поражали и туго, съ усиліемъ, вмѣщались въ мозгу его.

И вмѣстѣ съ тѣмъ онъ пользуется большимъ почетомъ и авторитетомъ среди татаръ; мнѣ говорили, что онъ прекрасно знаетъ арабскій и турецкій языки и много читалъ на нихъ. Вотъ и толкуй послѣ такой встрѣчи о цѣнности учености, говоря вообще! И не кажемся ли въ свою очередь и мы такими же дураками китайцамъ и другимъ народностямъ чуждыхъ намъ культуръ?

Мая 22. Вчера участвовалъ въ пикникѣ. Здѣшній управляющій, Бехманъ, сдалъ какую-то доставку грузовъ для завода пароходчику и поставилъ ему условіе: дать въ его распоряженіе на цѣлый день пароходъ и устроить пикникъ съ шампанскимъ. Поѣхали мы въ Та-

бынскъ на пяти тройкахъ; съ нами былъ мѣстный священникъ о. Сергій съ женой.

Въ Табынскѣ наше общество увеличилось еще нѣсколькими членами. День выдался славный, хотя все утро грозилъ дождь и по сине-черному горизонту ходили мѣдные, зловѣщіе отливы. Теперь, вся убранная въ зелень, Бѣлая очень красива! Въ часѣ ѣзды отъ Табынска мы встрѣтили другой пароходъ, везшій намъ ящикъ апельсиновъ и шампанское; встрѣчный подчалилъ къ намъ и наши стали прыгать на него какъ зайцы, прямо съ верхней палубы черезъ пролетъ; за симъ мы двинулись дальше.

Пили и хохотали безъ конца. Нагрузилась публика достаточно, но все было прилично и мило. На обратномъ пути смѣшилъ всѣхъ Перехватовъ—пожилой, невысокій и некрасивый человѣкъ, бывшій директоръ Пашковскаго завода, а теперь помощникъ его. Юмора въ немъ бездна: не заглохни и не одичай онъ въ этомъ Богоявленскѣ — изъ него вышелъ бы второй Варламовъ! А опустился онъ, да и многіе здѣсь, крѣпко! Перехватовъ — бывшій студентъ, а теперь говоритъ «пущай», «нешто» и т. д. Возвращались домой съ пѣніемъ.

Подъ конецъ запѣли «Быстры, какъ волны, дни нашей жизни» и мнѣ стало грустно: многое воскрешаютъ эти пѣсни въ душѣ! Вернулись въ Богоявленскъ къ себѣ около часа ночи. Хорошо было нестись на тройкахъ подъ звѣзднымъ небомъ!

Мая 26. Судилъ сегодня заводскихъ мастеровъ. По винѣ администраціи прорвало «ванну»-печь, гдѣ варится стекло, и оно «ушло». Произошло дѣло ночью; на заводѣ отъ страшной температуры лавы начался пожаръ, но его скоро прекратили; работы остановились, начался ремонтъ. По окончаніи его 19 главныхъ мастеровъ, работающихъ бемское стекло, забастовали и на работы не явились. Заводъ простоялъ, что называется, на полныхъ парахъ, цѣлые три дня, такъ какъ топку и варку стекла прекращать нельзя, иначе застеклится вся ванна; убытка за такого простоя заводъ несъ 700 рублей въ день.

Администрація, чтобы «проучить» мастеровыхъ, подала на нихъ на всѣхъ иски. Мастера, узнавъ объ этомъ, явились ко мнѣ за совѣтомъ: могутъ ли они предъявлять въ свою очередь встрѣчные иски къ заводу? Отвѣтилъ, что, конечно, могутъ, но, разумѣется, если есть у нихъ данныя къ тому.

Сегодня на судъ явилась громадная толпа рабочихъ, часть заводской администраціи и старшій фабричный инспекторъ, прискакавшій изъ Уфы.

Встрѣчные иски они предъявили за всѣ прогульные, по винѣ завода, дни и расцѣнили ихъ не по рублю, какъ значится у нихъ же въ условіяхъ найма, а по 5 и болѣе рублей—по тѣмъ суммамъ, что они «могли бы» заработать.

Разумѣется, всѣ иски администраціи, за исключеніемъ 4-хъ, пришлось удовлетворить и по всѣмъ встрѣчнымъ искамъ отказать. Рабочіе морально были, между тѣмъ, безусловно правы, но юридически правъ былъ заводъ.

Присудивъ заводу 2 иска, я снялъ цѣпь, объявилъ перерывъ и обратился къ рабочимъ съ рѣчью, совѣтуя покончить дѣло миромъ и стать на работы. Большинство, видимо, склонялось на это, но два-три молодыхъ, весьма развязныхъ и столь же безграмотныхъ, мастера все время поджигали другихъ. Видя, что слова мои — гласъ вопіющаго въ пустынѣ, я надѣлъ опять цѣпь и кончилъ судъ.

Мая 27. На заводѣ полная, хотя пока еще мирная забастовка. Дѣло въ томъ, что есть статья закона, въ силу которой всѣ рабочіе считаются свободными отъ договоровъ съ заводами, если на послѣднихъ произошелъ пожаръ и т. п. и если послѣ этого они не работаютъ въ теченіе 7 дней.

Пріѣхалъ главный управляющій Тернеръ, главный, въ сущности, виновникъ всей чепухи, творящейся съ заводомъ.

Іюнь 1. Рабочіе стали на работу на 10 дней, до пріѣзда изъ Петербурга Пунги — директора. Кашу заварили въ его отсутствіи и не безъ участія Перехватова.

Іюнь 2. Вернулся сегодня изъ Бурловъ, гдѣ провелъ 2 дня; разобралъ 82 дѣла о порубкахъ.

Въ ночь на третье разыгралась гроза съ такимъ ливнемъ, что я думалъ, что всѣ окна разлетятся вдребезги. Деревья нагибало, чуть не до самой земли. Лежалъ я на соломѣ, покрытой сверху буркой, на полу въ волостномъ правленіи и любовался грозой: синій свѣтъ вспыхивалъ то и дѣло. Улица мгновенно превратилась въ озеро. Часа за два до дождя я съ писаремъ Аристовымъ вернулся съ р. Бѣлой, изъ д. Курмантаевой, гдѣ, кончивъ дѣла, зашелъ съ нимъ въ гости къ мѣстному ахуну, т. е. татарскому благочинному. Это единственный въ своемъ родѣ мулла: дѣтей воспитываетъ въ русскихъ школахъ и хлопочетъ объ открытіи въ Курмантаевой русскаго училища для башкиръ.

Исторію его дѣла я уже описалъ выше.

Домикъ у него чистенькій; въ углу, какъ у всѣхъ зажиточныхъ татаръ и башкиръ, стеклянный шкафъ — горка съ чайной посудой и всякой дребеденью à la выставка убогенькой галантерейной табачной лавки: здѣсь и мыло въ красивыхъ оберткахъ, и запонки на бумажкѣ, и грошевые кольца на такихъ же бумажкахъ и т. п. дрянь.

Напились у него чаю; потомъ онъ принесъ запрещеннаго плода — коньяку, угостилъ меня и самъ выпилъ. Жена его отъ насъ пряталась; онъ ее вызвалъ, она пришла, подала мнѣ руку, налила чаю и ушла; когд чашки пустѣли — ахунъ звалъ ее, она появлялась, наливала ихъ и опять уходила стоять за дверью. Это по здѣшнимъ мѣстамъ — цивилизація необычайная: съ женщинами не только здороваться, но и заговаривать у татаръ и башкиръ не полагается; если онѣ и входятъ въ комнату по хозяйскимъ дѣламъ, то закрываются платками, а мужчины дѣлаютъ видъ, что не замѣчаютъ ихъ.

Недѣли двѣ тому назадъ ахунъ пріѣзжалъ ко мнѣ въ гости и привезъ трехъ маленькихъ волчатъ, заказанныхъ мною одному башкиру-охотнику. Привезъ его какой-то коренастый татаринъ съ физіономіей въ видѣ блина изъ сапожнаго голенища и насмѣшливо-плутоватыми и черными, какъ угли, глазами. Ахунъ обѣдалъ со мной и пилъ коньякъ; возница его угощался на кухнѣ и я велѣлъ принести ему тайкомъ отъ ахуна водки.

Нагрузился онъ тамъ здорово, такъ что потомъ едва влѣзъ въ телѣжку, и я, проводивъ ихъ, посмѣивался надъ этою парочкой. Оказалось же, что и возница былъ тоже мулла; ахунъ сообщилъ Аристову, что они нарочно условились раздѣлиться такимъ образомъ, такъ какъ имъ неудобно выпивать другъ передъ другомъ при людяхъ и мулла потомъ хвастался ахуну, что онъ выпилъ куда лучше его!

Осматривалъ Воскресенскую гору и пещеры; раскопалъ, кромѣ того, за это время одинъ курганъ у Ключей; въ немъ оказалось древнее погребеніе: въ слоѣ золы и угля отыскались человѣческія кости и кости животныхъ, перемѣшанныя съ черепками глиняной посуды.

Іюнь 6. Троицынъ день. Все нашъ общество ѣздило сегодня на заводскихъ лошадяхъ на пикникъ въ горы, верстъ за 9 отсюда; Тернеръ и докторъ — оба завзятые рыболовы, уѣхали туда раньше, съ утра, и наловили форелей и кутемы; среди стараго раскидистаго березоваго лѣса разложили костры и расположились на коврахъ уничтожать уху и всякую снѣдь и питія. Время провели весело; день былъ чудесный, хотя и душный. Въ половинѣ шестого изъ-за горъ показалась страшная, синяя съ бѣлымъ, туча; загремѣлъ громъ. Дамы попрятались въ двѣ палатки; я со священникомъ и мѣстнымъ пароходчикомъ стряхнули съ огромнаго брезента, замѣнявшаго намъ столъ, посуду и всякія остатки пиршества и накрылись имъ. Хлынулъ ливень, затѣмъ къ нему присоединился крупный,

какъ хорошій горохъ, градъ; пороло насъ по крайней мѣрѣ ¾ часа, затѣмъ дождь утихъ и мы всей компаніей двинулись въ обратный путь. Около соленыхъ ключей хватилъ опять дождь; я сидѣлъ завернувшись въ коверъ и, тѣмъ не менѣе, вымокъ насквозь; дорога превратилась въ какую-то лагуну; забрызгало насъ грязью до того, что на спинахъ у всѣхъ выросли бутры изъ нея; про физіономіи и говорить нечего.

Іюнь 8. Вчера вся здѣшняя аристократія собралась у доктора Юнгмана; вечеромъ мы сидѣли на верандѣ и ужинали; разговоры вертѣлись все время больше около непорядковъ на заводѣ; рабочіе бастуютъ опять; часть, вѣрнѣе огромное большинство, хочетъ работать, но болеѣ энергичная кучка грозитъ имъ поджогами и убійствами, и всѣ боятся. Къ Пунгѣ являлась депутація отъ женъ съ просьбой не останавливать завода, такъ какъ онѣ надѣятся, что мужья ихъ станутъ на работу.

Часовъ около 11 ночи вдругъ на улицѣ хлопнулъ выстрѣлъ и пуля ударила въ желѣзную крышу веранды; дамы всполошились, мы выскочили на улицу, но никого кругомъ видно не было; вдали орали пьяныя пѣсни.

Пьянство идетъ пребезобразное по селу; рабочіе и мастера ходятъ толпами и горланятъ пѣсни; вездѣ видишь одинокія фигуры, приклонившіяся къ заборамъ и занимающіяся «фридрихъ-хераусомъ».

Тернеръ и Пунга дали прибавку въ общемъ 7 000 руб. въ годъ на заводъ, но рабочіе продожаютъ стоять на своемъ; между тѣмъ заводъ еще ни разу за всѣ 16 лѣтъ своего существованія не далъ прибыли, и минусы его выражались въ цифрахъ до 40 000 руб. въ годъ. Правда, виновна во всемъ халатность администраціи, есть слухи, что, кромѣ того, во всѣхъ неудачахъ завода виновны интриги противъ Пунги, но все-таки рабочіе, какъ глупое стадо, лѣзутъ на рожонъ.

Жена здѣшняго пристава Наумова, весьма, кажется долгоязычная особа, была на дняхъ у насъ и сообщила, что у мужа ея на заводѣ имѣется «свой человѣкъ», ко-

торый доноситъ ему обо всемъ. И по этимъ доносамъ подтверждается, что, напримѣръ, стекловары подкладывали кирпичи въ газовые ходы и тѣмъ портили и останавливали работу, а Пунга бился, разыскивая причину и не понимая, въ чемъ дѣло.

Іюнь 12. Заводъ работаетъ. Два дня провелъ въ отсутствіи: ѣздилъ судить въ Бурлы и попалъ на сабантуй, устроенный въ мою честь ахуномъ.

Сабантуй происходилъ въ Курмантаевой.

Народа съѣхалось со всѣхъ деревень безъ конца. Устроенъ былъ на лужайкѣ, на берегу р. Бѣлой, кругъ, какъ въ циркѣ, и тысячи двѣ загорѣлыхъ, черномазыхъ башкиръ обступило его; первые ряды сидѣли кто на корточкахъ, кто скрестивъ ноги. Для меня былъ приготовленъ стулъ. Около арены былъ воткнутъ шестъ съ перекладиной, весь увѣшанный вышитыми полотенцами и платками — призами за борьбу. На двухъ другихъ шестахъ развѣвались такіе же, но болѣе богатые призы за скачки и за бѣгъ.

Борьба башкировъ неинтересна: вся соль ея въ томъ, чтобы отшвырнуть и заставить покатиться по землѣ противника; боролись, закидывая другъ на друга, закрученные въ жгуты, пояса. Боролось много паръ; публика гоготала, хохотала и радовалась.

Затѣмъ привели мнѣ показать лошадей. На каждой сидѣли мальчуганы въ рубахахъ и красныхъ штанахъ; обувь и даже шапки съ нихъ были сняты; головы всѣмъ повязали ситцевыми платками и получалось впечатлѣніе, будто на лошадяхъ сидѣли дѣвченки. Сѣдла и потники отсутствовали. Скачка должна была начаться за десять верстъ, отъ д. Березовки. Пѣшіе бѣгуны ушли къ Бурламъ, за 5 верстъ.

Посмотрѣвъ на борьбу, я пошелъ къ женщинамъ, яркимъ пестрымъ таборомъ расположившимся поодаль; толпа ихъ обступила меня, смѣялась и, забывъ всѣ свои обычаи, не закрывала лицъ и, нисколько не стѣсняясь, прошла со мной до Бѣлой и обратно. Красивыхъ лицъ почти ни одной; были миленькія — и только. Намазан-

ныхъ—и притомъ грубо, полосками и пятнами—множество. Мужчины башкиры къ женщинамъ не подходили. Черезъ нѣкоторое время вся толпа хлынула къ околицѣ — къ ней должны были прибѣжать пѣшіе. Тамъ у дороги виднѣлись шесты съ призами.

Скоро появились и бѣгуны; ихъ привѣтствовали смѣхомъ и гикомъ. Нѣкоторые бѣжали въ однѣхъ рубахахъ, безъ штановъ; всѣ были босикомъ и безъ шапокъ.

Спустя полчаса показались конные. Впереди скакалъ высланный навстрѣчу имъ башкиръ. Мнѣ подвезли пустую телѣгу и, ставъ на ней, я хорошо видѣлъ все поверхъ головъ толпы.

Мальчишки летѣли, взмахивая руками и ногами и нещадно лупя коней, мокрыхъ, будто только вышедшихъ изъ воды. Линія ихъ растянулась почти на версту. Шестой изъ 18-ти прискакала одна лошадь безъ всадника: «малайка» свалился гдѣ-то на дорогѣ и конь все-таки получилъ 6-ой призъ: всѣхъ ихъ было 8.

Башкиры вообще не жалѣютъ коней, а на скачкахъ, — не изъ-за грошеваго приза, конечно, а ради «почета»—гонятъ ихъ безпощадно; случается, что по окончаніи такой десятиверстной бани, лошадь падаетъ у призового шеста. Во сколько времени проскакали мальчишки десятиверстную дистанцію — не знаю, но башкиры говорили, что не болѣе, какъ въ полчаса и даже менѣе.

Погода была скверная; дулъ сильный, холодный вѣтеръ.

Празднество закончилось обѣдомъ для почетныхъ гостей.

Вечеромъ сижу въ волостномъ правленіи въ Бурлахъ и собрался уже ложиться спать — вдругъ появляется Бехманъ и потащилъ меня съ собой. Оказалось, что онъ съ цѣлой компаніей возвращался со свадьбы, на которую приглашали и меня, и остановились отдохнуть рядомъ съ правленіемъ.

Въ небольшой башкирской избѣ, увѣшанной, какъ всегда, расшитыми полотенцами, на широкихъ нарахъ,

покрытыхъ коврами, сидѣла за столомъ компанія изъ 4 человѣкъ. Былъ крупный Табынскій купецъ — И. Кузнецовъ съ женой, нашъ докторъ Юнгманъ и псаломщикъ—всегда дѣланно-пріятно улыбающійся юный человѣкъ, удравшій въ псаломщики отъ солдатчины, скрипачъ, танцоръ и Богоявленскій сердцеѣдъ.

Докторъ сидѣлъ въ окровавленномъ бѣломъ кителѣ, съ перевязанною правой рукой; вся повязка на ней была пропитана кровью; компанія встрѣтила меня радостнымъ ревомъ; на столѣ лежали огурцы, сыръ, пироги и стояла бутылка шампанскаго. На свадьбу они ѣздили за 65 верстъ: это здѣсь называется «рядомъ». Попировали они на славу: гостей было до 40 человѣкъ, шампанское лилось потокомъ; во здравіе молодыхъ перебили рѣшительно все, что поддавалось уничтоженію; докторъ принялся, наконецъ, бить окна и жестоко порѣзалъ себѣ руки.

Быстро, однако, нѣмцами усваиваются русскіе обычаи! Говоритъ докторъ по-русски плохо, а съ выпивкою орудуетъ совсѣмъ какъ нашъ братъ русакъ!

Іюнь 14. Вчера ходилъ на концертъ. Давалъ его нѣкто И. Сауткинъ, ученикъ Додонова. Устраивали его въ школѣ; вынули перегородку между двумя классами и получился залъ. На эстраду взгромоздили длинный рояль, взятый у священника и не то чтобъ ужъ очень настроенный; передъ эстрадой протянули проволоку, справа въ уголкѣ повѣсили ситцевую прозрачную занавѣску — вышла уборная для артистовъ.

Кромѣ Сауткина пѣлъ Табынскій кандидатъ на судебнаго слѣдователя, длинный, съ чубомъ на лбу, Н. П. Оглоблинъ, и игралъ на скрипкѣ псаломщикъ.

Голосъ у Сауткина — довольно заурядный лирическій теноръ, но выраженія въ пѣніи у него нѣтъ ни малѣйшаго. Кандидатъ изобразилъ басомъ «гренадеровъ»; псаломщикъ, не стѣсняясь, прерывалъ свою игру раза три и, галантно улыбаясь, настраивалъ скрипку. Аккомпанировала жена священника; она же была и распорядительницею концерта.

Общество наше все было въ сборѣ; попріѣзжало даже много табынцевъ. Почти всѣ остались весьма довольны концертомъ; и слава тебѣ, значитъ, Господи!

Іюнь 18. Ѣздилъ въ Табынскъ на ярмарку. Народа, вѣрнѣе, простонародья, была гибель, въ особенности чувашей; женскіе наряды ихъ очень пестры и красивы; на большинствѣ ожерелья изъ крѣпко истертыхъ, старинныхъ серебряныхъ монетъ. Ярмарка, какъ всѣ современныя захолустныя ярмарки; навезено на нее всякой дряни и залежи.

Остановился у протоіерея Зыскова; старикъ въ большихъ хлопотахъ; къ нему пріѣхали изъ Уфы ректоръ семинаріи и какая-то миссіонерская персона; вели себя гости очень важно и даже отъ даровой пищи и питья вкушали величественно, хотя и преизрядно. Привезли они съ собою изъ Уфы два тючка разныхъ воззваній и копѣечныхъ брошюрокъ о вредѣ пьянства и т. п. хлама; протодіаконъ, дюжій мужчинище съ волосами какъ у Самсона и въ синемъ подрясникѣ, раздавалъ ихъ съ крыльца народу. — Это знаменовало «миссіонерскую» дѣятельность пріѣзжихъ. Малограмотныя воззванія эти разбирались охотно, главнымъ образомъ, не знающими по-русски чувашами; вся эта литература будетъ съ большимъ удовольствіемъ использована ими потомъ въ видѣ «цыгарокъ».

Внукъ Зыскова — Сергѣй Демьяновичъ Аполлоновъ, котораго пріѣздъ гостей заставилъ среди ночи перебраться изъ своей комнаты на сѣновалъ, сообщилъ мнѣ, что г.г. уфимскіе крокодилы заготовили уже Зыскову счетецъ за разбрасываемую ими макулатуру, цѣна которой максимумъ 10 рублей. Счетецъ круглый: на 200 рублей. Кромѣ того, перепадетъ имъ не мало деньги, зарабатываемой за эти страдные дни, въ буквальномъ смыслѣ слова въ потѣ лица, мѣстнымъ духовенствомъ. Въ церкви народа набито такъ, что не поднять руки; съ трудомъ можно пробраться даже въ ограду — настолько плотнымъ кольцомъ людей охвачена церковь. Духота въ ней — обморочная. И въ

этой духотѣ, при блескѣ свѣчей, поются непрерывные молебны.

Іюнь 19. Пашковскій домъ провѣтривается и готовится къ пріѣзду хозяевъ. Стоитъ онъ на холмѣ, въ паркѣ, и впечатлѣніе производитъ неуютное. Кстати — отъ Пашковскаго ученія не осталось въ Усолкѣ и слѣда; сохранились только разсказы о немъ самомъ и о томъ, какъ его «послѣдователи» крѣпко обирали его. «Еретикъ», по этимъ разсказамъ, рисуется очень добрымъ и хорошимъ человѣкомъ, искренно преданнымъ своей задачѣ: онъ устраивалъ въ Усолкѣ собранія, раздавалъ во множествѣ свои евангелія, изданныя за границей; эти евангелія, по показаніямъ мѣстнаго священника С. Малѣева, отличались отъ настоящихъ лишь тѣмъ, что тексты были расположены по подбору Пашкова и на поляхъ имѣлись напечатанныя красныя руки, указывавшія на особенно важныя мѣста. Какъ не искалъ я вездѣ этихъ евангелій — не нашелъ ни одного. Ихъ забрали отсюда вмѣстѣ съ самимъ Пашковымъ.

Почти всѣ служащіе у него были и есть англичане и нѣмцы; русскихъ очень мало и сидятъ они на неважныхъ должностяхъ. Относится ли это тоже къ догматамъ Пашковщины, не знаю. Церковь онъ отрицалъ и, несмотря на всю свою щедрость, категорически и разъ навсегда заявилъ, что не дастъ на поддержаніе ея не только ни гроша, но даже и щепки.

Старикъ Зысковъ по секрету сообщилъ мнѣ, что причиной высылки Пашкова за границу былъ онъ; онъ донесъ на него, когда генералъ черезчуръ ужъ пересталъ стѣсняться въ смыслѣ «отвращенія» народа отъ церкви. Результаты этой дѣятельности Пашкова сказываются до сихъ поръ: мужчины Усольцы въ церковь почти не ходятъ, и вообще здѣсь, по словамъ духовенства, такое равнодушіе къ церкви, какъ нигдѣ въ окрестностяхъ.

Стоитъ удивительная погода: вотъ уже два мѣсяца, какъ ни одного почти дня не прошло безъ грозы и

ливня — правда непродолжительныхъ, но разомъ наводнявшихъ дворы и улицы.

Іюня 22. Уже два дня сижу въ номерахъ Журавлева въ Стерлитамакѣ; изъ Богоявленскаго выѣхалъ вмѣстѣ со слѣдователемъ; дорога черезъ лѣсъ на горахъ невѣроятнѣйшая: выдерживали такой штормъ въ своемъ «карандасѣ», что я, наконецъ, вылетѣлъ и всѣ шесть пудовъ своихъ тѣлесъ распростеръ среди грязи въ рытвинѣ; экипажъ нашъ повалился тоже.

Вчера первый разъ присутствовалъ въ Съѣздѣ, на засѣданіи — сессія протянется долго, по 27-е число.

Впечатлѣніе — ниже сѣраго. Входишь въ помѣщеніе суда и сразу охватываетъ тебя затхлый, спертый воздухъ; обстановка убогая; на почти черномъ полу, некрашенномъ лѣтъ эдакъ тридцать, стоятъ рядъ пѣгихъ скамеекъ; подъ портретомъ государя вытянулся длинный столъ, покрытый какою-то мантіей короля Бобеша, изъ прогорѣлой провинціальной труппы; проплеванные концы съ почернѣлыми кистями лежатъ въ грязи на полу; тряхни нечаянно эту пелену — три дня отъ нея, какъ отъ пожарища, дымъ бы валилъ. На столѣ торчитъ зерцало; изъ трехъ боковъ его два вышиблены, и на судей глядятъ дыры и голыя доски деревяннаго футляра. За столомъ возвышаются спинки продавленныхъ креселъ-инвалидовъ. Стѣны облупленныя, грязныя, съ явными слѣдами клоповъ; закоптѣлые потолки никогда не обметались.

Сидѣлъ я рядомъ съ предсѣдателемъ, нашимъ предводителемъ дворянства, Марковичемъ, докладывавшимъ дѣла, и думалъ: — да полно, не въ Гоголевскомъ ли я Миргородскомъ повѣтовомъ судѣ, куда приходили свиньи съѣдать прошенія ? !

Духота стояла нестерпимая; предводитель монотонно читалъ все нужное и ненужное и въ концѣ концовъ такъ утомилъ всѣмъ мозги, что никто уже не слушалъ дѣлъ. По потнымъ лицамъ сосѣдей видѣлъ, что они думаютъ все, что угодно, кромѣ того, о чемъ слѣдуетъ думать; среди публики, сонно уставившейся

загорѣлыми лицами въ землю, раздался храпъ; полицейскій немедленно протолкался къ мѣсту происшествія и извлекъ оттуда уснувшаго въ простотѣ сердечной башкира.

Въ часъ объявили перерывъ и пошли завтракать къ предводителю; предводительша, видимое дѣло, отецъ и командиръ, дама — крѣпышъ съ энергичными темными глазами. Человѣкъ она не глупый и бывалый. Оба они были очень милы и просты и оба крѣпко ругали свой Стерлитамакъ.

Очень противное впечатлѣніе произвелъ на меня одинъ изъ коллегъ моихъ—здѣшній городской судья, полячекъ. Все время онъ распинался, неизвѣстно зачѣмъ и почему, передъ Марковичемъ, разсказывая ему, какой онъ порядочный человѣкъ и какъ онъ вѣрноподданно смотритъ на обязанности чиновника. И все время черезчуръ благоразумную рѣчь свою пересыпалъ сладкимъ горошкомъ — «ваше превосходительство», «ваше превосходительство!»

Другой коллега — князь Шаховской. Это уже пожилой человѣкъ удивительно простонароднаго типа; поопустился онъ крѣпко, говоритъ «ташшить» и т. д. Ходитъ въ поддевкѣ и по части выпивки — номеръ первый. По общимъ отзывамъ, отличный человѣкъ и товарищъ.

Познакомился я съ нимъ въ первый же вечеръ по пріѣздѣ, въ клубѣ, куда мы пошли отъ скуки со слѣдователемъ. Попали на праздникъ: садъ клуба, величиною въ курятникъ, былъ иллюминованъ 19-ю фонариками; въ собачьей будкѣ, утвержденной на столбахъ, играла музыка — пять писарей мѣстнаго воинскаго начальника. Одинъ отжаривалъ на балалайкѣ, другіе на гармоникахъ и на гитарѣ. Оркестръ этотъ сидѣлъ вокругъ столика, на которомъ горѣла закоптѣлая, маленькая жестяная лампа.

За созерцаніе девятнадцати фонариковъ и пяти писарей съ насъ взяли по 30 копѣекъ. Походили мы по саду, затѣмъ обошли клубъ — деревянное двухъэтажное зданіе, поглядѣли на публику...

Часовъ въ 11 начался фейерверкъ: сгорѣло на пятачекъ бенгальскаго огня, покрутились два колеса и взлетѣло нѣсколько шутихъ и ракетъ; фейерверкъ былъ хорошій, на семь цѣлковыхъ, какъ сказалъ намъ распорядитель; всего сбора съ гулянья было 30 руб.

Зашелъ потомъ въ танцевальный залъ, интересно было взглянуть, какъ танцуютъ; лихо танцовали. Кавалеры всѣ изгибались, какъ кренделя, и такъ садили каблуками, что становилось страшно за ноги дамъ; угоди эдакій Петипа по туфелькѣ — ничего, кромѣ пятки, у барышни не осталось бы!

Іюнь 25. Уфъ! еще завтра — и сессіи конецъ! Стоитъ нестерпимая жара и духотища и нашъ предводитель отъ предсѣдательствованія уже сбѣжалъ; его смѣнилъ уѣздный членъ Окружного Суда — Влад. Дм. Лебедевъ — крѣпышъ, брюнетъ, съ волосами ершомъ и короткой, неповорачивающейся шеей; голова его слегка пригнута къ правому плечу. На видъ онъ характера несообщительнаго, на дѣлѣ же оказался милѣйшимъ человѣкомъ, безъ всякихъ претензій и прекраснымъ работникомъ. Съ нимъ у насъ въ съѣздѣ дѣла пошли скорѣе: докладывать стали мы всѣ по очереди. Лебедевъ съѣздъ нашъ принялъ въ очень запущенномъ видѣ и потому жаримъ ежедневно по 50 дѣлъ: порція черезчуръ солидная! Кончаемъ, правда, къ 6 часамъ, но уже часамъ къ 4, благодаря жарѣ и заупокойному чтенію докладчиковъ, начинаешь приходить въ обалдѣніе и теряешь всякую способность улавливать что-либо, кромѣ отдѣльныхъ унылыхъ фразъ; зато, когда оставались подъ конецъ лишь дѣла, стороны по которымъ не явились, и мы удалялись въ совѣщательную комнату, загаженную сравнительно въ меньшей степени, всѣ нѣсколько оживали. Доклады и рѣшенія шли быстро, пили чай и между дѣломъ разсказывали анекдоты. Удивительно, какъ набитъ анекдотами всякій русскій человѣкъ! Пахло въ нашей совѣщательной нестерпимо: частью отъ анекдотовъ, а еще больше отъ удивительнаго клозета, устроеннаго

такъ же, какъ и въ клубѣ и вездѣ здѣсь, слишкомъ ужъ откровенно: въ чуланѣ устроена невысокая, въ четверть аршина отъ пола приступочка, а за ней во всю ширину чулана оставленъ провалъ, съ весьма благовонною выставкой содержимаго.

Свободное время, — а его оставалось въ общемъ весьма немного — я проводилъ въ компаніи Шаховского и Лебедева. Первый заливаетъ здорово: его тоже, видно, мамка въ дѣтствѣ ушибла; съ самаго съ позаранка отъ него уже круто отдаетъ виномъ; онъ бывшій морякъ, много повидавшій на вѣку, и собесѣдникъ интересный.

Познакомился, кромѣ того, нѣсколько больше, съ Дм. Ив. Андроновымъ, завѣдывающимъ народнымъ образованіемъ. Парень онъ славный и, разумѣется, изъ крайнихъ лѣвыхъ. Ничего: это — какъ прорѣзыванье зубовъ — съ годами проходитъ! Видѣлся съ нимъ нѣсколько разъ и, кажется, понравились другъ другу. Въ Стерлитамакѣ онъ, конечно, «поневолѣ»; мыкался на своемъ вѣку и потерпѣлъ достаточно. Здѣсь началъ «заливать» и когда въ подпитіи — сейчасъ въ немъ просыпается бѣсъ обличенія и онъ начинаетъ громить всѣхъ и вся, гдѣ попало.

— Да вѣдь тоска, поймите, дѣваться некуда, дѣлать нечего! — взывалъ онъ за бутылкой пива у меня въ номерѣ: — злость беретъ на здѣшній народъ! Вѣдь по норамъ всѣ сидятъ, другъ отъ друга прячутся; общественной жизни никакой! Ну, и учинишь скандалъ!

Послѣдній дебошъ его былъ слѣдующій; пропустилъ Дмитрій Ивановичъ основательную порцію хмельного и въ 11 час. вечера, идя по соннымъ улицамъ, принялся громыхать кулаками по дверямъ и оратъ во все горло: —«да, проснитесь, проснитесь вы, черти эдакіе! Жить надо, жить! Вставайте!»

Это, что называется — вопль души!

Іюль 2. Жара стоитъ жестокая, до 40°.

29 іюня справляли въ Табынскомъ юбилей протоіерея Зыскова: народа было много; я отъ лица нашей

«свѣтской» части общества поднесъ ему дорогіе французскіе часы. Старикъ плакалъ. За это время познакомился съ А. Пашковой, владѣлицею Богоявленскаго; пріѣхала на пару дней съ двумя своими сыновьями, воспитывающимися въ Кембриджѣ, и теперь укатила за 90 верстъ, въ Воскресенское. Небольшая, худенькая, въ очкахъ и папироской во рту, фигурка эта — владѣлица одного изъ крупнѣйшихъ состояній въ Россіи. Видѣлъ ее дважды — у Бехмана и потомъ, вечеромъ, у Юнгмана; была очень любезна, разрѣшила мнѣ воспользоваться большимъ архивомъ, имѣющимся у нихъ въ Воскресенскомъ, звала пріѣхать. Разборкой архива займусь съ восторгомъ, хотя главная часть бумагъ находится у нихъ въ другомъ имѣніи, Ветошкинѣ, въ Нижегородской губ. Она изъ семьи Муравьевыхъ (Карскихъ) и у ея тетки хранится богатѣйшее собраніе писемъ и даже дневниковъ декабристовъ, еще не видѣвшихъ свѣта; имѣется, кромѣ того, подробнѣйшій дневникъ Карскаго, ведшаго аккуратно, изо дня въ день, записки. Его давно уже началъ было печатать Бартеневъ въ «Архивѣ», но вскорѣ пересталъ; слишкомъ много мѣстъ приходилось выбрасывать.

Іюль 3. Вечеръ вчера провелъ у Германа Андреевича Пунги, директора здѣшняго завода. Это очень пріятный, румяный здоровякъ, лѣтъ тридцати двухъ. Странно играетъ жизнь людьми! Пунга (онъ латышъ) былъ ярый соціалъ-демократъ и при томъ партійный; сидѣлъ полтора года въ Варшавской крѣпости, былъ сосланъ, бѣжалъ за границу, гдѣ и прожилъ нѣсколько лѣтъ и только въ 1905 г., во дни свободъ, вернулся въ Россію.

Теперь — онъ директоръ завода Пашковой (она близкая родственница В. Черткова), поневолѣ ведетъ экономическую борьбу съ рабочими и хотя заступается въ спорахъ за эсъ-дековъ, но уже сильно спавъ съ тона. Жена его, Елена Христофоровна, страшно тоскуетъ здѣсь и рвется куда-нибудь въ городъ; дѣйствительно, женщинѣ здѣсь только одно дѣ-

ло — хозяйство. По образованію она фельдшерица, но поступила потомъ на Бестужевскіе курсы и затѣмъ случайно была приглашена Чертковыми ѣхать къ нимъ въ Англію. Хорошія условія соблазнили ее и она два года провела въ ихъ семьѣ. Отзывается о нихъ хорошо, но возмущается кое-какими порядками у Чертковыхъ. Напримѣръ: — обѣдаютъ они всѣ вмѣстѣ, т. е. и они, и гости ихъ, и вся прислуга. Но въ то же время на конецъ стола, гдѣ сидитъ прислуга, подается все худшаго качества, а гдѣ они — все лучшее; самъ В. Чертковъ, будучи ярымъ толстовцемъ, встаетъ всегда въ 11—12 час. дня и въ постель ему подаютъ стаканъ какао. Но если пріѣзжалъ какой-либо гость, напримѣръ, П. Милюковъ, и останавливался у нихъ — Чертковъ вскакивалъ въ 5 или въ 6 час. утра и принимался возить тачку и копать землю для того, чтобы это видѣлъ гость. А уѣзжалъ послѣдній — тачка и лопата ставились въ сарай и Чертковъ не прикасался къ нимъ мѣсяцами, до пріѣзда новыхъ «знатныхъ иностранцевъ». Не одобряла она, кромѣ того, рисовку и вѣчную погоню за дешевой популярностью: обычный костюмъ Черткова дома халатъ, а на улицѣ пиджакъ или куртка; шапка отсутствуетъ. Чопорные англичане сначала долго смотрѣли на него какъ на сумасшедшаго.

Всякаго рода эмигрантовъ у Чертковыхъ толклось всегда множество; многихъ онъ выпроводилъ на свой счетъ въ Америку и вообще всячески помогалъ имъ и склонялъ въ свою «Толстовскую» вѣру. Охъ, ужъ эта вѣра!

Іюль 5. Обѣдалъ у Пунги и долго засидѣлся потомъ, слушая его разсказы о Толстомъ и о Чертковѣ.

У Толстого въ Ясной Полянѣ Пунга былъ по дѣламъ три раза; Черткова же знаетъ и близокъ съ нимъ уже пятнадцать лѣтъ.

Въ Англіи Пунга постоянно видѣлся съ Чертковыми; у нихъ же въ домѣ онъ познакомился съ теперешь

нею своей женой.

У Черткова въ Англіи громадный архивъ; какъ-то случайно онъ пригласилъ В. Бончъ-Бруевича работать у него и разобрать сектантскій отдѣлъ; кромѣ того, за особую плату, Бончъ былъ на счетъ Черткова командированъ въ Америку съ духоборами съ тѣмъ, чтобы всѣ матеріалы, собранные имъ тамъ, были предоставлены Черткову.

Бончъ все это выполнилъ, но, оказалось, что архивъ онъ не разобралъ, а просто-напросто перепуталъ и, кромѣ того, тайкомъ забралъ изъ него массу документовъ; въ Америкѣ онъ добылъ «животную книгу» духоборовъ и преспокойно издалъ ее отъ своего имени, умолчавъ о томъ, кто его посылалъ въ Америку за нею. Былъ устроенъ третейскій судъ, въ которомъ участвовалъ и Пунга; фактъ «дѣлежа документовъ» былъ установленъ точно и только послѣ него Бончъ вернулъ Черткову кое-какіе документы, большею частью въ копіяхъ.

Бончъ въ качествѣ присяжнаго «историка» напечаталъ въ «Современномъ Мірѣ» статью, подъ какимъ-то громкимъ названіемъ, что-то вродѣ «человѣческаго жертвоприношенія при Алексѣѣ Михайловичѣ — точно не помню. И когда я прочелъ ее, то увидалъ, что это простое изложеніе цѣлой главы изъ давно уже распроданной книги Реутскаго «Люди Божіи и скопцы»: рѣчь тамъ шла о казни въ Москвѣ первыхъ основателей хлыстовщины.

Приходится пожалѣть, что Чертковъ пустилъ Бонча въ сектантскій архивъ, а въ не Толстовскій, хранящійся у него тамъ же. По крайней мѣрѣ, мы скоро узнали бы содержаніе того, что хранится въ немъ. Его разбиралъ Пунга. Въ архивѣ этомъ находятся, до смерти Черткова, всѣ дневники Толстого, тщательно ведшаго ихъ много лѣтъ. Послѣ смерти Черткова рукописи должны вернуться въ семью послѣдняго и, можно сказать навѣрное, — дневникамъ этимъ угрожаетъ гибель. Пунга говорилъ, что не вѣрилъ глазамъ своимъ, когда читалъ ихъ; семейная жизнь Толстого бы-

ла сплошнымъ адомъ; знаменитая Софья Андреевна, такъ охраняющая въ глазахъ всего міра своего мужа — была причиной извѣстнаго отношенія Толстого къ браку и къ женщинамъ. Многих горькихъ минутъ стоилъ Толстому его отказъ отъ права собственности на произведенія послѣднихъ лѣтъ! Въ настоящее время у Толстого лежатъ написанныя — Хаджи Муратъ и еще много вещей. Все это увидитъ свѣтъ только послѣ смерти Толстого въ изданіи Софьи Андреевны: такъ боится и такъ не хочетъ старикъ столкновеній съ нею. Неделикатна она съ нимъ, кромѣ того, и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, напр., при Пунгѣ, она, не стѣсняясь, заявила однажды во всеуслышаніе, при постороннихъ людяхъ и при мужѣ: «ну, да какъ же, вегетаріанецъ онъ (про Толстого)! Болтовня это одна; супъ то ему всегда изъ курицы или на мясѣ варится!»

Дама эта чрезвычайнаго мнѣнія о себѣ и увѣряетъ всѣхъ, что у нея большой литературный талантъ, и что если бы мужъ не стоялъ на ея дорогѣ, она тоже была бы знаменитостью.

Между прочимъ, Катюша Маслова, оказывается, была дѣйствительностью и существуетъ до сихъ поръ и бываетъ иногда у Толстыхъ. Пунга видѣлъ эту старушку въ Ясной Полянѣ; она бывшая любовница Льва Николаевича, вообще бурно проведшаго, судя по дневникамъ, свою молодость; Неклюдовъ же, изображенный въ «Воскресеньи» — В. Чертковъ.

У Чертковыхъ, въ имѣніи, Г. А. Пунга былъ свидѣтелемъ такого рода сцены. Къ Черткову пріѣхалъ, командированный изъ Петербурга жандармскій полковникъ для провѣрки причинъ высылки Черткова губернаторомъ изъ Тульской губерніи. Въ это же время пожаловалъ Толстой; Пунга представилъ ему этого полковника, Толстой взглянулъ на него и, не принявъ протянутой ему руки, взялъ Пунгу подъ локоть и ушелъ съ нимъ. Сцена была, по словамъ Германа Андреевича, очень непріятная; черезъ нѣсколько минутъ Толстой опомнился и просилъ позвать къ себѣ полковника. Что говорили они наединѣ, Пунга не зна-

етъ, но только Толстой извинился и выразилъ сожалѣніе о случившемся.

Кстати добавить — полковникъ далъ послѣ этого такой отзывъ о вредоносности Черткова, что разрѣшенія ему на въѣздъ въ Тульскую губернію не послѣдовало. Пунга въ этой высылкѣ, также и въ высылкѣ секретаря Толстого — Гусева, очень винитъ сына Толстого, Андрея.

Іюля 6. Получилъ новый законъ отъ 14 іюня 1910 г. съ губернаторскимъ циркуляромъ о поспѣшнѣйшемъ проведеніи его въ жизнь. Этимъ закономъ окончательно добили общину; не знаю, къ добру ли такая поспѣшность въ столь большомъ дѣлѣ, какъ ломка вѣкового строя! Разъяснялъ я его сегодня выборнымъ крестьянамъ отъ нашего села и очень онъ не понутру пришелся всѣмъ — и молодымъ, и старымъ, этимъ двумъ извѣчно враждебнымъ началамъ въ деревнѣ. Столыпинъ гонитъ свою идею по всѣмъ по тремъ; спора нѣтъ, идея его правильная, но нельзя же насильно благодѣтельствовать ею людей! Намъ, земскимъ начальникамъ, данъ только недѣльный срокъ на доставку свѣдѣній, сколько намъ потребуется бланковъ (а ихъ 9 формъ) по всѣмъ волостямъ, для насильственнаго и добровольнаго укрѣпленія крестьянъ. Можно подумать, что въ Петербургѣ ждутъ землетрясенія и спѣшатъ до него использовать Государственную типографію! Мой участокъ имѣетъ площадь въ 80 верстъ въ длину и почти столько же въ ширину; есть ли фактическая возможность произвести въ такой срокъ поголовные опросы всѣхъ 50 селеній и дать вѣрные отвѣты?! Вынужденъ былъ экстренно вызвать всѣхъ своихъ писарей и совмѣстно съ ними составилъ приблизительную смѣту; между тѣмъ въ циркулярѣ значится, что никакихъ «добавочныхъ требованій» приниматься не будетъ и что весь заказъ исполняется Государственной типографіей.

И такъ вообще составляется у насъ вся статистика; буквально нѣтъ почтоваго дня, чтобы не приходило

какое нибудь предписаніе волостнымъ писарямъ о «немедленной» (лучше всего это вѣчное немедленно!) доставкѣ свѣдѣній то о количествѣ сельскохозяйственныхъ машинъ въ волости (селеніямъ по двадцати!), то о количествѣ посѣвовъ, то о всходахъ травъ и т. д. безъ конца. Писаря сознавались мнѣ, что все пишется ими «на глазъ;» близко ознакомясь съ дѣломъ, вижу, что иной, при настоящихъ условіяхъ, эта писарская статистика и быть не можетъ. Волостной писарь — это та самая кляча, которая, въ сущности говоря, везетъ всю Россію и которую хлещетъ рѣшительно всякій, кому ни вздумается, отъ прессы до послѣдняго чинуша. Нѣтъ министерства, начиная съ военнаго, которое не засыпало бы ихъ требованіями; канцелярщина при этомъ разведена убійственная. Надо самому побывать въ волостныхъ правленіяхъ и повидать горы книгъ, нужныхъ только затѣмъ, чтобы радовать глазъ г.г. ревизоровъ и надъ которыми корпятъ писаря и ихъ помощники!

Два года тому назадъ, когда министерство трясло за воротъ земскихъ начальниковъ, требуя отъ нихъ лишь одного — возможно большаго количества укрѣпленій земли, земскіе въ свою очередь заявили своимъ писарямъ, что, если они хотятъ оставаться на службѣ, то чтобы дѣло укрѣпленія у нихъ разгорѣлось, какъ по щучьему велѣнью. Между тѣмъ не то, что громадное большинство крестьянъ, а почти всѣ они къ новому закону относились враждебно; башкиры же и слышать не хотѣли о немъ. Что же оставалось дѣлать? Да то, что дѣлали: подлоги. Въ этомъ признались мнѣ всѣ мои писаря, — Аристовъ, Васильевъ и Наумовъ, въ общемъ очень порядочные люди. И хотя они дѣлали ихъ, какъ и всѣ другіе, подъ давленіемъ и надзоромъ земскихъ начальниковъ, но, въ сущности, вызвалъ ихъ никто иной, какъ самъ всемогущій министръ; не допускаю мысли, чтобы министерство не понимало, что, грозя увольненіемъ за малоуспѣшное укрѣпленіе земель за людьми, не желающими укрѣпляться, оно толкаетъ исполнителей на симуляцію

укрѣпленій. Въ результатѣ теперь получилось слѣдующее: сельскія общества укрѣпляться не желали; сходы не давали отдѣльнымъ членамъ разрѣшеній на это, и укрѣпленія производились принудительнымъ путемъ. Писарь подговаривалъ и убѣждалъ подходящихъ людей, большею частью пропойцъ, желавшихъ продать свои надѣлы; затѣмъ, тоже «приблизительно», писались границы укрѣпляемыхъ участковъ, — провѣрять ихъ было невозможно. Земскій начальникъ подписывалъ, Съѣздъ утверждалъ и министерство ласково улыбалось. А теперь съ этими крѣпостными документамъ хоть плачь: все въ нихъ переврано и самъ чортъ не разберетъ при сличеніи съ натурой не только границъ участковъ, но не найдетъ нерѣдко даже и самаго участка въ указанномъ мѣстѣ, а отыскивается онъ гдѣ нибудь верстахъ въ двухъ въ сторонѣ. А между тѣмъ уже онъ проданъ и изъ за него идутъ драки и суды между совсѣмъ ни въ чемъ не виноватыми людьми. Теперь опять Столыпинъ ухватился за свою погремушку и начинаетъ, послѣ годового перерыва, трясти ее.

Іюль 10. Одолѣваетъ канцелярщина; держу письмоводителя и двухъ помощниковъ, съ каждою почтою отправляю горы дѣлъ и бумагъ, а онѣ «все растутъ и растутъ и на витязя съ боемъ идутъ!»

Много времени приходится удѣлять на разговоры съ крестьянами; нѣтъ дня, чтобы не явилось ихъ нѣсколько человѣкъ — кто за совѣтомъ, кто съ жалобой, а кто и съ кляузой. Врутъ почти всѣ и врутъ здорово; при провѣркѣ на мѣстѣ жалобъ то и дѣло оказывается, что онѣ ложны отъ а до зетъ.

Іюль 12. Стоятъ неистовыя жары, по 40 и 41°. На дорогахъ почти на четверть аршина лежитъ слой черной, словно угольной, мельчайшей пыли; ѣдешь какъ сквозь дымъ.

Іюль 15. Двое сутокъ ѣздилъ по Кармышевской волости: судилъ и разъяснялъ на сходахъ новый за-

конъ. Вернулся безъ голоса. Объѣздилъ до десяти деревень и вездѣ, точно по уговору, происходило слѣдующее. Въѣзжаешь въ околицу и видишь — кучки народа уже пестрѣютъ у дома старосты, или у такъ называемой «квартиры». А между тѣмъ началась страда, каждый день дорогъ и — ничего не подѣлаешь, приходится приказывать сотнямъ людей сидѣть на улицахъ и ждать колоколовъ! Всѣ почтительно встаютъ, снимаютъ шапки; староста съ бляхой на груди и десятскіе бросаются къ «карандасу» высаживать начальство; здороваешься со сходомъ, разъясняешь новый законъ, говоришь: «Помните, братцы, теперь вы всѣ собственники, никакихъ передѣловъ уже быть не можетъ. Теперь вамъ надо постановить приговоръ о томъ, что вы желаете укрѣпиться всѣмъ обществомъ: тогда ужъ у васъ никакихъ споровъ о правѣ владѣнія землей и исковъ о наслѣдствѣ быть не можетъ; все будетъ точно записано и всякій сможетъ легко доказать свои права. Желаете сдѣлать такой приговоръ?»

Лица у всѣхъ напряженно внимательныя, потныя: несмотря на тропическій зной, всѣ въ азямахъ и халатахъ — такъ требуютъ туземныя приличія.

— Нѣтъ! отвѣчаютъ: мы какъ жили, такъ и хотимъ жить, по старому!

— Да вѣдь все и останется по старому: никто у васъ ничего не тронетъ и не трогаетъ: документъ только нужно вамъ взять; вамъ же лучше съ нимъ будетъ!

— Нѣтъ, мы по старому: какъ отцы жили, такъ и мы хотимъ жить!

Какіе доводы я ни приводилъ, какъ ни доказывалъ, что документа бояться нечего, что онъ для нихъ важенъ и что все равно онъ необходимъ — отвѣтъ былъ тотъ же. Десятокъ, другой человѣкъ какъ будто убѣждались въ томъ, что, дѣйствительно, хорошо бы имѣть документъ, ясно указывающій права каждаго, но какъ только дѣло подходило къ подписанію приговора — начиналось оскребываніе бритыхъ затылковъ, на обгорѣвшихъ, какъ головешки, физіономіяхъ появ-

лялось недоумѣніе, нерѣшительность и затѣмъ слѣдовалъ отказъ: «нѣтъ, мы ужъ по старому».

Эта сказка о бѣломъ бычкѣ повторялась рѣшительно всюду. Я осипъ; старшина и волостной писарь безпомощно разводили руками; старосты истекали потомъ, когда же я садился въ свою бѣльевую корзину, чтобы ѣхать дальше, всѣ стремительно бросались подсаживать меня, какъ Далай-ламу.

Ночевалъ у мѣстной помѣщицы А. Н. Падуровой; до меня дошли слухи, будто бы у нея хранятся разные документы, относящиеся къ эпохѣ Пугачева, и я сдѣлалъ крюкъ, чтобы посмотрѣть на нихъ. Одинъ изъ Падуровыхъ былъ повѣшенъ за то, что присталъ къ Пугачеву. Александра Николаевна разсказала мнѣ семейное преданіе объ этомъ происшествіи. Падуровы — оренбургскіе козаки и всегда занимали среди козаковъ выдающееся положеніе; одинъ изъ нихъ бывалъ въ Петербургѣ и даже участвовалъ въ качествѣ депутата въ составленіи Наказа; всѣ они придерживались старой вѣры и народъ были суровый и твердыхъ началъ.

Придворная жизнь и развратъ вокругъ Екатерины и ея самой настолько поразили суроваго старовѣра Падурова, что онъ, по возвращеніи изъ Петербурга, слышать не могъ равнодушно о немъ; когда появился Пугачевъ и забродили толки, что онъ Петръ III, козачество выбрало изъ своей среды Падурова, какъ человѣка, лично видавшаго императора въ Петербургѣ, и послало его посмотрѣть на именующаго себя Петромъ III. Падуровъ поѣхалъ, увидѣлъ, что передъ нимъ самозванецъ и всетаки остался при немъ: такъ велика была въ немъ ненависть къ Екатеринѣ II-й.

Никакихъ документовъ въ семьѣ у нихъ не сохранилось.

Іюль 17. Ѣздилъ въ горы за 45 верстъ для осмотра и оцѣнки земель, продаваемыхъ крестьянамъ переселенцамъ башкирами по 15 руб. за десятину. Губерн-

ское присутствіе поручило мнѣ провѣрить эту сдѣлку. По дорогѣ осматривалъ горы, на которыхъ случались находки, Ташъ-Башъ и др. Въ восьми верстахъ отъ моего пути находилась большая пещера въ горѣ Уклогая; побывалъ и вь ней; влѣзалъ на гору по узенькому карнизу надъ крутымъ обрывомъ и, пока карабкался, чуть было не хватилъ меня ударъ — едва отдышался въ прохладной пещерѣ. Подробно не описываю, такъ какъ объ этихъ экскурсіяхъ своихъ пишу всегда особыя статьи.

Ночевалъ на горной лутовинѣ среди лѣсовъ на копнѣ сѣна; ночь стояла чудная, звѣздная; неумолкая, шумѣла быстрая рѣченка; около полуночи показалась луна. Что за красота эти горы! Долго не спалъ и все любовался сказкой, открывавшейся кругомъ; проснулся еще до зари: бурка, которой я былъ покрытъ, и волосы на головѣ у меня были совершенно мокры. А днемъ опять пекло солнце, обдавала пыль и безъ конца неугомонно звенѣли колокола подъ дутой...

Іюль 19. Ѣздилъ вчера въ Табынское, къ И. Кузнецову; это очень радушный купецъ, лѣтъ 35, новаго типа; онъ и жена его чрезвычайно пріятные люди — она дочь мѣстнаго священника. Собралось у нихъ вчера человѣкъ до 30 — всѣ Табынцы и многіе изъ Усольцевъ: провожали хозяевъ, уѣзжающихъ въ Нижній на ярмарку. Время прошло весело: пѣли, дурачились. Было много молодежи; я насчиталъ среди нея шесть курсистокъ — число для такого захолустья громадное! Двѣ изъ нихъ сестры Кузнецова. Назадъ ѣхали впятеромъ въ одномъ экипажѣ; ночь стояла глухая, темная, дорогу находили и различали только лошади. Вдали за Бѣлой то и дѣло вспыхивали зарницы; густились тучи, но дождя все нѣтъ и нѣтъ.

Іюль 20. Сегодня былъ крестный ходъ на Соленые Ключи; служили молебенъ о дождѣ — но его нѣтъ и сегодня: сплоховалъ что то Илья Пророкъ! Зной не-

стерпимый; прекрасные по росту хлѣба погибаютъ; тополя пожелтѣли и стали ронять листву.

Внукъ протоіерея Зыскова привезъ мнѣ чугунную Пугачевскую пушку; ядра, найденныя на заводѣ, какъ разъ подошли къ ней. Хранилась она все время на колокольнѣ въ церкви.

Іюль 25. Второй день стоятъ холода; ночью лилъ дождь, сейчасъ стихъ, но все небо задавлено сѣрыми тучами; реветъ вѣтеръ. Третьяго дня началъ раскопку кургановъ на юго-западѣ отъ нашего села и точно на зло встала непогода. Всѣхъ кургановъ 10; пока раскапываю три.

Холера опять загуляла по всей Россіи; были случаи и у насъ въ Уфимской губерніи. Вчера видѣлъ земскаго Табынскаго врача — небольшого, чрезвычайно усатаго и веселаго человѣка. Хохотали мы съ нимъ до упада: онъ показалъ мнѣ полученную имъ отъ духовнаго слѣдователя бумагу, съ которой я снялъ копію.

Вотъ она:

«На производствѣ у меня находится дѣло по обвиненію одной крестьянской дѣвицы (?!) въ изнасилованіи ея священникомъ...... села...., отъ котораго, по ея словамъ, она родила ребенка мужескаго пола. Согласно Указу Уфимской Духовной Консисторіи за № 15 058 нужно установить сходство младенца со священникомъ, посему и прошу В. командировать для сего свѣдующее лицо, прибытья котораго я буду ожидать въ селѣ...... на казенной квартирѣ.

Слѣдователь священникъ ......

Непочатый край у насъ дураковъ на Руси! Докторъ, разумѣется, не поѣхалъ и никакого «свѣдующаго» по дѣторожденію «лица» не послалъ.

Августъ 2. Объѣзжалъ Кси-Табынскую волость, провѣрялъ на сходахъ приговора. Въ каждой деревнѣ неизбѣжно приходилось пить чай и кумысъ; татары и башкиры, кажется, не могутъ равнодушно видѣть про-

ѣзжаго человѣка, чтобы не сказать ему: айда чай пить. Изъ своей волости заѣхалъ въ чужую, въ Нагадакъ, къ мѣстному священнику; вмѣстѣ съ нимъ и съ тамошнимъ учителемъ ходили осматривать курганы, находящіеся за селомъ, и знаменитый «Креметь» — остатокъ старой березовой рощи, почитающейся у чувашъ священною. Родомъ оба они тоже чуваши и много разсказывали объ обычаяхъ своихъ сородичей. Между прочимъ на второй день Пасхи чуваши обходятъ все село и вдругъ, разомъ, начинаютъ вопить и лупить палками по заборамъ и стѣнамъ избъ; священникъ мнѣ сказалъ, что они «гоняютъ такимъ образомъ чорта. Между тѣмъ мѣстный торговецъ, Н. М. Суздальцевъ— оригинальный старикъ, занимающійся собираніемъ разныхъ коллекцій, вродѣ птичьихъ яицъ и окаменѣлостей и страстный охотникъ, прожившій съ чувашами 12 лѣтъ, заявилъ мнѣ, что это неправда и что чуваши до сихъ поръ христіане только по виду, этимъ крикомъ и гомономъ гоняютъ Христа.

Когда я вернулся отъ Суздальцева къ священнику, тамъ уже былъ посланный отъ какого то мѣстнаго богатаго татарина съ приглашеніемъ заѣхать къ нему чай пить. Заѣхалъ; татаринъ оказался невысокимъ, плотнымъ старикомъ съ круглымъ добродушнымъ лицомъ и узкими, хитрыми и веселыми глазами, сильно начерненными по рѣсницамъ, что въ обычаѣ у татаръ. одѣтъ онъ былъ въ бѣлую съ розовыми крапинками рубаху, черную безрукавку, зеленую тюбетейку и общеупотребительные у нихъ мягкіе сапоги съ безчисленными складочками и, разумѣется, въ калошахъ.

Жена его вышла ко мнѣ поздороваться и затѣмъ, пока мы пили чай, стояла около насъ и даже вступала въ разговоръ.

Домъ у него обширный, съ мезониномъ; въ комнатахъ чистота; половина каждой застлана бѣлыми кошмами и разноцвѣтными башкирскими коврами; на стѣнахъ висятъ полотняныя полотенца съ вышитыми концами; у стѣнъ стоятъ сундуки, окованные блестящею бѣлою и желтою жестью.

Вообще татары и башкиры здѣсь живутъ куда чище и лучше русскихъ; послѣдніе зачастую богаче, но тѣмъ не менѣе такой заботливости о своемъ домѣ, какъ у татаръ, я у нихъ не замѣчалъ. Таракановъ — этихъ закадычныхъ друзей русака — у татаръ не видывалъ. Какъ курьезъ отмѣчу, что «трезвые» мусульмане выпиваютъ почище русскихъ, но только не явно, а у добрыхъ знакомыхъ или у себя дома.

Въ Бурлахъ я разобралъ одно дѣло, затѣянное полиціей. Суть его слѣдующая. Тамошній приставъ, котораго я не видалъ, составилъ протоколъ, что площадь вокругъ соборной мечети не имѣетъ законнаго 30-ти саженнаго радіуса и окружена домами, отстоящими отъ нея — одинъ на 29 сажень, другой на 26, а прочіе, въ числѣ пяти, еще менѣе. Заварилось дѣло о сносѣ этихъ домовъ. Я относился къ нему подозрительно и долго не разбиралъ его; исправникъ дважды просилъ меня ускорить разборъ и я, наконецъ, назначилъ засѣданіе въ Бурлахъ. Изъ допроса свидѣтелей выяснилось, что мечеть построена въ 1905 году, а виноватые дома на 30 лѣтъ раньше. Мѣстный осмотръ открылъ, что постройки кругомъ каменныя; сама мечеть — каменная и то, что въ протоколѣ названо «строеніемъ» и притомъ наиближайшимъ къ ней, оказалось палисадникомъ, огораживавшимъ уголъ сада, гдѣ никакихъ другихъ построекъ и не было никогда. Разумѣется, виновные дома я оправдалъ и въ требованіи снести ихъ полиціи отказалъ. Теперь, въ этотъ пріѣздъ въ Бурлы, узналъ, что мечеть запечатана; запечаталъ приставъ... дескать, опасна въ пожарномъ отношеніи! Суть, разумѣется, не въ «пожарномъ отношеніи», а въ томъ, что мечеть окружаютъ дома богатыхъ татаръ; не удалось сорвать съ нихъ за «сносъ», такъ думаютъ теперь отыграться на мечети. Приставъ этотъ былъ урядникомъ въ Московской губерніи и жаловался писарю на Уфимскую: говорилъ, что въ Москвѣ урядникомъ быть выгоднѣе, чѣмъ здѣсь приставомъ. Написалъ рѣзкую бумагу ему съ требованіемъ немедленно снять печать.

Августа 4. Былъ вчера у Пашковыхъ. Она устроила, взамѣнъ предполагавшагося пикника, чай, и въ обширномъ домѣ ея собралось все здѣшнее общество.

Опять очень звала меня къ себѣ въ Воскресенскій заводъ, гдѣ она проведетъ остальную часть лѣта.

Августъ 11. Трое сутокъ провелъ въ «карандасѣ» — ѣздилъ за 90 верстъ въ Гирей-Кипчакскую волость, въ горы, осматривать пещеры, о которыхъ слышалъ отъ мѣстныхъ лѣсниковъ. Въ д. Кулгуняхъ произошлю убійство, и слѣдователь И. Оглоблинъ долженъ былъ ѣхать туда вмѣстѣ съ уѣзднымъ врачемъ Г. Г. Платэ. Я присоединился къ ихъ компаніи и двѣ тройки понесли насъ изъ Богоявленска; мѣста, куда ѣхали мы, слывутъ красивѣйшими въ уѣздѣ. Въ Макаровѣ мы направились къ земскому начальнику Л. М. Соколову; у воротъ одной изъ избъ, нѣсколько большихъ размѣровъ, чѣмъ всѣ ея сосѣди, стояла какая то невысокая брюнетка въ бѣломъ платьѣ. Увидавъ, что тройки подъѣзжаютъ къ ихъ дому, брюнетка исчезла. Соколовъ оказался дома; мы ввалились во дворъ и расположились за столикомъ, стоявшимъ въ тѣни, у стѣны дома. Черезъ нѣсколько минутъ явилась и видѣнная уже мною у воротъ хозяйка — въ сѣро-черномъ суконномъ платьѣ съ длиннѣйшимъ треномъ, съ громаднымъ бантомъ изъ ленты въ видѣ гигантской летучей мыши на головѣ и съ золотымъ пенснэ на крохотномъ носу; впечатлѣніе отъ этой маленькой фигурки, видимо, желавшей задать тону, получалось крайне забавное. Тона держать я ей долго не далъ: представилъ ей своихъ спутниковъ какъ двухъ племянниковъ, которыхъ вывожу въ свѣтъ, просилъ ихъ любить и жаловать, словомъ перемѣнилъ атмосферу на болѣе терпимую. Стали показываться съ разныхъ сторонъ дѣвы — ея и его сестры, всего три души. Когда я встрѣчался глазами съ какой либо изъ нихъ, та начинала манерно кушать чай ложечкой и опускала свои глазки долу. Пріѣхали мы голодные, какъ волки, и разсчитывали подкрѣпиться, какъ слѣдуетъ, но насъ все

время упорно накачивали чаемъ съ медомъ и угощали свѣжими орѣхами; Отлоблинъ грызъ ихъ въ мрачномъ остервенѣніи; Платэ то и дѣло косился на пятокъ печеній, засохшихъ, какъ фараоновы мощи, и сиротливо лежавшія на днѣ стеклянной вазочки. Чтобъ не растравлять сердце «племянника», я съѣлъ ихъ и сталъ звать хозяина ѣхать съ нами верстъ за 10 осматривать пещеру. Соколовъ согласился и минутъ черезъ пятнадцать мы покатили на кочевки Исикѣевскихъ башкиръ.

Я много ѣздилъ по Руси, знаю Крымъ и Кавказъ, тѣмъ не менѣе мѣстность около Макарова привела меня въ восторгъ — такъ грандіозны и хороши тамъ лѣсистыя горы, обступившія со всѣхъ сторонъ эту убогую деревушку, съ минаретами, торчащими какъ копья надъ стадомъ сѣрыхъ крышъ.

Дорога къ пещерѣ отчаянная; «карандасы» поминутно накренялись такъ, что, того и гляди, можно было свернуться либо на камни, либо въ глубокій обрывъ, по краю котораго вилась и мѣстами пробиралась черезъ мелкій дубнякъ дорога. Наконецъ, она втянулась въ узкое ущелье и слѣва встали отвѣсные каменные обрывы, саженъ до двухсотъ вышиною. Подъ ними шумѣлъ быстрый «Ревзякъ;» мы трижды въ бродъ переправлялись по сплошнымъ камнямъ, устилавшимъ дно его, наконецъ, вылѣзли изъ экипажей и отправились пѣшкомъ; уже сильно стемнѣло, когда мы обогнули выступъ одной изъ горъ и на высотѣ пяти или шести саженъ отъ себя увидали черное, огромное отверстіе пещеры.

Я зажегъ магній и точно волшебный синеватый свѣтъ озарилъ подножіе горы. Мы очутились въ громадномъ гротѣ, вышиною въ нѣсколько саженъ; кое гдѣ просачивалась вода и въ тѣхъ мѣстахъ, на бурыхъ глыбахъ камней, виднѣлись желтоватые желваки — зародыши будущихъ сталактитовъ. На четвереньках проползли мы подъ низкую арку дальше въ глубь земли и очутились во второмъ, еще болѣе обширномъ

и высокомъ гротѣ, напоминавшемъ собою небольшую церковь.

Необычайный свѣтъ, исходившій изъ пещеры, привлекъ къ себѣ вниманье башкиръ, кочевье которыхъ, судя по лаю собакъ, находилось неподалеку; въ первомъ гротѣ послышались голоса и скоро изъ подъ арки показалось нѣсколько бритыхъ головъ въ тюбетейкахъ; любопытенъ этотъ народъ, какъ истый номадъ.

Въ пещерахъ, по мѣстнымъ преданіямъ, спасались туземцы во времена Пугачева и тамъ же прятали свое добро. Иногда тамъ находили мѣдныя деньги Екатерининскихъ временъ, какъ-то нашли оружіе, но въ настоящее время оба грота пусты и представляютъ большой интересъ только для изслѣдователей горъ.

Башкиры, великіе охотники сопровождать кого угодно и куда угодно, повѣдали, что почти рядомъ находится другая, болѣе интересная пещера. Передъ уходомъ изъ грота мы заставили Оглоблина спѣть; онъ влѣзъ на камень, преграждавшій входъ, я освѣтилъ его огнемъ магніевой ленты и могучее «чуютъ правду» понеслось среди ночной тишины надъ долиной; съ неба глядѣли яркія звѣзды; башкиры, сбившись толпою у обрыва, молча слушали. Картина была эффектнѣйшая.

Мы спустились внизъ и тутъ только я обратилъ вниманіе, что русло рѣки сухо: рѣка исчезла, между тѣмъ шумъ воды явственно слышался неподалеку. Я снова зажегъ магній и мы двинулись впередъ, по ярко озаренному руслу; густые кусты темными космами свѣшивались съ обрыва горы и лѣваго, довольно высокаго берега. Черезъ нѣсколько минутъ впереди показалась вода: цѣлая горная рѣка, саженъ до двухъ шириною, шумя бѣжала къ нашимъ ногамъ и исчезала подъ землею; медленный, довольно широкій водоворотъ вращался надъ мѣстомъ провала; вода надъ нимъ зловѣще чернѣла. На обратномъ пути мы видѣли потомъ мѣсто выхода изъ подъ земли этой рѣки: она съ шумомъ и гуломъ вырывается изъ подъ скалъ саженяхъ въ трехстахъ отъ мѣста исчезновенія.

Башкиры передавали, что рѣка имѣетъ подъ землей сообщеніе съ пещерами и что весной она водопадомъ бьетъ изъ нижнихъ пещеръ. Послѣднія находились почти рядомъ съ нами; это длинныя, извилистыя пустоты въ скалахъ, мѣстами расширяющіеся и превращающіеся въ просторные гроты громадной вышины; изслѣдовавъ до конца одно развѣтвленіе пещеры, мы стали протискиваться въ узкую щель въ черномъ, базальтовомъ пластѣ. Полъ въ ней заваленъ цѣлыми деревьями и сучьями; стѣны были мокры на вышину приблизительно сажени и покрыты прилипшими остатками сухихъ листьевъ и разнаго мелкаго мусора. Я указалъ на это башкирамъ и получилъ отвѣтъ, что весной рѣка валитъ и уноситъ съ собой деревья и часть ихъ, втянутая водоворотомъ, попадаетъ подъ землю и выкидывается въ пещеры, или выносится изъ нихъ вмѣстѣ съ водою. Щель привела насъ въ просторный гротъ съ нѣсколькими громадными камнями, наваленными другъ на друга. За ними, на нѣкоторой высотѣ, виднѣлось почти овальное отверстіе; сильный свѣтъ магнія позволялъ различить за нимъ вторую пещеру. За камнями, словно помостъ, лежали осклизлые стволы толстыхъ деревьевъ; воды втащили ихъ въ гротъ, но повернуть ихъ въ немъ и вдвинуть ихъ въ слѣдующій узкій проходъ нельзя и такъ и остались они подъ землей на вѣчныя времена. То то удивятся будущіе изслѣдователи горъ, когда черезъ нѣсколько сотъ лѣтъ завалится входъ въ пещеру и подземное русло рѣки и они вдругъ найдутъ среди базальтовыхъ пластовъ окаменѣлые стволы! Осторожно перебрались мы по нимъ ко входу во второй гротъ; влѣзать въ него оказалось очень труднымъ: узкая щель забита мягкимъ мусоромъ, изъ котораго торчали толстыя палки; я ухватился за одну изъ нихъ и сталъ взбираться первымъ. Отъ рѣзкаго движенія воспламененный кусокъ магнія оторвался; свѣтъ погасъ и мы очутились въ полной тьмѣ; пока Оглоблинъ добывалъ изъ кармана спички, я вдругъ почувствовалъ, что лѣвая нога моя виситъ въ пространствѣ; магній вспыхнулъ опять

и я увидалъ, что мусоръ насыпанъ какъ бы легкій мостокъ надъ глубокимъ проваломъ; докторъ бросилъ внизъ зажженный комокъ газетной бумаги и онъ, прыгая по уступамъ, скатился сажени на четыре внизъ, свернулъ куда то подъ скалы, и желтое сіяніе, исходившее оттуда, указало, что провалъ ведетъ вправо, далеко въ глубину. Съ большимъ трудомъ, упираясь то спиной, то ногами въ стѣны, перемазавшись какъ печникъ, перебрался я по воздушному мосту изъ палюкъ на одинъ изъ каменныхъ выступовъ грота и прислушался: гдѣ то внизу глухо шумѣла рѣка; видно ея не было. Веревокъ у насъ не имѣлось и спуститься въ провалъ нечего было и думать.

Выбрались мы изъ пещеры наружу и зашагали къ лошадямъ; всходила луна. Отвѣсы горъ смутно бѣлѣли; красота была удивительная!

Въ одиннадцать часовъ ночи прикатили мы въ Макарово; смотримъ — домъ земскаго безмолвенъ и теменъ. Соколовъ въ смущеніи побѣжалъ во дворъ, а мы остановились на улицѣ и стали совѣщаться, не лучше ли намъ направиться на такъ называемую казенную квартиру и тамъ сочинить что нибудь вродѣ ужина. Тѣмъ временемъ появился Соколовъ и настойчиво сталъ приглашать къ себѣ, говоря, что дамы его въ ожиданіи насъ прилегли уснуть.

Обстановка избы Соколова болѣе чѣмъ убогая; такой я не видалъ ни у одного изъ волостныхъ писарей. На кругломъ столѣ опять появился самоваръ, жестянка съ медомъ и... орѣхи. Переглянулись мы и принялись за чай — послѣ третьей чашки я не выдержалъ и прыснулъ отъ смѣха: очень ужъ трагиченъ былъ видъ у моихъ товарищей; Оглоблинъ посмотрѣлъ на меня и улыбнулся тоже. Хозяйка поняла, наконецъ, наше переглядыванье, встала изъ за стола и минутъ черезъ десятокъ подала намъ болтанную яичницу. Ни одинъ Нильскій крокодилъ не набрасывался такъ на свою добычу, какъ мы на эту сковородку!

Былъ первый часъ, когда мы распростились съ хозяевами и усѣлись въ свои плетенки на дрогахъ. Ночь

стояла лунная, теплая. Дорога пролегала сначала по широкой долинѣ, обставленной со всѣхъ сторонъ зубчатыми горами; затѣмъ она свернула влѣво и мы очутились въ узкомъ ущельѣ, сдавленномъ съ обѣихъ сторонъ скалистыми обрывами, уходившими въ темносинее небо. Кругомъ чернѣлъ лѣсъ; — аю [1]) много гуляетъ въ урманъ [2]), заявилъ намъ возница-башкиръ. Обиліе дичи здѣсь замѣчательное!

Я не зналъ, куда смотрѣть, такъ поразительно хороша была волшебная сказка; горы смыкались кругомъ все тѣснѣе и, казалось, нѣтъ выхода со дна котловинки, какимъ представлялось глубокое ущелье; дорога вилась петлями и виды смѣнялись одни другими.

Уже свѣтало, когда открылась, наконецъ, впереди длинная, лѣсистая громада Аллатау [3]), черезъ которую намъ предстояло перевалить. Спутники мои спали, плотно завернувшись въ чапаны; Оглоблинъ съ фельшеромъ ѣхали впереди и мнѣ видно было, какъ мотались ихъ головы при каждомъ толчкѣ «карандаса», мой Платэ осунулся и заваливался изъ одной стороны въ другую, какъ мѣшокъ съ мукой. Подъемъ на Аллатау тянется ровно одну версту; спускъ съ нея — три версты. Прокладывалъ эту дорогу — почтовый трактъ на Верхнеуральскъ — несомнѣнный дуракъ отъ рожденья; это не подъемъ, обычно идущій по горамъ зигзагами, а какая то лѣстница Іакова, поставленная стоймя: какъ линейка, она ведетъ отъ подошвы прямо на вершину горы.

Лошади едва тащили тарантасъ; ямщикъ соскочилъ съ козелъ; я вылѣзъ тоже и, оставивъ Платэ почивать въ экипажѣ, пошелъ пѣшкомъ.

Какъ возятъ по такой дорогѣ возы съ кладью — для меня задача неразрѣшимая; извозчики уже прокляли, вѣроятно, строителя до седьмого колѣна; особенно хорошо, должно быть, подыматься тамъ на гору

---

1) Медвѣдь.
2) Лѣсъ.
3) Божья гора.

въ распутицу по сплошной глинѣ, составляющей грунтъ въ тѣхъ мѣстахъ!

Сизые облака, закутавшіе къ утру все небо, стали чуть обрызгиваться снизу струйками вишневаго сока; востокъ обозначился золотистымъ пятномъ; съ вершины Аллатау виденъ сталъ необычный просторъ: словно взволнованное, синее и черное море окружило насъ со всѣхъ сторонъ.

Отъ вершины Божьей горы до д. Кулгуни шесть верстъ; экипажи покатились быстро и въ седьмомъ часу утра въѣхали во дворъ казенной квартиры. Сейчасъ же мы заказали чай, умылись и принялись закусывать. Слѣдователь и докторъ отдали распоряженіе старостѣ объ устройствѣ на мѣстѣ вскрытія трупа навѣса и стола; намъ подали лошадей и мы понеслись въ лѣсъ, на кочевку, гдѣ произошло убійство. Человѣкъ пятнадцать башкиръ и старыхъ, и молодыхъ скакало впереди и позади насъ; трое везли стулья. Я все время любовался этими прирожденными кавалеристами: такъ легко и свободно сидятъ и чувствуютъ они себя на лошади! Рядомъ со мной ѣхало двое дряхлыхъ стариковъ, но имъ позавидовалъ бы любой корнетъ.

Скоро показалась луговина; кочевки — это, собственно говоря, дачи башкиръ, куда они выѣзжаютъ на лѣто изъ своихъ деревень. Гдѣ нибудь на лѣсной прогалинѣ, близъ воды устраиваются шалаши, закрытые свѣжими лубками съ одной стороны и открытые съ другой; послѣдняя завѣшивается ковромъ — вотъ и весь домъ ихъ, вокругъ котораго пасутся кони. Чтобъ кобылы не уходили далеко, жеребятъ держатъ въ огороженныхъ мѣстахъ, откуда ихъ выпускаютъ къ матерямъ лишь на ночь; кобылъ доятъ трижды. Каждая даетъ не болѣе четверти ведра молока въ день; его заквашиваютъ и получается кумысъ или по здѣшнему — кумызъ, напитокъ, очень напоминающій кислый квасокъ. Обѣдъ себѣ варятъ они такимъ образомъ: вбиваютъ въ землю сучекъ съ развилиной, на нее кладутъ воткнутую однимъ концомъ въ землю палку, а

на свободный конецъ вѣшаютъ котелокъ, подъ которымъ раскладывается огонь.

На мѣстѣ убійства — довольно широкой луговинѣ у ручья — дожидалась насъ цѣлая толпа башкиръ; навѣсъ и столъ изъ лубковъ подъ нимъ были уже готовы. Около одного изъ опустѣлыхъ шалашей краснѣла глиняная насыпь — могила убитаго, куда онъ былъ временно зарытъ до пріѣзда слѣдователя и гдѣ пролежалъ уже двѣ недѣли.

Башкиры взялись за лопаты и принялись разрывать могилу; зарытъ убитый былъ по ихъ обычаю: они выкапываютъ яму, затѣмъ подрываютъ одну изъ стѣнокъ такъ, что образуется гротъ, кладутъ въ него мертваго, завернутаго только въ одинъ саванъ, закрываютъ отверстіе лубками и засыпаютъ могилу; мертвецъ, такимъ образомъ, лежитъ нѣсколько въ сторонѣ отъ нея и земля непосредственно на него не сыплется.

Башкиры отняли лубки и я увидалъ убитаго; его застрѣлили соннаго и онъ лежалъ въ рубахѣ и розовыхъ портахъ съ неестественно скорченными ногами; въ могилѣ стояла вода и все лицо его было затянуто глиной. Его вытащили и стали поливать водой изъ мѣдныхъ кумгановъ; бѣлье снять было нельзя и его порвали кусками. Обнажилось раздутое и начавшее синѣть тѣло; на верхней части груди, ниже ключицы чернѣла довольна большая рана. Трупъ перенесли на столъ и докторъ принялся изслѣдовать его зондомъ.

Слѣдователь сидѣлъ рядомъ и писалъ протоколъ; я отошелъ въ сторонку, чтобы не слышать запаха, и наблюдалъ за вскрытіемъ.

Слѣдователь и докторъ пріятели и между собою на ты. Первый задалъ второму какой-то вопросъ, на который Платэ довольно грубо отвѣтилъ: «не разсуждай, пожалуйста, а пиши!» Оглоблинъ смолчалъ, и черезъ нѣсколько минутъ снова переспросилъ и добавилъ, что выраженіе доктора не ясно. Платэ окрысился еще грубѣе; Оглоблинъ положилъ карандашъ и заявилъ: «пред-

лагаю вамъ говорить приличнымъ тономъ и отвѣчать на вопросы!» Платэ взбѣсился и бросилъ зондъ.

— Въ такомъ случаѣ, потрудитесь писать протоколъ прямо на бѣло, чернилами! — отвѣтилъ онъ: — иначе я прекращаю вскрытіе!»

Я поспѣшилъ вмѣшаться и урезонилъ обоихъ; вскрытіе продолжалось.

Когда мы вернулись въ деревню, слѣдователь принялся за допросы, а я отправился разыскивать какія-либо древности и узнавать о пещерахъ; башкиры притащили мнѣ нѣсколько оленьихъ и лосиныхъ роговъ, найденныхъ ими въ лѣсу, но отъ такихъ «старыхъ костей» я отказался.

Около 6 час. вечера мы покатили обратно. Спускъ съ Аллатау оказался еще хуже подъема: крутизна мѣстами доходитъ чуть не до 45° и бѣдный коренникъ цѣлую версту идетъ сидя на хвостѣ, съ задранной головою и съ хомутомъ на ушахъ. Не сдержи онъ — и катастрофа неминуема!

Намъ предстояло осмотрѣть еще одну пещеру, мимо которой проѣхали наканунѣ, торопясь на вскрытіе. Къ сожалѣнію, наступившая глубокая темнота и накрапывающій дождь не позволили намъ взглянуть на рѣчку Сиказю, сопровождавшую насъ по ущелью: не доходя нѣсколькихъ саженъ до выселка Макаровскихъ башкиръ Куръ-Караукъ-Тамакъ, она убѣгаетъ подъ скалы и, пробивъ въ нихъ гротъ, исчезаетъ въ немъ и только черезъ 7 или 8 верстъ вновь выбѣгаетъ изъ подъ горы и впадаетъ въ Зиганъ.

Въ десять часовъ вечера мы уже сидѣли въ Макаровѣ за столомъ у земскаго начальника и пили чай. На этотъ разъ насъ покормили и около часу ночи хозяинъ повелъ насъ въ волостное правленіе, гдѣ мы и устроились кое-какъ на полу на буркахъ; заснули не скоро; помирившіеся враги сыпали анекдотами и каламбурами. Кажется, у насъ на Руси для полученія должности уѣзднаго врача требуется прежде всего знаніе всѣхъ неприличныхъ анекдотовъ!

Утромъ на другой день мы разстались: черномазый Платэ поскакалъ въ Стерлитамакъ; а мы, заѣхавъ въ Янгискаинъ на волостной сходъ, направились въ свое Богоявленское; весь день насъ поливалъ дождь и только въ 11 часовъ вечера я очутился, наконецъ, дома!

Августа 12. Въ гости къ намъ пожаловала холера: въ Табынскомъ было уже 12 заболѣваній и 8 смертей и одна смерть у насъ, въ Богоявленскомъ.

Августа 15. Всталъ сегодня въ 6 час. утра и написалъ археологическую статью для «Уфимскаго Края». Обѣдалъ у священника; послѣ обѣда усѣлись мы съ нимъ вдвоемъ въ столовой и занялись граммофономъ — здѣсь они имѣются въ каждомъ домѣ, часто попадаются даже и у крестьянъ. На безптичьи и граммофонъ соловей!

Холера въ Табынскомъ все усиливается и главное — нѣтъ выздоравливающихъ; холернымъ докторомъ туда пріѣхалъ докторъ изъ ушной лѣчебницы изъ Москвы, по собственному его признанію, ни аза не понимающій въ новой спеціальности. Что-жъ, если акушеръ, профессоръ Рейнъ, посланъ на югъ въ качествѣ диктатора противъ холеры, то почему же не командировать въ какое-то Табынское спеціалиста по ушнымъ болѣзнямъ? Получаетъ онъ 300 руб. въ мѣсяцъ, 150 подъемныхъ и какъ-то такъ талантливо устроился, что за нимъ сохранили и московское жалованье.

Августа 20. Холера держится упорно; мрутъ и мрутъ полегонечку.

Августа 22. Третьяго дня бабы опахивали ночью Табынское. Дѣлается это въ глубокой тайнѣ и, если кто встрѣтится имъ въ это время — дай ему Богъ унести ноги: убьютъ палками и камнями. Въ соху запрягается тройка совсѣмъ голыхъ вдовъ и въ сопровожденіи вереницы женщинъ въ однѣхъ рубахахъ, съ распущенными волосами, обводятъ село заколдованною

для холеры чертой. Никто не смѣетъ въ это время высунуть носа изъ своей избы. Разсказывали мнѣ это нашъ священникъ и Табынскій земскій докторъ, бывшіе вчера у меня. Послѣдній не знаетъ, что ему дѣлать съ прививками: прислали ему нѣсколько ящиковъ, между тѣмъ дѣлать ихъ никто не идетъ. Въ народѣ начинаютъ бродить глухіе толки, что лѣчиться отъ холеры не надо, такъ какъ доктора морятъ нарочно; прививку стали звать «печатью антихриста» и старикъ Зысковъ уже нѣсколько разъ выступалъ въ церкви съ разъясненіями по поводу этой вздорной печати. Крестьяне обвиняютъ и духовенство: имъ, молъ, что; выгодно, чтобы меръ народъ — похоронилъ человѣка, глядишь рублевка и есть. Зысковъ, узнавъ объ этомъ, сказалъ весьма остроумное слово въ церкви: — вотъ я слышалъ, что вы обвиняете кромѣ докторовъ и священниковъ, говорите, что выгодно имъ, чтобы меръ народъ. Какая выгода? У живого человѣка, глядишь, то крестины, то свадьба, то молебенъ; на праздникъ къ нему придешь. А съ мертваго что взять? Заплатили за него рублевку — и кончено!

Августъ 25. Въ прошлое воскресенье докторъ назначилъ въ сел. Табынскомъ чтеніе о холерѣ, но слушать его не пришло ни одной души. Мнѣ донесли, что сходъ собирается постановить приговоръ о выселеніи отъ нихъ доктора и его штата на томъ основаніи, что холеры никакой нѣтъ и что ее выдумали нарочно и травятъ теперь народъ, чтобы доктора и фельдшера получали больше жалованья.

Умершихъ засыпать известкой не позволяютъ и ямы приходится рыть глубже. Новыхъ заболѣваній нѣтъ уже нѣсколько дней и доктора увѣрены, что больныхъ стали прятать.

Начались морозы; двѣ ночи подрядъ стояло — 2°.

Вчера рылся со здѣшнимъ священникомъ въ церковномъ архивѣ, искали какихъ-либо старинныхъ документовъ; перешарили всѣ шкапы въ церкви и ничего не нашли, кромѣ церковной лѣтописи, начатой въ

1868 году. Бѣгло просмотрѣлъ ее: на одной страничкѣ есть запись о мѣстныхъ пашковцахъ.

Августъ 28. Заходилъ посидѣть и попить чайку о. Сергій. Пошелъ провожать его и за одно пройтись; темень стояла такая, что едва разбирали дорогу. Улицы казались вымершими. На обратномъ пути раза два отдѣлялись отъ стѣнъ сараевъ какія-то тѣни и надвигались на меня, но, видимо, узнавъ, шарахались назадъ. Будній день, а пьяныхъ достаточно: вдали все время слышались дикіе пьяные выкрики и такое же горланенье пѣсенъ.

На-дняхъ какъ-то возвращался я отъ Пунги такою же темною ночью, часовъ въ 11; вошелъ въ палисадникъ, которымъ отдѣленъ мой домикъ отъ улицы и вдругъ вижу, кто-то соскочилъ съ цоколя (окна довольно высоки) и бросился въ кусты сирени; прислуга открыла дверь; я схватилъ лампу и осмотрѣлъ весь садикъ, но никого въ немъ не было; только вторая калитка на улицу оказалась распахнутой.

Нѣсколько времени назадъ, въ бурную и дождливую ночь, взломали дверь у моего погреба и украли коекакіе пустяки — ничего существеннаго въ немъ не было.

Сентябрь 2. Вчера ночью убили на улицѣ парня, нѣкоего Пухова; кто убилъ — неизвѣстно. Нашли его неподалеку отъ дома Пунги съ проломленной въ двухъ мѣстахъ головою.

Сентябрь 7. Откаталъ на лошадяхъ 230 верстъ: ѣздилъ на Воскресенскій заводъ въ гости къ Пашковымъ. Выѣхали мы съ Бехманомъ 2-го, часовъ около 10 утра; по пути на Верхоторъ, такъ верстахъ въ двухъ отъ д. Азнаево, находится въ горахъ пещера, и я уговорилъ своего спутника заглянуть въ нее. Мы свернули къ деревнѣ, какъ бы втянувшейся въ узкое ущелье между горъ, и стали разспрашивать перваго попавшагося намъ на глаза башкира, гдѣ пещера. Не

прошло и полминуты — и словно какой-то безпроволочный телеграфъ распространилъ по всей деревнѣ вѣсть о нашемъ пріѣздѣ; нашу тройку обступила цѣлая толпа башкиръ и башкирятъ. Одинъ, захвативъ изъ дома лампу, взобрался на облучокъ, двое стали на подножки и мы покатили по ущелью; человѣкъ девять башкиръ вскочили на коней и поскакали за нами. Вотъ бездѣльный народъ: гдѣ охота, рыбная ловля — «рыбалка» по здѣшнему, или какіе-нибудь осмотры, или празднества — тамъ они душой и тѣломъ.

Горы по сторонамъ подымались почти отвѣсныя; среди разубранныхъ осенью въ золото, багрецъ и оранжевый цвѣтъ лѣсовъ, заливавшихъ вершины и скаты горъ, вставали причудливые утесы и вывѣтрившіеся обломки известковыхъ скалъ, имѣвшіе видъ то древнихъ колоннъ, то окаменѣлыхъ гигантовъ - людей. Дорога становилась все невозможнѣе; тарантасъ нашъ накренялся и то и дѣло грозилъ опрокинуться вмѣстѣ съ нами съ кручи въ рѣченку. Въ верстѣ отъ деревни мы остановились и, окруженные тучей чумазыхъ, бритоголовыхъ башкиръ, принялись взбираться на вершину одной изъ горъ: пещера находится въ ней подъ самыми верхними утесами, зубцами рисовавшимися на синемъ небѣ. Всходили мы по промоинкѣ, сдѣланной дождями; приходилось хвататься за вѣтви дубовыхъ кустовъ и при помощи ихъ втягиваться все выше и выше. Потъ съ меня лилъ градомъ и раза два такъ начинало биться сердце и такъ темнѣло въ глазахъ, что я думалъ, что меня вотъ-вотъ хватитъ кондратій. Наконецъ, я выбрался съ Бехманомъ на площадку у пещеры и усѣлся отдохнуть. Входъ въ пещеру очень низкій и тѣсный: пришлось распластаться на подобіе змія и ползти саженъ около трехъ; земля давила со всѣхъ сторонъ и нельзя было сказать, чтобы это ощущеніе было изъ пріятныхъ. Часть башкиръ уже проскользнула впередъ и зажгла свою вонючую лампу.

— Ай, какой толстый людя! — проговорилъ одинъ изъ нихъ, глядя съ какимъ трудомъ выбирался я изъ чортовой дыры.

Я зажегъ магніевую ленту и экспедиція наша отправилась въ глубь земли. Пещеры эти — безконечные, извилистые лабиринты — коридоры, причудливо разукрашенные буро-коричневыми сталактитами; много разъ мнѣ приходилось бывать подъ землей и каждый разъ мнѣ бросалась въ глаза разница между созданіями природы на землѣ и подъ землею; первыя творила могучая, величаво-спокойная сила, вторыя — безумный геній. Какъ это ни странно, но подъ землей я вспоминаю картины Врубеля. Башкиры увѣряли, что если бы мы вздумали осмотрѣть всѣ развѣтвленія пещеры — она идетъ въ нѣсколько ярусовъ — намъ не хватило бы и сутокъ. Времени у насъ было въ запасѣ всего два часа и мы, побродивъ съ полчаса и напившись кристальной воды изъ имѣющихся въ пещерахъ небольшихъ водоемовъ, пустились въ обратный путь къ лошадямъ.

Между д. Хазиновой и Азнаевой, справа у входа въ ущелье, расположена мельница, и я потащилъ Бехмана осматривать ее. Дѣло въ томъ, что довольно большая рѣка, на которой стоитъ эта мельница, совсѣмъ особенная: она вырывается изъ-подъ огромной горы. Имя рѣки — Беркамутъ, что въ переводѣ значитъ — одинъ хомутъ. Преданіе говоритъ, что какой-то башкиръ поилъ лошадь въ небольшомъ озеркѣ, находящемся по ту сторону горъ; озерко это, на срединѣ, чуть ли не бездонное. Лошадь провалилась и утонула; трупъ ея не отыскали, но черезъ нѣсколько недѣль хомутъ съ нея былъ вынесенъ подземной рѣкой у мельницы.

Истокъ Беркамута — трехъугольный прудокъ, имѣющій шаговъ тридцать въ окружности; онъ лежитъ на уступѣ горы, почти у самой подошвы ея. Вода въ немъ холодная и прозрачная; дно устилаютъ крупные камни; глубина на срединѣ не свыше 2 аршинъ. Поверхность прудка все время бугрится отъ напора снизу; отъ него отходятъ два широкіе канала, подающіе воду на колеса; вода съ силой несется по этимъ желобамъ; избытокъ ея струится, кромѣ того, въ видѣ ручейковъ въ трехъ или четырехъ мѣстахъ. Сейчасъ же за мель-

ницей вся эта масса воды превращается въ быструю рѣку, саженъ четырехъ шириною. Вода въ ней никогда не мерзнетъ и зимой, даже въ декабрѣ мѣсяцѣ, во время жестокихъ стужъ башкиры разгуливаютъ по ней босикомъ и багрятъ по ночамъ рыбу.

Въ половинѣ седьмого лихая тройка примчала насъ въ Верхоторъ въ уютный домикъ Егора Осиповича Тернера — главнаго управляющаго уральскими имѣніями Пашковыхъ.

Тернеръ — сѣдой очень благообразный старикъ — англичанинъ и его невысокая, полная старушка жена, Елизавета Александровна, ожидали насъ къ ужину. Люди они одинокіе и очень радушные. Полюбовался я у нихъ на чистоту и особенно на комфортъ, съ какимъ обставлены служащіе у Пашковыхъ; у Егора Осиповича двѣ квартиры, лѣтняя и зимняя.

Лѣтняя — это огромный домина со всякими угодьями, до лаунтениса включительно; большой садъ, огородъ, цвѣтники, парники — все это къ его услугамъ.

Утромъ мы съ Бехманомъ покатили дальше — на Воскресенскій заводъ. Мѣстоположеніе послѣдняго — въ широкой долинѣ среди горъ, изломанныхъ въ видѣ зубцовъ, гораздо красивѣе Верхотора, лежащаго на днѣ котловины и окруженнаго ровными, совершенно обезлѣсенными высотами. Воскресенское считается главною, излюбленною резиденціей Пашковыхъ. Домъ ихъ весьма непрезентабельнаго вида: двухъэтажный, бѣлый, довольно-таки облупленный ящикъ, типа Николаевскихъ временъ. Позади него большой садъ изъ нефруктовыхъ деревьевъ, тоже ничего особеннаго, кромѣ старо-помѣщичьяго приволья, не представляющій. Внутри домъ убранъ не роскошно, но уютно и со вкусомъ. Въ кабинетѣ Пашковой, устланномъ мягкими коврами, на большомъ щитѣ, затянутомъ зеленымъ сукномъ, развѣшено много карточекъ ея мужа и свекра — основателя секты; по виду это дряблый и душой и тѣломъ человѣкъ, съ сѣдыми бакенбардами, бритымъ подбородкомъ и, сказалъ бы, недалекими, прищуренными глазами. Такъ и дохнуло на меня отъ его карто-

чекъ Маниловымъ въ старости! Мнѣ отвели комнату наверху; нечего и говорить, что тамъ было все, что только можно бы было придумать въ смыслѣ удобства.

Пашкова встрѣтила меня очень радушно; мы разговорились съ ней объ ея свекрѣ. Оказывается — всѣ документы его хранятся въ Ветошкинѣ, Нижегородскомъ имѣніи ихъ, у ея свекрови. «Пашковцы» все-таки, по ея словамъ, еще есть въ Петербургѣ и одной изъ такихъ «вѣрныхъ» является свекровь ея.

Послѣ обѣда я съ молодыми Пашковыми и гостившимъ у нихъ товарищемъ ихъ — барономъ Д. — юношей какъ бы вырѣзаннымъ изъ нескладнаго кусища розоваго дерева, отправились осматривать главное, что интересовало меня — кладовыя. Это громадный каменный амбаръ, раздѣленный на нѣсколько отдѣленій. Въ одномъ, среди всякаго желѣзнаго лома и хлама, стояло пять ящиковъ, нагруженныхъ книгами; я принялся разбирать ихъ съ помощью всей компаніи и выудилъ изъ нихъ нѣсколько рѣдкихъ и любопытныхъ.

Архивъ отыскался въ другой кладовой: на нѣсколькихъ большихъ полкахъ огромными связками лежали старинные документы; пыли на нихъ наросло, какъ пепла въ Помпеѣ. Чтобъ разобрать и разсмотрѣть ихъ, какъ слѣдуетъ, нуженъ, по крайней мѣрѣ, мѣсяцъ самой усидчивой работы; такимъ временемъ я не располагалъ, и потому пришлось ограничиться просмотромъ нѣсколькихъ связокъ. Въ нихъ оказались донесенія приказчиковъ, управляющихъ и разные счета и приказы временъ Александра I. Что среди нихъ должны оказаться имѣющіе большой интересъ — нѣтъ сомнѣнія. Особенно любопытны должны быть донесенія разныхъ старостъ Пугачевской эпохи, но гдѣ они зарыты въ этихъ грудахъ — вопросъ.

Другой «архивъ» Пашковыхъ — въ болѣе возможномъ видѣ и хранится въ каморкѣ при конторѣ. Тамъ я отыскалъ нѣсколько любопытныхъ документовъ и взялъ ихъ съ собой для просмотра; въ числѣ ихъ есть остатки ясачныхъ книгъ и запись приданаго одного богача-башкира, выдавшаго свою дочь замужъ въ Екате-

рининскія времена; онъ ей далъ земли протяженіемъ около 200 верстъ, но самое цѣнное, на что обращаетъ особенное вниманіе, — далъ ей шубу бархатную въ... 300 рублей!

Вотъ какъ цѣнилась здѣсь земля въ тѣ времена!

Библіотека въ домѣ Пашковыхъ болѣе чѣмъ неважная и пустая, за то «оружейная» комната у нихъ очень хороша — цѣлый магазинъ, размѣщенный за стеклами шкаповъ.

На другой день поѣхали осматривать пещеры, находящіяся близъ с. Хлѣбодаровки, въ 18 верстахъ отъ Воскресенскаго; насъ сопровождало 8 лѣсниковъ съ веревками, лѣстницами, чайниками и проч.

Пещеры начинаются небольшимъ проваломъ на вершинѣ горы; спускаться въ него надо по уступамъ и затѣмъ протискиваться сквозь узкую щель на девять саженъ. «Толстый людя», къ сожалѣнію, пролѣзть въ полуаршинное отверстіе не могъ и полтора часа просидѣлъ около него, прислушиваясь къ голосамъ, удалявшимся подъ землею. По разсказамъ спутниковъ, эта пещера — рядъ довольно большихъ гротовъ, соединенныхъ между собою коридорами. Чтобъ не заблудиться въ разныхъ развѣтвленіяхъ, Пашковы взяли съ собой клубокъ суровыхъ нитокъ и отмѣчали такимъ образомъ путь свой. Гротовъ они насчитали семь штукъ, но всѣхъ развѣтвленій обойти не успѣли. Выбирались всѣ изъ дыры съ огромнымъ трудомъ: надо было держаться руками за веревку и подыматься по скользкому гладкому стволу дерева, спущенному кѣмъ-то въ провалъ; вылѣзли всѣ перемазанные въ глинѣ, вспотѣлые. Принесли нѣсколько сталактитовъ, немного горнаго хрусталя и кое-какія окаменѣлыя ракушки; пещеры известняковыя.

Въ тотъ же вечеръ вернулся Бехманъ и мы укатили съ нимъ къ Егору Осиповичу, гдѣ и заночевали. На другой день я былъ уже въ Богоявленскомъ.

Любуюсь я башкирскими лошадьми! Кто не бывалъ въ этомъ краю и не ѣздилъ на нихъ, тому покажется невѣроятной гонка, которую выдерживаютъ онѣ. Пере-

гоны въ 25—30 верстъ они несутся, что называется, во весь духъ; на нихъ не кормя дѣлаютъ по 60 и по 90 верстъ. Какъ исключеніе, могу указать на иноходца-башкира, принадлежащаго теперь начальнику Стерлитамакской тюрьмы. На немъ онъ махнулъ, угождая какому-то начальнику, не кормя 160 верстъ. Исторія невѣроятная, но фактъ этотъ мнѣ подтверждали со всѣхъ сторонъ. Правда — лошадь едва отошла потомъ, но все-таки выдержала! Нашъ священникъ, кстати сказать, большой лошадникъ, ѣздилъ не кормя въ Уфу, за 112 верстъ: дѣлалъ онъ это для усмиренія коня. Башкиры сплошь и рядомъ отмахиваютъ верхомъ по 90 верстъ: такія прогулки для нихъ заурядная вещь, и если принять во вниманіе, что у башкиръ вообще о всѣхъ животныхъ больше заботится Николай Угодникъ, чѣмъ они сами, то цифры эти изумительны!

Зимой и лошади, и коровы стоятъ у башкиръ, несмотря на 40 градусные морозы, на дворѣ или въ открытыхъ сараяхъ, стѣнки и крыша которыхъ изъ простого тонкаго лубка; у большинства ихъ замѣняютъ только одни открытые со всѣхъ сторонъ навѣсы на огороженныхъ плетнями дворахъ; послѣ булановъ коровъ и лошадей приходится откапывать изъ снѣга.

Какъ они выдерживаютъ такую марку при отчаянно плохомъ кормѣ — вѣдаетъ Аллахъ!

Сентябрь 8. Холера у насъ усиливается: въ Табынскѣ мрутъ ежедневно: особенно сильна она въ д. Курмантаевой; тамъ уже было 60 заболѣваній!

Сейчасъ были у меня «племянники» — уѣздный врачъ и Н. Оглоблинъ; пріѣзжали на вскрытіе и привезли новость: подъ Табынскомъ, въ только что отстроенномъ новомъ казенномъ домѣ, умеръ лѣсничій; свернула его инфлуэнца, бросившаяся на мозгъ: за послѣдніе дни онъ уже не узнавалъ людей и галлюцинировалъ. Хоронить его привезли въ Табынское, отпѣвалъ Зысковъ. Похороны эти вызвали среди крестьянъ новое возбужденіе: — «вотъ, — не стѣсняясь, заявляли они даже въ церкви: — бары-то мрутъ отъ холеры, такъ ихъ и въ церковь носятъ, а нашего брата по за-

дворкамъ тащатъ, да какъ собакъ въ ямы закапываютъ!»

Напрасно кто-то пробовалъ убѣдить крестьянъ, что лѣсничій умеръ не отъ холеры. — «Знаемъ мы, твердили всѣ: — слышали, отъ чего онъ померъ; рвало тоже, какъ и нашего брата!»

Между тѣмъ, село бойкое, не захолустное; тамъ и большая ярмарка, тамъ и пристани, тамъ и три школы, при чемъ одна четырехклассная. И въ результатѣ не сегодня-завтра произойдетъ лупка докторовъ и опахиваютъ село на бабахъ!

Я затребовалъ изъ винныхъ лавокъ свѣдѣнія и произвелъ подсчетъ выпиваемому въ Табынскѣ вина; въ среднемъ числѣ расходуютъ на него 84 рубля съ двора, а всего пропивается въ годъ свыше 50 000 рублей.

Между прочимъ узналъ о подвигахъ табынскаго земскаго врача-усача. Этотъ маленькій, не по усамъ, человѣкъ весьма большой задира и скандалистъ, когда подвыпьетъ. Въ Стерлитамакѣ въ клубѣ «взялъ» онъ, выражаясь по здѣшнему, какъ слѣдуетъ, и давай буянить; въ концѣ концовъ вскочилъ на длинный столъ, за которымъ сидѣла публика, всталъ на четвереньки и давай квакать и скакать по тарелкамъ! Ничего, даже не вывели. Что-жъ, у всякаго своя манера веселиться!

Сентябрь 9. Льетъ съ утра дождь; тоскливо и неуютно въ полупустыхъ моихъ комнатахъ. Изъ мебели у меня только деревянные стулья базарной работы да голые столы; въ «кабинетѣ» — такой же столъ и простыя скамьи, стоящія вдоль стѣнъ. На нихъ помѣщаются кое-какія мои книги, да сундучокъ изъ чернаго дуба, сдѣланный мнѣ здѣсь въ заводской мастерской. Дубъ этотъ въ видѣ сваи полтораста лѣтъ пролежалъ на днѣ Усолки. Года три тому назадъ строили новую плотину и нашли часть старинной.

Заходилъ провѣдать батя; угостилъ его дыньками, чайкомъ и часа два просидѣли за бесѣдой.

Разсказывалъ онъ мнѣ, вѣрнѣе продолжалъ вчерашніе разсказы доктора Платэ о мѣстныхъ попахъ.

Недалеко ушли нѣкоторые изъ нихъ отъ Николы Знаменскаго, Рѣшетникова! Одинъ изъ такихъ — нѣкто о. Л., восьмидесятилѣтній старикъ, жительствующій подъ Мелеузомъ.

Ломать подковы — дѣло для него пустое; въ пьяномъ видѣ этотъ «отецъ» еще всего года 4 назадъ забавлялся, а можетъ забавляется и теперь, такою игрой: клалъ на шею подушку, на нее накидывали веревку и привязывали къ лошади; попъ становился въ сѣняхъ, упирался одною ногою въ порогъ, и лошадь, несмотря на жестокую порку, не могла вытащить его наружу. Нѣсколько разъ его увольняли за пьянство за штатъ; тогда онъ являлся къ архіереямъ, и святители, видя саженнаго дѣтину съ пудовыми кулачищами, не боявшагося рѣшительно ничего, начиная съ нихъ самихъ, опять давали ему какой-нибудь приходъ. Платэ лѣчилъ его отъ бѣлой горячки; онъ завѣдывалъ въ то время земской больницей и въ одинъ прекрасный день привезли ему это дикое чудище; въ больницу положить его было немыслимо — онъ пошвырялъ бы въ окно всѣхъ больныхъ съ ихъ кроватями; Платэ устроилъ ему отдѣльное помѣщеніе, забилъ окна и двери досками и тамъ попъ бѣсновался и «чудилъ», пока не вернулся къ нему разсудокъ.

Типъ этотъ, подвыпивъ, а пилъ онъ по шести бутылокъ водки въ день, отправлялся на базаръ и, подходя къ возамъ, говорилъ басомъ, отъ котораго могли лопнуть перепонки: «а духовному отцу своему ты что-нибудь завезъ ? !»

При отрицательномъ отвѣтѣ неопытнаго еще мужика, передъ носомъ его воздвигался въ видѣ монумента кулакъ, размѣромъ въ арбузъ, и послѣ такого напоминанія, при новыхъ пріѣздахъ на базаръ, мужикъ уже считалъ своимъ долгомъ завезти нѣкую дань почтенія духовному отцу.

Толковали мы и о теперешнемъ архіереѣ. Подкладка гоненій на о. Зыскова такова. Когда преосвященный былъ назначенъ въ Уфу, онъ немедленно пріѣхалъ въ Табынское: покормиться тамъ есть чѣмъ, ма-

тушка чудотворная икона посыпаетъ вокругъ себя серебрянымъ овсомъ густо!

Передъ отъѣздомъ архіерей позвалъ въ кабинетъ старика Зыскова и повелъ съ нимъ ласковую бесѣду. Закончилъ ее полупросьбой, полуприказомъ дать ему 1 000 рублей.

— Изъ коихъ суммъ ваше преосвященство? — спросилъ Зысковъ: — если изъ церковныхъ, то безъ указа дать я не могу, если же изъ моихъ, у меня такихъ денегъ нѣтъ!

Указа архіерей дать не пожелалъ, Зысковъ же твердо сталъ на своемъ. Гость разсердился и уѣхалъ. И вотъ теперь безъ конца, какъ дятелъ сосну, долбитъ семью старика: въ Табынскомъ за свящ. Эварестовымъ была замужемъ дочь его; онъ перевелъ ихъ въ Уфу, съ богатаго мѣста на дрянное, съ 50-ю рублями жалованья; сына, бывшаго священникомъ въ Куганакѣ, въ 25 верстахъ отъ Табынскаго, угналъ за 50 верстъ; самого старика заставилъ-таки придирками и, наконецъ, прямымъ приказомъ подать въ заштатъ. Зысковъ очень семейственный человѣкъ и остается доживать вѣкъ въ Табынскомъ, гдѣ провелъ уже безъ малаго полвѣка, и разгонъ дѣтей очень тяжелъ для него.

Другой священникъ, нѣкто Л., живущій въ Курзюмскомъ, самомъ богатомъ въ уѣздѣ приходѣ послѣ Табынска, разсказывалъ на-дняхъ такую исторію. Архіерей объѣзжалъ епархію и экипажъ для него брали и смѣняли по пути нѣсколько разъ; по пріѣздѣ въ Курзюмъ ему доложили, что у Л. имѣется превосходная рессорная коляска, за которую онъ только что заплатилъ 280 рублей. Жалко было попу новенькую коляску, но дѣлать было нечего: архіерей просто-на-просто «приказалъ» подать ее. Покатилъ владыка по епархіи, дороги здѣсь отчаянныя, а гдѣ есть лѣса—тамъ не то что сломать, а и пополамъ экипажъ разорвать можно. Насколько хороша вернулась коляска изъ этого путешествія, можно судить по тому, что поѣхавшій, наконецъ, въ Уфу узнавать о судьбѣ ея Л. нашелъ ее у отца своего, къ которому велѣлъ отвезти ее архіерей, и

едва могъ продать за 40 руб. Все было разбито, расшатано и изорвано.

Любопытно тоже и то, что, когда Л. явился затѣмъ по какому-то дѣлу къ архіерею, послѣдній ни слова не обмолвился о коляскѣ: даже «спасибо» не сказалъ!

Пашкова съ негодованіемъ передавала мнѣ, что губернаторъ обложилъ становыхъ приставовъ налогомъ въ пользу своего Аксаковскаго дома въ размѣрѣ 40 руб. въ годъ. Уфа вся воетъ волкомъ: обираютъ, кого могутъ и гдѣ могутъ, заставляютъ платить по десять и болѣе разъ; теперь, кромѣ полиціи, за это дѣло взялись дамы во главѣ съ губернаторшей и лазаютъ, не брезгая, чуть не въ подвалы и подполья. Дождется нашъ генералъ чего-нибудь хорошаго; онъ теперь можетъ думать и разсуждать только объ этомъ домѣ — все остальное не его дѣло!

Сентябрь 19. Вчера крестили у Пунги его первенца — дочку Наташу. Собралось все наше общество и часть табынцевъ, всего было человѣкъ до 30. Пьянство было гомерическое; одного шампанскаго выпили двѣ дюжины, при чемъ у хозяина оказалась припасенной только одна; за другою ночью посылали нарочнаго въ Потребительскую лавку. Очень забавенъ былъ Тернеръ: милый старикъ подвыпилъ и все время плясалъ со студентомъ, Михаиломъ Михайловичемъ, мужемъ свояченицы Пунги, какой-то невиданный еще въ мірѣ танецъ; уѣзжая, онъ надѣлъ большіе галоши доктора, а мелкія взялъ подмышку; хозяйка — единственный трезвый человѣкъ въ домѣ — стала отнимать ихъ, но англичанинъ упорно не отдавалъ; сходя съ крыльца, онъ упалъ и, сидя въ грязи, подъ дождемъ, ни за что не позволялъ поднять себя: «самъ, самъ», твердилъ онъ. Оказалось на другой день, что лишнія галоши, которыя такъ усердно отнимала Пунга, были собственныя Тернера.

Подъ конецъ все было залито виномъ; на полу было что-то невообразимое. М. М. Зѣнецъ въ своей ще-

гольской новой тужуркѣ технолога сидѣлъ за чайнымъ столомъ съ дамами и опрокинулъ подрядъ три стакана чая на столъ; образовалась громадная лужа и онъ съ блаженнымъ видомъ шлепалъ по ней ладонью, обрызгивая всѣхъ сидѣвшихъ вокругъ. Пунгѣ стало дурно и онъ ушелъ въ садъ; его тамъ сразилъ фридрихъ-хераусъ, а сторожъ Василій, пьяница горчайшій, все время заботливо бѣгалъ за нимъ и освѣщалъ фонаремъ. Пунга гналъ его къ чорту, но тотъ почтительно не уходилъ и все свѣтилъ начальству.

Въ столовой играли въ банчокъ. Играли просто: то тотъ, то другой огребали со всего стола деньги къ себѣ и кричали: по банку! Деньги сыпались на полъ; кто ставилъ, сколько — все было никому неизвѣстно. Въ залѣ подъ граммофонъ танцовали кадриль, при чемъ всякая пара танцовала, что ей вздумается: докторъ съ мрачнымъ видомъ плясалъ канканъ; Егоръ Осиповичъ Тернеръ со студентомъ усердствовали въ подобіи кекъ-уока; другіе танцовали кто вторую фигуру, кто пятую. Нализавшійся до полусмерти стекловаръ Кулагинъ изрѣдка вставалъ, осторожно подходилъ къ Егору Осиповичу, цѣловалъ его неизмѣнно въ ухо и также осторожно добирался затѣмъ до своего мѣста и усаживался въ видѣ замаринованнаго фараона. Молодая жена Мих. Мих. то и дѣло выбѣгала смотрѣть, что дѣлаетъ ея благовѣрный (ему лѣтъ 29) и видя, что онъ пьетъ какъ губка, восклицала съ грознымъ видомъ: «Миша, я тебѣ это попомню!», затѣмъ поворачивалась и уходила, какъ Рашель въ трагедіи. — «Мое почтеніе!» восклицалъ на разные тоны добродушный Мих. Мих. свое любимое присловье и снова хлопалъ шампанское. Заснувшаго, наконецъ, доктора, вмѣстѣ съ кресломъ поставили на столъ. Бѣдная Елена Христофоровна глядѣла съ самымъ безпомощнымъ видомъ на толпу команчей, наполнявшую ея домъ. Въ такой передрягѣ ей приходилось быть впервые. Всѣ что-то орали, цѣловались; табынскій задира-докторъ пробовалъ говорить дерзости, но его не слушали; всѣ лили вино и шампанское изъ ста-

кановъ на полъ и на платья; то и дѣло звенѣла падающая посуда. Дымъ стоялъ туманомъ. Ассамблея эта кончилась въ 4 часа утра, при чемъ нѣкоторые гости уходить не желали и увѣряли, что они уже дома. Вызваны были по телефону лѣсники и кучера и съ помощью ихъ развезли и развели по домамъ публику.

Сентябрь 20. Вчера вечеромъ камнями выбили окна у лѣсничаго Матусевича. Когда онъ выбѣжалъ на улицу съ револьверомъ — никого на ней видно не было; да и гдѣ увидать — темень теперь стоитъ такая, что въ двухъ шагахъ ничего разобрать нельзя.

Сентябрь 21. Былъ сегодня у Бехмана «на дынѣ»: угощалъ роскошной и прямо чудовищныхъ размѣровъ кандалупой, съ избыткомъ хватившей на 14 человѣкъ.

Во время ужина затрещалъ телефонъ; испуганная прислуга Пунги сообщила, что сейчасъ у нихъ разбили камнями стекла. Вотъ и заботься о меньшей братіи! Пунга всячески старается вести дѣло честно и по отношенію къ хозяину и по отношенію къ рабочимъ и надо сознаться, что нигдѣ служащіе и рабочіе не поставлены такъ хорошо, какъ у Пашковыхъ.

Сентябрь 23. Вечеръ. Выпалъ довольно толстымъ слоемъ снѣгъ; грязища невылазная! Вчера ночью обокрали погребъ у Матусевича и чердакъ у завѣдующаго рѣзкой стекла Г. И. Ламина, безобиднаго и добродушнаго человѣка, обремененнаго семьей и очень нуждающагося. У послѣдняго, вдобавокъ, ночью побили въ домѣ камнями стекла. Приставу нашему цѣна грошъ, поэтому вызвалъ сегодня къ себѣ урядника и приказалъ нарядить патрули и устроить засады; кромѣ того, приказалъ привести ко мнѣ двухъ особенно хулиганистыхъ и подозрѣваемыхъ парней и объявилъ имъ, что если еще будутъ разбиты окна, или учинено другое безобразіе, то засажу ихъ въ острогъ. По выходѣ изъ моей камеры, парни эти на улицѣ хохотали.

Сентябрь 27. Ѣздилъ вчера съ нашими богоявленцами въ Табынское сперва на сходъ, а затѣмъ на именины къ Ив. Кузнецову. Видѣлъ у него его родственника, только что пріѣхавшаго изъ Уфы; разсказывалъ о путевыхъ приключеніяхъ; между прочимъ, теперь башкиры и чуваши, боясь холеры, опахали тройными бороздами свои села, перепахали дороги, ворота въ околицахъ позавязали веревками и никого не пропускаютъ черезъ деревни; приходилось объѣзжать ихъ полями и зачастую дѣлать здоровенные крюки изъ-за овраговъ.

Назадъ мы ѣхали почти шагомъ — темень висѣла такая, что я не различалъ пристяжныхъ. Докторъ и Пунга опрокинулись съ экипажемъ въ ровъ, но къ счастью только вымазались въ грязи, какъ захудалые борова; подъ конецъ опять принялся литъ дождь и четыре тройки наши едва доволокли насъ, по ступицу въ грязи, до Богоявленскаго!

Сегодня судилъ; бѣда съ богоявленскими и табынскими — пьютъ напропалую; страховыхъ платежей не вносили за 5 и 6 лѣтъ; когда идетъ по дворамъ сборщикъ — ругаютъ его и отказываются платить.

Посадилъ за такія исторіи нѣсколько табынцевъ и усольцевъ на двѣ недели каждаго подъ арестъ, а одного, особенно пьянаго, на мѣсяцъ. Что тамъ ни говори, а нельзя обойтись до сихъ поръ безъ помощи кулака въ государствѣ Россійскомъ!

Сентябрь 28. Пріѣзжали сегодня утромъ ко мнѣ Пунга и Бехманъ. На заводѣ вышли у нихъ нелады: 8 человѣкъ матеріальщиковъ явились къ Пунгѣ не въ разсчетный день и стали просить денегъ. А такъ какъ теперь все село готовится къ генеральному пьянству — съ перваго по третье октября, по случаю «престола», и Пунга знаетъ по опыту, что если теперь дать денегъ, то рабочіе запьянствуютъ не съ 1 октября, а съ сегодняшняго дня и остановятъ заводъ, то онъ и отказалъ имъ. Тогда они бросили работы и ушли. Примѣръ ихъ могъ вызвать подраженіе и Пунга направил-

ся ко мнѣ съ совѣтомъ, какъ быть. Предъявлять искъ на основаніи условій разсчетной книжки — долго и толку мало: нужно немедленно и разомъ остановить вотъ-вотъ могущую разыграться забастовку. Я обѣщалъ Пунгѣ уладить дѣло, сейчасъ же послалъ приказъ въ волостное правленіе—привести ко мнѣ всѣхъ восьмерыхъ человѣкъ. Черезъ нѣсколько часовъ ихъ разыскали и они толпой явились въ камеру.

— Вотъ что, братцы!—началъ я:—на васъ управленіе завода заявило жалобу, что вы самовольно ушли съ работы. Такъ это, или не такъ?

Рабочіе загалдѣли; народъ все былъ молодой и частью даже безусый.

— Да вѣдь мы пошли къ директору прибавку просить, а онъ не далъ! И денегъ не далъ; деньги намъ нужны!

— Такъ, — говорю, — очень можетъ быть, что вамъ деньги и нужны и платятъ мало! А только развѣ сегодня разсчетный день и заводъ обязанъ вамъ былъ выдать сегодня деньги?

— Нѣтъ, не обязанъ!

— А насчетъ прибавки, это вопросъ совсѣмъ другой; кто недоволенъ платой, тотъ заявляй, какъ полагается, разсчетъ за двѣ недѣли и уходи съ Богомъ. Такъ вѣдь въ книжкахъ вашихъ сказано?

— Такъ.

— Кто изъ васъ грамотный?

— Всѣ! — отвѣчаютъ.

Я взялъ Уставъ о Наказаніяхъ.

— Вотъ, — говорю, указывая на ближе стоявшаго: — прочитай всѣмъ вслухъ ст. 51.

Рабочій взялъ книгу въ руки и медленно, внятно прочелъ, что за бросаніе работы безъ предупрежденія рабочій подвергается аресту до одного мѣсяца.

— Слышали?

— Слышали!

— Ну, такъ вотъ братцы, что я вамъ скажу: вы прочитали законъ и теперь знаете, чему подвергаетесь; ваше дѣло я разберу завтра же и завтра же васъ всѣхъ

долженъ буду присудить къ отсидкѣ на мѣсяцъ! А потому вотъ вамъ мой совѣтъ: сажать васъ мнѣ не интересно, да и вамъ сидѣть не разсчетъ, а потому послушайтесь меня — отсюда же подите къ Пунгѣ и скажите, что завтра станете на работу. Если станете, онъ возьметъ жалобу обратно и дѣлу конецъ!

Рабочіе согласились единогласно. Сейчасъ, — уже вечеромъ, одинъ прибѣгалъ ко мнѣ — даже паръ валилъ у него ото лба и сообщилъ, что Пунга сказалъ, что возьметъ жалобу обратно.

— И отлично, — отвѣтилъ я. — Становитесь же завтра на работу и не дурите больше!

Сентрября 29. Вотъ и «инциденту» конецъ! Нарочно отправился сегодня на заводъ; рабочіе мои всѣ явились и Пунга очень благодарилъ меня за быструю помощь. Обошелъ съ нимъ заводъ, только что недавно пущенный въ ходъ, и со своей стороны попросилъ Пунгу выдать деньжатъ этимъ восьми человѣкамъ передъ праздникомъ. Пунга обѣщалъ.

Сентября 30. На волостномъ сходѣ выбрали старшину взамѣнъ ушедшаго. Кандидатовъ было намѣчено двое — одинъ табынецъ, другой рабочій со стекольнаго завода, усолецъ; оба по общимъ отзывамъ люди дѣльные и хорошіе. Въ русскихъ волостяхъ избраніе должностныхъ лицъ задача трудная: должность хлопотливая, жалованье грошевое и оба кандидата предупредили, что могутъ согласиться только въ томъ случаѣ, если жалованье съ тридцатипяти рублей будетъ добавлено до пятидесяти.

Народа набилось въ Правленіе, какъ на ярмаркѣ; всю площадь кругомъ него заполнили телѣги и лошади пріѣзжихъ. Услыхавъ заявленіе о необходимости прибавить жалованье, толпа загудѣла протестами; особенно возмущался какой-то рыжебородый табынецъ съ водяными глазами; онъ даже подскакивалъ и взмахивалъ руками. Настроеніе разросталось неблаго-

пріятное, между тѣмъ провести было необходимо одного изъ намѣченныхъ — упустить ихъ и получить въ замѣнъ какую нибудь орясину было нельзя!

Я постучалъ по столу и, когда всѣ замолчали, заявилъ, что кандидаты правы, такъ какъ работы теперь съ новыми законами прибавилось впятеро и что разговоръ идетъ о грошахъ: если разложить эти пятнадцать рублей на всю волость, то на душу не выйдетъ и трехъ копѣекъ, стало быть и говорить объ этомъ стыдно.

— Три копѣйки?! закричалъ рыжебородый: — сюды три, туды пять, да туды десять — вамъ эти деньги тьфу, а мужику ихъ горбомъ выбивать надо!.. Сходъ дружно поддерживалъ его.

— Будьте справедливы! возразилъ я. — Оба кандидата люди не богатые, жить то имъ чѣмъ нибудь нужно?.. Работы, повторяю, очень много!

— Да какая такая у нихъ работа, пузы наѣдать себѣ!.. заоралъ опять мужикъ. — Писаря у нихъ для работы есть; имъ уйму денегъ валимъ, а старшинѣ что дѣлать? Ладно, хорошъ и такъ будетъ!!..

— Всѣ на томъ стоите? спросилъ я.

— Всѣ, всѣ!!. загалдѣли бородачи.

— Тогда вотъ что: на основаніи закона я имѣю право самъ дѣлать прибавку къ жалованью должностныхъ лицъ. Я хотѣлъ обойтись по хорошему, по душамъ, а теперь сдѣлаю ее самъ!

— И дѣлайте!!. завопилъ рыжій. — А насъ тады къ чему же собирать было? Дѣйствуйте! А мы уходимъ!.. По домамъ, ребята... безъ насъ тутъ дѣла подѣлаютъ!.. Прощайте, ваше благородіе!..

Онъ и часть мужиковъ двинулись къ выходу.

Получалось, чортъ знаетъ что: мой престижъ въ деревнѣ висѣлъ на волоскѣ!

— Стой!!.—заревѣлъ я во все горло и вскочилъ съ кресла.—Тихо всѣ!!. Толпа умолкла и остановилась.

— Вотъ что, братцы!.. продолжалъ я: — а, вѣдь, онъ правъ! Каюсь передъ вами! простите: покри-

вилъ я душой, вѣрны его слова! Совсѣмъ нечего дѣлать старшинамъ, зря деньги вы имъ, бездѣльникамъ, платите!!..

Волость замерла: я видѣлъ только раскрытые рты да глаза.

— Не прибавлять имъ надо жалованье, а убавить! Сбавьте его старшинѣ наполовину — и пятнадцати съ него за глаза довольно! Но только уважьте и вы меня — выберите старшиной вотъ этого!.. Я указалъ на рыжаго и поклонился сходу.

Секунды съ двѣ стояла мертвая тишина, затѣмъ грохнулъ такой хохотъ, какого стѣны Правленія, я думаю, и не слыхивали! Рыжій растерялся и озирался.

— Вотъ это дѣло!!. слышались восклицанія: — уважимъ земскаго!!. Пущай Перфильевъ послужитъ!.. Выбирай, ребята, Перфильева!.. Рыжаго въ старшинахъ у насъ еще не было!..

— Да, какой же онъ старшина будетъ?.. съ недоумѣніемъ обратился ко мнѣ и къ своимъ сосѣдямъ одинъ изъ ближайшихъ крестьянъ: онъ видимо еще не взялъ въ толкъ происшедшаго: — онъ и волость всю запуститъ!!.

— А ужъ это мое дѣло!.. отвѣтилъ я: — я посмотрю, какъ онъ у меня работать не будетъ!..

Рыжій, не видя ни откуда поддержки, струсилъ окончательно.

— Нѣтъ, ужъ это зачѣмъ же?.. забормоталъ онъ: — мы не согласны!!. И онъ сталъ пробираться къ дверямъ сквозь гоготавшую и сыпавшую шутками и остротами толпу.

Черезъ четверть часа все было кончено: старшиной, подъ общее одобреніе, выбранъ рабочій Пальговъ и жалованье ему сходомъ назначено, безъ единаго слова съ моей стороны, въ пятьдесятъ рублей.

Никогда еще такъ весело и низко не кланялись мнѣ мужики, какъ сейчасъ, когда всей ордой высыпали на площадь, провожая меня!

Октября 2. Валитъ снѣгъ, слякоть неистовая. Тѣмъ не менѣе пьянству погода не препятствуетъ — гульба идетъ во всю. Къ этимъ днямъ готовились заранѣе, распродавали гусей, индюшекъ, все, что могли, и припасали водки. Ночью двоимъ — парню и сторожу — раскроили головы, нашли ихъ въ крови на улицахъ и тоже пьяными.

Пререканія губернатора съ Петербургомъ насчетъ Аксаковскаго дома кончились — возведутъ его теперь просто въ стилѣ ренессансъ, уже безъ дани мѣстной татарщинѣ.

Получилъ отъ Потѣхина изъ Петербурга пару писемъ, пишетъ о Богушевскихъ и дѣлахъ «Міра». Послѣднія — весьма швахъ, сотрудникамъ не платится съ весны, Васенька скачетъ по Руси въ поискахъ денегъ; надуваетъ ихъ писательская братія, въ родѣ шарлатана «парижанина» С. и др. во всю, по прежнему! И несмотря на то, что «Міръ» даетъ имъ около 20 000 р. въ годъ убытка, они... задумали превратить его въ толстый журналъ, да еще съ рисунками! Если тощій «Міръ» съѣдалъ у нихъ по 20 000, то растолстѣвшій скушаетъ и всѣ 60 000!

Жаль ихъ; они, очевидно, свыше предназначены пролетѣть въ трубу!

Этой ночью, кромѣ разнаго рода дракъ и буйствъ, вродѣ разгрома оконъ и дверей въ нѣсколькихъ избахъ, угнали семь лошадей; у моихъ сосѣдей, по здѣшнему — «шабровъ» убили и увезли свинью. Къ священнику, къ доктору и фельдшеру, симпатичному старичку, служащему здѣсь уже 50 лѣтъ, ломились пьяныя компаніи съ требованіемъ водки; ругали ихъ при этомъ по всему лексикону Бодуэнъ де Куртенэ и грозили поджечь въ случаѣ отказа. Дьяконъ въ полночь долженъ былъ принимать и угощать этихъ гостей. Фельдшеръ не впустилъ ихъ и за это у него высадили рамы; священникъ успѣлъ дать знать уряднику, тотъ прискакалъ со стражниками и пущены были въ ходъ нагайки. Слышалъ все это отъ самихъ священника и доктора; удивительное дѣло, ничего подобнаго, по об-

щимъ отзывамъ, не было до 1905 года! Свобода у насъ мужиками и полуинтеллигентами понята весьма своеобразно — какъ право на всяческое и безнаказанное безобразіе.

Октября 13. Сейчасъ ходилъ на почту, но, несмотря на 8 часовъ вечера, она еще не пришла: говорятъ, стала Бѣлая и потому страшно замедляется переправа на ней. Жители городовъ не могутъ понять, что значитъ почтовый день въ глуши! Уже съ шести часовъ я не могъ ничѣмъ заниматься, наконецъ, не вытерпѣлъ, взялъ фонарь и отправился на край села, гдѣ находится почтовая контора. Ну, ужъ и дорога теперь! Не знаю, что лучше, грязь или мерзлыя кочки, на которыхъ того и гляди вывихнешь себѣ не то что одну, а сразу обѣ ноги... Снѣга выпало чуть чуть, и только въ горахъ установился санный путь; ѣздимъ еще на колесахъ.

Октября 17. Нежданно-негаданно попалъ въ Уфу. Въ Усолкѣ у насъ начали бѣситься собаки и 14-го подъ вечеръ покусали и меня; собаку я успѣлъ застрѣлить изъ револьвера, но лѣвую руку она все же прокусила мнѣ крѣпко. На другой день въ часъ я покатилъ въ Уфу; къ счастію, случилась оказія съ Пашковскаго завода и ѣхать довелось хотя и не въ рессорномъ, но все же въ приличномъ тарантасѣ вдвоемъ съ Зембергомъ.

Бѣлая стала только мѣстами, заторами, и подъ Табынскомъ мы переѣхали ее въ мятель на паромѣ; дорога такова, что ѣздилъ я по морямъ и сердитымъ озерамъ, но нигдѣ такой качки не испытывалъ! Снѣга немного, колеи глубокія и зубы отъ толчковъ лязгали другъ одруга, такъ что, казалось, попадись между ними желѣзо, раскусилъ бы.

Къ вечеру едва не заплутались; небо все закуталось тучами, кругомъ разстилались пашни, вездѣ смутно виднѣлся взрябленный кочками снѣгъ и кусты: куда хочешь, туда и направляй тройку, вездѣ какъ будто

дорога! Нѣсколько разъ въ оврагахъ едва не угодили мимо подпертыхъ кольями горе-мостовъ и, наконецъ, часамъ къ восьми вечера, добрались до Карманскаловъ — большого татарскаго села и заночевали тамъ на постояломъ дворѣ. Утромъ въ 7 ч. выѣхали и въ половинѣ двѣнадцатаго стояли на берегу Бѣлой противъ Уфы. Высоко она расположена! Мы завидѣли ее верстъ за 40.

По рѣкѣ шли огромныя льдины, но перевозъ еще работалъ; крохотный пароходишко таскалъ по очереди двѣ косныя лодки. И нашъ, поемный низкій берегъ, и противоположный, горный, кишѣли на спускахъ народомъ; обозы вытянулись цѣлыми вереницами въ нѣсколько линій — очереди крестьяне ждали по двое сутокъ.

Наша тройка, какъ «пассажирская», шла внѣ очереди. На косную уставили 9 лошадей, повозки, набилась уйма народа и пароходъ, подвезя косную съ того берега, поволокъ наконецъ и насъ. Не успѣли отвалить, — чуть, было, не произошло несчастіе: чалка какими то судьбами попала въ лопасти винта и пароходъ остановился среди рѣки; матросы съ руганью принялись баграми распутывать винтъ. Между тѣмъ на насъ сверху наносило гигантскую льдину, эдакъ въ полдесятины размѣромъ. На нашей косной раздались крики: «срѣжетъ, срѣжетъ! Потонемъ!»

Помедли пароходикъ еще немного — и льдина дѣйствительно пустила бы насъ ко дну — помостъ лодки возвышался надъ водой не болѣе, какъ на четверть аршина, и проломи льдина ей бортъ — разговоръ съ нами былъ бы короткій! Стоялъ я, глядя на поднявшуюся суету и поймалъ себя на мысли: — вотъ, чортъ возьми, погибнутъ теперь мои записки!» Обѣ книги я, боясь пожаровъ, какъ всегда, везъ съ собой и онѣ лежали у меня въ корзинѣ, крѣпко прикрученной къ задку тарантаса, поверхъ ящика съ убитой собакой.

Пароходишко кое какъ успѣлъ оправиться и, чтобы избѣжать встрѣчи сталъ уходить внизъ по теченію; льдина съ глухимъ трескомъ и шуршаніемъ все же

черкнула по косной краемъ и чуть накренила насъ; наконецъ, мы благополучно высадились на правый берегъ.

На немъ было столпотворенie; мѣсто у пристани подъ отвѣсной горой маленькое; сверху двумя колѣнами прямо въ середину его спадаетъ крутая дорога, вся запруженная возами и народомъ, по ней катили внизъ громадныя бочки, едва сдерживаемыя тремя и четырьмя людьми, волокли ящики, того и гляди, могли упустить ихъ и тогда прощай ноги и кости у каждаго встрѣчнаго! Товары навалены на берегу грудами, кругомъ гомонъ и крикъ, какъ ни на одной ярмаркѣ. Вездѣ шныряли оборванные мальчишки — «мартышки», соблазнявшie пѣшихъ перевезти «на легкой», т. е. на маленькихъ лодочкахъ. Посудинъ этихъ ныряло между мчавшимся по рѣкѣ льдомъ десятковъ до двухъ; каждый годъ здѣсь эти лодочники тонутъ и топятъ людей, тѣмъ не менѣе подвизаются невозбранно. Стражники, дежурящie на обоихъ берегахъ, наблюдаютъ только за «порядкомъ».

Переправа, несмотря на ускоренный темпъ въ виду того, что я «начальство», все же заняла у насъ болѣе часа и только къ половинѣ второго попали мы на Уфимскую улицу, въ контору Пашковыхъ, гдѣ радушно прiютили меня.

На прививку идти было поздно; я переодѣлся и отправился къ губернатору, но видѣлъ только Лобунченко; встрѣтилъ онъ меня очень любезно и тутъ же передалъ мнѣ 4 архивныхъ дѣла, которыя я съ большой радостью и увезъ къ себѣ; дѣла любопытныя, а въ особенности одно, о лже-Константинѣ, дѣйствовавшемъ въ 1840 - 5 г.г. въ здѣшнихъ краяхъ.

Утромъ сегодня забралъ привезеннаго съ собой собачьяго покойника и отправился на Пастеровскую станцiю; спасибо Пастеру, что порадѣлъ о насъ грѣшныхъ! Тамъ сдѣлали мнѣ уколъ и придется просидѣть здѣсь недѣли двѣ, а быть можетъ и съ «гакомъ», какъ говорятъ крестьяне. Что же, нѣтъ худа безъ добра: по крайней мѣрѣ пороюсь всласть въ архивѣ!

Сегодня хотѣла выѣхать отсюда на нашихъ лошадяхъ жена Бехмана, привозившая своего племянника, тоже укушеннаго въ Усолкѣ бѣшеной собакой, но ямщикъ вернулся обратно — перевозъ закрыли еще вчера въ четыре часа дня...

Бѣлая стала и переправы пока нѣтъ. Во время мы проскочили сюда! Уфа съ трехъ сторонъ окружена водой и весной и осенью городъ находится буквально въ осадномъ положеніи.

Октября 19. На прививку ходитъ довольно много народа, человѣкъ до 50; докторъ говорилъ, что бываетъ и больше. Публика самая разнообразная, отъ гимназистокъ до полудикихъ чувашей. Уколы почти нечувствительны. Время летитъ быстро, разбираю старинныя дѣла, по вечерамъ хожу въ Дворянское собраніе, въ Драматическій кружокъ.

Маленькій фактикъ, рисующій Шаляпина: своимъ выходомъ въ люди онъ очень и очень обязанъ между прочимъ и Уфимскому кружку, въ которомъ онъ сперва зарабатывалъ деньги перепиской нотъ, а затѣмъ получилъ отъ него пособіе для дальнѣйшаго музыкальнаго образованія.

Особенно много сдѣлалъ и хлопоталъ для него предсѣдатель кружка Брудинскій. И вотъ, когда этотъ самый предсѣдатель, пріѣхавъ въ Москву, отправился повидать современную знаменитость, — знаменитость эта во первыхъ очень долго не допускала его предъ свои свѣтлыя очи, а затѣмъ, когда, наконецъ, соблаговолила появиться, то... не узнала ринувшагося къ ней навстрѣчу старика. «Это были худшія минуты въ моей жизни!» — разсказывалъ Малѣеву Брудинскій, «подобнаго оскорбленія еще не приходилось переживать мнѣ!»

Малѣевъ разсказалъ мнѣ, между прочимъ, рядъ курьезовъ изъ уфимской жизни. У него въ складѣ губернаторскіе чиновники конфисковали много книгъ, изъ которыхъ въ дѣйствительности подлежащихъ аресту не было ни одной. Онъ обѣщалъ дать мнѣ спи-

сокъ ихъ, а также и кой какіе другіе любопытные документы. Въ числѣ «опасныхъ» книгъ забранъ, напр. Джеромъ-Джеромъ, «Всеобщее равенство».

Октября 23. Снѣгу за ночь намело горы; тротуары въ Уфѣ чистятъ только на двухъ главныхъ улицахъ — Успенской и Центральной, на остальныхъ пѣшеходы протариваютъ себѣ, по усмотрѣнію, тропочки и балансируютъ и падаютъ на нихъ, какъ кому угодно. О томъ, чтобы сгребать снѣгъ съ улицъ здѣсь еще не додумались и потому переходить черезъ нихъ можно только на перекресткахъ.

Послѣ прививки пошелъ въ Губернскій Архивъ, пересмотрѣлъ описи и кучу дѣлъ о расколѣ и притомъ «секретныхъ». Сидишь въ россійскихъ архивахъ и думаешь — какое море бумаги извели чинуши на всякую ерунду и какое выѣденное яйцо огромное большинство нашихъ «секретныхъ» дѣлъ! Здѣшній архиваріусъ подготовляетъ теперь къ уничтоженію около 8 000 дѣлъ, но это капля въ морѣ. Ихъ слѣдовало бы уничтожить сто тысячъ!

Третьяго дня былъ у Ключарева; встрѣтилъ очень любезно и при прощаніи сказалъ, что когда пріѣдетъ въ Петроградъ, будетъ благодарить министерство за «такого превосходнаго во всѣхъ отношеніяхъ сотрудника, какъ вы». Чѣмъ я такъ превосходенъ—не знаю, не грѣшенъ!

Аксаковскій домъ поднялся отъ земли всего лишь по второй этажъ и Ключаревъ уже подумываетъ «подарить» его городу, земству и дворянству, т. е. иными словами сбыть его съ рукъ за полнымъ собственнымъ банкротствомъ. Выходъ простой, да только не слишкомъ ли ужъ онъ простъ?..

Октября 25. Пріѣзжали наши усольцы — Пунга и Бехманъ. Дѣлъ у нихъ, собственно говоря, не было никакихъ, но захотѣлось прокатиться по первопутку и покутить у Яра. Судьба наказала ихъ жестоко: оба дня пребыванія ихъ здѣсь лилъ дождь и дулъ теплый

вѣтеръ; снѣгъ исчезъ точно по волшебству. Еще хорошо, что Бехманъ наканунѣ отъѣзда послалъ лошадей за Бѣлую: сегодня уже перехода черезъ рѣку нѣтъ, она вся вздулась и вотъ-вотъ тронется. По дорогамъ плывутъ теперь въ саняхъ по грязи.

Октября 27. Былъ у здѣшней живой лѣтописи, у Николая Александровича Гурвича. Живетъ онъ на Аксаковской улицѣ, грязища по дорогѣ къ нему несказуемая — вся улица кажется однимъ потокомъ изъ черной жижи.

Старикъ деньми ветхъ, но до сихъ поръ очень интересуется исторіей и археологіей; роста онъ невысокаго, широкій и полный, съ круглымъ бритымъ лицомъ и съ усами; изъ подъ очковъ глядятъ слегка потускнѣвшіе и слезящіеся глаза.

Въ семидесятыхъ годахъ онъ принималъ дѣятельное участіе въ статистическомъ комитетѣ, собиралъ музей, учредилъ библіотеку, словомъ, личность въ исторіи Уфы замѣтная. Съ грустью говорилъ мнѣ, что его дѣтище — библіотека комитета переведена теперь въ канцелярію губернатора и много пораспропало и порастащено изъ нея. Про музей старикъ ничего не говорилъ, но я и самъ знаю, въ видѣ какихъ авгіевыхъ конюшенъ находится это учрежденіе! Старикъ, конечно, безсиленъ теперь сдѣлать что-либо, а помощниковъ у него нѣтъ.

Пособралъ отъ Гурвича кое-какія свѣдѣнія и уѣхалъ. Между прочимъ очень онъ совѣтовалъ мнѣ побывать у здѣшняго преосвященнаго и попросить разрѣшенія покопаться въ семинарскомъ и консисторскомъ архивахъ. Послѣдніе, по его словамъ, очень богаты и не использованы, тогда какъ въ архивѣ губернскаго правленія работали уже многія лица и все цѣннѣйшее и интереснѣйшее давно вывезено въ Москву и другія мѣста.

Губернскій архивъ, дѣйствительно, бѣденъ, хотя и великъ; всѣ эти дни работалъ въ немъ и смогъ выбрать для увоза къ себѣ очень немного дѣлъ; громкихъ за-

главій масса, а начнешь читать самое дѣло — чепуха чепухой, однѣ канцелярскія отписки о пустякахъ!

Взялъ, напримѣръ, любопытное, казалось бы, дѣло о проѣздѣ въ 1837 году по Уфимской губерніи наслѣдника; дѣло въ 4 толстѣнныхъ томахъ, чуть ли не по 1600 листовъ въ каждомъ. И все это маршруты, приказы и рапорты о починкахъ дорогъ, мостовъ, заготовкахъ экипажей и т. п. О самомъ проѣздѣ, о томъ, что говорилось и происходилю при этомъ — ни слова, какъ будто его и не было.

Въ 4-омъ томѣ, правда, нашлось нѣсколько любопытныхъ строкъ: министерство внутреннихъ дѣлъ препроводило губернатору 9 085 рублей для выдачи за загнанныхъ во время этого проѣзда лошадей. Сколько же было загнано несчастныхъ тварей во всю поѣздку, когда только въ одной Уфимской губерніи ихъ пало на 9 085 рублей?

Стоитъ теплынь — впору ходить совсѣмъ безъ пальто, а у меня кромѣ шубы и мѣховой шапки съ наушниками нѣтъ ничего. Снѣга не видно нигдѣ, даже на горахъ кругомъ города.

Октября 30. Второй день роюсь въ библіотекѣ Губернскаго Статистическаго Комитета. Помѣщеніе ей отведено превосходное — въ подвалахъ губернаторскаго дома. Подвалы эти — цѣлый лабиринтъ, обитаемый курьерами, сторожами и усердно обслуживаемый генеральскими пуделями и кошками; тамъ же помѣщается кухня его превосходительства, занимающая вдесятеро лучшее помѣщеніе, чѣмъ библіотека.

Книги свалены въ двухъ каморкахъ безъ оконъ. Лежатъ онѣ и въ тюкахъ и прямо на полу, натырканы и въ нагроможденные тутъ же шкафы, запихивали ихъ кое-какъ, одинъ томъ въ одно мѣсто, другой въ другое. Думали, очевидно, только о томъ, какъ бы побольше затискать книгъ во всякій уголъ. У шкафовъ большинство стеколъ выбито, все покрываетъ пыль, по крайней мѣрѣ, въ четверть вершка толщиной.

Раздѣваюсь у курьера и безъ тужурки, въ одномъ жилетѣ, принимаюсь при свѣтѣ лампы за работу; когда-

то библіотека была богатая, но теперь кромѣ отдѣла статистики, и то новѣйшаго, все находится въ видѣ жалкихъ обрывковъ. Цѣлую уйму книгъ искрошили мыши, другія прогнили, лежа прямо на сыромъ и настолько грязномъ полу, что онъ производитъ на ощупь впечатлѣніе земляного. Несомнѣнно, и растащено много; большій по размѣрамъ подвалъ отдѣляется отъ общаго коридора тонкой деревянной перегородкой, доходящей лишь до двухъ третей высоты до потолка. Около перегородки стоятъ столы, наваленъ всякій мебельный ломъ и хламъ и перелѣзть черезъ нее — дѣло одной секунды. Да и перелѣзать, впрочемъ, не зачѣмъ: оба «книгохранилища» заперты висячими замками эдакъ копѣекъ въ пятнадцать за пару, которые открываются любымъ гвоздемъ.

Каталога нѣтъ. Сначала библіотека эта валялась связками въ одной изъ комнатъ губернаторской канцеляріи, затѣмъ «хламъ» переселили въ болѣе надлежащее мѣсто. Теперь она ждетъ въ своихъ подвалахъ окончанія Аксаковскаго дома и тогда клочки ея будутъ водворены въ него. Только... не завершится ли вся грандіозная затѣя съ нимъ тѣмъ, что начатый дворецъ просвѣщенія въ законченномъ видѣ явится казармой и будетъ совсѣмъ въ другихъ рукахъ?

По вечерамъ продолжаю бывать въ Дворянскомъ Собраніи. Сегодня тамъ въ большой залѣ были приготовлены громадные, покрытые красными сукнами столы, съ разставленными на нихъ урнами: долженствовали произойти выборы новыхъ членовъ. Но собраніе не состоялось: явилось всего... два человѣка.

Сегодня кончилъ прививки и черезъ три дня уѣду, вѣрнѣе поплыву по грязи въ свою Усолку. По Бѣлой сплошной ледоходъ... необычайно раннее вскрытіе, какъ острятъ мѣстные шутники.

Ноября 1. 30-го вечеромъ былъ у Оглоблина — прискакалъ сюда, сломя голову, по сердечнымъ дѣламъ. Видѣлъ у него другого нашего табынца — С. Д. Аполлонова. Удивительная здѣсь простота нравовъ! Апол-

лоновъ вынужденъ былъ бросить Табынское тоже изъ-за любовной исторіи съ женой тамошняго слѣдователя. Надуривъ въ Табынскѣ, онъ пріѣхалъ въ Уфу и вдругъ къ нему является агентъ сыскной полиціи для обыска. Аполлоновъ не растерялся и заявилъ, что, если онъ приступитъ къ обыску, то про это немедленно будетъ протелефонировано Лобунченкѣ. Имя это здѣсь всесильно, и агентъ, поговоривъ съ кѣмъ-то по телефону, отретировался съ извиненіями. Какъ оказалось, табынскій слѣдователь (теперь уже переведенный) далъ телеграмму въ полицію, чтобы у Аполлонова произвели обыскъ и отобрали письма . . .

Точно такая же исторія повторилась и съ Оглоблинымъ. Дама его сердца прикатила къ нему откуда-то изъ Сибири, а муженекъ ея махнулъ телеграмму о томъ, чтобы слѣдили, кто пріѣдетъ и будетъ бывать у нея. Такъ подъ надзоромъ шпика и проводилъ сладкіе часы любви нашъ вихрастый Ваня. Не допускать его къ «ней», конечно, не рѣшались, но караулили во всѣ глаза. Все это повѣдалъ мнѣ Аполлоновъ; Ваня настолько въ очумѣломъ состояніи, что ему пока не до разговоровъ.

Ноября 3. Вчера вечеромъ читалъ свою новую пьесу у графа П. П. Толстого — пайщика и негласнаго редактора «Вѣстника Уфы». Слушать собралось человѣкъ до 30, были и дамы, участвующія въ кружкѣ, были и земцы.

Только что я приступилъ къ чтенію третьяго акта — раздался звонокъ по телефону. Петръ Петровичъ подошелъ и взялъ трубку. «За что?» «Да»? «Такъ» — спокойно отвѣтилъ онъ невѣдомому, говорившему съ нимъ, затѣмъ положилъ трубку на столъ, чтобы впередъ не мѣшали чтенію и такъ же спокойно отошелъ и сѣлъ на свое мѣсто. За ужиномъ былъ веселъ, усердно угощалъ всю публику (онъ и его жена не садились совсѣмъ за столъ) и только на другой день я узналъ, что закрыли «Вѣстникъ Уфы» и что именно это извѣстіе было передано ему по телефону во время моего чтенія.

Газету закрылъ Окружной Судъ помимо Ключарева. Въ «Вѣстникѣ Уфы» появилось нѣсколько корреспонденцій изъ Златоуста, гдѣ рѣзко описывались дѣйствія суда, будто бы выселившаго земцевъ изъ ихъ помѣщеній и захватившаго ихъ для себя самымъ наглымъ образомъ. Корреспонденціи были подхвачены «Русскимъ Словомъ» и раздуты въ скандалъ, между тѣмъ онѣ были совершенно ложны. Судъ оскорбился, вечеромъ устроилъ экстренное засѣданіе и постановилъ газету пріостановить, а редактора упечь въ тюрьму. Толстой внесъ за него 1 000 руб. и забраннаго зитцъ-редактора выпустили на свободу.

Большое впечатлѣніе произвело на всѣхъ бѣгство другого Толстого — Льва... Только объ этомъ всѣ говорятъ и пишутъ. Давно это нужно было ему сдѣлать! Повторилась исторія Александра I, ушедшаго въ старцы Кузьмичи. Толстой уже дважды уходилъ изъ дома съ намѣреніемъ не возвращаться, но не выдерживалъ и пріѣзжалъ обратно. Еще въ Богоявленскѣ Пунга показывалъ мнѣ письма Черткова, въ которыхъ тотъ писалъ, что Софья Андреевна дошла до геркулесовыхъ столбовъ невозможнаго поведенія и стала даже требовать, чтобы Толстой не видался съ нимъ и прекратилъ съ нимъ сношенія.

Ночь. Вечеромъ былъ у старшаго совѣтника Губернскаго правленія, А. И. Федорова; исторію закрытія «Вѣстника» онъ подтвердилъ вполнѣ, добавивъ, что губернаторъ не шевельнулъ въ данномъ дѣлѣ и пальцемъ.

Сидимъ мы съ Федоровымъ въ кабинетѣ его, пьемъ чай и бесѣдуемъ объ архивѣ и «Краѣ». Вдругъ раздается звонокъ телефона, Федоровъ проковылялъ къ нему — онъ хромой — взялъ трубку и лицо его моментально измѣнилось и превратилось въ необычайно елейно - ласковое. «Ахъ, ваше превосходительство! Имѣю честь кланяться! Слушаю... слушаю-съ...»— онъ расшаркивался у телефона.—«У меня сидитъ Сергѣй Рудольфовичъ... Слушаю-съ...»

— Губернаторъ звонилъ! — пояснилъ онъ мнѣ, окончивъ разговоръ: — онъ желаетъ съ вами о чемъ-то поговорить и просилъ вамъ передать, чтобы вы завтра къ нему заѣхали!

— Какъ завтра? Завтра я уѣзжаю, у меня лошади заказаны къ шести часамъ утра! Если онъ желаетъ меня видѣть, то нельзя ли сегодня?

Хозяинъ соединился опять съ губернаторскимъ кабинетомъ; генералъ сказалъ, что ожидаетъ меня. Распростился я съ А. И., сѣлъ на извозчика и поскакалъ къ губернатору, недоумѣвая, зачѣмъ его превосходительству понадобилось меня видѣть?

Домъ губернатора былъ теменъ и только въ угловой комнатѣ — кабинетѣ — виднѣлся свѣтъ. И днемъ, и ночью у обоихъ фасадовъ «дворца» стоятъ двое стражниковъ; двери охраняетъ городовой. Послѣдній отдалъ мнѣ честь и распахнулъ ихъ; затрещалъ звонокъ, лѣстница мгновенно освѣтилась и наверху меня встрѣтили швейцаръ и дежурный стражникъ.

Черезъ темный коридоръ и пріемную я прошелъ въ кабинетъ и увидалъ Ключарева. Онъ видимо былъ не въ духѣ и облаченный въ черный статскій сюртукъ ходилъ по мягкому ковру.

— Скажите, — началъ онъ, поздоровавшись и усадивъ меня: — что, по вашему мнѣнію, дала русскому человѣку революція?

— Очень мало, — отвѣтилъ я съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ.

— Плюсъ или минусъ?

— Минусъ.

Генералъ нацѣлился мнѣ пальцемъ въ носъ и если не досталъ до него, то только потому, что насъ раздѣлялъ письменный столъ огромныхъ размѣровъ.

— Вотъ! — торжествующе сказалъ онъ. — Скажите, задавались ли вы вопросомъ, куда мы идемъ и кто причина всѣхъ бѣдъ?

Вопросъ былъ скользкій.

— Идемъ къ скверному, — отвѣтилъ я. — А причинъ — иксъ плюсъ единица.

— Я много думалъ объ этомъ, — началъ опять генералъ, снова заходивъ по ковру. — Въ самую кипѣнь революціи я былъ вице-губернаторомъ и все вынесъ на своихъ плечахъ. Я все видѣлъ, все пережилъ и все знаю. Виноватъ во всемъ — ж-и-д-ъ!..

Записываю, такъ сказать, только квинтъ-эссенцію разговора: его превосходительство чрезвычайно словоохотливъ и распространялся на эту тему много, долго и сверхчерносотенно.

— Я сторонникъ твердой власти! Безъ нея мы погибнемъ! — рѣшительно восклицалъ онъ нѣсколько разъ.

Я сидѣлъ въ креслѣ, прихлебывалъ чай и съ любопытствомъ наблюдалъ твердую власть губерніи, весьма твердо находящуюся въ рукахъ Лобунченки и К°. Удивительно она походила на бормочущаго индюка; голова его превосходительства была опущена долу, онъ все время моталъ ею и какимъ чудомъ держалось пенснэ на длинномъ, съ толстымъ мясистымъ раструбомъ носу его — я не могъ постичь.

— «Для какого же чорта ты вызвалъ меня?»—думалъ я, слѣдя глазами за высокимъ ораторомъ. Онъ то наскакивалъ на меня, закинувъ назадъ голову и поднявъ руки, то обхватывалъ ими животъ, вздергивалъ вверхъ плечи и начиналъ пятиться отъ меня на шкафъ съ книгами съ такимъ видомъ, какъ будто я собирался его укусить. — «Навѣрное, тебѣ донесли, что я бываю у Малѣева, у графа Толстого и вообще въ кружкѣ, который у тебя на черной доскѣ?» И я уже приготовилъ отпоръ, какъ вдругъ, вмѣсто ожидаемыхъ кислыхъ словъ, Ключаревъ сталъ сыпать мнѣ комплименты.

— Вы человѣкъ талантливый! — заявилъ онъ, — и мнѣ очень хочется подѣлиться съ вами идеей. Я думалъ надъ нею много и долго, но выполнить ее самъ не могу — для этого нуженъ человѣкъ, владѣющій перомъ и притомъ такъ блестяще, какъ вы. Словомъ, я хочу вдохновить васъ на новыя «Мертвыя Души»:

будьте Гоголемъ, а я буду вашимъ Пушкинымъ! Хотите?

«Малаго захотѣлъ!»—мелькнуло у меня въ головѣ.

— Не такъ это просто стать Гоголемъ! — вслухъ отвѣтилъ я.

Генералъ замахалъ руками.

— Просто, просто! Только захотите! Но помните, задача грандіозна. Я когда былъ въ Петроградѣ, то предлагалъ за нее взяться нѣсколькимъ писателямъ, но никто не рѣшился: не по силамъ, отвѣчали. Я все уже выносилъ въ себѣ, все обдумалъ,—теперь остается только сѣсть и писать. Сюжетъ таковъ: въ первомъ дѣйствіи — это должна быть драма — русская прекрасная и чистая молодежь слушаетъ ораторствующаго жида, громящаго всѣ устои, и поддается его вліянію. Другіе жидки тоже хлопочутъ о совращеніи ея. Митинги, зажигательныя рѣчи и прочее. Второй актъ — молодая, прекрасная русская дѣвушка увлекается жидомъ и сходится съ нимъ; жидовка сходится съ такимъ же идеалистомъ русскимъ студентомъ и толкаетъ его на преступленія противъ власти. Третье дѣйствіе — террористическій актъ; нѣкоторые гибнутъ при взрывѣ бомбы, остальныхъ схватываютъ. Четвертый актъ — судъ и ссылка русской ослѣпленной фразами и лжепророками молодежи; жиды остаются въ сторонѣ и, конечно, на свободѣ. Пятое дѣйствіе — гибель русской дѣвушки, соблазненной жидомъ, медленная агонія сосланныхъ въ ледяныя тундры, горе родителей ихъ и, наконецъ, апофеозъ: русскіе вытѣснены, русскіе въ ссылкахъ, въ тюрьмахъ, русскіе убиты и казнены, а на мѣстѣ ихъ вездѣ, въ литературѣ, въ торговлѣ, въ судѣ, вездѣ, вездѣ — торжествующій жидъ!!.

Раскраснѣвшійся отъ бѣготни и азарта, съ которымъ говорилось все это, Ключаревъ остановился и, закинувъ назадъ голову, съ торжествомъ уставился на меня.

— Возьмитесь! Возьмитесь за эту тему! Это величайшая вещь будетъ, вѣдь жидъ идетъ! Надо сплотиться намъ всѣмъ и дать ему отпоръ, надо открыть

глаза всѣмъ! Драма эта тяжелая, страшная, зритель уйдетъ изъ театра подавленный, но съ прозрѣніемъ въ душѣ: онъ увидитъ дѣйствительнаго врага и пойметъ, какъ бороться ему и съ кѣмъ!

Я давно зналъ, что Ключаревъ далеко не уменъ, но такого пассажа у него въ головѣ все-таки никакъ не ожидалъ.

— Задача большая, — отвѣтилъ я вопросительно смотрѣвшему на меня генералу; онъ, очевидно, ждалъ, что меня сведутъ судорги отъ восторга передъ его прозорливостью и геніальностью, но я спокойно съ дѣловымъ видомъ мѣшалъ ложкой чай. — Чтобы ее выполнить, нужно слишкомъ много времени!

— Годъ! Пишите годъ, ну, два! — воскликнулъ Ключаревъ. — Но напишите непремѣнно!

Черезъ годъ я надѣюсь уже быть далеко отсюда, тѣмъ не менѣе, согласія облекать плотью его белиберду я не далъ, отдѣлался пустыми фразами, которыя онъ принималъ съ восторгомъ и, видимо, за чистую монету.

Ровно полтора часа длилась наша бесѣда.

Человѣка, видимо, надо бы полѣчить, а его заставляютъ управлять губерніей!

Слышалъ въ Уфѣ, что Ключаревъ продѣлалъ съ Давлекановцами; они хлопочатъ о преобразованіи ихъ села въ городъ; разумѣется, на нихъ, какъ на имѣющихъ нужду въ губернаторѣ, насѣли съ подписными листами на Аксаковскій домъ. Подписываться заставили всѣхъ, многіе подписали по 10 руб., а одинъ, разсчитывающій попасть въ головы, 50 р. Ключаревъ, получивъ листъ, ничтоже сумняся, подставилъ ко всѣмъ цифрамъ пожертвованій по нулю. Когда же Давлекановцы явились объясняться, онъ очень ласково обошелся со всѣми.

— Какъ же быть? — говорилъ онъ, — вы хотите стать городомъ? Отлично, но помогите и намъ — и т. д.

А мѣтившему въ головы заявилъ, что меньше 500 р. ему жертвовать неприлично, что постъ головы — высокій постъ и что... утвержденіе въ немъ зависитъ

отъ губернатора! Пришлось кланяться и улыбаться... а въ душѣ у всѣхъ котлы кипѣли противъ ласковаго генерала!

Ноября 5. Опять сижу въ каморкѣ въ Богоявленскѣ со своимъ собесѣдникомъ — этой книгой.

Выѣхалъ изъ Уфы 4-го въ 7 часовъ утра; на Бѣлой опять былъ сильный ледоходъ и переправа черезъ нее задержала часа на два. Къ девяти часамъ вечера едва добрался до Нагадака, гдѣ и заночевалъ у Сафіуллы на постояломъ дворѣ.

Дорога безснѣжная и отчаянная. Но главная непріятность ждала впереди: утромъ въ крестьянскомъ лѣсу подъ Табынскомъ сломалась задняя желѣзная ось. Пришлось пѣшкомъ идти до переправы и оттуда послать людей на выручку тарантаса, застрявшаго въ рытвинѣ.

Паромъ не ходилъ. Бѣлая здѣсь не широка, но чрезвычайно быстра; вся она была покрыта несшимися льдинами. Съ другого берега подали крохотную долбленку, болѣе похожую на свиное корыто, чѣмъ на лодку, и мы стали перебираться на Табынскую сторону. Я сидѣлъ на обледенѣломъ днѣ лодченки, лавочекъ не имѣлось. Бортовъ касаться руками было нельзя: лодчонка такъ валка, что сразу могла опрокинуться. Ледъ шуршалъ и скрипѣлъ вокругъ; нельзя сказать, чтобы путешествіе было изъ пріятныхъ!

Переправившись, я отправился къ протоіерею Зыскову; туда же доставили и вещи, въ томъ числѣ и корзину съ книгами. Сколько разъ уже подвергались онѣ опасности погибнуть тѣмъ или другимъ способомъ!

Старикъ протоіерей встрѣтилъ, какъ всегда, чрезвычайно радушно. Между прочимъ, спросилъ меня — правда ли, что губернатора переводятъ въ Архангельскъ и притомъ вице-губернаторомъ? Я удивился. Оказывается, слухъ этотъ упорно держится въ Стерлитамакѣ. Дыму безъ огня не бываетъ и, возможно, что по поводу его Аксаковскихъ сборовъ имѣется не мало доносовъ въ министерствѣ!

Видѣлъ у Зыскова племянника его, И. Оглоблина; у нихъ въ Табынскѣ вышла большая непріятность: товарищъ Оглоблина, тоже кандидатъ на судебныя должности, возращался вчера вечеромъ домой и по дорогѣ на него напало шесть парней и избили его палками ни съ того, ни съ сего, «изъ озорства», какъ выразился Оглоблинъ. Кто такіе — неизвѣстно, да и въ сущности, оффиціально начинать такое дѣло неудобно для самого же побитаго. Побили крѣпко, такъ что бѣдняга теперь лежитъ. Распорядился, чтобы негласно, подъ рукой, узнали, кто эти герои.

У насъ на заводѣ все по прежнему.

Ожидала меня куча писемъ, между прочимъ отъ Ф. Потѣхина и Н. Пружанскаго изъ Петербурга. «Богушевскіе дурятъ по прежнему» — пишетъ послѣдній, — «разница только та, что прежде они дурили съ деньгами, а теперь дурятъ безъ денегъ». Затѣяли они преобразоваться съ 1 января въ толстый журналъ, а между тѣмъ, въ виду временнаго безденежья, рѣшили... пріостановить журналъ до 1 января! И это въ самый разгаръ подписки! А чтобы наверстать потерянное довѣріе публики, разослали 100 000 объявленій...

Ноября 13. Сегодня дошли до насъ вѣсти о смерти Толстого на станціи Астапово... Ушелъ послѣдній изъ большихъ людей... Какъ скоро, однако, сбылось мое предчувствіе о немъ!

Всѣ петербургскія газеты полны бюллетенями о его болѣзни, а въ мѣстныхъ органахъ уже зловѣще чернѣютъ телеграммы о его смерти. Какъ-то вывернется теперь Синодъ, отлучившій его отъ церкви?

Морозу — 15°. Снѣга нѣтъ совершенно и земля потрескалась, какъ лѣтомъ, въ сильную засуху.

Ноября 20. Всѣ эти дни усиленно занимался разборомъ судебныхъ дѣлъ. Въ большинствѣ — всѣ они чепуха. Напримѣръ, поступилъ ко мнѣ на-дняхъ протоколъ отъ урядника, суть его — покушеніе на убійство нѣкой дамы-польки, жены арендатора большой

мельницы, рабочими. Покушались такимъ образомъ: она сидѣла у окна и вкушала чай, а тѣ запалили ей въ окно... живымъ гусемъ!

Недурны у насъ здѣсь и подпольные адвокаты. Глава ихъ и въ нѣкоторомъ родѣ звѣзда — нѣкто Тѣняевъ, горчайшій пьяница и поднадзорный, что составляетъ до извѣстной степени предметъ его гордости. Сей захудалый гусь строчитъ все, что угодно, и притомъ одинаково безграмотно, но зато «по таксѣ». При этомъ всегда важно вопрошаетъ приходящихъ къ нему кліентовъ: «тебѣ какъ: со статьями прошеніе писать, или безъ статей?» Со статьями у него на гривенникъ дороже...

Пробовалъ я раза два провѣрить эти его статьи, весьма магически дѣйствующія на темныхъ людей, да больше не буду! — ставитъ онъ ихъ такъ, отъ души, что пришли на умъ первыми.

Много приходится возиться и со старшинами. Всѣ они — темные и иногда неграмотные люди, ровно ничего не знающіе и не понимающіе въ той сложной машинѣ, во главѣ которой ихъ фиктивно ставятъ. Разумѣется, безъ писаря — старшина ни тпру, ни ну и весь съ головой въ рукахъ его. И иначе, при настоящей темнотѣ народа, быть и не можетъ!

Присмотрѣлся я къ своимъ и заявилъ писарямъ, что настоящіе старшины у меня они и что спросъ будетъ въ первую голову идти съ нихъ же!

Ноября 25. Четвертый день провожу въ Стерлитамакѣ: сессіи у насъ длинныя и придется просидѣть здѣсь до 30-го.

Познакомился съ Лейдекеромъ — со своего рода знаменитостью нашего уѣзда: толстякъ съ маленькими хитрыми глазками и точно изъ дубоваго отрубка вырѣзаннымъ длиннымъ, какъ бы накладнымъ носомъ. Собесѣдникъ незамѣнимый, острякъ, балагуръ и, такъ сказать, фоліантъ съ анекдотами. Ухо съ нимъ, однако, надо держать востро, сплетникъ онъ еще болѣе незамѣнимый.

Между прочими курьезами нашей обывательщины слышалъ разсказъ объ одномъ изъ коллегъ, дошедшемъ до озвѣрѣнія отъ торчанія среди башкиръ и пейзанъ Его застали въ день разбора судебныхъ дѣлъ; засѣданіе происходило у него на квартирѣ; онъ лежалъ въ одномъ бѣльѣ на кровати, около него стояла бутылка съ водкой, а на поставленное угломъ колѣно его была накинута судейская цѣль.

Дѣла пока что идутъ скучныя и почти всѣ однообразныя — главнымъ образомъ, о мошенничествахъ башкиръ при сдачѣ своихъ земель въ аренду; рѣдкій сдаетъ ее одному лицу — у нихъ чуть не правило — сдавать одну и ту же землю нѣсколькимъ крестьянамъ. Оно, что говорить, выгодно... до начала пашни, конечно! Жалкіе они все-таки люди: «бѣднушка» народъ, какъ говорятъ они!

Ноября 26. Выпалъ снѣжокъ и установился путь. По вечерамъ Кузнецовы присылали за мной лошадь и я отправлялся къ сыну Алексѣя Васильевича — Павлу. Славная вся семья ихъ! Всѣмъ они интересуются, все ихъ занимаетъ. Открыли они здѣсь отличный кинематографъ, имѣли и свою типографію, сгорѣвшую въ большой пожаръ.

Павелъ Алексѣевичъ поднесъ мнѣ книгу о расколѣ, напечатанную у нихъ, и весьма интересную тѣмъ, что, во-первыхъ, ее теперь трудно найти, а во-вторыхъ, потому, что, по его словамъ, она ясно показываетъ, какъ мошенничаютъ миссіонеры въ полемикахъ со старообрядцами. Авторъ ея священникъ-миссіонеръ Кандарицкій («Опытъ систематическаго пособія при полемикѣ со старообрядцами. Стерлитамакъ. 1907 г.).

Старика Кузнецова выспрашиваю о прошломъ; онъ изъ владимірскихъ крестьянъ и дѣдъ А. В. былъ крѣпостнымъ графа Орлова. Старикъ нисколько не скрываетъ этого: охъ, какъ многимъ изъ «высокородій» слѣдовало бы поучиться у него такту и умѣнью держать себя!

Въ молодости ходилъ онъ по Бѣлой и по Волгѣ съ караванами барокъ. Послѣднія управлялись тогда «поносными»—такъ назывались шестивершковыя бревна, замѣнявшія рукоятки у громадныхъ рулей; поносныя находились и на кормѣ, и на носу; на особо большихъ баркахъ, ихъ бывало по двѣ пары. Каждая такая махина требовала для управленія ею человѣкъ 30 и болѣе. Около нихъ распоряжались «урядники», т. е. старшіе надъ бурлаками и, если замѣчали, что работа идетъ плохо — лупили палками по чемъ попало и праваго и виноватаго. Выбирались они изъ тѣхъ же бурлаковъ и за свое «урядничество» получали сверхъ равной платы со всѣми по четверкѣ чая за сплавъ.

«Погрубѣй были нравы, пожестче», — разсказывалъ Алексѣй Васильевичъ. «Порки на каждомъ шагу происходили, не понималъ какъ-то народъ, что въ обиду битье и ругань считать надо. И въ семьяхъ круче и суровѣе жили».

Отъ него узналъ я, наконецъ, что значитъ знаменитое «сарынь на кичку». Сарынь — это бранный эпитетъ, которымъ поносили исключительно бурлаковъ; значитъ, онъ нѣчто вродѣ сволочи. Кичкой же называется носовая часть барки, то мѣсто, гдѣ подымаются якоря. Такимъ образомъ, волжскіе разбойники приказывали, подъѣзжая къ каравану, убираться всѣмъ прочь отъ хозяйскихъ помѣщеній — каютъ.

Кстати, теперь барки уже не имѣютъ поносныхъ. Кожевниковъ, житель нашего уѣзда, лѣтъ 30 тому назадъ изобрѣлъ другой простой и дешевый способъ управлять барками: позади нихъ привязывается отдѣльный грузъ — пудовъ въ 200—300. Грузъ идетъ въ водѣ сзади барки и заставляетъ ее плыть тише теченія; поворотами обыкновеннаго руля подставляютъ бока барки подъ напоръ струи и такимъ образомъ она легко идетъ, куда угодно.

Ноября 29. Все засѣдаемъ! Начинаемъ не позже половины десятаго и кончаемъ по 50 дѣлъ къ пяти или шести часамъ вечера; уголовныя проходятъ быстрѣе —

часамъ къ 2 или 3. Чортъ знаетъ, какую белиберду приходится выслушивать! Думаю, ни одинъ народъ въ мірѣ не разбиваетъ такого количества мордъ, какъ нашъ рассейскій! Одинъ въ дракѣ прокусываетъ губу другому, третій въ *тринадцати* мѣстахъ прогрызаетъ спину, четвертый отрываетъ зубами палецъ...

Апелляціонныя жалобы на приговоры подаются такія, что не во всякой доберешься до смысла; одинъ пишетъ, «что драка у нихъ была иниціативная», а его присудили прохладиться въ каталажкѣ одного; другой заявляетъ, что его «обозвали сволочью и дали въ морду, что для себя онъ считаетъ оскорбительнымъ».

Нельзя не сознаться, что сутяжничество откормилось на почвѣ отсталости отъ жизни нашихъ судебныхъ уставовъ: есть типы, всю жизнь проводящіе въ залахъ судовъ и выходящіе изъ нихъ, кажется, только затѣмъ, чтобы дать кому-нибудь въ морду или украсть что-либо. Такіе франты являются начиненными копіями всякихъ рѣшеній разныхъ судовъ, и когда еще въ первой инстанціи спрашиваешь его, что онъ можетъ сказать по такому-то дѣлу, онъ съ самымъ наивнымъ видомъ проситъ прочесть протоколъ, составленный на него же, и заявляетъ, что «дѣлъ-то вѣдь много, всѣхъ не упомнишь!» Особенно отличаются этимъ башкиры.

И вотъ такіе-то субъекты, несмотря на полную неправоту свою и ничтожность наказанія, наложеннаго на нихъ Волостнымъ Судомъ, лѣзутъ въ Съѣздъ, а затѣмъ въ Присутствіе. Спрашивается, къ чему эта тройнай инстанція для пустяковъ? Слушаемъ мы въ день по 50 дѣлъ и ровно по 50 же разъ слышимъ заявленіе: «копію мнѣ!» Это знаменитое «копію мнѣ» зачастую раздается еще до объявленія резолюціи и даже до допроса свидѣтелей! Однажды, сгоряча, съ азартомъ, копію попросилъ оправданный.

Побывавъ у Лейдекера, у здѣшняго инспектора народныхъ училищъ М. А. Москевича и городского судьи І. Порадовскаго. Послѣдній выложилъ мнѣ всѣ городскія сплетни; пожилые холостяки любятъ поточить язычекъ!

Декабря 4. Перваго вернулся во-свояси, передѣлалъ кучу дѣлъ, а вчера спозаранку отправился въ Кси-Табынскую волость.

Исколесилъ ровно сто верстъ по башкирскимъ деревнямъ. Морозъ стоялъ въ 22 градуса; утромъ въ семь часовъ еще ярко свѣтила полная луна, между тѣмъ востокъ весь былъ подернутъ какъ бы малиново-краснымъ пологомъ. Снѣга теперь выпало довольно много, лошадей въ сани здѣсь запрягаютъ гуськомъ, ямщикъ садится на облучекъ бокомъ, на руку нацѣпляетъ волочащійся по снѣгу длинный пастушескій бичъ. Татары и башкиры большіе мастера въ ѣздѣ, лошади мчатся у нихъ во весь духъ, не взирая ни на какую дорогу, сани накреняются то на одинъ бокъ, то на другой, рушатся въ ухабы, бокомъ летятъ по раскатамъ, ямщикъ соскакиваетъ съ облучка, на бѣгу поддерживаетъ ихъ нѣсколько секундъ, снова вспрыгиваетъ на свое мѣсто и съ гикомъ начинаетъ опять хлопать бичемъ, словно щелкая по уносной лошади. Гиканье ихъ — какой-то дико-жалобный вскрикъ, похожій скорѣе на крикъ загнаннаго звѣря. Гиканье это здѣсь переняли у татаръ и русскіе ямщики.

Несмотря на морозъ и быструю ѣзду, татары по пріѣздѣ оставляютъ дымящихся лошадей на открытомъ дворѣ, не накинувъ на нихъ ни клочка рогожки. Вся забота о нихъ выражается въ томъ, что ихъ привязываютъ такъ, чтобы не дать нахвататься снѣга.

На томъ же дворѣ ловятъ новую смѣну; странный видъ имѣетъ теперь скотъ въ нашихъ мѣстахъ! Лошади и коровы кажутся какими-то сказочными существами: косматая шерсть на нихъ заиндевѣла и всѣ онѣ — точно фантастическій ожившій узоръ на стеклѣ, или часть какой-нибудь разубранной въ серебро густой лѣсной изгороди. И ничего: плодятся и размножаются!

Даже куръ, несмотря на свирѣпые холода, достигающіе до 40 градусовъ, башкиры держатъ въ холодныхъ сараяхъ, вѣрнѣе, подъ открытыми навѣсами на дворахъ. Зато и птица и скотъ здѣсь весьма дрянные

и мелкіе; говорятъ, вырождаются уже и кони, эта гордость Башкиріи!

Вернулся домой къ десяти часамъ вечера. Лунныя ночи теперь — одинъ восторгъ!

Декабря 6. Сейчасъ заѣзжалъ табынскій протоіерей Зыковъ. Попили со старикомъ традиціоннаго чайку, побесѣдовали о разныхъ дѣлахъ. Сообщилъ, что князь Вяземскій продалъ свое большое имѣніе, находящееся близъ Табынска, по 125 рублей за десятину Крестьянскому Банку. Земля у него, правда, чудная, въ имѣніи есть громадное озеро, но все же цѣна взвинченная, тѣмъ болѣе что лѣса у него порублены крѣпко. Въ совершеніи этой сдѣлки участвовалъ губернаторъ и лишь при его помощи она и заключилась по названной цѣнѣ. За эту комиссію Ключаревъ взялъ съ Вяземскаго... 11 000 рублей въ пользу Аксаковскаго дома. Вяземскій далъ, но до того разозлился на Ключарева, что когда тотъ пріѣхалъ къ нему послѣ этой исторіи, не принялъ его.

Декабря 7. По утрамъ сужу, по вечерамъ режиссирую: 26 декабря въ здѣшнемъ клубѣ устраиваемъ спектакль, пойдетъ моя старая комедійка: — «Женихи». Приставъ Наумовъ выпросилъ, чтобы сборъ ассигновали на Аксаковскій домъ, такъ какъ ему поставлено на видъ, что съ его стороны не проявлено должной энергіи по части пополненія фондовъ Дома.

Декабря 14. Ночевалъ у Падуровой, сегодня утромъ выѣхалъ отъ нея и еле добрался до Стерлитамака: сильнѣйшій буранъ. Мететъ, такъ, что въ полусотнѣ шаговъ ничего не видно, кромѣ бѣлой стѣны. Дорога отчаянная, ухабы такіе, что ощущеніе при ѣздѣ буквально то же, что и на лодченкѣ въ мертвую зыбь на морѣ.

Красивъ буранъ въ началѣ! Поземокъ начинаетъ срывать съ земли снѣгъ и несетъ его, разсыпавъ мелкой пылью. Кажется, будто какія-то неисчислимыя бѣ-

лыя полчища привидѣній, не шевелясь, быстро мчатся по горизонту... Потомъ, начинаетъ валить снѣгъ и все смѣняется бѣлымъ хаосомъ; надъ молочной стѣной его нѣтъ, нѣтъ и вдругъ обрисовываются какъ бы стоящія на небѣ величаво спокойныя громады серебряныхъ горъ...

Вечеромъ вчера вели долгую бесѣду съ Падуровой; сидитъ она въ деревнѣ, въ настоящемъ медвѣжьемъ углу, одна и рада наговориться со свѣжимъ человѣкомъ. Разсказывала она о дняхъ «свободы» въ Стерлитамакѣ.

Шло здѣсь все спокойно, но напряженіе у всѣхъ было страшное; наконецъ, мѣстныя силы, не умѣя, какъ слѣдуетъ, шевелить ни языкомъ, ни мозгами, выписали сюда «товарища» изъ Москвы. Тотъ немедленно принялся за устройство митинговъ, говорилъ рѣчи, устраивалъ хожденія съ красными флагами. Предсѣдателя земской управы Осипова заставили выступить тоже, довели его до такого перепуга, что тотъ заболѣлъ медвѣжьей болѣзнью, ночью ускакалъ къ себѣ въ имѣніе и, сказавъ тамъ—«продавайте все, за что ни попало!» —немедленно помчался дальше, заграницу, и не возвращается и по сіе время.

Надо добавить, что Осипову удалось бѣжать изъ рукъ революціонеровъ не сразу: въ первый разъ его поймали и вернули въ городъ.

Падуровъ принадлежалъ къ числу ярыхъ черносотенцевъ и въ имѣніе къ нему, вслѣдъ за нимъ, были посланы люди, чтобы убить его. Караульщики видѣли, какъ ночью трое людей на тройкѣ съ подвязанными колокольчиками подъѣхали къ березовой рощѣ, находящейся вблизи дома; покушеніе не удалось, такъ какъ на хуторѣ Падуровыхъ много народа, и неизвѣстные успѣли только сжечь надворныя постройки.

Крестьяне остались спокойными; экономическій вопросъ въ Кармышевской волости отсутствуетъ. Тамъ они сплошь и рядомъ имѣютъ по 100 и по 200 десятинъ земли; куски въ 75 десятинъ у нихъ явленіе заурядное. Недавно одинъ мужикъ купилъ у Симонова въ селѣ Бу-

руновкѣ имѣніе, принадлежавшее раньше писателю Авдѣеву, автору «Подводнаго камня», въ 400 десятинъ по 140 рублей и расплатился наличными.

Декабря 15. Буранъ не прекращается. Сегодня сидѣли въ Съѣздѣ, сложа руки, до четырехъ съ половиной дня: все не было товарища прокурора, выѣхавшаго наканунѣ изъ Уфы. Засѣданіе открыли въ пять часовъ и кончили въ 10 час. вечера: прокуроръ нашъ заблудился и едва не замерзъ въ снѣгу!

Декабря 24. Завернули морозы. Очень радъ, что сижу, наконецъ, дома и избавленъ отъ обязанности созерцать Стерлитамакъ!

Публика въ нашей Усолкѣ начинаетъ прибывать: съѣзжается на праздники изъ Уфы и Стерлитамака учащаяся молодежь. О дорогѣ всѣ вспоминаютъ съ ужасомъ; бураны занесли ее такими валами снѣга, что, перелѣзая черезъ нихъ, сани становятся на дыбы, многихъ по дорогѣ тошнило, а у иныхъ шла носомъ кровь. Какая дѣлается отъ такого ныррянія головная боль — это я испыталъ на себѣ!

Съ богоявленцами и съ табынцами веду упорную борьбу. Распущены оба эти села до невозможности и слова «надо» и «полагается» для нихъ китайская грамота. Теперь полиція усиленно собираетъ разные недоборы; старосты и писаря сбились съ ногъ, составляя описи имуществъ неплательщиковъ и протоколы о недоставленіи на торги имущества.

По этимъ протоколамъ на-дняхъ опять посадилъ подъ арестъ, съ отправкой въ Стерлитамакъ, около двухсотъ человѣкъ на сроки отъ двухъ недѣль до мѣсяца. Повѣритъ ли кто-нибудь, что суммы этихъ взысканій, по которымъ по десятку разъ должны были бѣгать старосты, писаря и старшины ѣздить изъ села въ село и составлять описи и затѣмъ моя канцелярія заводить дѣла, а я судить и разбирать — состояли въ огромномъ большинствѣ изъ суммъ отъ гривенника до полутора рубля?.. Большинство пошло отсиживать

изъ-за семнадцати копѣекъ; свыше рубля взысканія были рѣдкостью! И все это продѣлывалось не по неимѣнію денегъ, а по увѣренности въ полной безнаказанности по примѣру прошлыхъ лѣтъ. Въ нашемъ селѣ на каждомъ шагу граммофоны, цвѣты на окнахъ, кисейныя занавѣски. Пропиваетъ наше село по 100 рублей въ годъ на дворъ, Табынское 84 рубля. Платежи здѣсь пустячные: въ Богоявленскомъ «сходитъ съ души» въ годъ:

Казенныхъ сборовъ	— руб.	6	коп.
Земскихъ	— »	28	»
На волостное правленіе	— »	82	»
На сельское управленіе, на ямщика и все прочее	2 »	34	»
Итого . . .	3 руб.	50	коп.

Табынское платитъ всего по полтора рубля въ годъ съ души, остальное все покрывается доходомъ съ разныхъ арендныхъ земель. И, несмотря на такую ничтожность сборовъ, оба села самые задолженные и самые безобразные въ уѣздѣ.

Ко мнѣ въ Усолку раза два пріѣзжалъ табынскій земскій врачъ, но я былъ въ разъѣздахъ. Наконецъ, онъ поймалъ меня и сталъ просить, чтобы я запретилъ табынцамъ валить навозъ въ рѣки; весной онъ ждетъ холеру. Разъяснялъ онъ мужикамъ на сходѣ, что воду заражать нельзя и что они же первые пострадаютъ отъ этого — село и ухомъ не повело: валитъ себѣ навозъ и въ Усолку и въ Бѣлую.

— Да вы заявите объ этомъ приставу, — сказалъ я, — это его дѣло смотрѣть за чистотой!

— Обращался я! — отвѣчаетъ: — онъ запрещалъ, да его не слушаютъ. Вѣдь вы его знаете — размазня онъ, какой онъ приставъ!

Въ тотъ же день является ко мнѣ и «размазня» съ тою же жалобой.

— Подѣлать ничего не могу! Говорилъ имъ нѣсколько разъ, приказывалъ — ничего не слушаютъ!

Пришлось вездѣ расклеить объявленія, что всякій, замѣченный въ свалкѣ у рѣки навоза, будетъ привле-

ченъ по 102 ст. Уст. о Нак. и посаженъ на 3 мѣсяца, а такъ какъ здѣсь уже знаютъ, что я словъ зря на вѣтеръ не пускаю, то теперь безобразничаніе съ навозомъ прекратилось, думаю, однако, что не надолго и что придется еще посадить порядочное число человѣкъ прежде, чѣмъ всѣ поймутъ столь простое слово — «нельзя».

Декабря 25.—35°. Рождество... Въ этотъ праздникъ мнѣ всегда грустно, вспоминается вся жизнь, собственное дѣтство. Прошлое — что даль, открывающаяся съ горы: какъ ни красива она, — она всегда въ смягчающей все грустной дымкѣ тумана...

Россійская папуасія оретъ по селу пѣсни и пьяные цѣлыми табунами шатаются изъ дома въ домъ. Называется это безсмысленное слоняніе — славленіемъ Христа, при чемъ ни звѣзды, ни елки и вообще ничего эти славящіе при себѣ не имѣютъ. Обходъ начался съ 3 часовъ утра; первыми бѣгали многочисленныя партіи мальчишекъ — эти хоть по крайней мѣрѣ пѣли кто во что гораздъ. Часовъ съ пяти начали «славить» взрослые: эти уже не пѣли, а «проздравляли» и имъ вездѣ подносили водки, кромѣ меня, разумѣется.

Я съ вечера велѣлъ прислугѣ никого не пускать, а на «парадной» двери повѣсилъ листъ бѣлой бумаги съ крупной красной надписью: «визитеровъ не принимаютъ, визитовъ не признаютъ и визитовъ не отдаютъ». Сдѣлалъ это потому, что среди мѣстнаго общества существуетъ обычай на Рождествѣ ѣздить съ визитами. Ѣздятъ табуномъ, вваляются ордой въ столовую, выпьютъ по рюмкѣ, закусятъ и ѣдутъ дальше. Для этихъ «визитеровъ» устраивается «столъ», т. е. цѣлый столъ устанавливаютъ жареными гусями, окороками, индюшками и, главное — большимъ количествомъ бутылокъ. На Пасхѣ добавляютъ къ такому столу куличи и пасхи.

Наглость «проздравителей» мужиковъ здѣсь поразительная: прислуга говорила, что помимо нашихъ усольскихъ ко мнѣ являлись партіи саскульскихъ и ку-

ганакскихъ мужиковъ, т. е. абсолютно не имѣющихъ никакого отношенія ко мнѣ и живущихъ въ чужомъ участкѣ въ 25 верстахъ отъ Богоявленскаго. И добро бы бѣдняки ходили по эту замаскированную милостыню!

Холодно. Въ квартирешкѣ у меня, несмотря на вечеръ, всего 8°; полы здѣсь вездѣ ординарные и потому ледяные; ходить приходится постоянно въ валенкахъ. Сначала казалось смѣшнымъ видѣть въ гостиныхъ людей въ черныхъ сюртукахъ и валенкахъ, а теперь глазъ обтерпѣлся!

Декабря 27. Вчера съ 4 часовъ дня хлопоталъ въ здѣшнемъ театрикѣ. Устроенъ онъ при мѣстномъ клубѣ «рабочихъ и служащихъ»—давно уже не дѣйствующемъ и, конечно, запущенномъ. Распорядителей трое, но у семи нянекъ, какъ извѣстно, дитя безъ глаза, а потому холодъ въ театрѣ стоялъ собачій.

Публики набралось масса: пріѣхали всѣ табынцы, кое-кто изъ Куганака (за 25 верстъ) и изъ другихъ окрестностей. Многимъ запоздавшимъ пришлось отказывать отъ впуска въ залъ: были распроданы не только всѣ билеты, но пришлось еще наскоро надѣлать входныхъ; не хватило и этихъ.

Спектакль прошелъ очень живо и весело, публика хохотала все время. Водевиль же, шедшій послѣ «Жениховъ», едва-едва довели до конца: горбатый суфлеръ нашъ, несмотря на зоркій надзоръ за нимъ, насвистался такъ, что еле сидѣлъ въ своей норѣ и лопоталъ что-то такое, что понять было совершенно нельзя. Ролей ни я, ни Пунга не знали и несли такую ахинею, что Чеховъ застрѣлилъ бы насъ изъ поганаго ружья, если бы слышалъ! А суфлеръ въ это время сидѣлъ въ будкѣ, колотилъ кулаками по полу, свисталъ и заливался смѣхомъ.

Курьезнѣе всего то, что водевиль нашей нетребовательной публикѣ очень понравился. Послѣ спектакля всѣ табынцы и часть нашихъ, свободная отъ постоя пріѣзжихъ, ужинала у священника о. Малѣева. Разо-

шлись поздно, около 3 часовъ ночи.

Всѣ жаловались на «проздравителей», безцеремонно стучавшихъ въ двери съ 3 часовъ утра и требовавшихъ, чтобы прислута будила господъ.

Вчера передъ выходомъ изъ дома видѣлъ грандіозную драку, вызвавшую на улицу все населеніе; снѣгъ, когда я проходилъ тамъ, весь былъ закапанъ кровью, а дравшаяся орда съ воемъ и гвалтомъ, частью безъ шапокъ, мчалась за удиравшими противниками, съ дубинами и обломками цѣповъ въ рукахъ.

Если бы я былъ художникъ, символически изобразилъ бы россійскій праздникъ въ видѣ разбитой и изодранной пьяной рожи. Безъ драки у насъ праздникъ— что крестины безъ кумы!

Декабря 31. Утромъ нѣкоторые изъ нашихъ заводскихъ — докторъ съ женой и Бехманъ на двухъ тройкахъ уѣхали въ Верхоторъ къ Тернеру встрѣчать Новый Годъ. Встрѣчи эти традиціонны и никакіе морозы и разстоянія здѣшнюю публику не удерживаютъ, тѣмъ болѣе, что у Тернера пріемъ въ этотъ день роскошнѣйшій. Я устрашился восьмидесяти верстъ сплошныхъ ухабовъ и остался дома.

Третьяго дня заходилъ священникъ; бесѣдовали съ нимъ о губернаторахъ. Черезъ брата онъ многое знаетъ о нихъ и разсказывалъ, что Богдановичъ не виноватъ въ томъ разстрѣлѣ рабочихъ, который имѣлъ мѣсто въ Златоустѣ и за который онъ впослѣдствіи былъ убитъ. Дѣло происходило по его словамъ такъ: съ войсками было условлено, что если губернаторъ махнетъ платкомъ — они должны будутъ открыть огонь; Богдановичъ говорилъ съ рабочими, но затѣмъ и не думалъ подавать условнаго знака, его сдѣлалъ — по ошибкѣ или нарочно — жандармскій офицеръ, стоявшій за спиной губернатора.

Богдановичъ, въ общемъ, здѣсь въ губерніи, оставилъ послѣ себя добрую память: почти всѣ хвалятъ его и говорятъ, что онъ былъ умный и дѣльный человѣкъ.

Кого дружно ругаютъ и зовутъ сумасшедшимъ — это Соколовскаго. Велъ онъ себя крайне надменно. Между прочимъ, онъ позволилъ себѣ слѣдующую выходку.

Къ нему съ визитомъ пріѣхалъ чрезвычайно уважаемый здѣсь муфтій Султановъ. Это глава мѣстнаго мусульманскаго духовенства, старикъ, человѣкъ, окончившій университетъ и весьма почтенный самъ по себѣ. Соколовскій приказалъ провести его въ пріемную и тамъ продержалъ около двухъ часовъ. Старикъ, наконецъ, не выдержалъ, всталъ и обратился къ чиновнику для особыхъ порученій: «Передайте вашему начальнику, что такихъ, какъ онъ, губернаторовъ въ Россіи 53 человѣка, а такихъ, какъ я — всего двое; такъ поступать неприлично!» И ушелъ.

Этотъ Соколовскій ненавидѣлъ евреевъ до такой степени, что, когда его ранили въ театрѣ и къ нему явился на помощь извѣстный и уважаемый всѣмъ городомъ докторъ Капланъ — Соколовскій замахалъ руками и закричалъ: «Вонъ, вонъ! Уберите этого жида!»

Лунныя ночи стоятъ неописуемыя! Вышелъ на крыльцо — сказка вокругъ, заколдованное бѣлое царство! И какой далекой кажется теперь отъ земли луна!

Новый годъ идетъ!..

1911 годъ.

Января 2. Вчера весь день по селу ходили табуны ряженыхъ; «ряженье» здѣсь нехитрое: кто завернется въ ситцевое одѣяло изъ пестрыхъ лоскутковъ, кто напялитъ поверхъ платка какую-нибудь соломенную шляпу съ цвѣтами. Парни переодѣнутся дѣвками, лица всѣ позавяжутъ, чѣмъ Богъ послалъ — вотъ и готово дѣло!.. Маски здѣсь — вещь невиданная. Идетъ по улицѣ эдакая «дѣвка» — дылда въ сажень, шагъ по аршину, а во рту папироска свѣтится.

Приходили ряженые и ко многимъ членамъ нашего кружка; къ Пунгѣ, напримѣръ, явилась компанія и черезъ горничную послала напечатанную карточку: «интеллигентные ряженые». Ихъ не приняли, такъ какъ послѣ этихъ интеллигентныхъ и неинтеллигентныхъ ряженыхъ всегда чего-нибудь въ домѣ недосчитываются, не говоря уже о томъ, что всѣ полы будутъ заплеваны и замусорены. Карточки съ лестной для себя рекомендаціей посылаютъ здѣсь заводскіе мастера и ихъ помощники — баночники и проч.

Зарабатываютъ они очень много: мастера отъ 150 до 300 рублей въ мѣсяцъ; простые мужики отъ 25 до 30 рублей, баночники рублей по 50—70 и т. д. Выпитое каждымъ пиво считается ведрами; въ селѣ много пивныхъ и по субботамъ и воскресеньямъ всѣ онѣ полны; ревъ изъ нихъ несется точно изъ взбѣсившагося зоологическаго сада. Рѣдкій изъ кутилъ, получая такую уйму денегъ, уходитъ потомъ на покой зажиточ-

нымъ человѣкомъ: большинство пропиваетъ и проживаетъ все.

Пунга расчистилъ здѣсь на пруду катокъ; для некатающихся на конькахъ былъ устроенъ нехитрый приборъ, доставившій всѣмъ громадное удовольствіе. На льду укрѣпили старое колесо съ длинною жердью, къ жерди были привязаны салазки, на нихъ садились, кто-нибудь вращалъ колесо и сани носились съ головокружительной быстротой. Очень любили это удовольствіе и рабочіе, и крестьянскіе парни: оно главнымъ образомъ и предназначалось для нихъ. И вотъ не прошло и трехъ недѣль, и никуда негодное колесо и салазки исчезли въ одну изъ ночей. Село богатое, а дряни — и той не клади плохо!

Января 3. У Пунги кто-то ночью ниткой привязалъ къ калиткѣ анонимное и очень безграмотное письмо, предупреждающее, что готовится ограбленіе конторы завода. Неизвѣстный сообщаетъ, что ему случайно, въ буранъ, удалось подслушать совѣщаніе троихъ человѣкъ, изъ которыхъ одинъ — печникъ, работающій въ настоящее время въ домѣ Пунги — у послѣдняго идетъ пристройка. Печникъ этотъ, дѣйствительно, сидѣлъ въ острогѣ по подозрѣнію въ убійствѣ и взятъ Пунгой лишь по неимѣнію здѣсь другого спеціалиста. Въ письмѣ говорится, кромѣ того, что ограбленіе табынской церкви, происшедшее въ 1908 году, дѣло рукъ того же печника, Попкова.

Пунга спряталъ письмо въ столъ и тѣмъ и ограничился...

Исторія съ табынской церковью такова. Въ селѣ Табынскомъ жилъ 80-лѣтній старикъ, нѣкто Сомовъ, много разъ сиживавшій въ свое время въ тюрьмахъ за кражи и всякія хорошія дѣла. Въ одинъ прекрасный день этотъ воровской патріархъ является въ Стерлитамакъ къ исправнику и заявляетъ, что онъ получилъ отъ какихъ-то неизвѣстныхъ людей письмо, съ предложеніемъ принять участіе въ ограбленіи церкви. А такъ

какъ-де онъ занимается теперь только спасеніемъ души и не желаетъ при томъ, въ случаѣ чего, попасть въ виноватые, то и пришелъ предупредить полицію.

Исправникъ сейчасъ же съ копіей этого письма отправилъ протоіерею Зыскову извѣщеніе о готовящемся покушеніи и послалъ въ Табынское стражниковъ. Зысковъ съ своей стороны принялъ разныя мѣры: устроилъ около церкви караулы, обходы и т. д.

Прошло много времени — о ворахъ ни слуху, ни духу. Миновала девятая пятница, миновало лѣто — все хорошо и мирно. Наступила осень. Въ одну изъ темныхъ ночей — здѣсь бываютъ такія, что не увидишь рядомъ стоящаго человѣка, — одинъ изъ сторожей, ночевавшихъ въ караулкѣ подъ колокольней, вышелъ на дворъ. Дулъ вѣтеръ; деревья, окружающіе церковь, шумѣли. Сторожъ замѣтилъ, что фонарь, поставленный по приказу Зыскова около бокового входа въ алтарь, потухъ. Думая, что виною этому вѣтеръ, сторожъ зажегъ его и вернулся въ караулку. Черезъ нѣкоторое время онъ снова вышелъ на дворъ и увидалъ, что фонарь опять задутъ; въ то же время ему почудилось, что на колокольнѣ почему-то обезпокоились во множествѣ живущіе тамъ голуби. Все это вдругъ показалось ему подозрительнымъ; онъ бросился назадъ, разбудилъ товарищей, побѣжали за ключами, и когда собравшаяся на тревогу толпа отворила двери и вошла въ церковь, въ ней оказался полный безпорядокъ: на полу валялись взломанныя кружки, разбросанная утварь. Старинныя мѣдныя деньги, хранящіеся въ особомъ мѣшкѣ, были раскиданы и разсыпаны. Въ алтарѣ надъ печью чернѣла пробоина и изъ нея висѣла веревка; волнистая рѣшетка на одномъ изъ оконъ была расклепана.

Сейчасъ же бросились обыскивать чердакъ, но никого на немъ не застигли; нашли только нѣсколько орудій для взлома и красную, всю измазанную рубаху. Какъ прошли воры, не успѣвшіе забрать съ собой ничего цѣннаго и видимо испугавшіеся, когда фонарь около алтаря, погашенный несомнѣнно ими, загорѣлся

опять — осталось загадкой: ходъ на чердакъ устроенъ изъ колокольни и черезъ караулку.

Послѣ этой исторіи открылось, что лѣтомъ къ звонарю приходилъ какой-то глухой старикъ - странникъ, просившій, чтобы его сводили подъ колокола: есть повѣріе, будто бы звонъ ихъ возвращаетъ глухимъ утраченный слухъ. Звонарь нѣсколько разъ водилъ странника съ собой и тотъ подолгу выстаивалъ во время звона подъ колоколами и все разглядывалъ устройство верхнихъ переходовъ церкви.

Кто былъ этотъ «странникъ», кто покушался ограбить церковь — невыяснено.

Въ прошломъ году въ іюнѣ мѣсяцѣ произошла тоже загадочная исторія, но уже въ Богоявленскомъ. Большой деревянный домъ, служащій для кратковременныхъ пріѣздовъ Пашковой, расположенъ особнякомъ въ паркѣ и отдѣленъ только рѣчкой отъ сада, за которымъ стоитъ у дороги противъ завода двухъэтажный каменный домъ; въ нижнемъ этажѣ его живетъ управляющій Бехманъ, а въ верхнемъ этажѣ помѣщается контора имѣнія и завода.

Домъ Пашковыхъ въ то время стоялъ пустой, замкнутый со всѣхъ сторонъ, домикъ сторожа устроенъ у рѣшетчатыхъ воротъ, шатахъ въ двухстахъ отъ него.

И вотъ въ одинъ прекрасный день экономка — толстая нѣмка — явившаяся провѣдать, все ли въ порядкѣ, увидала полный разгромъ. Замки у шкафовъ и сундуковъ были вырѣзаны и цѣлая масса вещей исчезла. Подъ письменнымъ столомъ и въ другомъ мѣстѣ были устроены костры, но оба почему-то загасли. Воры забрались черезъ окно съ противоположной стороны; въ комнатахъ было накурено, а толстыя шторы на окнахъ, выходящихъ на улицу, спущены.

Воры, видимо, хозяйничали спокойно и въ заключеніе хотѣли поджечь домъ, но чего-то испугались: третій костеръ былъ не зажженъ и нѣсколько узловъ съ вещами остались невзятыми.

Кто были авторы этого дѣла — тоже неизвѣстно, но среди усольцевъ упорно держится слухъ, что под-

жогъ дома былъ сдѣланъ съ особымъ намѣреніемъ: главное покушеніе, будто бы, предполагалось произвести на кассу конторы, получившую тогда большія деньги. Разумѣется, все и вся кинулось бы на пожаръ къ барскому дому и ограбить ночью пустую контору были бы сущіе пустяки!

Января 4. Сегодня съ утра до вечера осаждали съ дѣлами и всякими прошеніями. Между прочимъ, явился изъ Табынска одинъ весьма упрямый и наглый запасной солдатъ и все приставалъ съ тѣмъ, чтобы я распорядился отобраніемъ земли отъ арендатора, которому шесть лѣтъ назадъ сдалъ ее, якобы неправильно, его же братъ.

Разъяснилъ ему, что нужно сдѣлать и куда обратиться, и какіе документы представить; онъ сталъ грубымъ тономъ возражать и требовать, чтобы я сдѣлалъ такъ, какъ онъ желалъ. Повторилъ ему еще разъ, что и почему именно нужно сдѣлать, онъ твердилъ прежнее. Тогда я прикрикнулъ на него и выгналъ вонъ.

Черезъ четверть часа субъектъ этотъ вернулся снова и опять принялся за свое. Слышу — водкой отъ него тянетъ сильно; велѣлъ ему немедленно убираться, пообѣщавъ, въ противномъ случаѣ, выкинуть за шиворотъ.

У мужика горѣли отъ злобы глаза, но онъ побоялся меня и вышелъ.

Не прошло и пяти минутъ — слышу изъ своего кабинетика, опять отворяется дверь въ канцелярію и входятъ люди. Оглядываюсь: у притолка стоитъ табынецъ и рядомъ съ нимъ какой-то другой чернобородый мужикъ.

— Что надо? — спрашиваю послѣдняго.

— Ничего! — дерзко глядя мнѣ прямо въ глаза, отвѣтилъ онъ. — Водкой отъ него разило, какъ изъ бочки.

— Если ничего, такъ уходи!

— Не желаю! — Мужикъ надѣлъ шапку и избоче-

нился.—Я воинъ маньчжурскій и никто мнѣ не смѣетъ уходить велѣть!

Я приказалъ письмоводителю и стоявшему тутъ же башкиру вывести его; они ухватили его за руки и поволокли къ двери. Мужикъ отбивался и ругался самымъ безобразнымъ образомъ, затѣмъ вырвался отъ нихъ, (дѣйствовали они, надо сказать правду, совсѣмъ какъ разслабленные). Вбѣжалъ опять въ канцелярію, развалился настулѣ и сталъ ворошить и путать бумаги, выкрикивая ругательства.

Я пережилъ ужасную минуту: чувствовать, что можешь размозжить подобную гнусную тварь и въ то же время сдерживаться и быть въ глупомъ положеніи созерцателя всего этого — это почти сверхъ силъ человѣка!

— Вонъ! — крикнулъ я, подступивъ къ нему.

Мужикъ всталъ.

— Шапку долой!

Онъ стащилъ ее, затѣмъ опять надѣлъ.

— Не передъ тобой снимаю ее! — съ бранью заявилъ онъ, — передъ портретомъ Государя. А тебѣ вотъ!..

И онъ шагнулъ на меня, сжавъ кулаки. Я схватилъ его за горло и ударилъ головой объ обитую войлокомъ дверь такъ, что она распахнулась настежь; стукнуло какъ арбузомъ, мужикъ ткнулся потомъ о косякъ, затѣмъ о шкапъ и упалъ въ сѣняхъ за порогомъ.

Въ эту минуту прибѣжали староста и десятскіе, вызванные мальчикомъ, служащимъ при канцеляріи, и поволокли очумѣвшаго, но продолжавшаго орать и ругаться мужика къ становому.

Картина была пребезобразная. Я подавилъ волненіе и со спокойнымъ по наружи видомъ закончилъ бесѣду съ башкирами, составилъ имъ черновикъ прошенія въ Присутствіе по одному очень запутанному дѣлу и затѣмъ принялся писать постановленія по административнымъ дѣламъ.

По уходѣ канцеляріи просмотрѣлъ Уложеніе о Наказаніяхъ.

Удивительное произведеніе эта книга! Составлялъ ее несомнѣнно горчайшій пьяница. На каждомъ шагу тамъ такіе шедевры: если-де ты оскорбилъ присутственное мѣсто, или чиновика при исполненіи служебныхъ обязанностей, то ты подвергаешься за это заключенію въ тюрьмѣ отъ 2 до 4 мѣсяцевъ и даже можешь попасть въ арестантскія роты до полутора лѣтъ. Но, оговариваются вездѣ статьи, если ты мордобой судей совершишь въ пьяномъ видѣ, то подлежишь за это аресту на время отъ 3 дней до недѣли... Выводъ таковъ: ругай и лупи, гдѣ и кого хочешь, но напередъ напейся! Уложеніе о Наказаніяхъ — это скорѣе наставленіе къ безнаказанному совершенію всякихъ безобразій въ пьяномъ видѣ!

Января 6. Вчера былъ на елкѣ у священника. При церкви у него имѣются два старика сторожа, одинъ изъ нихъ хромой, и оба пьяницы безпросвѣтные; какъ они не поломали себѣ головъ, лазая на отвѣсную и не имѣющую перилъ лѣстницу въ темной колокольнѣ — ума не приложу.

Эти франты взломали 4-го числа въ церкви двѣ кружки и украли изъ нихъ деньги; бываетъ въ нихъ всего нѣсколько грошей, и Малѣевъ не хочетъ отдавать своихъ пьяницъ подъ судъ и просилъ меня, чтобы я приказалъ сходу назначить другихъ на смѣну имъ. Наглость этихъ двухъ сторожей такова, что несмотря на то, что ихъ, уличенныхъ съ поличнымъ, священникъ, кстати сказать, большой добрякъ, простилъ, они какъ только узнали, что онъ больше держать ихъ не будетъ и беретъ другихъ, оставили церковь открытой, побросали ключи и ушли, не дожидаясь смѣны. Цѣлую ночь никого при церкви не было.

Сегодня по всему селу носятся безконечныя вереницы саней: катаются парочки — женихи съ невѣстами и ихъ подруги съ парнями. У нѣкоторыхъ въ санкахъ сидятъ гармонисты; парочки ѣздятъ съ весьма глупо - торжественнымъ видомъ, точно участвуютъ въ какомъ-то обрядѣ. Всѣ, разумѣется, разодѣты по-го-

родски въ «спинжакахъ» и въ «пальтахъ», дѣвки въ «сачкахъ» и въ «шаляхъ», санки у всѣхъ городскія.

Днемъ на улицахъ пьяныхъ видно не было, но по вечерамъ теперь идутъ безконечные «пропои» невѣстъ.

Съ прислугами наказаніе: однѣхъ сватаютъ и тѣ уходятъ съ мѣстъ, другія бросаютъ все и бѣгутъ потому, что ихъ подруги выходятъ замужъ и онѣ должны участвовать въ цѣломъ рядѣ гулянокъ, пропоевъ и вечеринокъ.

Января 8. Вчера на тройкахъ ѣздили въ Табынское на именины къ протоіерею Зыскову. Народа у него собралось гибель. Отъ старика всей ордой двинулись къ Геллертовымъ, а оттуда къ Кузнецовымъ, гдѣ и подняли дымъ коромысломъ. Вездѣ угощали до отвала. Подпили всѣ, а особенно нашъ становой Наумовъ и оба «кандидата», какъ мы ихъ здѣсь зовемъ для краткости — Оглоблинъ и Осиповъ.

Теперь въ Табынскомъ много съѣхавшихся на праздники барышень; завели граммофонъ и учинили такой плясъ, что небу жарко стало. Оглоблинъ моталъ вихрастой головой и дирижировалъ во все горло на русско-башкирскомъ языкѣ. Особенно хороша была кадриль. Плясали ее неистово, кавалеры свои соло жарили камаринскимъ, хохотъ, гикъ, топотъ стояли невообразимые.

Худощавый черненькій становой нашъ, красный какъ свекла, все время помахивалъ платочкомъ и плясалъ въ одиночку что-то невѣдомое. Ноги его не слушались, но онъ блаженно улыбался, наконецъ споткнулся и заткнулъ головой рупоръ граммофона.

«Которые ежели алкоголики — сюда садись!» возглашалъ Оглоблинъ, указывая на ближайшія къ нему мѣста, когда вся публика двинулась въ столовую. За ужиномъ пили безъ конца все, что попало. Осиповъ впалъ въ мрачность и сталъ увѣрять, что онъ ницшеанецъ; его посылали вмѣстѣ съ Ницше къ чорту, били рюмки, цѣловались, пили брудершафтъ съ барышнями и т. д.

Хорошо было ѣхать обратно! Ярко горѣли звѣзды; тройки, запряженныя гуськомъ, будто черныя змѣи, быстро неслись по мутно-бѣлымъ равнинамъ. Славное дѣло троечная ѣзда въ зимнюю ночь!

Января 12. Вчера ѣздилъ принимать во временное завѣдываніе участокъ сосѣда — Лейдекера — за 42 версты. Самъ Лейдекеръ живетъ въ Стерлитамакѣ, а для камеры нанимаетъ въ д. Костяковкѣ довольно чистенькую избенку, передѣленную пополамъ; за перегородкой живетъ его письмоводитель съ женой, изъ отставныхъ унтеръ-офицеровъ. Обстановка, конечно, убогая, да что и ждать по нашимъ захолустьямъ! Два простыхъ стола, столько же стульевъ отъ мѣстныхъ Тонетовъ, гривенника по три за штуку, разщелявшійся шкапъ для бумагъ, портретъ государя на стѣнѣ въ облупленной и засиженной мухами рамкѣ — вотъ и все «присутственное» мѣсто земскаго начальника...

Лейдекера не было — онъ боленъ, и я, принявъ дѣла, бесѣдовалъ съ его письмоводителемъ. Порядки у нихъ таковы: почта приходитъ въ камеру, получается и распечатывается письмоводителемъ, онъ же дѣлаетъ распорядки по бумагамъ и заготовляетъ все къ пріѣзду начальника.

Лейдекеръ пріѣзжалъ «промять жеребцовъ», какъ онъ самъ сказалъ мнѣ, разъ въ недѣлю, а то и рѣже, подписываетъ готовыя бумаги, посидитъ часокъ и уѣзжаетъ обратно. Что либо особенно важное или спѣшное шлютъ къ нему въ городъ съ нарочнымъ. Дѣлъ немного: меньше половины того, что въ моемъ заводскомъ участкѣ.

Посмотрѣлъ я на чужіе порядки, почти повальные здѣсь, да, вѣроятно, и всюду... всѣ вѣдь мы, россіяне, однимъ міромъ мазаны!.. Охъ, давно бы нужно разогнать по шеямъ нашего брата!

Возвращаясь, встрѣтилъ въ избѣ ямщика станового; грѣлся чайкомъ, пока ему запрягали лошадей. Присѣлъ къ нему и я, на дворѣ морозъ въ 19°, да еще

при злостно пронизывающемъ вѣтрѣ; шубу и бурочный чапанъ мой продувало такъ, что холодъ забирался въ кости; восемь часовъ сидѣнія въ саняхъ и нырянія по ухабамъ — большая марка въ такую погоду!

Становой, между прочимъ, подтвердилъ мнѣ, что не только у нихъ, но и у стражниковъ, получающихъ по 25 рублей въ мѣсяцъ, производятъ по распоряженію губернатора вычеты на Аксаковскій Домъ.

Интересно бы узнать, распорядился ли его превосходительство удерживать сколько нибудь на ту же цѣль изъ своего жалованія?

Января 15. Въ нашей мѣстности необыкновенное нашествіе крысъ; нѣтъ дома, котораго они бы не заполонили. Управляющій князя Вяземскаго разсказывалъ, что у нихъ перестилали полъ въ амбарахъ и перебили столько крысъ, что трупы ихъ вывезли на пяти возахъ. Положимъ, онъ враль большой, но даже если скинуть ему четыре пятыхъ на вранье, то и одинъ возъ все же количество большое! Не занесли бы поганыя твари и къ намъ чуму: милая гостья эта идетъ сразу съ трехъ сторонъ — изъ Маньчжуріи, изъ Киргизскихъ степей и изъ Одессы.

Января 17. Вчера вернулся Г. А. Пунга, ѣздившій въ Ясную Поляну и къ Черткову въ Петербугъ. Привезъ много новостей о Толстомъ.

Видѣлъ управляющаго князя Вяземскаго; онъ подтвердилъ мнѣ слухъ о томъ, что нашъ губернаторъ «сдернулъ» съ князя 11 000 р. на Аксаковскій Домъ.

Днемъ сегодня былъ на крестьянской свадьбѣ. Невѣста была въ бѣломъ городскомъ платьѣ, съ флеръ-д-оранжемъ и длинной бѣлой вуалью на головѣ, парень вѣнчался въ солдатскомъ мундирѣ, полученномъ имъ по окончаніи службы. Очень комично выглядѣли они оба, когда священникъ надѣлъ на нихъ вѣнцы: вѣнцовъ здѣсь никто не поддерживаетъ и ихъ водружаютъ на головы вѣнчающихся. Лица у обоихъ были, что называется, безъ примѣтъ, но на нихъ лежало такое ра-

стерянно-глупое и торжественное выраженіе, что я съ трудомъ удерживалъ улыбку, глядя, какъ священникъ водилъ кругомъ аналоя этихъ коронованныхъ особъ съ вѣнцами у одного на затылкѣ, а у другой на боку.

По окончаніи обряда къ молодымъ подошелъ посаженный отецъ, взялъ молодого супруга за руку и повелъ его прикладываться къ образамъ; молодой тащилъ лѣвой рукой жену; все это продѣлывалось ими, потупивъ глаза и съ самымъ смиреннымъ видомъ.

Свадебъ въ этомъ году изобиліе. Большой раззоръ онѣ для крестьянъ: здѣсь, напр., самый бѣдный мужикъ, самый послѣдній, такъ сказать, въ селѣ человѣкъ, тратитъ *только на одну водку* для угощенія самое меньшее — *пятьдесятъ рублей.* Обыкновенный средній же богоявленецъ и табынецъ расходуютъ на то же сто рублей. Цифры эти я провѣрялъ черезъ опросы множества крестьянъ.

На ряду со свадьбами въ обоихъ этихъ селахъ свирѣпствуетъ дифтеритъ; особенно много мретъ ребятъ у насъ. При похоронахъ взрослыхъ здѣсь есть своеобразный обычай: намогильный крестъ, обыкновенно выкрашенный въ черную краску, несутъ передъ покойникомъ въ церковь и ставятъ его около входа; при отправленіи на кладбище крестъ опять идетъ во главѣ процессіи.

Января 18. Сейчасъ ушелъ отъ меня Пунга; дѣлился со мной впечатлѣніями и новостями.

На могилѣ Льва Толстого нѣтъ ни креста, ни насыпи: послѣднюю всю растащили по горстямъ паломники. Деревья вокругъ могилы покрыты надписями, среди которыхъ попадается много интересныхъ. Нѣкоторое время послѣ похоронъ въ Ясной Полянѣ, въ сторожкѣ у воротъ, жилъ урядникъ, командированный губернаторомъ спеціально за тѣмъ, чтобы слѣдить за этими надписями и уничтожать наиболѣе «вредныя». Урядникъ выполнялъ свою миссію добросовѣстно и каждое утро являлся производить осмотръ и выскабливать разныя ядовитости. Тѣмъ не менѣе за «предѣлами

досягаемости» для него оказалась доска, прибитая къ самой верхушкѣ дерева, на которой чернѣетъ крупная надпись: «Левъ Толстой — первый послѣ Господа Бога!»

Пунга бесѣдовалъ съ мѣстными крестьянами; среди нихъ твердо держится убѣжденіе, что Левъ Толстой живъ и что Софья Андреевна выгнала его и онъ ушелъ искать правды и возврата земли Яснополянскимъ крестьянамъ.

Одинъ высокій старикъ утверждалъ, что Софья Андреевна привезла и похоронила неизвѣстнаго «чужого» старика и говорилъ, что Толстого онъ зналъ хорошо, часто бесѣдовалъ съ нимъ, а между тѣмъ въ гробу лежалъ совсѣмъ другой человѣкъ, неизвѣстный ему. Его слова подтверждали и другіе мужики.

Чертковъ и многіе кромѣ него говорили Пунгѣ, что Толстой сильно измѣнился послѣ смерти: похудѣлъ, осунулся, съежился и что дѣйствительно его можно было не узнать въ гробу. Хоронили мощи, до того онъ былъ худъ; запаха не было ни малѣйшаго.

Вотъ и готова новая легенда à la старецъ Кузьмичъ!

На свѣжей еще могилѣ Толстого уже началась безобразная родственная оргія.

Толстой уходилъ изъ семьи дважды и дважды возвращался; въ третій разъ ушелъ въ могилу. Онъ съ юности имѣлъ привычку рѣшительно все заносить въ дневникъ; всѣ они, за исключеніемъ 30 тетрадей, были отданы имъ и хранились у Черткова, ненавидимаго графиней. 30 же тетрадей были поручены Толстымъ Татьянѣ Львовнѣ для отсылки въ Англію, но та заболѣла и Софья Андреевна забрала эти дневники и выслала Черткову копіи съ нихъ, выкинувъ предварительно все, что говорилось въ нихъ не въ ея пользу. Оригиналъ же отправила въ Москву, въ Историческій музей, гдѣ ей отвели особую комнату, ключъ отъ которой находился у нея.

Толстой боялся, что жена его воспользуется неустойчивымъ положеніемъ Черткова въ Россіи и отни-

метъ у того послѣ его смерти его дневники, и потому написалъ духовное завѣщаніе, якобы въ пользу дочери Александры. Въ сущности, она только душеприказчица его.

Когда Толстой умеръ, Александра поскакала впередъ въ Ясную Поляну подъ предлогомъ приготовленія къ похоронамъ, но въ дѣйствительности затѣмъ, чтобы успѣть захватить всѣ оставшіяся тамъ бумаги отца. Сдѣлать это ей удалось; что то надоумило ее заглянуть въ корзину, находившуюся подъ письменнымъ столомъ отца и тамъ она нашла цѣлую груду бумагъ, разорванныхъ и выброшенныхъ ея матерью и писанныхъ Толстымъ.

Цѣнности для исторіи послѣднихъ дней писателя матеріалъ этотъ большой: изъ этихъ вырванныхъ изъ дневниковъ листовъ видно, какъ Софья Андреевна изводила Льва Николаевича. Причиной этой травли было завѣщаніе, о которомъ она узнала. Доходила она до того, что заявляла Толстому, что онъ смолоду былъ развратникъ и таковымъ и остался доселѣ, что необычайная дружба его къ Черткову основана на гнусной противоестественности и т. д. . . .

Наконецъ, ночью она потихоньку забралась къ нему въ кабинетъ и Толстой, проснувшись, поймалъ ее съ поличнымъ — въ вырываньѣ замѣтокъ изъ его дневника. Это была послѣдняя капля яда — и Толстой ушелъ, чтобы умереть въ Астаповѣ.

Вотъ голая истина, не прикрашенная никакими фиговыми листками газетъ . . .

Послѣ смерти Толстого, ко вдовѣ его обратился Марксъ съ предложеніемъ купить у нея за милліонъ рублей всю еще неизданную посмертную беллетристику Льва Николаевича; американская фирма предложила ей за то же три милліона . . . Между тѣмъ произведенія эти принадлежали не ей . . . .

Въ настоящее время, когда уже стало извѣстно завѣщаніе, за нихъ предлагаютъ всего 300 000 р.

Александра Львовна потребовала отъ матери дневники, хранящіеся въ Историческомъ музеѣ, но въ дѣло

почему то счелъ нужнымъ вмѣшаться Стаховичъ, тотъ самый, что пріобрѣлъ себѣ извѣстность на овсѣ бывшаго министра Дурново. Онъ увѣрилъ ее, что въ завѣщаніи дневники эти не упомянуты, и потому она можетъ не выдавать ихъ. Очевидно, г. Стаховичъ имѣлъ съ овсомъ дѣла гораздо больше, чѣмъ съ законами, такъ какъ въ завѣщаніи прямо сказано, что Александра Львовна получаетъ «всѣ сочиненія и рукописи, *гдѣ бы они ни были*».

Софья Андреевна, конечно, сейчасъ же встала на дыбы; тогда Александра заявила Музею, чтобы ея мать не пускали въ комнату, гдѣ хранятся рукописи, такъ какъ она, какъ показалъ осмотръ, ходила туда затѣмъ, чтобы уничтожать и выскабливать изъ нихъ всѣ компрометирующія ее мѣста; кромѣ того, наложила черезъ нотаріуса арестъ на печатающіяся въ типографіи книги Толстого.

Февраля 11. 17 дней пролежалъ въ постели: была жесточайшая инфлуэнція и сердце совсѣмъ переставало работать... Въ жару все вспоминалъ эту книгу свою: вотъ, думалъ, на какой страницѣ судьба рѣшила оборвать мои записки! Не хотѣлось лечь на Усольскомъ кладбищѣ... Теперь начинаю выходить, но все еще очень слабъ.

Вчера вышелъ на улицу — навстрѣчу валитъ цѣлая толпа поющихъ и пляшущихъ бабъ, на головахъ у нѣкоторыхъ на платкахъ были приколоты красные бантики, нѣкоторыя шли въ вывороченныхъ тулупахъ, другія въ какихъ то смѣшныхъ уборахъ и шляпахъ; въ рукахъ у нихъ были вѣники изъ калины съ краснѣвшими ягодами и палки; одна несла пукъ соломы. На перекресткахъ эту солому жгли, прыгали черезъ нее, затѣмъ растаптывали и шли дальше.

Встрѣчныхъ мужчинъ закидывали снѣгомъ и старались повалить на землю; всѣ были, разумѣется, распьянехоньки, толкали другъ друга, падали, съ визгомъ катались цѣлыми кучами по дорогѣ, и такъ задирали при этомъ ноги, что пейзажъ получался самый поразитель-

ный. Пѣсня же была уснащена словечками изъ тѣхъ, что не включаютъ въ словари: это бабы возвращались съ пирушки, устраиваемой на другой день послѣ «благополучной» свадьбы.

Докторъ разсказывалъ мнѣ, что къ нему явился на дняхъ на пріемъ старикъ; оказалось у него воспаленіе легкихъ. Докторъ велѣлъ ему остаться въ больницѣ.

— Нѣтъ, возразилъ старикъ, — теперь ты меня отпусти, мнѣ на свадьбѣ еще отпировать надо, а отпирую и приду къ тебѣ!

Тогда докторъ заявилъ старухѣ его, пришедшей съ мужемъ, что если онъ напьется, то уже и не встанетъ, и тогда старуха заставила мужа остаться въ больницѣ.

На одной изъ свадебъ, всегда здѣсь сопровождающихся мордобитіями, произошло нѣчто большее: одинъ изъ гостей подошелъ къ гармонисту и потребовалъ отъ него гармонію. Тотъ не далъ. Тогда гость спокойно вынулъ изъ за голенища ножъ и черкнулъ имъ гармониста по горлу. Горла какъ слѣдуетъ не перехватилъ, тѣмъ не менѣе гармониста пришлось отправить въ Стерлитамакъ для операціи и выживетъ ли онъ — неизвѣстно.

Февраля 12. Второй день сильнѣйшій буранъ. Точно безконечныя бѣлыя линіи несутся надъ домами и вдоль улицы; иногда онѣ настолько сливаются, что не видно противоположныхъ избъ. Несмотря на буранъ, и сегодня по селу шатаются толпы бѣсноватыхъ бабъ; видѣлъ ихъ изъ окна.

Февраля 16. Третьяго дня подговорилъ здѣшнюю публику поѣхать къ Кузнецовымъ въ Табынское; дали имъ знать съ нарочнымъ, что пріѣдемъ на блины и вчера нагрянули къ нимъ на 4 тройкахъ.

Я пріѣхалъ раньше всѣхъ — мнѣ нужно было побывать на сходѣ; со схода, покончивъ дѣла, заѣхалъ навѣстить стариковъ Зысковыхъ и оттуда вернулся къ Кузнецовымъ.

Тамъ за столомъ уже сидѣли всѣ Усольцы, дымъ шелъ коромысломъ до самой ночи и только въ одиннадцатомъ часу удалось выбраться обратно.

Жадно дышалъ я свѣжимъ воздухомъ! Я еще не совсѣмъ окрѣпъ послѣ болѣзни, и почти не выхожу изъ за отека ноги, и потому наслаждался воздухомъ особенно! А ночь была темная, беззвѣздная и только равнина бѣлала кругомъ. Тройка, запряженная гусемъ — такъ здѣсь всѣ ѣздятъ зимой, неслась быстро: 10 верстъ сдѣлали въ 40 минутъ.

Февраля 20. 18-го былъ у насъ спектакль, шла «Женитьба» Гоголя, прошла оживленно. Публики набралось уйма; кромѣ своихъ, прiѣхали на трехъ тройкахъ изъ Верхотора и Воскресенскаго завода Тернеры, Вайтъ, Лаптевы и Обромпальскiе.

Вся эта ватага размѣстилась кто у Бехмана, кто у Пунги и у доктора; по причинѣ гостей идутъ безпрерывныя празднества — вечера то у одного, то у другого съ генеральными выпивками, папуасскими танцами подъ граммофонъ и съ азартнымъ картежомъ въ заключенiе.

Село пируетъ во всю тоже. Улицы покрыты катающимися; не знаю, откуда здѣсь такая гибель городскихъ саней; простыя кошевки видны лишь изрѣдка. Многiя сани запряжены парами коней, народа въ нихъ навалено и натыркано, какъ мухъ на сахарѣ, визжатъ гармоники, визжатъ и хохочутъ дѣвки. Сейчасъ пролетѣли сани съ тремя лысыми мужиками: они тыкались другъ въ друга голыми головами и горланили пѣсни, шапки ихъ остались гдѣ то въ ухабѣ.

Идешь по улицѣ мимо этихъ верениць саней съ запаренными лошаденками и чувствуешь все время винный духъ, стоящiй надъ улицей.

Февраля 21. «Стряслась бѣда...» Среди ночи вдругъ сегодня въ передней у меня задребезжалъ звонокъ, потомъ черезъ минуту опять; прислуга побѣжала отворять дверь, затѣмъ подошла къ спальнѣ и заявила:

«заводъ горитъ». Дѣдушка (мой хозяинъ) пришелъ сказать!

Дѣйствительно, точно прерывистый зовъ на помощь, слышался отдаленный и зловѣщій гудокъ завода.

Я поспѣшно одѣлся и вышелъ на улицу; уже чуть свѣтало. Надъ заводомъ стояло озаренное огнемъ бѣлесоватое облако; на улицѣ чернѣли то здѣсь, то тамъ фигуры людей.

Забывъ о больной ногѣ, я поспѣшилъ къ заводу; первая мысль моя была — экспропріація. Но нѣтъ: пылали два громадные главные корпуса. Всѣ гости и вся администрація, только что разошедшіеся съ пирушки у Пунги, были въ оградѣ завода; Пунга торопливо бѣгалъ изъ одного края въ другой и распоряжался. На крышахъ работали, разбирая связи и сдирая желѣзо, люди; какъ на грѣхъ, не могла дѣйствовать изъ за порчи машины турбина и воду подвозили водовозы въ маленькихъ бочкахъ.

Это была капля въ морѣ и потому съ огнемъ не боролись, а только отстаивали еще не охваченныя имъ части зданія.

Пожаръ начался изъ за ванны, только что отремонтированной. Надъ ней рухнула часть огнеупорнаго свода, а такъ какъ температура въ ней около 1 500 градусовъ, то моментально вспыхнули балки и стропила надъ нею. Заводъ вчера не работалъ: все на немъ было пьяно - распьяно и потому, пока завылъ пожарный гудокъ да пока сбѣжался народъ и власти, пламя уже охватило громадное пространство.

За всѣми этими суматохами забылъ записать главное, — какъ мы праздновали полувѣковой юбилей освобожденія крестьянъ. Циркуляровъ по поводу него было мнѣ множество; предписывали между прочимъ 18 числа служить панихиду по Александрѣ II, а 19 обѣдню и молебствіе. Приказано было строго слѣдить, чтобы народу не раздавали «вредныхъ» Сытинскихъ брошюрокъ объ этомъ днѣ, а раздавали бы изданные Національнымъ Клубомъ. Къ счастью, намъ ни тѣхъ, ни другихъ не прислали.

Несмотря на то, что я сходу объявилъ о панихидѣ и несмотря на извѣщеніе о томъ всего села старостой, въ церкви изъ мужиковъ присутствовалъ только одинъ . . . староста. Были мальчики и дѣвочки изъ двухъ здѣшнихъ школъ, былъ я, становой, два стражника и только . . . Такъ помянуло своего освободителя село, имѣющее 2 770 жителей, помимо заводскихъ и интеллигенціи . . . Такъ же помянулъ и Табынскъ, имѣющій свыше 3 000 крестьянъ, изъ числа которыхъ многіе сами пережили 1861 годъ.

На другой день къ обѣднѣ явились все тѣ же, плюсъ нѣсколько завсегдатайницъ — бабъ и ровно *девять* стариковъ. Сидѣлъ я въ алтарѣ въ уголкѣ и думалъ о громкихъ словахъ витій, что теперь сыплются по журналамъ и газетамъ — о томъ, какъ вся Русь, весь народъ горячо поминаетъ въ этотъ день «Освободителя». Какъ далеко все это отъ неприкрашенной правды, отъ правды земли ! . .

Февраля 27. Вчера обѣдалъ у меня Фокинъ, старшій фабричный инспекторъ, прикатившій сюда по случаю пожара завода и разсказывалъ Уфимскія новости.

Ключаревъ переведенъ въ Симбирскъ. На его мѣсто назначенъ Новгородскій губернаторъ, по словамъ Фокина, презлющій старичишко. Будемъ ожидать дальнѣйшихъ событій. Какъ извѣстно, у насъ всѣ, начиная со столоначальниковъ, великіе люди, а губернаторы въ особенности. Поэтому не замедлятъ и новыя фантазіи . . .

Фокинъ правовѣрный эсдекъ и я все время подшучивалъ надъ этимъ; передъ обѣдомъ же далъ ему немножко по носу: хитрый хохолъ любитъ популярничать среди рабочихъ и всегда тянетъ ихъ руку, хотя бы они и были неправы. Въ настоящее время кучка рабочихъ, человѣкъ около тридцати, стала требовать отъ заводскаго управленія уплаты имъ за 2 недѣли впередъ, между тѣмъ въ законѣ ясно сказано, что въ случаѣ стихійныхъ бѣдствій, пожара и т. п. — договоръ нарушается со слѣдующаго послѣ пожара дня.

Пунга, конечно, удовлетворить эту кучку не соглашается, такъ какъ тогда того же потребуетъ вся масса рабочихъ. Послѣдніе обратились къ Фокину; тотъ потолковалъ съ ними и, сказавъ, что, по его мнѣнію, нѣтъ никакихъ данныхъ для удовлетворенія ихъ требованія, тѣмъ не менѣе посовѣтовалъ имъ обратиться съ искомъ въ судъ, т. е. ко мнѣ.

Я ему отвѣтилъ, что напрасно онъ это сдѣлалъ, такъ какъ ставитъ меня въ неудобное положеніе, какъ бы какого то Пашковскаго защитника, или наемника. Я уже одинъ разъ отказалъ въ подобномъ же дѣлѣ рабочимъ, долженъ буду отказать и теперь, и разъ онъ, ихъ защитникъ, видитъ, что они неправы, то нечего было и направлять ихъ ко мнѣ.

Если бы Фокинъ твердо заявилъ заводокимъ — «братцы, вы неправы и ничего не добьетесь, законъ говоритъ то то и то то»,—тѣмъ дѣло и кончилось бы. Но стали бы несомнѣнно поговаривать, что «э, инспекторъ то ихъ руку тянетъ!» Вотъ Фокинъ и старается соблюсти невинность и выйти сухимъ изъ воды, а окунуть въ нее земскаго начальника. Вмѣсто суда и возни съ бумагами, я предложилъ ему устроитъ тріумвиратъ изъ меня, его и Пунги, позватъ недовольныхъ и частнымъ путемъ сообща побесѣдовать. На томъ и порѣшили.

Сейчасъ вернулся со схода. Здѣшняя потребительская лавка, торгующая въ годъ на 73 000 рублей, рѣшила купить у керстьянъ мѣсто на площади и выстроить собственный домъ. Кромѣ блага за всѣ годы существованія, какъ называютъ здѣсь всѣ, «потребиловки», крестьяне отъ нея ничего не видали; она сильно понизила на все цѣны, установленныя другими лавочниками; часть прибылей идетъ на благотворительность; въ этомъ году дала 300 руб. на школу, учредила стипендіи для бѣдныхъ учениковъ, выдаетъ субсидіи бѣднымъ и т. д.

Составъ членовъ слѣдующій: Богоявленскихъ крестьянъ — 180 чел., заводскихъ и др. 60 чел. Пай— 5 р. Въ случаѣ прекращенія дѣла, «потребиловка»

собственный домъ и землю предоставляетъ крестьянскому обществу для богадѣльни, школы или т. п. учрежденій.

Все это крестьяне знаютъ прекрасно и все это подробно разъяснилъ имъ я, а затѣмъ и уполномоченные. Земля валяется впустѣ, подъ навозомъ и нуженъ ея ничтожный клочекъ въ 400 кв. саженъ.

Галдежъ произошелъ такой, что слышался вѣроятно за версту; орали, наскакивали одинъ на другого со звѣрскими рожами и только мое присутствіе удерживало ихъ отъ драки. И въ концѣ концовъ рѣшили: земли не продавать.

За этотъ кусочекъ уполномоченные предлагали 200 руб., общество, не теряя земли, получало, стало быть, эти деньги даромъ и тѣмъ не менѣе — «не продавать»... Причина: — «земля намъ самимъ нужна, черезъ десять лѣтъ ей цѣна, можетъ, тыщу рублевъ будетъ!» А такой свободной мірской земли у нихъ еще очень много и валяется она зря и долго еще будетъ валяться такъ.

Истинная причина другая и на нее прямо указывала болѣе разумная часть схода: не пообѣщали имъ уполномоченные выставить водки... выставь они десятокъ или пятокъ «фунтовъ чаю», какъ зовутся здѣсь въ такихъ случаяхъ ведра водки — отдали бы землю и за сто рублей...

Мое присутствіе, какъ оказалось, погубило дѣло!

Мартъ 1. Стоятъ свѣтлые и теплые дни, по ночамъ подмораживаетъ. Вчера, послѣ суда въ Волостномъ Правленіи, отправился въ контору завода, куда собрались и всѣ недовольные рабочіе. Я предсѣдательствовалъ и началъ съ заявленія, что мы собрались обсудить претензіи ихъ.

Отъ лица робочихъ выступилъ мѣстный «ораторь» — нѣкто Воробьевъ, испитой и нагло-развязнаго вида малый, всегда выдвигаемый рабочими для разныхъ переговоровъ. «Ораторь хорошій» — какъ объясняютъ они.

Ораторъ этотъ началъ, разумѣется, какъ и всѣ эти господа, нести цвѣтистую чепуху; были здѣсь и «предчувствія» администраціи о пожарѣ и «неучтенная строителемъ ванна» и т. п. Дважды я прерывалъ его и требовалъ, чтобы онъ, разъ дѣло идетъ о судѣ, давалъ бы точныя доказательства и данныя, изъ которыхъ видна была бы вина въ пожарѣ администраціи, а не случайность. Ничего, конечно, основательнаго жалобщики привести не могли; тогда я, чтобы пришпилить Фокина и заставить его высказаться какъ слѣдуетъ передъ рабочими, чего онъ ни разу не дѣлалъ, обратился къ нему послѣ объясненія, даннаго Пунгой: «прошу вашего заключенія, г. инспекторъ, по двумъ вопросамъ: во-первыхъ — по винѣ ли администраціи произошелъ пожаръ, и во-вторыхъ — насколько основательны претензіи рабочихъ?»

Рабочіе такъ и впились въ него глазами; Фокинъ заерзалъ, но все же вынужденъ былъ дать категорическіе отвѣты: винить администрацію нельзя, претензіи неосновательны.

Тогда я всталъ и, разъяснивъ еще разъ, что требуемое съ завода они могли бы получить лишь на основаній показаній экспертовъ, а не болтовни Матренъ о предчувствіяхъ, посовѣтовалъ утомониться и стать на работы по ремонту.

Рабочіе стали расходиться, но нѣсколько человѣкъ осталось и обратились ко мнѣ съ разными побочными дѣлами.

Одинъ заявилъ, между прочимъ, что директоръ несправедливо лишилъ его квартиры. Пунга, весь покраснѣвъ отъ возмущенія, объяснилъ, что этого рабочаго онъ принялъ изъ милости, потому что онъ явился такимъ голоднымъ оборванцемъ, что жаль было смотрѣть на него. Квартиры полагаются только мастерамъ, но у нихъ освободилась до пріѣзда новаго мастера одна квартира и рабочій этотъ явился къ Пунгѣ и, разжалобивъ его своей бѣдностью, выпросилъ у него, вмѣсто дозволенія жить въ этой квартирѣ, три рубля, которыя и записала ему Контора въ книжку, какъ

квартирныя деньги. Теперь же, на основанiи этой записи, онъ вздумалъ уже требовать продолженiя такихъ выдачъ на квартиру.

Другiя требованiя были столь же основательны и столь же порядочны.

У бѣдняги Пунги, когда мы уходили домой, чувствовались слезы подъ вспухшими и покраснѣвшими вѣками. Онъ все еще думаетъ о томъ, что заботы его о рабочихъ и гуманность съ ними вызовутъ съ ихъ стороны хотя бы доброе отношенiе къ нему!..

Марта 6. Вчера ѣздилъ въ Табынское, провелъ на сходѣ три часа. Сходъ собрался громадный, дѣло было важное — укрѣпленiе всего села по закону 14 iюня.

Пока писарь вычитывалъ съ крыльца сельскаго правленiя списокъ и границы участковъ, я ушелъ въ избу для разбора жалобъ и разныхъ претензiй; большая изба наполнилась народомъ такъ, что руки просунуть было некуда, духотища сдѣлалась невыносимая.

Жалобы заявлялись разнообразнѣйшiя; мирилъ стариковъ и старухъ съ сыновьями, разбиралъ разные споры о землѣ, обиды и т. п. Большинство этихъ дѣлъ подлежитъ свѣдѣнiю волостного суда, но я напрасно указывалъ на это: «нѣтъ, ужъ сдѣлай милость, рѣши ты самъ, ваше благородiе», отвѣчали мнѣ. Мужики мнѣ вѣрятъ; нравится имъ и то, что иногда захожу къ нимъ въ гости, бесѣдую съ ними о старинѣ и записываю ихъ разсказы. Заходятъ и ко мнѣ въ гости мужики и тогда ставится самоварчикъ и устраивается въ столовой чаепитiе. Илья Ефимовичъ, — письмоводитель мой, къ такимъ пассажамъ относится явно неодобрительно.

По окончанiи всѣхъ дѣлъ я обратился къ сходу и заявилъ, что хочу побесѣдовать съ ними еще объ одномъ. Суть его въ томъ, что песокъ въ здѣшнихъ краяхъ рѣдкость, а у Табынцевъ онъ имѣется въ видѣ цѣлой горы. Заводъ покупалъ у нихъ песокъ по полукопейкѣ за пудъ на мѣстѣ, и изъ этихъ полукопѣекъ складывалась крутленькая сумма въ 700 р. въ годъ,

плюсъ изрядный заработокъ за провозъ его. Надо отмѣтить, что 700 р. въ годъ дарила табынцамъ не вся гора, а ничтожный участокъ ея въ 10 квадр. саженей.

Между тѣмъ отъ администраціи завода я узналъ, что табынцы, условіе съ которыми кончается въ маѣ, требуютъ теперь по копѣйкѣ за пудъ. Пунга принялся за поиски собственнаго песка, и небольшую залежь, года на 2 работы, нашелъ на Пашковской землѣ и, кромѣ того, рѣшилъ въ случаѣ упорства табынцевъ, арендовать песокъ у Инзелгинскихъ татаръ.

Все это я разсказалъ сходу и предупредилъ его, чтобы они не упорствовали и не теряли зря 700 р. падающихъ имъ каждый годъ съ неба.

— Дадутъ и по копѣйкѣ! — единогласно отвѣтило мнѣ нѣсколько сотъ голосовъ. Видъ у многихъ сдѣлался весьма самоувѣренный.

— Ну, смотрите, не ошибиться бы вамъ! — сказалъ я.

— Даду-у-утъ ! . . . — возразилъ опять хоръ еще наглѣе.

— Ваше дѣло! — повторилъ я, садясь въ сани. — Вамъ и затылки потомъ чесать придется.

Съ тѣмъ я и уѣхалъ къ Кузнецовымъ, куда тѣмъ временемъ пособралась наша Богоявленская публика; дурили у нихъ до поздней ночи.

Не даромъ говорится, что исторія ничему не научаетъ людей: на глазахъ табынцевъ прошла исторія съ куганакцами и сасскульцами, сосѣдями ихъ, которымъ въ 1906 году Пашкова предлатала купить всю за - Бѣльскую часть имѣнія ея по 40 рублей за десятину.

— Не надо! — такимъ же хоромъ отвѣчали крестьяне: — земля и такъ вся наша даромъ будетъ!

И Бехманъ, и Пашкова нѣсколько разъ обращалась къ крестьянамъ съ тѣмъ же предложеніемъ и, несмотря на всѣ убѣжденія Бехмана, каждый разъ мужики отвѣчали отказомъ и упорно, со злобной насмѣшкой твердили: «ладно, и такъ будетъ наша!»

Тогда Пашкова продала землю Крестьянскому Банку и послѣдній установилъ теперь цѣну на эту, дѣйствительно превосходную землю, въ 150 рублей за десятину. А Сасскуль какъ кольцомъ окруженъ барскими землями, бывшими раньше у крестьянъ въ арендѣ. Теперь они воютъ волками; многіе потянулись изъ насиженныхъ гнѣздъ въ Сибирь, такъ какъ Банкъ, не считаясь съ сасскульцами, продалъ большую часть земли новымъ переселенцамъ изъ Россіи и Малороссіи.

У Кузнецовыхъ видѣлъ банковскаго чиновника, только что пріѣхавшаго изъ Уфы; привезъ кое какія новости: уходитъ въ отставку нашъ полиціймейстеръ Бухартовскій. Обезпечилъ онъ себя какъ слѣдуетъ: имѣетъ въ Уфѣ нѣсколько домовъ, не считая одного публичнаго, чего же еще человѣку нужно?

Но помимо обезпеченности понудило его заблаговременно подать въ отставку еще и другое дѣло: годъ тому назадъ въ номерахъ (нынѣ Попова) случилось убійство; хозяйка, находившаяся въ любовной связи съ брандмейстеромъ, отравила пріѣзжаго купца, имѣвшаго неосторожность сказать, что при немъ большія деньги. Дѣло раскрылось и хозяйку посадили въ тюрьму, брандмейстеръ же, несмотря на серьезныя улики противъ него, по сіе время не только гулялъ на свободѣ, но и оставался на службѣ.

Уходъ губернатора и опасенія грозы со стороны новаго вызвали, наконецъ, арестъ брандмейстера. Посадка его въ тюрьму и заявленіе его, что онъ не останется въ долгу передъ посадившими, служатъ теперь злобой дня въ Уфѣ.

Марта 8. Вчера въ сильный буранъ выѣхалъ рано утромъ въ объѣздъ Кармышевской волости. Дороги всѣ позанесло снѣгомъ и лошади, сбившись съ иногда невидной узкой тропы, вдругъ проваливались и утопали въ снѣгу выше брюха.

Въ волостномъ правленіи ожидалъ меня сюрпризъ: послѣ разбора разныхъ дѣлъ и жалобъ писарь, улучивъ минутку, сказалъ мнѣ, что онъ не знаетъ, что

дѣлать со старшиной, и что у нихъ въ кассѣ растрата въ нѣсколько сотъ рублей, не пополненная и теперь, такъ какъ моего пріѣзда не ожидали.

Деньгами завѣдуетъ старшина: онъ взыскиваетъ сборы, онъ и хранитъ ихъ до отсылки въ казначейство и др. мѣста. Писарь признался, что Шариповъ устраиваетъ разныя комбинаціи съ этими деньгами и сильно позапутался, такъ что деньги полностью въ кассѣ бываютъ лишь во дни ревизій, а затѣмъ сейчасъ же исчезаютъ оттуда.

Шарипову я не подалъ и вида о томъ, что знаю что либо о пустотѣ въ денежномъ сундукѣ, и лишь когда подали лошадей, я, надѣвая шубу, сказалъ ему.

— Ты мнѣ не нуженъ будешь: я поѣду съ Васильевымъ. Но никуда не уходи; черезъ три часа я вернусь и произведу сегодня ревизію!

Узкіе глазки татарина забѣгали.

Вернувшись, я приступилъ къ ревизіи; всѣ деньги въ кассѣ оказались полностью: всѣ три часа, что я отсутствовалъ, Шариповъ бѣгалъ по деревнѣ и занималъ у пріятелей деньги. Пробралъ я его за то, что, какъ открылось изъ книгъ, поступающія въ кассу деньги задерживались въ ней и не сдавались во время, затѣмъ взялъ всѣ наличныя 671 рубль и передалъ ихъ писарю, приказавъ подъ его отвѣтственностью завтра же везти ихъ въ Стерлитамакъ.

И растрата разомъ пополнена, и дурака подъ судъ не отдалъ. То то, думаю, наломали ему вчера бока кредиторы, у которыхъ онъ перехватилъ «на часокъ» эти деньги!

Марта 18. Съ 15 числа нахожусь въ Стерлитамакѣ. 16-го было экстренное собраніе всѣхъ земскихъ начальниковъ уѣзда по случаю пріѣзда Константиновича — непремѣннаго члена губернскаго присутствія. Онъ только что вернулся изъ Питера, гдѣ происходилъ съѣздъ непремѣнныхъ членовъ всѣхъ губерній и ввелъ насъ въ курсъ петербургскихъ настроеній и привезъ

программу нашихъ дальнѣйшихъ дѣйствій по закону 14 іюня.

По этому закону часть селеній не подлежитъ укрѣпленію; инструкція же, преподанная намъ, такова: въ такихъ селеніяхъ негласно, умно уговорить хотя бы по одному человѣку подать заявленіе о выдачѣ ему отъ общества такъ называемаго удостовѣрительнаго приговора о томъ, что онъ, дѣйствительно, владѣетъ въ обществѣ такими то и такими то полосами земли. Такого характера документы крестьяне всегда выдавали лишь съ большимъ трудомъ и опасались ихъ, какъ какихъ то ловушекъ.

Водка добудетъ и не такіе приговора! А получивъ его, земскій начальникъ выдастъ «просителю» удостовѣрительный актъ и дѣло въ шляпѣ: законъ говоритъ, что существованіе хотя бы одного такого акта переводитъ всю деревню въ разрядъ подлежащихъ дѣйствію закона 14 іюня, т. е. немедленному укрѣпленію... При этомъ намъ рекомендовались осторожность и негласность дѣйствій...

Константиновичъ добавилъ, что въ маѣ пріѣдетъ къ намъ министерская ревизія и главное вниманіе ея будетъ обращено «на количество выданныхъ земскимъ начальникомъ удостовѣрительныхъ актовъ».

На засѣданіяхъ выяснилась съ очень некрасивой стороны фигура нашего непремѣннаго члена землеустроительной комиссіи. Этотъ господинъ въ ярой погонѣ за крестиками и благоволеніями свыше, ѣздитъ по ѣзду, пропагандируя хутора и отруба, при чемъ во многихъ деревняхъ, особенно въ башкирскихъ, пускаетъ въ ходъ угрозы: если, молъ, не перейдете на отруба, то отберу у васъ всю землю». Грозные крики его и форменное платье запугивали многихъ и общества ставили такіе «добровольные» приговора о своемъ желаніи перейти на отруба.

Сегодня завтракалъ у Дурасова, предсѣдателя здѣшней земской управы и тотъ разсказалъ мнѣ, что онъ проѣзжалъ черезъ двѣ башкирскія деревни, гдѣ раньше дня за три ораторствовалъ этотъ Толмачевъ. Въ

обѣихъ башкиры толпой явились къ Дурасову и стали просить его: «узнай, пожалста, какой приговоръ наша писалъ? Тамга (такъ башкиры именуютъ подписи) клалъ, а не знаемъ, подъ что? Пожалста узнай, гуся тебѣ тащить будемъ!»

Кстати сказать, у башкиръ нѣтъ словъ — вести, нести, везти — все это у нихъ замѣняется словомъ — тащить. Онъ и «дрова тащилъ», онъ и «баба тащилъ», онъ и себя самого тащилъ. Долженъ отмѣтить, что всѣ мы, земскіе начальники, симпатизируя отрубамъ и укрѣпленіямъ (я лично — лишь честнымъ!), отрицательно относимся къ хуторамъ. Они не для русскаго мужика, да и природа противъ нихъ: зимой замететъ такой «райскій» уголокъ въ одну изъ ночей снѣгомъ— изъ избы и не выбраться безъ помощи добрыхъ людей! Надо самому повидать деревни зимой и понять, что значатъ сугробы, изъ которыхъ иногда торчитъ коегдѣ только труба избы...

Второе засѣданіе наше было посвящено вопросу о волостныхъ и другихъ сословныхъ кассахъ, погибшихъ въ нашемъ уѣздѣ еще въ семидесятыхъ годахъ. Завѣдывали ими, главнымъ образомъ, писаря и операціи ихъ свелись къ тому, что изъ нихъ поразобрали всѣ деньги, да и тѣмъ и ограничились. Долговъ своевременно не взыскивали, а теперь, черезъ полъ вѣка, и искать ихъ негдѣ и не съ кого. Необычайный ростъ кредитныхъ товариществъ и успѣхъ ихъ привлекъ на себя вниманіе министерства Внутреннихъ Дѣлъ и Лыкошинъ указалъ непремѣннымъ членамъ на это «нежелательное» явленіе и предложилъ воскресить старыя кассы, во что бы ни стало.

Подкладка этого требованія, конечно, политическая: кредитки сильно объединяютъ крестьянъ; выписываютъ они лѣвыя газеты, толкуютъ, собираясь, и не о кассовыхъ дѣлахъ, а захватываютъ политику...

Затѣя министерства безнадежна — у насъ слишкомъ сильны товарищества и бороться съ ними среди крестьянъ охотниковъ не найдешь!

Нѣкоторые коллеги самоувѣренно заявили, что возобновятъ свои кассы, я отвѣтилъ, что я не Христосъ и Лазаря воскресить врядъ ли мнѣ удастся.

Интересно, однако, знать, какія еще дѣла возложатъ на земскихъ начальниковъ? Кажется, остается только одно: обязать ихъ присутствовать при всѣхъ трудныхъ родахъ!..

Вечеромъ ѣздилъ въ здѣшнюю земскую больницу посовѣтоваться съ Вакуленкой, завѣдывающимъ ею. Эта мѣстная знаменитость, славящаяся, какъ хирургъ и терапевтъ и какъ замѣчательная личность: денегъ съ приходящихъ къ нему больныхъ не беретъ и весь погруженъ въ свою больницу и въ свое дѣло. Безсеребренникъ этотъ — невысокій человѣчекъ съ сильной просѣдью въ коротко остриженныхъ темныхъ волосахъ. Осмотрѣлъ онъ меня, подтвердилъ діагнозъ Экка о расширеніи у меня сердца и той же причиной объяснялъ отекъ правой ноги моей.

Больница расположена на горѣ за городомъ, въ видѣ нѣсколькихъ одноэтажныхъ сѣрыхъ зданій; переполненіе въ ней страшное: больными набиты не только палаты, но и коридоры, изъ которыхъ двери выходятъ прямо на дворъ. Проходя по коридору, замѣтилъ, что больные лежатъ безъ простынь и наволочекъ; матрасы и подушки ихъ — просто сѣро-дерюжные мѣшки, набитые соломой.

Марта 20. Только что вернулся въ свою Усолку. Наблюдалъ по пути любопытныя картинки кормленія скота и лошадей: какъ башкиры, такъ и русскіе вмѣсто сѣна кормятъ ихъ теперь хворостомъ. Употребляется для этой цѣли исключительно ильма и, въ крайнемъ случаѣ, совсѣмъ молодой вязъ; ильма рубится въ возрастѣ 4—5 лѣтъ и крупный скотъ поѣдаетъ цѣликомъ пруты толщиной въ палецъ, а съ болѣе толстыхъ сучковъ обгладываетъ дочиста только кору. Всѣ увѣряютъ, что кора эта — чрезвычайно хорошій кормъ, но, судя по виду питающихся ею животныхъ, они съ такимъ мнѣніемъ не согласны. Трудно представить

себѣ, сколько губится этого драгоцѣннаго и красивѣйшаго дерева на кормъ!

Марта 25. Наконецъ-то пришла и къ намъ весна! Вчера и сегодня на солнцѣ было 22°, въ тѣни же — 7° тепла; не морозило даже ночью.

Марта 28. Вчера насъ всѣхъ носили черти въ Табынское, на именины къ Оглоблину. Дорога невозможнѣйшая! Передъ тѣмъ, какъ выѣхать, безъ конца трезвонили другъ другу по телефону: дѣло въ томъ, что мѣстность здѣсь гористая и пріѣзжіе изъ Табынска являлись всѣ мокрые отъ купанія въ зажорахъ и разсказывали про дорогу нѣчто вродѣ того, что древніе разсказывали про Сциллу и Харибду.

Наконецъ, рѣшено было ѣхать: дѣйствительно, мужества надо много, чтобы разъѣзжать здѣсь объ эту пору! Только что выбрались мы за околицу — частью по грязи, частью по льду и черному снѣгу — видимъ, стоитъ на горѣ тройка Бехмана.

— Не вернуться ли, господа?—крикнулъ Бехманъ: —не проѣдемъ, пожалуй!

Лощинка впереди была полна кашей изъ воды и снѣга. Тройки наши двинулись въ дугообразный объѣздъ по скату горы; вдругъ уносная лошадь Бехмана провалилась по грудь въ разрыхлившемся снѣгу, за ней упала другая и, наконецъ, завалился и коренникъ. Съ большимъ трудомъ вытащили лошадей и направились дальше.

Сейчасъ же сани наши ухнули въ яму съ водой и, если бы мы не успѣли вскинуть на облучекъ ноги — приняли бы холодный душъ. Такія исторіи повторялись на каждомъ шагу, въ каждой самой крохотной лощинкѣ. Отъѣхали мы такимъ манеромъ версты съ двѣ — видимъ, стоитъ вороная пара нашего священника.

— А я васъ жду! — заявилъ онъ намъ. — Не вернуться ли? Вѣдь не доѣдемъ!

Возвращаться было нелѣпо и мы всѣ вмѣстѣ пустились опять впередъ. Къ счастью нашему, дальнѣйшая дорога на Табынское идетъ по равнинѣ; предательскихъ зажоровъ больше не было и мы доѣхали прекрасно, если не считать, конечно, того, что добрую треть пути волочились по голой землѣ и по пашнямъ.

Народа у Оглоблина набралось впору городу; именины свои онъ справлялъ въ квартирѣ слѣдователя, любезно предоставившаго ее ему въ полное распоряженіе.

Времяпрепровожденіе было обычное: ужинали, выпивали, затѣмъ часть гостей усѣлась въ сосѣдней комнатѣ играть въ двадцать одно среди вещественныхъ доказательствъ убійствъ, вродѣ грабель, дубинъ со слѣдами крови и т. д. Въ другой комнатѣ завели граммофонъ и начался плясъ; танцовали съ такимъ увлеченіемъ, что волосы на головахъ у кавалеровъ мотались, какъ гривы у хорошихъ коней. Молодую хозяйку такъ приложилъ объ полъ затылкомъ одинъ изъ танцоровъ, что у бѣдной вся прическа свернулась набекрень.

Подвыпили всѣ крѣпко и гвалта было достаточно. Къ сожалѣнію, слѣдователь пригласилъ и табынскаго доктора, усатаго тщедушнаго нѣмчика, всегда въ пьяномъ видѣ заводящаго скандалы.

Я, по своему обычаю, уѣхалъ довольно рано, часовъ въ 12 ночи и ничего не видалъ, хотя уже при мнѣ докторъ начиналъ придираться то къ одному, то къ другому по разнымъ пустякамъ.

При разъѣздѣ всѣхъ въ 5 часовъ утра онъ выскочилъ на крыльцо и началъ пушить усѣвшихся въ сани гостей разной россійской словесностью. Его унимали, но онъ бѣгалъ безъ шапки по грязи подъ дождемъ и оралъ, что всѣ усольцы подлецы и т. д. Скандалъ потомъ продолжался и въ домѣ.

Докторъ золъ на усольцевъ за то, что его никто и никогда не приглашаетъ теперь и въ пьяномъ видѣ не можетъ сдержать того, что накипѣло на его душѣ.

На обратномъ пути часть публики основательно выкупалась въ зажорахъ, но никому это не повредило.

Марта 29. Являлись сейчасъ крестьяне ташлинцы, кто съ проломленной головой, перевязанной грязной кровавой тряпицей, кто съ разбитой рожей и жаловались, что не стало житья въ ихъ деревнѣ отъ дракъ и безобразій. Эти депутаціи отъ нихъ являются не впервые; бьютъ ташлинцы другъ друга смертнымъ боемъ съ большой регулярностью: избитые сегодня черезъ недѣлю расколачиваютъ съ десятокъ головъ слѣдующей очереди и такъ продолжается, пока не обзаведется фонарями и повязками вся деревня. Тогда сказка про бѣлаго бычка начинается сначала.

Марта 30. Льетъ дождь. Сейчасъ по телефону дали знать изъ Табынска, что около 10 час. утра вскрылась Бѣлая и начался ледоходъ. Вода сильно прибываетъ: поднялась уже на 19 четвертей. Спѣшно готовятъ баржи и завтра начнутъ грузить ихъ, — заводскіе — стекломъ, купеческія — хлѣбомъ. Отправленіе барокъ здѣсь, по разсказамъ, настоящій праздникъ; непремѣнно поѣду взглянуть на него.

Апрѣля 5. Дали знать изъ Табынска, что тамъ начались обычныя весеннія исторіи. Цѣна за переноску ящика на баржу здѣсь установлена въ одну съ тремя четвертями копѣйки и при такой расцѣнкѣ крестьяне зарабатывали до 3 рублей въ день (поденная же плата мужику въ нашихъ краяхъ 50—60 коп.). Зная, что теперь для завода дорога каждая минута, такъ какъ вода долго не продержится, табынцы заявили, что работать не пойдутъ, если не положатъ имъ за ящикъ 4 копѣекъ. Заводъ не согласился и сейчасъ же послалъ въ сосѣднюю деревню за татарами. Явилось ихъ человѣкъ шестьдесятъ и принялись за работу.

Табынцы собрались и огромной толпой привалили на Пашковскую пристань. Поднялась неистовая ругань; табынцы требовали отъ татаръ прекращенія погрузки, тѣ не соглашались. Началась драка, вскорѣ остановленная появленіемъ урядника. Табынцы разошлись съ угрозами.

Все это повторяется изъ года въ годъ, ежегодно же происходятъ и исторіи съ пароходами. Послѣдніе за причалъ къ ихъ землѣ платятъ аренду, но тѣмъ не менѣе табынцы требуютъ съ каждаго парохода «на чай» и если имъ не даютъ нѣсколькихъ рублей, рубятъ чалки, спихиваютъ матросовъ въ воду и разбиваютъ на пароходѣ камнями и полѣньями стекла. Такихъ «дѣлъ» мнѣ пришлось разбирать нѣсколько.

Апрѣля 7. Вчера спускали барки. На главной, гдѣ находилась «казенка» — домикъ для караваннаго, на палубѣ у мачты, на которой развѣвался на сильномъ вѣтру новый трехсаженный флагъ, отслужили молебенъ. Послѣ него обѣдали на берегу; татары въ это время пили чай изъ ведеръ, черпая чашками (артели татаръ чай кипятятъ на кострахъ, въ ведрахъ).

Часовъ около 3-хъ начали отваливать. Вся наша компанія рѣшила прокатиться и собралась на главной баржѣ, шедшей послѣдней.

Бѣлая разлилась широко — мутныя волны ея понесли нашу громадную барку довольно быстро. Еще недавно спускъ ихъ обставлялся весьма торжественно, съ пальбой изъ небольшихъ мѣдныхъ пушекъ; караваны, «прибѣгавшіе» сверху, обмѣнивались съ пристанями салютами—теперь этого нѣтъ. Все стало скромнѣе въ этомъ мірѣ, даже уральскіе нравы!

Лоцманъ — табынскій мужикъ — какъ только мы вышли на середину рѣки, прокричалъ: «Съ коня долой! Молись, ребята!» [1]). Татары бросились къ борту и выстроились вдоль него на колѣняхъ; русскіе обнажили головы и стали креститься. Черезъ минуту молитва окончилась и лоцманъ съ помощникомъ сталъ обходить гостей и поздравлять ихъ съ «отваломъ».

Я терпѣть не могу пьяныхъ, а величающагося, онаглѣвшаго безъ предѣла мужика въ особенности. Имен-

---

[1]) Конь — это середина баржи, вдоль которой расположены вороты и др. приспособленія для подъема снастей. Вообще баржа — это особенный міръ, съ сотней названій разныхъ частей ея.

но такого и представлялъ собой вчерашній лоцманъ, главное начальство на баркѣ. Надо было видѣть, съ какимъ наглымъ видомъ онъ хлопалъ по плечу Бехмана, и новаго управляющаго имѣніемъ — толстаго, какъ сороковая бочка, Клубкова, — усаживался съ ними рядомъ, безцеремонно лѣзъ грязными пальцами за сигарами въ ихъ портсигары и тутъ же оралъ на бурлаковъ, перемежая каждое слово тремя матерями.

Противно мнѣ стало до-нельзя и я ушелъ въ казенку, гдѣ въ одной изъ трехъ комнатокъ остальная часть публики наслаждалась видомъ береговъ Бѣлой и играла въ двадцать одно.

Пашковская пристань выше Табынска, и мы, благодаря изгибамъ Бѣлой, «бѣжали» до него часа два. Видѣли лебедей и много утокъ; Бѣлая разбросала по берегамъ множество грязнаго льда и, казалось, будто тысячи полѣнницъ березовыхъ дровъ разставлено у воды и ждетъ сплава.

Противъ устья Усолки, бурно врывающейся теперь въ Бѣлую, мы высадились въ косную и съ пѣснями понеслись къ берегу. Тамъ уже ждали наши экипажи и вся вереница ихъ направилась въ «загородный ресторанъ», какъ прозвали въ шутку Кузнецовскій домъ.

Выѣхали обратно, когда уже темнѣло; небо было обрызнуто звѣздами точно искрами, вылетѣвшими изъ-подъ молота Невѣдомаго Кузнеца; въ заводяхъ Усолки и кругомъ на поляхъ, покрытыхъ озерами громадныхъ лужъ, сонно перекликались утки; глубокая грязь дороги сливалась съ обступившими ее со всѣхъ сторонъ черными полями; лошади увязали на цѣлинѣ и выбивались изъ силъ, пока не попадали опять на наѣзженную колею. То и дѣло въѣзжали въ воду, цѣликомъ покрывавшую переднія колеса, и если лошади были по пріѣздѣ въ грязи по спину, то и сѣдоки были таковы, что не сразу узнавали себя въ зеркало: до того украсило насъ грязью!

Апрѣля 8. Оказывается, одна изъ нашихъ троекъ, возвращаясь вечеромъ шестого изъ Табынска, завязла

въ грязи и изъ Пашковской, или какъ всѣ здѣсь говорятъ, «съ барской» конюшни послали на выручку еще пару лошадей. Пунга и бухгалтеръ имѣнія, ѣхавшіе на этой тройкѣ, проваландались въ грязи два часа и, несмотря на подоспѣвшаго сзади Бехмана, совмѣстныя усилія ихъ и двухъ кучеровъ, ничего не могли подѣлать. Перемазались до зубовъ.

Идетъ дождь, на дворѣ совершенная осень.

Этой ночью обокрали начисто погребъ у Бехмана; въ большомъ домѣ Пашковыхъ оказалась выломанной оконная рама, стекла во второй рамѣ были выбиты. Около окна лежалъ пустой мѣшокъ: воры, очевидно, заслышали что-либо и, бросивъ начатое дѣло, убѣжали.

Апрѣля 11. Вчера въ первый день Пасхи собрались всѣ у Пунги; запоздалъ только докторъ по причинѣ десяти перевязокъ, которыя ему пришлось сдѣлать. Въ числѣ этихъ перевязокъ, кромѣ разбитыхъ головъ, были и ножевыя раны: одно слово, праздники!

Не успѣлъ онъ выпить и стакана чаю, — въ переднюю ввалился мужикъ съ окровавленными руками и головой; изъ больницы увѣдомили по телефону, что ждутъ еще нѣсколькихъ паціентовъ, такъ какъ по всему селу идутъ драки. Бѣдной толстушкѣ фельдшерицѣ, принарядившейся въ новенькое платье, пришлось идти опять въ больницу и перевязывать пьяныхъ.

Апрѣля 19. Вчера заѣзжалъ Сторожевъ, нашъ исправникъ, и просилъ оказать содѣйствіе становымъ моего участка. 5 мая ожидается въ наши края губернаторъ и теперь полиція поретъ горячку, чинитъ дороги, мосты и проч. Мнѣ придется выѣхать на границу своихъ владѣній, за Бурлы, и давать по пути всякія объясненія его превосходительству.

Толстякъ Сторожевъ насмѣшилъ меня: «отецъ родной», — убѣждалъ онъ меня: — «вы археологъ и губернаторъ тоже. Будете съ нимъ ѣхать, какъ увидите рытвину на дорогѣ или другой какой непорядокъ, сей-

часъ пальчикомъ на гору ему и указывайте. Тутъ молъ, ваше превосходительство, вонъ тамъ, на самой маковкѣ, битва была! Ямку-то онъ, глядишь, и не замѣтитъ!»

Аксаковскій домъ, конечно, не движется: выведенъ вчернѣ одинъ первый этажъ и замеръ въ такомъ видѣ. Новый губернаторъ (слова исправника) заявилъ, что никакого касательства къ достройкѣ его имѣть не желаетъ и погонитъ со службы всѣхъ, кто занимался вымогательствами на Домъ. Вотъ тутъ и служи въ государствѣ россійскомъ!

Апрѣля 21. Подъ вечеръ разыгралась гроза — первая въ этомъ году; въ нѣсколько пріемовъ прошелъ проливной дождь.

Только что вернувшійся изъ Уфы Пунга разсказывалъ мнѣ о послѣднихъ дняхъ пребыванія въ Уфѣ Ключарева; бывшіе приспѣшники устраивали ему обѣдъ и проводы, говорили рѣчи, цѣловались... было пошло и жалко, и глупо. Таково мнѣніе постороннихъ, бывшихъ на этихъ проводахъ.

Прежде всего, изъ 160 приглашенныхъ явилось лишь 79... А два мѣсяца тому назадъ за честь сочло бы явиться три четверти города!

Кто-то, подражая новгородцамъ, приславшимъ Уфѣ поздравленія съ пріобрѣтеніемъ такого губернатора, какъ Башиловъ, отправилъ подобную же депешу симбирцамъ. Объ этомъ случайно узнали изъ симбирскихъ газетъ и земцы раскопали всю подноготную. Оказалось, что никакого собранія по этому вопросу не было и никто такого рода поздравительную телеграмму посылать не былъ уполномоченъ... Конфузно!

Достройку Аксаковскаго Дома принялъ на себя городъ: единственный, возведенный еще вчернѣ этажъ покроютъ крышей, заложатъ въ банкѣ и отдѣлаютъ внутри... Уфа обогатится длиннѣйшимъ въ мірѣ сараемъ, въ видѣ скрюченной журавлиной ноги. Таковъ грустный конецъ великихъ замысловъ великаго, но не оцѣненнаго Ключарева!

Несмотря на весну, крѣпко продолжаютъ шалить волки: на-дняхъ у самой околицы порвали 13 овецъ; позапрошлой ночью со двора у моего сосѣда, или какъ по здѣшнему, «шабра» — волкъ утащилъ овцу.

Апрѣля 23. Вчера и третьяго дня предсѣдательствовалъ на экзаменахъ въ мужской и женской школахъ у себя въ Богоявленскомъ. Дѣвочки куда развитѣе и тоньше духомъ, чѣмъ будущіе мужья ихъ!

Мужское училище тѣсное и грязное. Земство не ремонтировало его одиннадцать лѣтъ и трудно себѣ представить, насколько облуплено, измазано и потрескалось все внутри его. Чушь пороли мальчишки неистовую!

На предложеніе священника разсказать исторію Давида и Голіафа, вызванный «выпускной» увѣренно, звонкимъ голосомъ началъ: «вотъ напали на царя Давида филистины. Вотъ Давидъ и говоритъ Голіафу, царю филистинскому: отдай за меня дочь замужъ, не то выходи драться...»

— Постой, — перебилъ я его, — это ты, братъ, изъ Бовы королевича разсказываешь!

Учителя всѣ въ лоскъ легли отъ смѣха.

Другой отличился лучше.

— «Пропали, — отвѣчаетъ, — у одного человѣка ослицы, онъ и пошелъ ихъ розыскивать. Вдругъ, глядитъ, Іисусъ Христосъ верхомъ на одной изъ нихъ въ Іерусалимъ ѣдетъ».

— Что же ты, — говорю ему, — полагаешь, что Христосъ на краденыхъ ослахъ ѣздилъ?

Опять смѣхъ.

И не только по Закону Божьему — по всѣмъ предметамъ были подобные отвѣты. Единственное, что даютъ наши начальныя школы, (у меня ихъ въ участкѣ на 51 селеніе 9 и всѣ ихъ приходится посѣщать) — умѣнье читать и писать. Больше и не могутъ дать: учителя получаютъ гроши — по 20 и 25 рублей въ мѣсяцъ и мужчины-учителя опять-таки неизмѣримо ниже и неразвитѣе учительницъ. И рѣшительно ни одна

душа изъ нихъ не подумала о томъ, что не объ этихъ ослицахъ важно знать дѣтямъ, а нужно, прежде всего, научить ихъ распознавать дурное отъ хорошаго, приличное отъ неприличнаго, научить, что такое родина, долгъ и т. п. Ничего подобнаго нѣтъ и въ поминѣ!

Просматривалъ диктовки и изложенія; сами преподаватели не шибко горазды въ грамотѣ и иные пропускаютъ такія ошибки, что на нихъ самихъ еще слѣдовало бы надѣть ранецъ.

Этой ночью шестеро всадниковъ подъѣхало къ дому Долгова, старшаго лѣсника Пашковыхъ, открыли ставни и дубинами вдребезги разбили рамы. Перепутался Долговъ до того, что даже не выстрѣлилъ, и гости, разгромивъ окна и крикнувъ обѣщаніе прикончить и его самого, ускакали неопознанные.

Произошло это потому, что крестьяне пришли къ Клубкову просить дубовыхъ кольевъ для ихней городьбы изъ барскаго лѣса. Бывшій тамъ же Долговъ заявилъ: «не давайте имъ кольевъ, Иванъ Степановичъ: пусть они сперва свои мосты починятъ, а то никуда проѣхать нельзя! Лѣсъ у нихъ и свой есть!»

На вулканѣ живемъ мы, надо сознаться, и пиры наши — пиры во время чумы!

Апрѣля 28. У Пашковыхъ опять забастовка: ушли съ работы всѣ плотники. Причина — близкій конецъ ремонта завода и они, поэтому, вдругъ подняли цѣну не мало не много, какъ втрое на всѣ сдѣльныя работы. Пунга, конечно, не пошелъ на такое увеличеніе и предложилъ всѣмъ перейти на поденщину. Плотники согласились, но вмѣсто работы стали заниматься сидѣніемъ и покуриваніемъ папиросъ; заводскій старшой сдѣлалъ имъ нѣсколько замѣчаній и затѣмъ пожаловался Пунгѣ.

Одинъ изъ плотниковъ — главный заводчикъ смуты, изругалъ за это старшого по всему россійскому лексикону и былъ разсчитанъ. Тогда весь табунъ плотниковъ ушелъ съ завода.

Апрѣля 30. 2 часа ночи. Сейчасъ вернулся съ пожара: горитъ и посейчасъ барскій домъ. Къ нему только что сдѣлали пристройку и приготовлялись къ пріему губернатора. Сторожъ замѣтилъ изъ своей избушки у воротъ огонь въ комнатахъ, побѣжалъ къ церкви и ударилъ въ набатъ. Сундуки и шкафы въ домѣ оказались взломанными и раскрытыми, но украдено ли что-нибудь изъ нихъ — опредѣлять было поздно: стѣны и полы въ нѣсколькихъ комнатахъ были политы керосиномъ и полыхали во всю. Большую часть вещей успѣли повыносить и повыкидать изъ оконъ; шелъ дождь, въ саду, освѣщенные багровымъ огнемъ, лежали груды перекалѣченной дорогой мебели, кроватей, подушекъ, гардинъ и т. п. Такъ благодарятъ въ наше время тѣхъ людей, отъ которыхъ, кромѣ добра въ теченіе десятковъ лѣтъ, ничего не видали...

Получилъ письмо отъ дочери и зловѣщую телеграмму, завтра экстренно выѣзжаю въ Уфу и затѣмъ въ Петербургъ.

НОВГОРОДЪ.

Іюль 1. Сижу въ Старой Руссѣ и ожидаю перевода.

Довольно обширный городокъ этотъ весь тонетъ въ садахъ; больныхъ и дачниковъ въ него стекается много, но все же какая пустота и тишина на его широкихъ песчаныхъ улицахъ! Всѣ онѣ позаросли травой и даже на главной улицѣ зелень выбивается вдоль тротуаровъ. Такъ же мертвъ и Новгородъ — наша столица.

Губернское присутствіе и старорусскій предводитель дворянства Завалишинъ предупреждали меня, что мой, 5-й участокъ, самый кляузный во всей губерніи.

— Имѣйте это въ виду! — говорилъ мнѣ непремѣнный членъ, Ю. Б. Довмонтъ - Сѣсицкій, — внушительныхъ размѣровъ косой господинъ, глядя однимъ бѣлесоватымъ глазомъ въ потолокъ, а другимъ въ полъ

передо мною, что придавало одной половинѣ его лица восторженное, а другой угрюмое выраженіе. — Кляузъ на васъ будутъ писать безъ конца, тамъ ихъ пишутъ рѣшительно на всѣхъ. На самого императора Александра III тамъ жалобу датскому королю написали!

Я расхохотался, но оказалось, что такой казусъ былъ въ дѣйствительности. Мужики, провалившись съ какимъ-то дѣломъ во всѣхъ инстанціяхъ, подали прошеніе на Высочайшее имя и, когда отказали имъ и тамъ — махнули жалобу датскому королю, тестю императора Александра III, за что имъ приказано было изъ Петербурга учинить надлежащее внушеніе.

— Вашъ будущій участокъ — препоганый! — нѣсколько разъ повторилъ мнѣ и Завалишинъ. — Изъ трехъ волостей двѣ поголовно занимаются особаго рода отхожимъ промысломъ: нищенствомъ въ дачныхъ мѣстахъ и по городамъ!

Прощаясь, Завалишинъ заявилъ, что онъ горячій сторонникъ хуторовъ и надѣется и во мнѣ найти такого же поборника ихъ. Спрашивается — можно ли разговаривать о хуторахъ съ нищими?

Участокъ, во всякомъ случаѣ, любопытный: должны же быть какія-либо причины такого отхожаго промысла и такой любви къ кляузамъ?

Отмѣчу при этомъ, что въ районѣ моего сокровища нѣтъ ни одной десятины помѣщичьей земли: населеніе исключительно крестьянское.

Іюля 7. Побывалъ въ земской управѣ и въ съѣздѣ. Книжное дѣло поставлено здѣсь плохо: нельзя и сравнить новгородцевъ съ уфимцами! Тамъ жизнь кипитъ, тамъ ведутъ его живые и интеллигентные люди, а здѣсь тупые приказчики. Выбора книгъ никакого, помѣщенія маленькія, тѣсныя . . .

Съѣздъ зато обставленъ куда лучше стерлитамакскаго: зала засѣданій и друг. комнаты большія, свѣтлыя, мебель приличная, вездѣ чисто.

Іюля 8. Сегодня въ Руссѣ большое торжество. Еще въ полночь загудѣли колокола во всѣхъ церквяхъ;

многіе дачники, въ томъ числѣ и я, не зная, въ чемъ дѣло, повскакали съ постелей и бросились къ окнамъ смотрѣть, гдѣ пожаръ: домики здѣсь все деревянные, построенные тѣсно, и займись хоть одинъ — цѣлая улица превратится въ головешки.

Одна нервная дама встревожилась до того, что выскочила на улицу въ рубашкѣ.

Что празднуютъ въ этотъ день—толкомъ не знаю: одни говорятъ — избавленіе отъ холеры, другіе — отъ какого-то врага.

Крестный ходъ во главѣ съ архіереемъ собирается изо всѣхъ многочисленныхъ церквей и обходитъ городъ; пріѣхала и великая княгиня Елисавета Өеодоровна. Вѣроятно, это въ честь ея разные подростки и старики съ унылымъ видомъ ковырялись нѣсколько дней на улицахъ и выпалывали траву, отъ чего зеленые бока тротуаровъ покрылись теперь, красоты ради, разнообразными плѣшинами.

Сейчасъ прошелъ крестный ходъ. Зрѣлище, дѣйствительно, величественное! Вся наша Дмитріевская улица была полна народомъ, часть его узенькой лентой выстроилась на серединѣ улицы.

Первыми шли кресты и хоругви, за ними безконечной чередой на синихъ и зеленыхъ носилкахъ колыхались большіе, старинные образа въ серебряныхъ ризахъ; иные были громадные, и носилки съ ними, съ видимымъ трудомъ, обливаясь потомъ, несло на плечахъ человѣкъ по шестьдесятъ.

Стоявшіе по серединѣ улицы нагибались и образа проплывали надъ ними, какъ бы благословляя ихъ. Непрерывная череда сверкающихъ иконъ занимала по крайней мѣрѣ полъ версты; за ними шло все мѣстное духовенство во главѣ съ новгородскимъ архіепископомъ Арсеніемъ. За нимъ выступалъ губернаторъ Лопухинъ (братъ сосланнаго въ Сибирь), высокая монахиня во всемъ черномъ — великая княгиня Елисавета и др. власти. Ихъ полукругомъ, держась за руки, отдѣляла отъ народа цѣпь солдатъ.

Іюля 18. Вчера, по случаю полученія приказа принять 5-й участокъ, облачился въ сюртукъ, нацѣпилъ шпагу и по жарѣ отправился въ Путевой Дворецъ представляться губернатору.

Лопухинъ принялъ меня на балконѣ: впечатлѣніе онъ произвелъ на меня пріятное — красиваго барина хорошей породы и такого же питанія. Стали мы съ нимъ бесѣдовать и вдругъ онъ заявляетъ мнѣ. «Кстати, тутъ былъ запросъ изъ министерства торговли о томъ, не имѣю ли я препятствій къ открытію вами въ Петроградѣ Коммерческаго Училища. Я отвѣтилъ, что я принципіально противъ этого, такъ какъ земскому начальнику рѣшительно нѣтъ времени и возможности отвлекаться для какого-либо другого дѣла на сторонѣ!»

Разозлился я страшно.

— Крайне, — говорю, — пораженъ такимъ отвѣтомъ вашего превосходительства и еще болѣе тѣмъ, что онъ былъ данъ безъ предварительнаго запроса меня! Вы поставили меня въ такое положеніе, что я вынужденъ буду уйти отъ васъ и причислиться къ министерству!

— Почему?

— Да потому, что отказъ вашъ можетъ лишить меня училища, которое мы съ женой создавали десять лѣтъ и на которое ушло чуть ли не все наше состояніе! Я не могу ставить на одну доску училище съ мѣстомъ земскаго начальника!

— Но согласитесь сами, что завѣдываніе такимъ большимъ дѣломъ, какъ цѣлое училище, совершенно несовмѣстимо съ казенной службой!

— Мое училище, — возразилъ я, — рѣшительно то же, что казанское имѣніе вашего превосходительства. Ваше имѣніе не мѣшаетъ вамъ управлять губерніей, а мое быть земскимъ начальникомъ. «Дѣло» мое по немъ теперь сводится лишь къ составленію годовой смѣты, выбору персонала учителей и уплатѣ денегъ. Разумѣется, я даю тонъ училищу, но это можно дѣлать издалека: у меня есть директоръ и инспекторъ

Рѣшительно никто не имѣетъ права лишать меня моего имущества, гдѣ бы оно ни находилось!

Лопухинъ былъ видимо сконфуженъ своей опрометчивостью. Я указалъ ему, что никакого училища вновь открывать я не намѣренъ, что рѣчь идетъ о старомъ, существующемъ уже десять лѣтъ, которое теперь, по случаю смерти жены, потребовалось лишь «переписать» на мое имя, т. е. предоставить мнѣ учредительскіе права.

Послѣ споровъ и переговоровъ мы рѣшили, наконецъ, что я пріѣду къ нему завтра съ обстоятельной докладной запиской обо всемъ и онъ внесетъ ее на новое разсмотрѣніе Присутствія. Я повторилъ еще разъ, что разсмотрѣніе необходимо скорое и что въ случаѣ отказа я подаю въ отставку.

Возвратился я домой злой, разстроенный. Сейчасъ же сѣлъ писать письма въ Питеръ и въ Министерство Торговли, чтобы пріостановили бумагу губернатора, отправленную имъ «недѣли двѣ назадъ». Два мѣсяца я бился въ Петербургѣ съ дѣлами училища, поставилъ дѣло на рельсы — и вдругъ все могло ухнуть и разсыпаться прахомъ!

Сегодня въ 10 часовъ утра отправился опять къ губернатору. Принялъ меня очень любезно и прочиталъ мою «обстоятельную» докладную записку, въ которой я указалъ на неудобство дѣйствовать такъ съ маху въ дѣлахъ. касающихся чужого имущества, и мягко сталъ винить меня въ происшедшемъ.

— Вы должны были предупредить меня обо всемъ! — сказалъ онъ, — я же вѣдь не зналъ ничего и, согласитесь, не обязанъ былъ знать! Спрашивали вѣдь только мое мнѣніе, я и далъ его!

— Совершенно вѣрно, ваше превосходительство,— отвѣтилъ я, — спрашивали ваше мнѣніе, но согласитесь и съ тѣмъ, что прежде чѣмъ отвѣчать министерству, необходимо было узнать, что я предпочту — службу или дѣло, о которомъ былъ запросъ! Наконецъ, я не зналъ ничего ни о запросѣ, ни объ отвѣтѣ вашемъ до вчерашняго дня.

Показалъ генералу Высочайшее утвержденные правила о Коммерческихъ училищахъ, изъ которыхъ ясно видна роль учредителя, отнюдь не требующая торчанія въ Петербургѣ. Незнаніемъ законовъ никто отговариваться не можетъ, а потому я настоялъ, въ виду спѣшности дѣла, чтобы въ Присутствіе дѣло не отсылалось, а въ министерство торговли была бы послана телеграмма съ согласіемъ. Лопухинъ сѣлъ за столъ и написалъ мнѣ длинную телеграмму желаемаго мною содержанія.

Кончивъ писать, онъ поднялъ на меня красивые глаза свои — вообще бѣлое, выхоленное лицо его съ небольшими темно-русыми бакенбардами очень представительно — и, какъ бы вспомнивъ вдругъ что то, спросилъ.

— Скажите, писатель Минцловъ, это не вы?

— Я.

— Простите нескромный вопросъ: отчего вы служите?

— Причина простая: сейчасъ мои дѣла требуютъ больше средствъ, чѣмъ я имѣю... уклончиво отвѣтилъ я.

— Вы ничего не имѣете противъ прогулки со мной? — неожиданно спросилъ Лопухинъ.

— Съ удовольствіемъ...

Мы спустились въ садъ и Лопухинъ молча зашагалъ мимо пруда въ отдаленный уголъ аллеи, гдѣ не было ни души.

— Вамъ нѣтъ смысла сидѣть гдѣ то въ 5-омъ участкѣ! — заговорилъ онъ. — Вы археологъ, историкъ, вамъ надо заниматься своимъ любимымъ дѣломъ... Хотите перейти ко мнѣ?

Я вопросительно взглянулъ на него.

— Да, ко мнѣ, повторилъ Лопухинъ. — Вѣдь вамъ не дорого званіе земскаго начальника?

— Съ великимъ удовольствіемъ разстанусь съ нимъ! — отвѣтилъ я.

— Такъ тѣмъ болѣе, значитъ! Переходите ко мнѣ въ старшіе чиновники особыхъ порученій? Жа-

лованье маленькое, конечно, но вы будете кромѣ того секретаремъ статистическаго комитета, словомъ, содержанія у васъ въ общемъ наберется не меньше 2 тысячъ, то же, что и теперь имѣете. Желаете?

— Очень...

— Въ такомъ случаѣ разрѣшите васъ поисповѣдывать: я долженъ знать рѣшительно все о васъ и о вашихъ взглядахъ, такъ какъ вы будете вести всѣ секретныя дѣла и вообще будете ближайшимъ моимъ сотрудникомъ.

И дѣйствительно онъ исповѣдывалъ по всѣмъ статьямъ: допрашивалъ о прежней службѣ, о дѣтяхъ, о родныхъ, о средствахъ. На вопросъ о моихъ убѣжденіяхъ я совершенно искренно отвѣтилъ, что ни къ какимъ партіямъ не принадлежалъ и не принадлежу и желаю всяческаго добра и блага Россіи.

Людей на лѣвыхъ и правыхъ не дѣлю — дѣлю ихъ на дурныхъ и хорошихъ, на честныхъ и прохвостовъ и лишь на этомъ строю свое отношеніе къ нимъ. Всѣ рѣшительно партіи считаю преступными сообществами, прикрытыми фиговыми листками невинности. Всѣ онѣ основаны на злѣ и насиліи и всѣ стремятся заставить другихъ людей жить и поступать по ихъ фантазіямъ, а не по требованіямъ жизни.

— Тогда по рукамъ! — улыбаясь сказалъ Лопухинъ, протягивая руку. Я пожалъ ее и мы вернулись въ кабинетъ.

Тутъ же я написалъ прошеніе о перемѣщеніи меня на должность старшаго чиновника особыхъ порученій, Лопухинъ положилъ на немъ резолюцію, и на дняхъ будетъ новый приказъ обо мнѣ.

Слава Богу, я больше не земскій начальникъ! Не будетъ у меня этого моря нелѣпыхъ переписокъ, вѣдомостей о выѣденномъ яйцѣ, посылаемыхъ въ десятки мѣстъ и тысячъ такихъ же дѣлъ. Въ Новгородской губерніи служба особенно тяжела: я думалъ, что на земскаго начальника больше, чѣмъ навалено, уже рѣшительно ничего навалить нельзя; здѣсь, однако, ухитрились сдѣлать невозможное: земскихъ обязали еще

быть и землемѣрами; при всѣхъ выдѣлахъ крестьянъ они здѣсь должны сами снимать участки на планы. А между тѣмъ большинство земскихъ не только никакого понятія не имѣютъ о съемкахъ, но даже къ словамъ вродѣ «мензула» относятся какъ купчиха Островскаго къ жупелу. То-то, должно быть, хороши здѣсь крѣпостные документы!

Понятно, что земскіе бѣгутъ или, плюнувъ на все, берегутъ свое здоровье и экономятъ деньги, совсѣмъ забросивъ участки и выѣзжая въ нихъ лишь разъ въ мѣсяцъ. Да и какъ работать здѣсь, когда въ цѣломъ уѣздѣ нѣтъ ни одного хоть сколько нибудь порядочнаго волостного писаря, а все пропойцы! Въ Уфимской губ. писаря у меня получали по 90 и болѣе въ мѣсяцъ и были отличные; здѣсь наибольшій окладъ — 25 рублей. Разумѣется, за такія гроши порядочныхъ людей найти нельзя и вмѣсто дѣла они занимаются запоями.

Странная шутка судьба: думалъ бросить службу и вдругъ нежданно-негаданно получилъ дѣло по сердцу!

Августа 11. Ѣздилъ въ Петербургъ, хлопоталъ по дѣламъ, укладывалъ вещи и книги, работы была уйма. Въ Новгородѣ нанялъ квартиру на Софійской площади и перевезу туда рѣшительно все, даже свою библіотеку.

Безъ меня въ Руссѣ въ курортномъ театрѣ, арендуемомъ Брагинымъ, шестого августа поставлена была новая пьеса моя «Безъ идеаловъ»; по разсказамъ, прошла съ успѣхомъ подъ общій смѣхъ зрительнаго зала: жаль, что не удалось повидать ее.

Сентября 6. По всей Руси идутъ панихиды: вчера скончался раненый въ Кіевѣ Столыпинъ. Что про него не говори, а человѣкъ онъ былъ крупный, опредѣленный и знавшій, что дѣлалъ!

Сейчасъ былъ на панихидѣ въ соборѣ; присутствовалъ губернаторъ и весь служащій Новгородъ. Служилъ самъ архіепископъ Арсеній съ 24 священниками.

Передъ началомъ сказалъ съ амвона рѣчь, — сказалъ очень плохо и даже неумно, несмотря на то, что онъ, по общимъ отзывамъ, человѣкъ дѣльный.

Панихида была черезчуръ торжественна и потому не трогательна: она сильна, когда ее служитъ одинъ попикъ съ немудрымъ хоромъ въ полутемной и пустой церковкѣ. Все суета въ мірѣ!..

Густой отдаленный звукъ колокола доносился откуда то издалека сверху, изъ подъ темныхъ сводовъ св. Софіи и гулъ сообщалъ городу о событіи. А внизу копошились мелкіе людишки; военные генералы, увидавъ, что статскіе генералы стали впереди нихъ, принялись съ ними мѣстничать, перешли и встали впереди нихъ; то же продѣлывали и барыни, сообразуясь съ рангомъ мужей.

Уже почти три недѣли, какъ я переѣхалъ въ Новгородъ; возился безъ конца съ устройствомъ квартиры и своей библіотеки; назначенія моего нѣтъ пока до сихъ поръ — все еще не причисленъ къ министерству, безъ чего губернаторъ не можетъ назначить меня на новую должность.

Сентября 11. Сегодня ѣздилъ съ визитами. Между прочимъ, заѣхалъ къ приставу нашей части города — Сукину. Бесѣдовали съ нимъ о Столыпинѣ и Сукинъ повѣдалъ мнѣ такую исторію.

Зимой явился къ нему какой-то приличный на видъ субъектъ и заявилъ, что желаетъ переговорить съ нимъ по секрету. Сукинъ провелъ его въ свой кабинетъ; незнакомецъ началъ съ весьма развязнаго сообщенія, что онъ служитъ въ охранномъ отдѣленіи, и спросилъ, желаетъ ли онъ отличиться.

— Какъ отличиться? — спросилъ Сукинъ.

— Получить крестъ, выдвинуться во мнѣніи губернатора, наконецъ денегъ заработать...

— Какимъ образомъ, объясните?

Незнакомецъ объяснилъ.

— У васъ тутъ имѣется богатый магазинъ (Орлова), такъ устроимте экспропріацію. Я все возьму на

себя, подговорю двухъ-трехъ оборванцевъ и въ условленный день и часъ ограблю магазинъ. А вы сдѣлайте засаду, оборванцевъ всѣхъ я наберу ниже себя ростомъ, я выбѣгу съ деньгами и вы меня пропустите, а тѣхъ жарьте, какъ слѣдуетъ. За себя не бойтесь — я вооружу ихъ самыми дрянными негодными револьверишками и вы перебьете ихъ въ одну минуту! А деньги потомъ пополамъ...

Сукинъ задержалъ новаго Азефа и по телефону сообщилъ обо всемъ полицiймейстеру. Тотъ немедленно отправился къ Куроѣдову, здѣшнему жандармскому полковнику. Куроѣдовъ выслушалъ разсказъ и отвѣтилъ, что арестовывать этого типа не надо, такъ какъ онъ долженъ отослать его въ Петербургъ въ охранку. Такъ и было имъ сдѣлано. Типъ этотъ жилъ въ Новгородѣ по подложному паспорту, выданному по распоряженiю Куроѣдова полицiймейстеромъ.

Сегодня же вечеромъ присутствовалъ въ женской гимназiи при кончинѣ родительскаго комитета. Кассо рѣшилъ отдѣлаться отъ нихъ и потому циркуляромъ измѣнилъ прежнiя правила: теперь требуется для дѣйствительности собранiй двѣ трети всѣхъ родителей; если не явятся эти двѣ трети и на второе собранiе, то выборы комитета отсрочиваются на годъ.

Сегодня было второе собранiе и вмѣсто требовавшихся 274 душъ явилось 74... Начальница — скромненькiй маленькiй человѣкъ — чуть не плача объявила о временномъ — на годъ — закрытiи комитета и добавила, что кромѣ помощи и добра она отъ родительскаго комитета ничего не видала; онъ далъ ей свыше 1 000 р. за прошлый годъ въ пользу бѣдныхъ ученицъ, помогалъ разбираться во многомъ и т. д.

Такъ мы и разошлись по домамъ, ничего не сдѣлавъ. А дома въ газетѣ прочелъ рядъ телеграммъ изъ разныхъ городовъ о такихъ же катастрофахъ съ комитетами.

Октября 5. Сейчасъ прочелъ въ «Русскомъ Словѣ», въ отдѣлѣ «по телефону изъ Петербурга» — «покон-

чилъ самоубійствомъ редакторъ-издатель журнала «Всходы» Э. С. Монвижъ-Монтвидъ...

Двѣнадцать лѣтъ тому назадъ я познакомился съ нимъ въ редакціи «Всходовъ», помѣщавшейся тогда на Малой Итальянской. Первое впечатлѣніе онъ произвелъ на меня неблагопріятное: высокій, нѣсколько сутуловатый, онъ то и дѣло кривилъ ротъ, пригибая въ то же время къ плечу голову и, какъ бы постоянно высвобождалъ откуда то руку... Но еще два-три свиданія — и я оцѣнилъ его, какъ слѣдовало. Умница и энциклопедистъ онъ оказался выдающійся. Не было темы, на которую нельзя было бы поговорить съ нимъ, и каждый разъ онъ поражалъ мощью своей логики, ясностью и широтой взгляда. Онъ окончилъ два факультета — юридическій и медицинскій.

Я скоро и близко сошелся съ нимъ, и вся его дальнѣйшая жизнь соприкасалась съ моей.

Надъ нимъ тяготѣлъ рокъ — другого слова я подыскать не могу — именно рокъ древне-греческихъ трагедій, въ которыхъ сразу зритель чувствуетъ, что обреченному никуда не уйти отъ него. Не ушелъ отъ него и Монтвидъ...

Прежде всего, онъ былъ безукоризненно честный и искренній и передовой во всѣхъ смыслахъ человѣкъ. Имѣлъ онъ и деньги и кромѣ того что-то около пятисотъ десятинъ незаложенной земли въ самой дорогой части Малороссіи — Полтавской губ. Жить бы ему да радоваться, но непрактичнѣйшій и довѣрчивѣйшій изъ смертныхъ Монтвидъ почему-то считалъ себя дѣльцомъ и, какъ онъ любилъ выражаться, «главнокомандующимъ» и «министромъ финансовъ».

Въ качествѣ послѣдняго онъ промѣнялъ свое чистенькое имѣніе на другое въ Волынской губерніи въ 1 600 десятинъ, да еще съ долгомъ. Комбинація эта вмѣсто барышей стала ежегодно давать ему убытка въ 2 000 рублей. Устроилъ онъ управляющимъ этимъ «золотымъ дномъ»..., нѣкоего родственника жены, а самъ уѣхалъ въ Питеръ и тамъ у Давыдовой, основательницы «Міра Божьяго», купилъ журналъ «Всхо-

ды» за... 30 000 рублей. Цифра по теперешнимъ временамъ дикая, а по тогдашнимъ только очень крупная!

Давыдова увѣряла его, что она устала, больше работать не можетъ и ничего больше издавать не будетъ. Монтвидъ, разсчитывая, что журналъ, поставленный на ноги, будетъ давать ему большой доходъ, отвалилъ ей требуемый кушъ, а переутомленная барыня немедленно открыла другой журналъ «Юный Читатель», съ подписной цѣной въ 2 рубля. ««Всходы» стоятъ 5 р. и, разумѣется, новый конкуррентъ сразу ударилъ по ногамъ своего соперника.

Жизнь требовала большихъ расходовъ; двѣ дочери Монтвида учились въ гимназіи княгини Оболенской, сынъ тоже въ модной и дорогой гимназіи — у Гуревича. Надо было думать о розыскѣ денегъ, и довѣрчиваго Монтвида втянули въ разныя предпріятія: въ разработку какой то богатѣйшей якобы сюрьмянной руды на Кавказѣ, потомъ въ разработку собственныхъ «лѣсныхъ богатствъ» и т. д.

Сюрьма поглотила у него 10 000 рублей и оказалась мыльнымъ пузыремъ; лѣсныя «богатства» привели къ тому, что пршлось обмѣнять ихъ на десятину земли въ Одессѣ и на 800 (или 700) десятинъ въ Витебской губерніи; все это было обременено долгами, которыхъ наросло у Монтвида чуть ли на до 100 000 рублей...

Создалъ онъ книжный складъ — погибъ и складъ; журналъ — любимѣйшее его дѣтище, пересталъ выходить за неимѣніемъ грошей на пересылку. Монтвидъ остался безъ денегъ и безъ кредита и бился шесть лѣтъ какъ рыба о ледъ.

Какъ онъ выкручивался — уму непостижимо!.. И этотъ свѣтлый человѣкъ, эта ясная голова не выдержала; я его видѣлъ мѣсяцъ тому назадъ и съ нимъ рѣшительно уже ни о чемъ нельзя было говорить: раздраженный, издерганный, онъ все возвращалъ разговоръ на свой складъ, на людей, грабившихъ его безпрерывной вереницей всю жизнь...

И вотъ онъ принялъ ядъ и успокоился... Сколько онъ пережилъ и передумалъ передъ концомъ?..

Газеты посвятили ему всего по три строки въ отдѣлѣ заурядныхъ происшествій: отравился такой то. Рядомъ сотни строкъ посвящались всякимъ убійствамъ, всякимъ скандаламъ и грязи.

Октября 6, 12 часовъ ночи. Съ 10 до 11 пробылъ у губернатора. Лопухинъ возложилъ на меня завѣдываніе городскими типографіями, т. е. вѣрнѣе надзоръ за ними, и кромѣ того поручилъ весьма непріятное дѣло — присутствовать въ качествѣ представителя администраціи на лекціяхъ разныхъ Питерскихъ гастролеровъ.

Первый дебютъ мой на этомъ поприщѣ 9 октября. Предстоитъ лекція Водовозова о Шпильгагенѣ и 1848 годѣ въ Германіи и губернаторъ предполагаетъ, что Водовозовъ будетъ всячески проводить революціонныя идеи. Получилъ инструкцію немедленно въ такомъ случаѣ прекратить чтеніе.

Про Лопухина могу сказать, что онъ производитъ впечатлѣніе умницы и очень осторожнаго и внимательнаго человѣка. Ни одного дѣла, ни одной бумаги онъ не пропускаетъ, не ознакомившись съ нею, какъ слѣдуетъ, и не положитъ ни одной неясной, или необоснованной резолюціи.

Служить съ нимъ трудно: вниманіе и отчетливость въ работѣ требуются большія, и вмѣстѣ съ тѣмъ служить пріятно — онъ удивительно выдержанный и корректный человѣкъ. Я очень цѣню настоящее барство въ людяхъ.

Въ правыхъ газетахъ идетъ травля Л. Ф. Пантелѣева, выставленнаго кандидатомъ въ Государственную Думу отъ кадетской партіи. Человѣкъ онъ хорошій, но ветхій, и что онъ будетъ дѣлать въ Думѣ — нельзя понять! Я изрѣдка бывалъ у него и помню, какимъ искреннимъ тономъ, со смѣшкомъ, отвѣтилъ онъ разъ на вопросъ мой, — за что его ссылали? «а ей Богу, не знаю!.. Такъ, ни за что!..» Старика тѣшило, что

съ нимъ нянчились, заставляли писать воспоминанія, что онъ сталъ неожиданно для себя персоной.

Октября 9. Общественный клубъ, гдѣ происходила лекція Водовозова — деревянное неуютное зданіе; стѣны изъ некрашенныхъ отесанныхъ бревенъ, въ пазахъ торчитъ пакля, полы некрашенные. Въ довольно большомъ залѣ устроена низенькая сцена, передъ ней ряды простыхъ деревянныхъ лавокъ. На стѣнахъ бѣлѣютъ доски съ надписями: «здѣсь всѣ равны». На трехъ кронштейнахъ стоятъ гипсовые бюсты Толстого, Бѣлинскаго и еще кого то: разгадать эти шарады изъ гипса дано не всякому!

Всякій, заплатившій за входъ, воленъ сѣсть, гдѣ ему угодно, — нумерованныхъ билетовъ на мѣста не существуетъ. Помѣщается клубъ на глухой и темной Козьмодемьянской улицѣ; когда я шелъ къ нему, меня догналъ помощникъ пристава съ городовымъ и отрекомендовался, что назначенъ въ мое распоряженіе. Было немного рано и я пошелъ пройтись, а полиція направилась къ клубу: около него находился еще одинъ городовой.

Публики набралось довольно много — 103 человѣка. Преобладала какъ и въ Петербургѣ и въ Уфѣ — женская молодежь, большей частью средняго круга; были и толстыя кувалды лѣтъ по пятидесяти, много было, чуть ли не треть — еврейства. Изъ простонародья явилось мало, да, собственно говоря, и тѣхъ, кто явился, нельзя назвать этимъ именемъ: пришли бѣдно, но чисто одѣтые полуинтеллигенты — душъ до десятка.

Усѣлся я скромно въ сторонкѣ и вдругъ ко мнѣ подошли и подсѣли двѣ знакомыя дамы; одна изъ нихъ, Савичъ, жена непремѣннаго члена здѣшней землеустроительной комиссіи. Барыня эта глухая и говорить съ ней надо не иначе, какъ во все горло. Дѣлать нечего, пришлось вопить на весь залъ, обращая на себя всеобщее вниманіе.

Къ счастью, лекція запоздала всего только на полчаса; прозвонилъ звонокъ, какой то сторожъ въ смаз-

ныхъ сапогахъ ворвался въ залъ съ грязнымъ малиновымъ узломъ въ рукахъ и началъ приготавливать столъ. Узелъ оказался дырявой вылинявшей суконной скатертью, залитой въ изобиліи чернилами.

По третьему звонку раздвинулся занавѣсъ и за нею оказался самъ Василій Васильевичъ. Кто то ему пошлепалъ въ ладошки; онъ раскланялся и усѣлся за столъ, растопыривъ по сторонамъ его ноги.

Читалъ онъ не по запискамъ, и говорить, видимо, умѣетъ. Но голосъ у него дребезжащій, слабый, съ гремучею буквой «р».

Началъ онъ съ исторіи Германіи, затѣмъ изложилъ содержаніе 3-хъ лучшихъ, по его мнѣнію, романовъ Шпильгагена, потомъ читалъ изъ нихъ длиннѣйшія и скучнѣйшія выдержки (рѣчь на судѣ) и т. д. Кое-кто изъ публики не выдержалъ и ушелъ до перерыва. Все было старо, ни одной живой яркой мысли, ни яркихъ образовъ — ничего не нашлось у лектора.

Второе отдѣленіе заставило было меня насторожиться. Водовозовъ сталъ восхвалять соціалъ-демократовъ, но сейчасъ же вильнулъ въ дебри Германіи, къ Энгельсамъ и Бебелямъ и въ общемъ рѣшительно ничего не сказалъ не только новаго, но и яснаго.

Ему апплодировали, хотя и не усиленно. Доволенъ былъ и я тѣмъ, что не пришлось выступать въ роли нарушителя общественной тишины и спокойствія. Жена непремѣннаго члена, уходя, жаловалась мнѣ на лектора: »Помилуйте, какъ онъ тихо говоритъ! Ничего не слышно!»

Октября 14. Вчера въ городскомъ театрѣ прошла моя пьеса: «Безъ идеаловъ». Прошла, какъ принято выражаться, съ успѣхомъ; народа было достаточно, но вмѣстѣ с тѣмъ такая неудовлетворенность осталась въ душѣ отъ всей этой суеты.

Прежде всего нѣсколько словъ о трупѣ.

Антрепризу здѣсь уже нѣсколько лѣтъ подрядъ держитъ Н. П. Казанскій; актеръ онъ очень неважный, режиссеръ тоже не изъ отмѣченныхъ Богомъ.

Среди актеровъ — лучшіе Кречетовъ и Анисимовъ. Это еще молодые и несомнѣнно даровитые люди; изъ артистокъ хороша только одна Жемчужникова и недурна жена Кречетова — Красавина. Объ остальныхъ говорить не стану.

Провелъ въ ихъ средѣ почти недѣлю, такъ какъ и днемъ и вечеромъ присутствовалъ на репетиціяхъ своей пьесы. Трудно себѣ представить, до чего низокъ умственный уровень всей этой братіи! Въ пьесѣ у меня есть восклицаніе. «Hoch!» — и никто, ни одна душа, начиная съ антрепренера, не только не знала, что это за диковина, но даже не соображала, какъ произнести ее! Всѣ не только иностранныя, но и просто болѣе незаурядныя слова, вродѣ «канонизировать» и т. п. пришлось повычеркнуть. Никто, кромѣ названныхъ трехъ-четырехъ лицъ, не понималъ того, что изображалъ, вѣрнѣе, не могъ уловить.

Вышелъ, что называется, спектакль гала; публика явилась, несмотря на бурю и дождь, отборнѣйшая, во главѣ съ губернаторшей. Я сидѣлъ и наблюдалъ за этой публикой и чувствовалъ, что не только актеры, но и она не понимаетъ и половины разсыпанной мною соли и намековъ въ пьесѣ, чуждо и непонятно ей многое, что казалось мнѣ такимъ яснымъ и общедоступнымъ. Но соль нравилась, хохотали. Что касается вызововъ авторовъ — это споконъ вѣка и вездѣ продѣлывается добрыми знакомыми; на вызовы я смотрю какъ на публичное чесаніе пятокъ; въ доброе старое время это продѣлывалось келейно!

Октября 29. Сегодня должно было состояться засѣданіе предварительнаго комитета XV археологическаго съѣзда; дѣлъ осталось послѣ этого съѣзда много и очень важныхъ и въ результатѣ обычное у насъ на Руси — «засѣданіе не состоялось»! Прибыло на него всего четверо — вице-губернаторъ, С. Н. Диринъ, М. Муравьевъ, членъ управы, П. Дворянскій — директоръ народныхъ училищъ и я.

Длинный столъ въ библіотекѣ моего Статистическаго Комитета былъ покрытъ алой скатерью, сторожа натащили откуда то мягкихъ стульевъ, разложили десятка два листовъ бѣлой бумаги съ карандашами, для рисованія г.г. членамъ, и все это втунѣ.

Посидѣли мы съ часикъ, побесѣдовали.

Высокій, худощавый Диринъ, Божіей милостью вотъ уже 20 лѣтъ не могущій, несмотря на жесткое желаніе, выбраться въ губернаторы и отличающійся вмѣсто дарованій большой словоохотливостью, пустился въ разсказы объ П. П. Башиловѣ, бывшемъ здѣшнемъ губернаторѣ. Судя по значительному большинству отзывовъ, Башиловъ былъ человѣкъ весьма рѣзкій и невоспитанный. Круглое лѣто онъ носился по губерніи, ревизуя земскихъ начальниковъ и съѣзды; получалъ онъ прогоновъ по чину на 12 лошадей и на 3 для канцеляріи. И несмотря на то, что загребалъ за проѣздъ бѣшенныя деньги, никогда не платилъ ни гроша ни за поѣздки, ни за остановки въ гостиницахъ. Диринъ разсказывалъ, какъ при объѣздѣ губерніи ему лично приходилось выслушивать по трактамъ сплошныя жалобы на губернатора отъ ямщиковъ и подтвержденія вѣрности этихъ жалобъ со стороны рѣшительно всѣхъ исправниковъ и становыхъ. По гостиничнымъ счетамъ расплачивались за него предсѣдатели управъ, головы и т. д.

Въ музеѣ у меня лежатъ и посейчасъ, ожидая отправки, коллекціи крестовъ и разныхъ церковныхъ облаченій того же губернатора... какъ составляютъ они собственные музеи, дѣло извѣстное!

Зато Башиловъ былъ строгъ: за малѣйшій «грѣхъ» летѣли съ мѣстъ пристава и другіе чины.

Диринъ чрезвычайно воспитанный и вѣжливый человѣкъ, но нѣсколько озлобленный. Думаю, что въ неудачной карьерѣ его виновато имя, которымъ тятенькамъ вздумалось наградить его; зовутъ его Сократомъ. И это имя такъ нравится ему, что онъ рѣшительно всѣ бумаги подписываетъ полностью: Сократъ Диринъ. Онъ всячески хотѣлъ оправдать это имя, но

чѣмъ больше старался, чѣмъ больше слалъ по начальству разныхъ отечественно-спасательныхъ проектовъ, тѣмъ все дальше и дальше отодвигалась отъ него завѣтная цѣль — губернаторство!

Когда за отъѣздомъ губернатора вступаетъ въ его роль Диринъ,— правитель канцеляріи В. И. Воронцовъ-Вельяминовъ въ отчаяніи.

— Ни на минуту изъ глазъ выпускать его нельзя! — нѣсколько разъ жаловался онъ мнѣ: — здѣсь всѣ только и ждутъ, чтобы губернаторъ уѣхалъ, сейчасъ къ Дирину со всякой ерундой лѣзутъ! Съ какой явной глупостью ни приди — онъ все разрѣшитъ!

Какъ водится, и здѣсь «вице» и «губернаторъ» въ вооруженномъ мирѣ, и Воронцовъ-Вельяминовъ, какъ правитель канцеляріи, на сторонѣ своего владыки.

Я здѣсь сразу отмежевался отъ всѣхъ, знаю свой Комитетъ да Музей и въ вооруженныя государства — въ канцеляріи губернатора и въ губернскомъ правленіи, гдѣ царитъ Диринъ, — показываюсь весьма рѣдко — по востребованіямъ.

На дняхъ пришлось дежурить два дня въ пріемной Лопухина вмѣсто младшаго чиновника особыхъ порученій, С. И. Савича; день у губернатора весь расписанъ въ буквальномъ смыслѣ по четвертямъ и получасамъ. Отъ 10 до безъ четверти одиннадцать — время доклада правителя канцеляріи; въ 11 — полиціймейстера; пріемъ просителей и представляющихся лицъ — до 12, и т. д., и т. д. до вечера, когда съ 8 часовъ опять появляется къ нему съ грудой дѣлъ правитель канцеляріи, просиживающій затѣмъ съ нимъ уже до 2 — 3 часовъ ночи.

Смотрю, является Нилъ Ивановичъ Богдановскій, бѣлый, высокій тощій старикъ съ бритымъ актерскимъ лицомъ, редакторъ-издатель мѣстной газетки — «Волховскаго Листка».

— Не знаете, — спрашиваетъ, — зачѣмъ меня генералъ вызвалъ.

— Понятія не имѣю!

Доложилъ я его превосходительству (иначе рѣшительно ни одна душа Лопухина не называетъ) и провелъ Богдановскаго въ кабинетъ.

Пріемная помѣщается рядомъ съ послѣднимъ и всѣ мы, сидѣвшіе тамъ — я, полиціймейстеръ Сердюковъ — солидный господинъ въ темныхъ очкахъ, и еще двое другихъ насторожились. Лопухинъ никогда не повышаетъ голоса, а тутъ вдругъ къ намъ весьма отчетливо стали долетать его фразы.

Богдановскій перепечаталъ въ своей газеткѣ клочекъ статьи изъ «Русскаго Знамени», въ которомъ говорится, что вокругъ имени Столыпина идетъ незаслуженная шумиха и, что памятника ему на народныя деньги ставить права не имѣютъ, а могутъ лишь на добровольныя пожертвованія. Никакого отношенія и никакихъ намековъ на Новгородъ статья не заключала, но Лопухинъ былъ личнымъ другомъ Столыпина и Богдановскому попало крѣпко.

— До свиданія! — рѣзко закончилъ свою распеканцію генералъ, не давая высказаться своему собесѣднику: — больше съ вами разговаривать я не желаю!

При гробовомъ молчаніи въ пріемной отворилась дверь и вышелъ весь красный и растерянный Богдановскій.

Октября 30. Въ канцеляріи у меня стоитъ большой шкафъ, никогда не открывающійся. Полюбопытствовалъ я заглянуть въ него: въ немъ оказалась кучка книгъ, немного чистой бумаги и два «дѣла» въ синей обложкѣ.

— Это ученая архивная комиссія! — сообщилъ мнѣ одинъ изъ моихъ чиновниковъ.

Вся дѣятельность этой «ученой» комиссіи, состоящей на подборъ изъ неученыхъ людей, свелась за цѣлый рядъ лѣтъ существованія ея къ покупкѣ шкафа, въ который и складываются изрѣдка получаемыя на ея имя книги. И только . . .

Ноября 3. Вчера собрались у меня здѣшній антрепренеръ Н. П. Казанскій и редакторы обѣихъ газетъ— «Новгородской Жизни» — М. А. Рубакинъ и «Волховского Листка» — Н. И. Богдановскій.

Нилъ Ивановичъ былъ когда то извѣстнымъ актеромъ, по сценѣ фамилія его — Мерянскій. Выступаетъ онъ изрѣдка и теперь и, какъ какъ актеръ, пользуется въ городѣ большой славой. Какъ человѣка его не любятъ: говорятъ, что для него нѣтъ ничего святого. Пока что вижу, что подъ святымъ подразумѣвается здѣсь разное доморощенное жулье и саврасы, которыхъ онъ, не стѣсняясь ничѣмъ, зло пробираетъ въ своемъ Листкѣ.

Одинъ изъ такихъ саврасовъ, юный купчикъ Артюшка Стальновъ, прокучивающій съ компаніей такихъ же лоботрясовъ, какъ и онъ самъ, тятенькино наслѣдство, третьяго дня изругалъ всѣми матерями въ театрѣ добродушнѣйшаго изъ смертныхъ М. А. Рубакина за то, что въ хроникѣ его газеты появилась замѣтка о дебоширствахъ этого гуся. Прелести провинціальнаго газетнаго дѣла: губернаторы приличнѣе обращаются съ собственными лакеями, чѣмъ съ редакторами-издателями; всякое неумытое рыло позволяетъ себѣ публично хрюкать разныя оскорбленія за то, что ты безобразіе назвалъ безобразіемъ, а не умилился душой отъ него!

Рубакинъ — братъ «заграничнаго» Николая Александровича, котораго я зналъ когда то въ Петербургѣ; здѣшній — добрѣйшій и милѣйшій краснолицый толстякъ, усердно отправляющій возліянія Бахусу. Человѣкъ онъ умный и образованный, былъ старшимъ фабричнымъ инспекторомъ, затѣмъ перешелъ въ городское управленіе, завѣдываетъ теперь водокачкой и водопроводами и въ компаніи съ нѣсколькими лицами издаетъ «Новгородскую Жизнь»; издаетъ умно, куда лучше и дѣльнѣе Богдановскаго.

Но газета идетъ плохо: имѣетъ всего шестьсотъ подписчиковъ, даетъ пайщикамъ постоянные убытки и

они порѣшили съ 1-го января 1912 года прекратить ее. У Богдановскаго же подписчиковъ 1 366.

Я за подписью «де Галле» даю ему иногда статейки. Полиціймейстеръ уже разнюхалъ, кто такой скрывается подъ симъ псевдонимомъ, и съ тонкой улыбкой сообщилъ это мнѣ. Я отвѣтилъ, что отдаю честь его проницательности, но своего участія въ газетахъ Рубакина и Богдановскаго не скрываю.

Ноября 4. Въ октябрьскомъ номерѣ журнала «Русскій Библіофилъ» появилась статья о моей библіотекѣ.

Ноября 7. Съ утра поролъ горячку, составлялъ отчетъ о дѣятельности статистическаго комитета за 1909 и 1910 г.г. Два съ половиной года не было ни одного засѣданія и вся дѣятельность Комитета выразилась въ... изданіи трафаретной «Памятной книжки» губерніи. Тѣмъ не менѣе цифръ пришлось выискивать много, т. к., ничего не дѣлая, секретарь жалованье получалъ исправно и ухитрился даже накопить 2 400 р. долговъ.

Засѣданіе было въ домѣ губернатора; изъ 40 членовъ явилось всего 9. Доложилъ я о безобразномъ состояніи счетовъ, о не менѣе безобразномъ и грустномъ состояніи библіотеки и музея; всѣ стали въ тупикъ, откуда взять денегъ на поправку и поддержаніе всего. Управляющій государственными имуществами предложилъ прибѣгнуть къ помощи благотворительности.

Толстякъ Соловьевъ — городской голова — въ ужасѣ поднялъ вверхъ обѣ руки.

— Помилуйте! — отъ души вырвалось у него; — и такъ нашего брата заѣла благотворительность! Новое общество создать слѣдуетъ: «для помощи благотворителямъ!»

Всѣ засмѣялись. Соловьевъ сказалъ правду: благотворительность дѣйствительно заѣла здѣсь всѣхъ! Нѣсколькимъ дамамъ туземнаго высшаго круга дѣлать рѣшительно нечего и онѣ по этому случаю благотво-

рятъ. Хорошо, когда есть изъ чего дать, но огромное большинство общества, состоящаго изъ чиновниковъ, существующихъ лишь на жалованье, должно урывать куски у себя, чтобы не отстать отъ другихъ. Недовольство поэтому въ городѣ большое.

Въ вечеръ засѣданія Комитета въ Общественномъ Клубѣ должна была состояться лекція нѣкоего, достаточно таки малограмотнаго Спиридонова о Львѣ Толстомъ. Такъ какъ я былъ занятъ, губернаторъ послалъ присутствовать на ней вмѣсто меня правителя канцеляріи В. И. Воронцова-Вельяминова.

Лекція началась въ 9 ч. 16 м. вечера, а въ 9 ч. 20 м. Воронцовъ, объявивъ два предостереженія, закрылъ ее и публику удалили «мѣрами полиціи». Закрылъ за такой вздоръ, что и записывать стыдно!

Ноября 8. Былъ въ театрѣ, шелъ «Живой Трупъ» Толстого. Посмотрѣлъ я три картины этой ерунды и ушелъ за кулисы; тамъ оказались Богдановскій и директоръ здѣшняго частнаго банка. Казанскій потащилъ насъ въ аванложу губернатора, тамъ же появился кофе, коньякъ, яблоки.

Богдановскій съ негодованіемъ говорилъ о вчерашнемъ происшествіи въ клубѣ; лекторъ, по словамъ его и всѣхъ, кого ни довелось опросить, рѣшительно ничего не позволилъ себѣ лишняго, но какъ только онъ произнесъ слово «декабристы», сейчасъ же получилъ два предостереженія и лекція была прервана. Плохую услугу оказалъ Лопухину этотъ «безъ лести преданный» Рейнеке-Лисъ!..

Ноября 29. На дняхъ произошла позорнѣйшая исторія: судили Нила Ивановича. Причины таковы.

Въ реальномъ училищѣ, выстроенномъ весьма скверно, обвалилась съ потолка штукатурка; ранило одного ученика. Богдановскій сейчасъ же помѣстилъ въ своей газетѣ замѣтку, въ которой значилось, что строительная комиссія небрежно относится къ своимъ обязанностямъ и что члены ея лучше бы больше от-

водили времени на исполненіе своихъ прямыхъ обязанностей, чѣмъ на катанья на тройкахъ, любительскіе спектакли и т. д.

Въ числѣ членовъ комиссіи назвалъ и нашего губернскаго архитектора — Эренберга, въ этой комиссіи, какъ оказалось, не участвовавшаго. Тотъ придрался къ случаю и притянулъ Богдановскаго за диффамацію. Счеты у него съ Богдановскимъ давніе.

Жена Эренберга — надо ей отдать справедливость, — великолѣпная артистка — и вотъ однажды въ недобрый часъ Нилъ Ивановичъ неодобрительно отозвался о ней въ своей рецензіи. Разгорѣлась вражда и несдержанный Богдановскій пробралъ ее или ея мужа вторично.

Въ концѣ концовъ Нилъ Ивановичъ уловилъ самъ себя на скамью подсудимыхъ.

Что это былъ за «судъ» — говорить зазорно! Нѣтъ человѣка въ городѣ, начиная съ члена того же суда, Кольцова, который не былъ бы возмущенъ имъ. Это было издѣвательство надъ правосудіемъ! Обвинителемъ выступилъ товарищъ прокурора Бернгофъ, тоже ярый врагъ Богдановскаго и тоже по театральнымъ причинамъ.

Богдановскій написалъ, что «господинъ и госпожа Бернгофъ изображали лакеевъ превосходно; чувствовалось, что это настоящіе прирожденные лакеи!»

Можно себѣ представить, какой фуроръ произвела такая замѣтка!

Въ результатѣ судили Нила Ивановича не за замѣтку объ Эренбергѣ, а за всю его жизнь; прокуроръ мазалъ его грязью со всѣхъ сторонъ, припоминалъ всякую всячину, приключавшуюся когда либо съ нимъ чуть не съ леленокъ. И въ то же время, когда не имѣвшій защитника Богдановскій пытался говорить— его обрывали и осаживали.

Результатъ такого суда: шесть мѣсяцевъ тюрьмы.

Въ тотъ же вечеръ я поѣхалъ къ Богдановскому и выразилъ ему свое участіе и возмущеніе по поводу происшедшаго. Рубакинъ, бывшій на судѣ, помѣ-

стилъ въ «Новгородской Жизни» сдержанную, но довольно выразительную статью объ этомъ дѣлѣ.

Полицiймейстеръ и Воронцовъ-Вельяминовъ, особенно послѣднiй, рады бѣдѣ Нила Ивановича до нельзя!

Зеленый и тощiй, «безъ лести преданный» Воронцовъ имѣетъ огромное влiянiе на губернатора: «слушаю-съ», «такъ точно», «никакъ нѣтъ», — вотъ единственные его отвѣты губернатору при постороннихъ. Титулъ — «ваше превосходительство» — разумѣется сыплется безъ конца.

Наединѣ же съ губернаторомъ у него тонъ совершенно другой.

Какъ то мнѣ пришлось вслѣдствiе отъѣзда круглаго и добродушнаго Савича, младшаго чиновника особыхъ порученiй, дежурить въ прiемной.

Посѣтителей никого не было и мы вмѣстѣ съ Воронцовымъ вошли въ кабинетъ Лопухина. Викторъ Александровичъ былъ въ духѣ, балагурилъ съ нами, но Воронцовъ стоялъ вытянувшись, какъ собака на стойкѣ и кромѣ «такъ точно», произносимыхъ почтительно - замирающимъ голосомъ, никакихъ другихъ репликъ не подавалъ.

Изъ подъ мышки у него торчала куча бумагъ для доклада и онъ все время дѣлалъ мнѣ знаки, чтобы я поскорѣе ушелъ и какъ нибудь прервалъ любящаго поболтать губернатора.

Наконецъ, я не выдержалъ.

— Разрѣшите, — сказалъ я, — ваше превосходительство, мнѣ удалиться. Владимiръ Ивановичъ дѣлаетъ мнѣ такiе страшные глаза, что я начинаю бояться!

Лопухинъ разсмѣялся; Воронцовъ поспѣшилъ кисло улыбнуться, и я ушелъ. А черезъ двѣ минуты услыхалъ въ прiемной чей то увѣренный громкiй голосъ, заговорившiй въ кабинетѣ. Сразу я не понялъ, въ чемъ дѣло, и прислушался. Говорилъ Владимiръ Ивановичъ: онъ дѣлалъ докладъ съ глазу на глазъ. По собственному опыту знаю, какъ такой тонъ дѣйствуетъ на Лопухина.

«Пій ты эдакій девятый!» подумалъ я, отходя отъ двери. — «Вотъ ты какой гусь!»

Декабря 2. Вчера въ театрѣ зашелъ въ ложу антрепренера Казанскаго и вижу въ углу аванложи дочку Богдановскаго, гимназистку Маню, и ея тетку Екатерину Васильевну — маленькую худенькую старушку, когда то извѣстную артистку Мерянскую. Обѣ онѣ, очень взволнованныя, разговаривали съ М. А. Рубакинымъ.

Рубакинъ стоялъ весь красный.

— Знаете, — обратился онъ ко мнѣ, — Нилъ Ивановичъ арестованъ на мѣсяцъ!

Я изумился. Читаю «Волховской Листокъ» каждый день и рѣшительно ничего «зловреднаго» въ немъ помѣщено не было.

— За что?..

— За письмо Каніовскаго!

Каніовскій — это редакторъ либеральной газетки «Старорусская Жизнь». Человѣкъ онъ не совсѣмъ нормальный, со странными, наполовину закрытыми вѣками, черными глазами; черныя волосы онъ носитъ почти до плечъ и въ смыслѣ литературности — бездарность полная. Но все же онъ безпокойный оводъ и нѣтъ-нѣтъ и взбрыкнетъ что либо, хотя и неумное, но для начальственныхъ носовъ неподходящее. Сиживалъ онъ въ тюрьмѣ за эти взбрыкиванія неоднократно.

И вотъ этотъ Каніовскій прислалъ Богдановскому сочувственное письмо, гдѣ съ обычной ему несдержанностью вклеилъ фразу о томъ, что Бернгофъ позволилъ себѣ возмутительное издѣвательство надъ нимъ. Богдановскій напечаталъ письмо цѣликомъ; такое же письмо получилъ и Рубакинъ и тоже напечаталъ у себя, но фразу объ издѣвательствѣ выпустилъ.

Воронцовъ немедленно «доложилъ» объ этомъ губернатору и тотъ махнулъ его на мѣсяцъ въ тюрьму.

Къ сожалѣнію, письмо Каніовскаго я вырѣзалъ и послалъ въ Петербургъ и потому не могу воспроизвести его точно, но свидѣтельствую, что ничего преступ

наго въ немъ не было, и если кто могъ обидѣться на него, то только Бернгофъ, и только онъ и могъ привлечь обоихъ редакторовъ къ отвѣту въ порядкѣ частнаго обвиненія.

Изъ театра я, Казанскій и Рубакинъ отправились къ Богдановскому; старикъ очень убитъ стрясшейся бѣдой и надо было навѣстить его. Съ нами поѣхала и жена Казанскаго — артистка Колосова.

Просидѣли у него до двухъ часовъ ночи, обдумывая, какъ быть и что дѣлать. Полиціймейстеръ уже заѣзжалъ къ Богдановскому и объявилъ ему, что никакихъ отсрочекъ ему не будетъ и что 3-го декабря онъ будетъ посаженъ въ тюрьму, гдѣ уже уготованы для него апартаменты.

— Разорить меня хотятъ, зарѣзать! Мало имъ шести мѣсяцевъ?! — восклицалъ Нилъ Ивановичъ. — У меня всѣ векселя на декабрь, мнѣ крышка во всѣхъ смыслахъ!

Я обѣщалъ помочь ему въ газетномъ дѣлѣ.

Что за подлое положеніе провинціальной печати! «Бей корреспондента!» этотъ кличъ у насъ до сихъ поръ національный.

Декабря 3. Встрѣтилъ сегодня на Волховскомъ мосту Рубакина и полиціймейстера. Послѣдній со мной любезенъ, но затаилъ противъ меня камушекъ за мою горячую публичную защиту Богдановскаго въ пріемной губернатора. Судъ долженъ быть выше счетовъ — говорилъ я, — и если судъ занимается не разборомъ даннаго дѣла, а только сведеніемъ счетовъ съ подсудимымъ, то это не судъ, а клоака.

Богдановскому Лопухинъ далъ отсрочку «впредь до распоряженія» и онъ укатилъ въ Питеръ. Какъ и почему это случилось — не знаю; думаю, сыграли нѣкоторую роль и мои слова.

Сижу какъ въ крѣпости въ своей древней башнѣ въ Кремлѣ, гдѣ помѣщаются музей, библіотека и комитетъ; вѣдаю только имъ и съ чинушами дѣлъ почти не имѣю.

По вечерамъ четыре раза въ недѣлю бываю въ театрѣ, въ качествѣ рецензента.

Губернаторша наша — красивая, но весьма несимпатичная особа, бывшая супруга Кіевскаго банкира Ландау. Прозвище въ городѣ дано ей «мадамъ Лопуховеръ». Слышитъ она плохо, вѣчно командуетъ всѣмъ, кричитъ, вмѣшивается во все и поминутно мѣняетъ свои распоряженія. Теперь она устраиваетъ благотворительный базаръ въ Дворянскомъ собраніи и тормошится во всю. Не стѣсняясь заходитъ въ магазины и требуетъ присылки даромъ, въ качествѣ «пожертвованій», всевозможныхъ вещей и вообще ведетъ себя поразительно нагло.

Слово — «попросить» въ ея лексиконѣ отсутствуетъ; она только «требуетъ» и, по ея искреннѣйшему убѣжденію, всѣ обязаны исполнять всѣ ея затѣи. Газеты «должны» помѣщать всякія ея замѣтки о базарѣ, — при этомъ считаетъ излишнимъ приложеніе къ такимъ замѣткамъ хотя бы коротенькаго письма съ просьбой о помѣщеніи, — просто приказываетъ ихъ напечатать.

Прислута, разумѣется, у нихъ не живетъ и мѣняется каждую недѣлю. Бѣдный мой коллега Сергѣй Ивановичъ Савичъ, завѣдывающій губернаторскимъ домомъ и постоянно дежурящій тамъ, терпитъ отъ нея весьма много непріятностей.

Я лично отмежевался отъ нея совершенно.

Воронцовъ какъ то на дняхъ съ улыбочкой съехидничалъ, что онъ въ первый разъ въ жизни видитъ такого «привилегированнаго» чиновника особыхъ порученій, какъ я.

— Вы вѣдь сверху внизъ смотрите на вашу должность, такъ ужъ одолженіе сдѣлали, пойдя въ старшіе чиновники для порученій?

Декабря 4. Съ десяти утра до 4 дня копался въ сараѣ непремѣннаго члена С. С. Давыдова — разбиралъ сваленную въ немъ старинную библіотеку. Книги обросли, какъ мхомъ, бѣлой плѣсенью. И въ такомъ

видѣ находядся чудныя французскія изданія 18 вѣка и др. Многое изгрызено мышами. Отобралъ я кое-что для своей библіотеки.

Кое что разыскалъ и въ подвалахъ губернаторскаго дома и въ Губернскомъ Правленіи; въ этихъ послѣднихъ мѣстахъ бѣдныя книги валялись грудами на полу, засыпанныя какъ Помпея пылью и всякой дрянью. Трудно повѣрить, но слой пыли былъ почти въ вершокъ толщиной!

Разумѣется, выходилъ послѣ такихъ раскопокъ въ видѣ араба, но зато съ добычей.

Декабря 7. Прочелъ въ Правительственномъ Вѣстникѣ, что Симбирскій губернаторъ Ключаревъ за «выдающіяся заслуги» произведенъ въ тайные совѣтники. Если онъ признанъ выдающимся, то пора вызывать нѣмцевъ княжити и володѣть нами!

Савичъ вчера разругался съ губернаторшей и собрался уходить въ отставку. 11 числа будетъ благотворительный базаръ и часть нижняго этажа губернаторскаго дома завалена всякимъ хламомъ. Губернаторша суетится, кричитъ, путаетъ и мѣшаетъ всѣмъ. Привезли, напр., три бочки со стеклянными издѣліями. Савичъ совершенно резонно приказалъ ихъ не трогать и цѣликомъ перевезти въ Дворянское Собраніе, гдѣ будетъ базаръ и разобрать ихъ уже на мѣстѣ. Только что Савичъ ушелъ, влетѣла губернаторша и приказала все вскрыть и все вынуть. Когда Савичъ вернулся, огромная комната сплошь оказалась уставленной всякими вазочками, стаканами и пр.

— Вечеромъ приходите съ женой разбирать! — заявила ему генеральша: — дѣла уйма!

Вечеромъ между тѣмъ былъ традиціонный балъ въ Дворянскомъ Собраніи. Савичъ съ женой собрались ѣхать — вдругъ затрещалъ телефонъ — звонила губернаторша.

— Почему васъ нѣтъ до сихъ поръ! Пріѣзжайте сейчасъ! — заверещала она въ телефонъ.

— Не могу: ѣду на балъ! — отвѣтилъ Савичъ.

Ея превосходительство пришло въ ярость и принялось выкликать на манеръ деревенскихъ кликушъ. Ругалась она, по словамъ Савича, какъ только могла. Савичъ обозлился и повѣсилъ трубку. Черезъ минуту снова затрещалъ телефонъ — опять она принялась кричать, чтобы Савичъ «убирался въ отставку» и т. п.

Савичъ снова бросилъ трубку и уѣхалъ съ женой на балъ.

Самъ Лопухинъ на другой день не подалъ ему и вида, что знаетъ что либо о происшедшемъ; Савичъ собирался заявить, что не находитъ возможнымъ продолжать службу при подобномъ положенiи вещей, но надобности въ этомъ не оказалось.

Декабря 12. Вчера на базарѣ въ Дворянскомъ Собранiи, въ присутствiи толпы народа, разыгрался скандалъ.

Савичъ, въ качествѣ сына бывшаго губернскаго предводителя дворянства, желая блеснуть, набралъ съ женой на 200 рублей билетовъ лоттереи; у колеса стояла губернаторша и все время поощряла ихъ обоихъ къ покупкѣ билетовъ.

Лидiи Александровнѣ Савичъ повезло: ей достались два главныхъ выигрыша, въ томъ числѣ и громадная бухарская скатерть, присланная великой княгиней Елизаветой Өеодоровной.

Губернаторша взбѣсилась.

— Вы обязаны отказаться отъ выигрышей! — по своему обычаю завопила она на весь залъ. — Вы участвовали въ свертыванiи билетовъ и не имѣете права брать ихъ; извольте отдать скатерть обратно! Это безобразiе съ вашей стороны!

На крикъ собралась публика; съ бѣдной Лидiей Александровной сдѣлалась истерика, ее стали успокаивать дамы, и увели ее прочь отъ продолжавшей кричать губернаторши. Разумѣется, всѣ возмущены происшедшимъ страшно.

Такова благодарность губернаторши человѣку, который до 2 часовъ ночи просиживалъ за всяческими

работами для этого базара, и который далъ двѣсти рублей за билеты!

Декабря 13. Городъ полонъ толковъ о происшествіи на базарѣ. Ни я, ни жена на немъ не были и вообще я сразу же отстранилъ отъ себя всѣ покушенія пристегнуть меня къ дамскому хвосту и къ благотворительности; эти два учрежденія у насъ такъ перепутаны, что дай Богъ быть отъ нихъ подальше!

Былъ сегодня у Савичей; Сергѣй Ивановичъ намѣренъ подавать въ отставку и требовать удовлетворенія отъ Лопухина.

Заѣзжали къ Савичамъ еще и другіе — выразить свое негодованіе по поводу происшедшаго; у нихъ встрѣтилъ лысаго, какъ колѣно, и живого, что ртуть, непремѣннаго члена губернской землеустроительной комиссіи — А. Я. Бунина. Росту онъ невысокаго, сѣрые глаза у него на выкатѣ; неутомонная зуда и репейникъ, человѣкъ остроумнѣйшій, рѣзкій на языкъ и находчивый.

Къ сожалѣнію, Савичъ мямля, и должнаго урока ея превосходительство, видимо, не получитъ!

Декабря 14. Рѣдко, однако, удается одному человѣку заслужить такую единодушную нелюбовь и негодованіе, какъ наша губернаторша!

Купцы слашать о ней равнодушно не могутъ: она набирала здѣсь по магазинамъ вещи, и когда затѣмъ ей присылали счета — гнала вонъ и заявляла, что все взято для базара и все она считаетъ «пожертвованнымъ!»

Рѣшительно никому и ничего она не платитъ и по своимъ личнымъ долгамъ, и всѣ магазины перестали ей отпускать товары въ кредитъ. Купцы заявляютъ объ этомъ, не стѣсняясь.

Прислуга изъ губернаторскаго дома бѣжитъ какъ отъ чумы: не платится и ей. Лѣтомъ отдѣлывали квартиру губернатора и до сихъ поръ ни обойщики, ни другіе мастера и магазины не получили ничего.

Криками этой истерички полонъ домъ. На дняхъ старшему стражнику, дежурящему постоянно въ швейцарской губернатора, она закатила плюху, и онъ потомъ заявилъ Савичу съ удрученнымъ видомъ: «напрасно пошелъ я сюда, себя замараешь здѣсь только!»

А Лопухинъ сидитъ, затворившись какъ въ цитадели, въ своемъ кабинетѣ, зарывшись въ бумаги, и если знаетъ что либо про подвиги своей благовѣрной, то развѣ лишь про одну сотую долю ихъ! Уже не разъ, натворивъ что-либо громкое, она подкарауливала внизу приходъ мой, или Савича и полуприказывала — «Виктору Александровичу, пожалуйста, ничего не говорите!»

Какъ мнѣ передали, губернаторша на базарѣ послѣ скандала съ женой Савича (его самого въ это время въ залѣ не было) кричала: «вотъ, набралъ себѣ мужъ чиновниковъ для порученій ! ! Одинъ вещи всѣ лучшія забираетъ, другой (это я) знать насъ не хочетъ, кричитъ на меня!»

Кричать я на эту неистовую барыню не кричалъ, а только въ отвѣтъ на упрашиванье поставить ей благотворительный спектакль категорически заявилъ, что возьмусь лишь при условіи, что никакихъ вмѣшательствъ въ мое дѣло не будетъ.

Кстати, забылъ отмѣтить что когда я сказалъ губернаторшѣ, что ея благодарности за пожертвованія на базаръ, которыя она разсылала редакторамъ для напечатанія, должны непремѣнно сопровождаться письмами съ просьбой о напечатаніи — она возмутилась.

— Обязаны печатать все, что я имъ пошлю! — отвѣтила она мнѣ своимъ непріятнымъ гортанно-крикливымъ голосомъ. — Слишкомъ много чести письма еще имъ посылать!

Такъ и не могъ я ее убѣдить, что быть вѣжливой — вовсе не значитъ оказывать честь кому бы то ни было, кромѣ самого себя. Съ этого дня она прозвала меня «кадетомъ» и теперь постоянно твердитъ всѣмъ, что я кадетъ.

А чѣмъ отличается кадетъ отъ эсъ-дека — этого, разумѣется, ей и не снилось!

Любопытно и то, что нѣтъ человѣка въ Новгородѣ, который бы не пострадалъ въ разныхъ предѣлахъ отъ базара (на пользу его). Между тѣмъ губернаторъ провелъ около часа на базарѣ и рѣшительно ни на одинъ грошъ не купилъ ничего, не выпилъ ни бокала шампанскаго, не поднесъ даже малюсенькаго цвѣтка дамамъ, хлопотавшимъ о базарѣ ихъ имени разъ въ десять болѣе, чѣмъ онъ съ женой. Ничего не купила и губернаторша...

Это отмѣтили всѣ.

Изъ чиновниковъ не былъ на базарѣ только я съ женой. И теперь слышу со всѣхъ сторонъ: «ахъ, какъ вы умно сдѣлали, что не пошли!»

Не много требовалось ума для этого!

Воронцовъ сладко улыбается мнѣ и Савичу, а въ душѣ у него, видимо, соловьи поютъ отъ происшествія съ Савичемъ, и отъ словъ губернаторши обо мнѣ. Какой превосходный лакей въ немъ погибаетъ!..

Декабря 15. Савичъ сучитъ кулаки въ карманѣ, а въ дѣйствительности скушалъ плюху ея превосходительства и всячески отлыниваетъ отъ объясненій съ губернаторомъ.

И чего человѣку нужно? Средства у него есть, въ казенныхъ грошахъ, казалось бы, не нуждается...

Декабря 16. Вызвали по телефону къ губернатору.

Въ воскресенье прибываетъ изъ Крыма государь, и губернаторъ выѣзжаетъ сегодня вечеромъ въ Бологое для встрѣчи и осмотра охраны. Съ нимъ ѣдетъ Савичъ; мнѣ поручено заготовить всеподданнѣйшій рапортъ и привезти его въ Бологое; ѣду завтра, и во избѣжаніе задержки на Николаевской ж. д., ѣду черезъ Дно.

Выборгскій пѣхотный полкъ выступилъ на охрану съ недѣлю назадъ; полиція должна осмотрѣть весь районъ, прилегающій къ полотну, провѣрить у жителей паспорта, помѣщенія и т. п. Стражники присланы ко мнѣ изъ всѣхъ сосѣднихъ губерній.

Проѣздъ государя стоитъ только одной нашей губерніи, безъ расходовъ на войска, около 2 000 р., стоимость же охраны во время проѣзда отъ Севастополя до Петербурга равняется 100 000 рублямъ...

Намъ съ Савичемъ приказано быть въ треуголкахъ и шпагахъ; треуха этого у меня не бывало отъ роду и пришлось разослать сторожей по городу искать его.

Декабря 19. Въ половинѣ восьмого утра вернулся сегодня въ Новгородъ.

Заготовка моего рапорта была прекурьезная: весь онъ въ три строчки, но Воронцовъ съ озабоченнымъ видомъ прочелъ его разъ восемь вслухъ, затѣмъ усомнился въ необходимости какой-то запятой, и когда я заявилъ, что это вздоръ, и что ее можно ставить или не ставить, онъ неодобрительно взглянулъ на меня.

— Нѣтъ, это не вздоръ! — сказалъ онъ. — Я вообще врагъ запятыхъ — изъ за нихъ иногда чортъ знаетъ, что можетъ выйти!

Наконецъ, мы собрали необходимыя свѣдѣнія, одолѣли всѣ запятыя и я выѣхалъ 17-го въ шесть часовъ вечера черезъ Старую Руссу на Бологое. Маршрутъ этотъ мнѣ назначилъ самъ губернаторъ.

Въ пять съ половиной утра я попалъ въ Бологое; губернаторскій вагонъ перваго класса стоялъ на запасномъ пути, въ немъ всѣ еще спали. Я вымылся, облачился въ сюртукъ и пошелъ пить кофе.

Вокзалъ былъ полонъ военными; на каждомъ шагу торчали жандармы и солдаты. Пока я сдѣлалъ полсотни шаговъ по разукрашенному елками и флагами перрону, меня останавливали разъ пять и осматривали особый «желтый» билетъ, выданный мнѣ жандармами. Хорошенькій цвѣтъ придумали!

Линія охраны тянулась и позади вокзала.

Въ 9 часовъ утра я явился къ начальству, сдалъ ему «документы», цѣна которымъ выѣденная скорлупа, и мы стали ожидать проѣзда; у меня и у Савича были отдѣльныя купэ, у губернатора — салонъ.

Воткнули мы съ Савичемъ въ свои сюртуки шпаги, надѣли треуголки, посмотрѣли другъ на друга и покатились со смѣха; треуголки у обоихъ насъ были чужія, налѣзали на головы плохо и видъ у насъ былъ предурацкій.

Лопухинъ сначала настаивалъ, что на перронъ мы должны выйти въ сюртукахъ (форменныхъ пальто у насъ съ Савичемъ нѣтъ и мы были въ штатскихъ шубахъ), но когда погулялъ по платформѣ въ пальто и продрогъ въ немъ — разрѣшилъ намъ быть въ шубахъ и фуражкахъ.

Публики на перронъ было допущено самое минимальное количество и притомъ профильтрованной трижды.

Въ пять минутъ перваго тихо-тихо подошелъ царскій поѣздъ (свитскій прошелъ на часъ раньше) и остановился.

Всѣ на перронѣ вытянулись и застыли. Вышелъ изъ вагона лейбъ-медикъ Боткинъ, затѣмъ дворцовый комендантъ, косолапый Дедюлинъ . . . государь не показывался.

Восемь минутъ стоянки казались часомъ. Наконецъ, поѣздъ незамѣтно, словно сдвинутый не двумя паровозами, а мягкимъ дыханіемъ, поплылъ мимо. У одного изъ оконъ группой стояли дѣвочки — великія княжны, у слѣдующаго стоялъ государь. Странное лицо у него: лобъ раздвоенъ, какъ крупъ у битюга! Раздалось жиденькое «ура», государь поклонился намъ и синіе вагоны замелькали одинъ за другимъ.

Губернатора онъ не принялъ. Не особенный, вѣроятно, интересъ имѣютъ для него рапорты со свѣдѣніями о количествѣ мельницъ, и о состояніи скотоводства въ губерніи. Такъ и погибла для потомства творческая импровизація изъ цифръ, запятыхъ и хорошихъ словъ!

Черезъ часъ послѣ проѣзда государя покатили вслѣдъ за нимъ и мы, но не съ особеннымъ шикомъ: за отсутствіемъ пассажирскихъ, насъ прицѣпили къ скотскому поѣзду и ровно двѣнадцать часовъ волочили

до Чудова. По дорогѣ, правда, мы отпрягались и обѣдали въ Вишерѣ.

Поразилъ меня Савичъ: мы плотно позавтракали, пили кофе, затѣмъ обѣдали и, несмотря на это, въ промежутокъ отъ завтрака до вечера онъ ухитрился съѣсть сорокъ два бутерброда.

Губернаторъ былъ очень внимателенъ ко мнѣ; я долго пилъ съ нимъ въ его салонѣ чай, бесѣдовали о Новгородскихъ дѣлахъ и о расколѣ; я даже нѣсколько удивленъ — такъ онъ былъ откровененъ.

Между прочимъ, онъ разсказалъ забавный казусъ съ бывшимъ его вице-губернаторомъ въ Перми. Типъ этотъ, по его словамъ, «преглупый» и все норовилъ тыкать каждаго, желая выказать тѣмъ свое благорасположеніе. Вицъ этотъ страдалъ постоянными запорами и однажды дѣло дошло до того, что желудокъ у него не дѣйствовалъ одиннадцать дней и ему пришлось лечь въ больницу, гдѣ съ трудомъ помогли ему какимъ то электрическимъ массажемъ.

Является къ нему въ больницу провѣдать его жандармскій полковникъ; близки они никогда другъ съ другомъ не были и жандармъ пріѣхалъ болѣе по долгу службы, такъ какъ вицъ этотъ въ то время замѣщалъ губернатора.

И вдругъ больной встрѣчаетъ его сверхлюбезно, шлепаетъ его по плечу и говоритъ: «ну, что, братъ Володя, какъ ты поживаешь?»

Жандармъ былъ парень находчивый.

— Я то ничего, Миша! — отвѣтилъ онъ, — а вотъ ты то ср....ть еще не выучился, а ужъ губерніей управлять взялся!

И этотъ мудрый вицъ съ великимъ возмущеніемъ разсказывалъ потомъ всѣмъ и каждому, что позволилъ себѣ отмочить ему «мужикъ въ синемъ мундирѣ».

Декабря 20. Заходилъ сегодня къ Богдановскому и засталъ у него Казанскаго. Между прочимъ, разска-

зывалъ онъ про Костромского губернатора Веретенникова.

Послѣднiй былъ въ театрѣ на представленiи «Анатэмы» Л. Андреева и на другой день вытребовалъ Казанскаго къ себѣ.

— Вотъ что! — заявилъ онъ ему. — Пьеса мнѣ не понравилась: зачѣмъ Лейзеръ умираетъ? Сдѣлайте такъ, чтобы его взяли на небо!

— Я, — разсказывалъ Казанскiй, — очумѣлъ! Гляжу на него, моргаю глазами и не знаю, что отвѣтить. — Какъ, говорю, ваше превосходительство, чтобы его взяли на небо? Мы играемъ, какъ написано!

— Ерунда написана! Исправьте, какъ говорю, иначе не разрѣшу ставить!

— Я одинъ не могу... позвольте тогда васъ попросить сдѣлать это вмѣстѣ со мной!

— Хорошо съ!

И Веретенниковъ передѣлалъ пьесу по своему: Лейзера въ Костромѣ вознесли на небо.

Казанскому, впрочемъ, такiя передѣлки не впервой.

Шла у насъ здѣсь драма Оленина-Волгаря «Душа, тѣло и платье». Конецъ пьесы поразилъ меня неожиданной, не вызванной ходомъ пьесы нелѣпостью: тряпка мужъ убиваетъ вернувшуюся къ нему жену.

На другой день встрѣчаюсь съ Казанскимъ.

— А что, понравилась вамъ вчерашняя пьеска! — спрашиваетъ онъ меня съ самодовольнымъ видомъ: — только, чуръ, не пишите ничего объ этомъ — конецъ то вѣдь я передѣлалъ!

— Какъ такъ?

— А такъ. У Оленина мужъ стрѣляется въ послѣднемъ актѣ, это не эффектно. А я заставилъ его жену убить... правда, вѣдь великолѣпно вышло?..

Декабря 25. Если въ царствѣ небесномъ будутъ губернаторы — таковымъ непремѣнно сдѣлаютъ нынѣшняго сенатора и ревизора, графа Медема. Онъ губернаторствовалъ въ Новгородѣ до Башилова и разсказами о немъ полонъ городъ.

Доброты и деликатности графъ былъ чрезвычайныхъ. Растраты становыхъ приставовъ и прочей братіи пополнялъ изъ собственныхъ средствъ и не выгонялъ никого по той причинѣ, что у провинившихся имѣлись невиноватыя ни въ чемъ семьи. При объѣздахъ губерніи, если стояла холодная погода, приказывалъ уряднику, сидѣвшему на козлахъ, пересаживаться рядомъ съ собой и заботливо окутывалъ ему ноги пледомъ, отъ чего съ обалдѣвшаго «чина» съ перепугу начиналъ въ морозъ лить потъ. Грабили его всѣ и вся, и святой губернаторъ раздавалъ буквально все, что имѣлъ. Уѣхали изъ Новгорода Медемы ни съ чѣмъ — все состояніе ихъ уплыло черезъ руки графа.

Говорилъ онъ по русски плохо, съ невозможно-нѣмецкимъ выговоромъ, но деликатенъ былъ до нельзя и дошелъ до того, что швейцаръ, прослужившій при губернаторскомъ домѣ около 20 лѣтъ, значилъ въ губерніи гораздо болѣе графа. Исправники, пристава, чинуши всѣхъ ранговъ — вся эта братія прежде, чѣмъ являться къ губернатору, забѣгала къ Ефиму и жала и трясла его руку.

Ефимъ постоянно не только бесѣдовалъ съ Медемомъ, а и подавалъ ему совѣты, кого, куда и кѣмъ назначить. Зналъ онъ въ губерніи рѣшительно всѣхъ и графъ слушался его, и охотно совѣтовался съ нимъ.

— Эхъ, ваше сіятельство! — не разъ заявлялъ Ефимъ Ивановичъ, входя въ губернаторскій кабинетъ, — кого вы назначить то хотите? Пьяница вѣдь онъ! А вотъ такой то, какъ разъ къ мѣсту пришелся бы!

И назначеніе происходило именно такъ, какъ указывалъ Ефимъ Ивановичъ, получавшій за оказаніе протекціи соотвѣтственную мзду.

Къ чести Ефима надо добавить, что мзду онъ хотя и бралъ, но «по чину»; любилъ почетъ и мошенниковъ недолюбливалъ. Не разъ бывало, узнавъ, что графъ сунулъ какому нибудь просителю слишкомъ большой, по его мнѣнію, кушъ, Ефимъ безъ церемоній задерживалъ счастливчика, отбиралъ у него почти все данное графомъ, оставлялъ ему на пропой рубль-два, а осталь-

ное относилъ наверхъ къ графу и читалъ при этомъ ему назиданіе.

Курьезнѣе всего то, что когда не въ урочный часъ требовался по какому либо экстренному дѣлу правитель канцеляріи и губернаторъ просилъ (другой формы обращенія у Медема не было) послать за нимъ для подписи бумаги, Ефимъ заявлялъ, что не зачѣмъ безпокоить человѣка: «я самъ за него подпишу!» И дѣйствительно подписывалъ . . .

Все это не анекдоты, а истина, подтверждаемая мнѣ со всѣхъ сторонъ; Ефимъ Ивановичъ здравствуетъ до сихъ поръ, и держитъ на нашей сторонѣ чайную. Старикъ очень негодуетъ, по слухамъ, на новгородцевъ.

— Нуженъ былъ, такъ всѣ руку жать мнѣ прибѣгали! — говорилъ онъ одному изъ знакомыхъ: — а теперь хоть бы чихнуть кто на меня зашелъ!

Декабря 29. Бесѣдовалъ по душамъ съ Куроѣдовымъ. По его мнѣнію, опять не въ долгомъ будущемъ накатится волна революціи; работа революціонерами ведется настойчиво и сугубо осторожно. Главное вниманіе обращено ими теперь на войска. Да, это корень! Обѣщалъ давать мнѣ всякую нелегальщину для моей библіотеки.

Декабря 31. Завернули крутые морозы — съ 24-го температура выше 15 не подымалась, а теперь доходитъ до 20.

Завтра ѣду въ Москву въ качествѣ представителя и делегата отъ Статистическаго Комитета и Археологическаго Общества на предварительныя совѣщанія для разрѣшенія вопроса о мѣстѣ новаго археологическаго съѣзда.

Примѣта хорошая: первый день новаго года въ дорогѣ — весь годъ предстоятъ разъѣзды!

1912 годъ.

Января 12. Позавчера вернулся изъ Москвы. Засѣданія по поводу будущаго съѣзда происходили у графини П. Уваровой, въ Леонтьевскомъ переулкѣ; народа собралось много, около ста человѣкъ и потому всяческой чепухи наговорили достаточно. Рѣшили созвать съѣздъ во Псковѣ.

Кромѣ того, цѣлые дни мнѣ пришлось рыскать по букинистамъ и рыться въ книгахъ; мнѣ было поручено накупить книгъ для пополненія библіотеки нашего Комитета. Эту миссію выполнилъ съ успѣхомъ.

Москва за тѣ годы, что я не видалъ ея, измѣнилась поразительно. Я помню ее провинціальнымъ городомъ, наполовину деревяннымъ; двухъ-этажные дома, по теперешнему домики — считались тогда большими зданіями. Теперь же точно по какому то волшебству вся она превратилась въ камень, вытянулась къ небу, залилась электрическимъ свѣтомъ, покрылась сѣтями трамваевъ и безконечными чудными магазинами. Петербургъ передъ ней — тусклый, мертвый и бѣдный пригородъ. Не даромъ она подобрала подъ свою власть всѣ племена славянъ; совсѣмъ особый народъ москвичи — разомъ чувствуешь въ каждомъ предпріимчиваго, сильнаго и живого человѣка, природой предназначеннаго къ тому, что бы все забрать въ свои руки!

Остановились мы съ женой на Никольской ул. въ Чижевскомъ подворьи; на другое утро сидимъ, пьемъ

кофе, а подъ дверь просовывается письмо. Оказывается, какая то фирма дамскихъ платьевъ, помѣщающаяся гдѣ то за тридевять земель, уже успѣла узнать о нашемъ пріѣздѣ и прислала рекламу. Утромъ по номерамъ ходятъ булочники съ корзинами свѣжаго хлѣба; на площадкѣ лѣстницы торгуютъ фруктами, самые задніе и дальніе номера — это агентства и конторы всевозможныхъ торговыхъ фирмъ.

Рекламъ нѣсть числа. На домахъ, на вагонахъ, въ фойе театровъ — все сплошь застлано ими; по вечерамъ то тутъ, то тамъ вспыхиваютъ на темномъ небѣ огненные «мани, факелъ, фаресъ» всевозможныхъ Шустовыхъ, Смирновыхъ и пр.

Петербургъ, въ сущности говоря — имѣетъ только штукъ пять-шесть хорошихъ торговыхъ улицъ. Москва же — это сплошной громадный міровой магазинъ.

Побывали, конечно, въ театрахъ. Два вечера провели у Корша, одинъ въ циркѣ Чинизелли и четвертый въ Маломъ театрѣ.

Не оскудѣла Москва талантами! Кригеръ, Богдановъ, Чаринъ, Климовъ — все это такіе артисты, смотрѣть на которыхъ одинъ восторгъ.

Кригеръ — мужъ дочери нашего Нила Ивановича; мы заѣхали къ нему, и насъ приняли съ чисто московскимъ радушіемъ. Послѣ одного изъ спектаклей ужинали у нихъ въ ихъ квартирѣ въ Каретномъ ряду. Кригеръ — плотный черноглазый здоровякъ средняго роста съ чрезвычайно выразительнымъ лицомъ; весельчакъ и балагуръ, онъ сразу произвелъ на меня хорошее впечатлѣніе.

Послѣ ужина, за которымъ кромѣ насъ присутствовалъ молодой композиторъ Архангельскій, и еще нѣкто невѣдомый, Кригеръ взялся за гитару и спѣлъ нѣсколько куплетовъ: онъ служилъ раньше въ опереткѣ и спѣлъ ихъ мастерски. Затѣмъ очень недурно мелодекламировалъ Архангельскій свои произведенія; «Чортовы качели» Сологуба вышли у него превосходно.

Послѣ него Кригеръ опять взялся за гитару.

— Ну, Виктосенька, теперь твоя очередь! — заявилъ онъ своей единственной дочери, только что кончившей балетную Императорскую школу и уже замѣченную публикой и критикой; Виктосенька — худенькая маленькая и совершенно безкровная блондиночка съ косой, обернутой вокругъ головы, встала съ дивана и низкое, глубокое контральто ея поразило меня. Такъ неожиданно было оно въ такомъ хрупкомъ тѣлѣ! Спѣла она нѣсколько цыганскихъ романсовъ и спѣла недурно, съ чувствомъ, съ вѣрнымъ пошибомъ.

Декламировала и жена Кригера — Надежда Николаевна, тоже артистка.

Виктосенька влюблена въ сцену и въ танцы.

— Танцевать, танцевать!.. — говорила она, зажавъ себѣ лицо обѣими руками, — всю жизнь я бы хотѣла танцевать!

Понравились мнѣ не только радушные хозяева, но и простыя товарищескія отношенія между ними и дочерью.

Побывалъ я и у Южина-Сумбатова, во время репетиціи. Получивъ мою карточку, онъ вышелъ ко мнѣ въ свою уборную и я чуть не ахнулъ: такъ неистово развезло его: шея у него стала шире головы и красоты это ему не прибавило. Видѣлъ же я его въ послѣдній разъ ровно 10 лѣтъ тому назадъ...

Наговорилъ мнѣ комплиментовъ по поводу моей пьесы «Безъ идеаловъ» и заявилъ, что она написана такимъ замѣчательнымъ языкомъ, что весь Комитетъ обратилъ на нее вниманіе, но что поставить ее неудобно: слишкомъ она злободневна и время, изображенное въ ней, уже ушло. Просилъ меня написать ему какую угодно бытовую пьесу и обѣщалъ непрѣменно поставить ее. Слова, слова и слова!... какъ говорилъ Калхасъ.

Москва измѣнила до нѣкоторой степени и кабацкія симпатіи. Когда то излюбленный ресторанъ Тѣстова пустуетъ до такой степени, что несмотря на хорошій румынскій оркестръ, тоскливо и нудно сидѣть

въ немъ. Бѣшено зато работаетъ «Яръ», несмотря на сверхъ сумасшедшія цѣны на все.

Посѣтилъ знаменитаго редактора-издателя Русскаго Архива, Петра Ивановича Бартенева; быть въ Москвѣ и не повидать Бартенева то же, что не повидать царь-пушки.

Старикъ живетъ на Садовой въ деревянномъ двухъэтажномъ домѣ, помѣщающемся въ глубинѣ двора и загороженномъ отъ улицы каменнымъ зданіемъ, тоже принадлежащимъ ему.

Принялъ онъ насъ съ женой въ своемъ заваленномъ и заставленномъ книгами кабинетѣ, очень напоминающемъ внутренность простой избы: стѣны его изъ обтесанныхъ бревенъ и совершенно незнакомы съ обоями.

Маленькій, худенькій, сгорбленный, онъ сидѣлъ въ креслѣ и, не вставая, протянулъ свою руку.

— Поздравляю, — заговорилъ онъ — поздравляю съ прекраснымъ трудомъ! (Рѣчь шла о только что вышедшей работѣ моей «Обзоръ записокъ, дневниковъ» и пр.). А встать не могу, извините, видите? — и онъ указалъ рукой на пару костылей, прислоненныхъ около него къ сосѣднему столу.

Бесѣдовали мы съ нимъ довольно долго. 83 года человѣку, а такой ясности ума, такой памяти, такой, сказалъ бы, душевной бодрости и живости, какъ у него, я не встрѣчалъ никогда и ни у кого. Онъ декламировалъ наизусть отрывки изъ Пушкина, Хомякова, вспоминалъ разные эпизоды изъ далекаго прошлаго, остроумно и ѣдко перескакивалъ на настоящее, обнаруживалъ огромныя свѣдѣнія по генеалогіи и т. д., и т. п. Это не человѣкъ — это складъ, живой архивъ за цѣлое столѣтіе; его «Русскій Архивъ», только слабое отраженіе его самого.

На прощаніе Петръ Ивановичъ подарилъ мнѣ книжку стиховъ Хомякова, это его любимецъ, хотя кромѣ патріотизма ничего больше въ стихахъ сего піиты не содержится.

Января 15. Ѣздилъ съ губернаторомъ на, съ позволенія сказать, слѣдствіе. Всякое я повидалъ на своемъ вѣку, а такого безобразія, какъ это наше слѣдствіе, не видывалъ давненько!

Началось съ того, что когда я былъ у Лопухина съ докладомъ по дѣламъ Комитета, онъ, прощаясь, сказалъ мнѣ.

— Завтра въ 2 часа дня поѣдете со мною. Куда — это пока секретъ. Прошу васъ рѣшительно никому не говорить объ этомъ...

Отправился я домой и черезъ часъ получилъ записку отъ Воронцова, что отъѣздъ отложенъ до 11 часовъ ночи.

Вечеромъ отправился къ себѣ въ Комитетъ, чтобы устроить кое-какія дѣла и только что собрался уходить домой — является помощникъ пристава и въ передней при сторожахъ рапортуетъ, что поѣздка отложена до сдѣдующаго дня. «Тайна», такимъ образомъ, сдѣлалась явной еще для трехъ человѣкъ.

Приставу было по пути со мной; онъ почтительно засеменилъ сбоку и спросилъ, «не изволю ли» я знать, куда мы ѣдемъ.

— А вамъ это зачѣмъ?

— И мнѣ приказано ѣхать-съ! Не знаю, что взять съ собой, какое пальто и платье...

Помочь въ этомъ незнаніи я не могъ и мы разстались.

На вокзалъ я пріѣхалъ на слѣдующій день за полчаса до отхода поѣзда. Тамъ уже находились Савичъ, исправникъ Гутцейтъ, полиціймейстеръ и любанскій приставъ Войшъ, уѣзжавшій съ тѣмъ же поѣздомъ во свояси. Исправникъ отвелъ меня въ сторону и, заглядывая въ глаза, сталъ выспрашивать, куда мы ѣдемъ... Отвѣтъ мой, видимо, особой вѣры съ его стороны не удостоился.

Наконецъ, подкатила карета губернатора, за нею съ поднятымъ воротникомъ, на ванькѣ, поспѣшалъ скрюченный Воронцовъ. Полицейскіе ринулись встрѣ-

чать своего владыку, а мы съ Савичемъ стали гулять по перрону.

Воронцовъ поздоровался со мной болѣе чѣмъ холодно и заявилъ, что билеты надо брать только до Чудова.

Кромѣ пристава, съ нами ѣхалъ еще стражникъ Григорьевъ, постоянно находящійся въ губернаторскомъ домѣ.

Губернатору прицѣпили особый вагонъ-салонъ, и паровое несчастіе, именуемое по недоразумѣнію поѣздомъ, затарахтѣло по узкоколейкѣ.

Лопухинъ былъ не въ духѣ; я досталъ изъ сака январьскую книжку Историческаго Вѣстника, гдѣ напечатана моя быль «Злоумышленные голуби» и принялся за чтеніе.

Генералъ походилъ, помурлыкалъ, затѣмъ заговорилъ со мною о разныхъ пустякахъ. О цѣли нашего таинственно - Рокамболевскаго путешествія не проронилъ ни слова; я, конечно, не заговаривалъ о немъ тоже. Побесѣдовали мы, почитали, Лопухинъ покачалъ головой надъ моимъ письмомъ Столыпину, напечатаннымъ въ Вѣстникѣ и, наконецъ, мы добрались на это чортовой трясучкѣ до Чудова.

Тамъ насъ уже ждалъ обѣдъ, заказанный по телеграфу. Пообѣдали мы съ Лопухинымъ за отдѣльнымъ столикомъ; становые пристава присѣли на вытяжку поодаль отъ насъ у входа и благоговѣйно созерцали, какъ исчезала уха изъ налимьихъ печенокъ и жареные рябчики за «высокимъ» столомъ.

Пообѣдавъ, Лопухинъ нагнулся ко мнѣ и шепотомъ сказалъ.

— Билеты возьмите до Ушаковъ. Пожалуйста, никому ни слова!

Отправился я къ кассѣ и по дорогѣ встрѣтилъ слонявшихся безъ дѣла въ проходномъ залѣ нашего долговязаго помощника пристава Дьякова и Григорьева.

— Взяли билеты? — спросилъ я.

— Такъ точно-съ, взяли! — отвѣтилъ Дьяковъ.

— Куда?

— Въ Ушаки-съ... — съ таинственнымъ видомъ сообщилъ онъ.

Въ вагонѣ, когда поѣздъ уже летѣлъ на всѣхъ парахъ, Лопухинъ съ такимъ же таинственнымъ видомъ, какъ приставъ, открылъ мнѣ, въ чемъ дѣло.

— Мы ѣдемъ въ Любань, — сказалъ онъ, понизивъ голосъ: — билеты я нарочно приказалъ всѣмъ взять на Ушаки; съ нами ѣдетъ Войшъ, будьте любезны, послѣдите, чтобы онъ отправился съ этимъ же поѣздомъ въ Ушаки. Мы съ вами выйдемъ въ Любани, а онъ пусть ѣдетъ дальше. Скажите ему, чтобы онъ ждалъ вашего пріѣзда въ Ушакахъ, и если вы не будете до завтрашняго вечера, то пусть возвращается съ № 23! Я получилъ свѣдѣнія, что въ арестантской у него бьютъ смертнымъ боемъ; одинъ даже умеръ тамъ отъ побоевъ. Его поторопились похоронить... Все это надо разслѣдовать обстоятельно... Я взялъ съ собой Дьякова — онъ человѣкъ преданный мнѣ: онъ служилъ у меня въ Тулѣ и затѣмъ въ Перми; Григорьевъ вполнѣ надеженъ тоже. Онъ природный сыщикъ!

Холодное лицо Лопухина освѣтилось ласково-довольной улыбкой.

— Я каждое утро находилъ у себя на столѣ рапорты отъ него съ подробнѣйшимъ описаніемъ, что случилось за день въ домѣ, и кто, и что говорилъ. Когда мнѣ это надоѣло и я запретилъ подавать ихъ, полиціймейстеръ сталъ находить ихъ у себя въ карманѣ пальто. Шерлокъ Холмсъ, настоящій Шерлокъ Холмсъ!

Я промолчалъ. Шерлокъ ли Холмсъ онъ — не знаю, а что сволочь — такъ это несомнѣнно!

— Войшъ не даромъ поскакалъ въ Новгородъ и теперь ѣдетъ съ нами! Чуетъ кошка, чье мясо съѣла! — продолжалъ Лопухинъ: — безпокоится, къ Герфинкелю къ своему на совѣтъ ѣздилъ!

Послѣдніе слова Лопухинъ произнесъ со злобой; Герфинкелемъ онъ зоветъ исправника Гутцейта.

— Такъ чтобы Войшъ не мѣшалъ намъ произво-

дить разслѣдованіе, я его и посылаю въ Ушаки, пусть посидитъ тамъ!..

Въ Любани мы вышли; я направился къ Войшу, съ безпокойствомъ слѣдившему за нами, и сообщилъ ему приказъ губернатора; Войшъ приложилъ руку къ козырьку и щелкнулъ шпорами.

— Слушаю! — отвѣтилъ онъ своимъ нѣсколько сиплымъ голосомъ.

Я поспѣшилъ за губернаторомъ.

Для насъ были приготовлены «царскія комнаты»; въ небольшомъ кругломъ залѣ, обставленномъ мягкой мебелью, былъ уже сервированъ чай; изъ зала двѣ двери вели въ боковыя комнаты; одна предназначалась для меня, другая для губернатора. Комнаты необычайно высокія; накрытый куполомъ залъ производитъ впечатлѣніе чего то церковнаго.

Лопухинъ приказалъ позвать къ себѣ Дьякова и Григорьева. Оба вошли и вытянулись.

Губернаторъ объяснилъ имъ въ чемъ дѣло и распредѣлилъ ихъ роли. Дьяковъ долженъ былъ шататься по Любани и выспрашивать, что правда ли, что бьютъ въ арестантской людей и стараться найти кого либо изъ потерпѣвшихъ; Григорьеву приказано было чуть свѣтъ отправиться къ «матушкѣ Варварѣ», узнать у нея объ адресѣ бывшаго сторожа при арестантской, прогнаннаго Войшемъ, поѣхать за нимъ въ деревню за 10 верстъ и привезти его къ 10 часамъ утра.

Послѣ нѣсколькихъ милостивыхъ словъ о томъ, что онъ имъ вѣритъ и надѣется на ихъ ловкость и «молчаніе», полицейскіе были отпущены.

Я вышелъ вслѣдъ за ними въ залъ перваго класса и сказалъ старику-уряднику, дежурившему у дверей, чтобы онъ попросилъ судебнаго слѣдователя и земскаго врача пожаловать завтра къ 11 часамъ къ губернатору.

— Эхъ, не зналъ я ничего! — сказалъ Дьковъ, подойдя ко мнѣ: — я бы платье съ собой захватилъ штатское! Какъ я теперь въ своемъ мундирѣ по трактирамъ пойду? Кто со мной откровенничать станетъ!

Попили мы съ Лопухинымъ чайку, потомъ поужинали и легли спать.

На другое утро явился съ докладомъ Дьяковъ; онъ раздобылъ у жандарма на станціи рваное штатское пальтишко и картузъ, изъ подъ рыжаго короткаго пальто выглядывали синіе форменные шаровары, воротникъ у него не сходился и явственно выступали галуны мундира. Въ такомъ видѣ онъ обходилъ Любанскіе трактиры и тонко вызывалъ на откровенность... Откровенны съ нимъ оказались только два содержателя трактировъ, которыхъ онъ и привелъ съ собой.

Вызвали ихъ по одиночкѣ и Викторъ Александровичъ принялся самъ чинить имъ допросъ, а я только записывалъ ихъ показанія.

Видъ ихъ обоихъ довѣрія не внушалъ: опившіяся морды, бѣгающіе глаза и крокодиловы слезы на одутловатыхъ щекахъ. Городили всякую чушь, старались утопить не только пристава, но и конкуррентовъ кабатчиковъ. Выяснилось, что Войшъ закрылъ и у того, и у другого билліарды, и тѣмъ обидѣлъ ихъ, сиротъ, несказанно. На вопросъ губернатора, просилъ ли онъ съ нихъ деньги и вообще приходилось ли имъ давать ему взятки, единодушно отвѣтили «нѣтъ»! Но при этомъ все намекали, что гдѣ же имъ тягаться съ конкуррентомъ? «тотъ богатый... ему все дозволено»...

На вопросъ, бьютъ ли въ арестантской, отвѣтили уклончиво «слыхать, что да, а сами не видали»...

Допросили еще нѣсколькихъ человѣкъ, всѣ показывали, что «по слухамъ, шибко бьютъ!»

Губернаторъ многозначительно поджалъ губы и гулялъ по ковру.

Я обратилъ его вниманіе на странное обстоятельство, что мы имѣемъ дѣло только со слухами, а не съ пострадавшими людьми. Если дѣйствительно въ арестантской избивали заключенныхъ — жалобщики ужъ давно явились бы тучей; между тѣмъ мы не только не имѣли жалобъ ни отъ кого изъ избитыхъ, но даже и слѣдовъ ихъ разыскать не можемъ.

Явился докторъ.

Его показанія были сплошь въ пользу Войша; по его словамъ, три года тому назадъ, до назначенія Войша, Любань была невозможнѣйшей клоакой во всѣхъ отношеніяхъ; хулиганы, бродяги, воры — все это переполняло ее и дѣлало невозможнымъ существованіе въ ней. Войшъ энергично взялся за очистку, позакрывалъ разные притоны съ билліардами и безъ оныхъ и всѣ теперь вздохнули свободно. Ни одной жалобы на побои въ арестантской докторъ не слыхалъ и избитые къ нему не показывались; что же касается умершаго въ арестантской, то онъ умеръ отъ опоя и былъ извѣстнѣйшій пьяница. Докторъ самъ осматривалъ его и рѣшительно никакихъ знаковъ на тѣлѣ не имѣлось; смерть послѣдовала отъ апоплексіи и грудной жабы.

То же самое, только горячо, повторилъ слѣдователь и затѣмъ и мѣстный инженеръ.

Всѣ они обрушивались на «сестру Варвару».

Варвара — вліятельная старуха-вдова изъ великосвѣтскаго общества. Любань — станція, до которой препровождается высылаемое изъ столицы отребье. Дальше оно вольно двигаться хотя бы на аэропланахъ и почти все оно, поболтавшись дня 2-3 въ Любани, пѣшкомъ пробирается опять въ Петербургъ. Старуха рѣшила «спасать» ихъ. Напрасно указывали ей, что бездомнымъ дѣтямъ, или такимъ же больнымъ, помощь гораздо нужнѣе; баба вбила себѣ въ голову, что она — апостолъ хулигановъ и бродягъ и обратила на нихъ все свое вниманіе.

Около самой Любани учредила для нихъ ночлежку со столомъ и стала въ буквальномъ смыслѣ слова разводить и прикармливать тамъ всякихъ тунеядцевъ и воровъ. Опухшія, красныя отъ пьянства рожи, всякая нечисть города превратилась въ «дѣтокъ» сестры Варвары.

Разумѣется, энергичный Войшъ сразу же сталъ въ непріязненныя отношенія съ полоумной генеральшей; запретить жулью ночевать и кормиться у сестры Варвары, онъ, конечно, не могъ, но шляться по Любани

и нагло лазить по всѣмъ домамъ, какъ это практиковалось раньше, онъ воспретилъ категорически. Ослушниковъ сажалъ подъ арестъ и выгонялъ изъ Любани моментально. Разумѣется, при такихъ порядкахъ торчать въ Любани разсчета не было и количество мордатыхъ «дѣтей» у сестры Варвары поубавилось. (Ходитъ она въ черномъ полумонашескомъ одѣяніи). Она принялась жаловаться. Написала жалобу и губернатору, а такъ какъ онъ очень и очень прислушивается ко всему, имѣющему гдѣ либо вѣсъ, то и покатилъ самъ разбирать дѣло.

Мы остались съ губернаторомъ вдвоемъ и я не утерпѣлъ, чтобы не подпустить шпильки по адресу святоши и назвалъ ее спеціалисткой по разводу бродягъ и мазурнической богородицей.

Лопухина передернуло: передъ аристократіей онъ преклоняется.

— Это святая женщина! — заявилъ онъ мнѣ: — она дѣлаетъ великое и святое дѣло! Какъ же не накормить голодныхъ?

— Накормить дѣло хорошее, — отвѣтилъ я, — а вотъ разводить жулье — это значительно хуже!

Губернаторъ приказалъ нанять тройку и мы отправились осматривать арестантскую.

Помѣщается она не очень далеко отъ вокзала въ небольшой, особнякомъ стоящей избѣ. Половина ея настолько холодна, что зимой арестованные не помѣщаются тамъ; двѣ трети теплой половины занимала комната сторожа съ самой убогой обстановкой, а остальная треть — двѣ сажени въ длину и четыре аршина въ ширину и была «арестантская». Большую часть ея занимали широкія нары; небольшое замерзшее окно, задѣланное желѣзными прутьями, пропускало въ нее сумерки.

Въ этой душной клѣткѣ находилось девять арестованныхъ.

Сопровождавшій насъ Дьяковъ скомандовалъ «встать» и лохматыя разстегнутыя и распоясанныя фигуры столпились въ узкомъ проходѣ; губернаторъ, а

затѣмъ и я, едва втиснулись къ нимъ; Лопухинъ сталъ разспрашивать каждаго о причинахъ ареста. Трое оказались «старожилами», одинъ отсидѣлъ полтора мѣсяца, другой три недѣли. Посажены они были за нарушеніе обязательныхъ постановленій; одинъ изъ нихъ, довольно пріятнаго типа, бѣлокурый мужиченко лѣтъ двадцати шести, даже всхлипнулъ, вспомнивъ, что хозяйство у него «стоитъ» и что «робить» некому.

Лопухинъ милостиво простилъ его и его товарища и оба они, босые и растрепанные, балеринами вылетѣли въ холодныя сѣни.

Мы вышли за ними. Арестантскую заперли. Лопухинъ заглянулъ въ «холодную» и приказалъ позвать къ нему отпущенныхъ.

Оба единогласно показали, что никого и ни разу за все время сидѣнія ихъ въ арестантской не били, и что никакихъ жалобъ ни на пристава, ни на стражниковъ они заявить не могутъ. Умеръ арестованный при нихъ; привели его очень пьянымъ, никто его не трогалъ, онъ легъ на полъ и ночью сталъ хрипѣть; изо рта пошла кровавая пѣна и, пока сторожъ побѣжалъ за фельдшеромъ, еще одна никчемная жизнь была кончена.

Мужики говорили убѣжденно; какъ ни слѣдилъ я за ихъ лицами — не могъ уловить ни тѣни чего либо подозрительнаго.

Губернаторъ отпустилъ ихъ и мы остались съ нимъ въ холодной вдвоемъ; лучшаго мы, надо сознаться, и не заслужили! Лопухинъ, видимо, былъ обезкураженъ. Разсчитывалъ открыть цѣлую панаму, разгромить, покарать, явиться Зевсомъ-громовержцемъ и вдругъ вмѣсто всего этого — возвращаться съ хвостомъ между ногъ!

— Пожалуйста поѣзжайте на вокзалъ, — обратился онъ ко мнѣ, — пройдясь нѣсколько разъ по арестантской. — Допросите тамъ всѣхъ стражниковъ!

— Не думаю, чтобы они показали что либо противъ себя же! — отозвался я.

— Все таки допросите! А я съѣзжу ненадолго тутъ... — куда, губернаторъ не договорилъ — поѣхалъ онъ къ сестрѣ Варварѣ.

Я вернулся въ наши аппартаменты и вытребовалъ стражниковъ. Разумѣется, всѣ показали какъ одинъ, что и пальцемъ не трогали никого во всю свою жизнь.

Забылъ упомянуть, что въ арестантской мы обозрѣвали желѣзные наручники — два кольца, соединенные короткой цѣпью, надѣвающіеся на буйствующихъ арестантовъ. Это запрещено, но практикуется. Дѣйствительно, что сдѣлать и какъ унять озвѣрѣлаго отъ вина дикаря, громящаго двери, окна и по кирпичу разламывающаго печи?

Губернаторъ вернулся часа черезъ два; въ 5 часовъ отыскался и издрогшій до полусмерти Григорьевъ, ѣздившій въ 12° морозъ въ легкомъ пальтишкѣ, не за 10 верстъ, какъ предполагалъ Лопухинъ, а за 28. Привезъ онъ и бывшаго сторожа.

Сторожъ показалъ, что его прогналъ приставъ за жалобу ему за то, что въ арестантской стражники бьютъ людей. Уволенный свидѣтель показался мнѣ очень подозрительнымъ.

Лопухинъ отпустилъ его и я видѣлъ, что онъ не знаетъ, что дѣлать и кому вѣрить; неопытность его, какъ слѣдователя, чувствовалась во всю.

Черезъ нѣкоторое время прибылъ поѣздъ № 23, а съ нимъ явился и Войшъ.

Лопухинъ все еще не могъ рѣшиться ни на что и приказалъ ему ждать. Войшъ пріѣхалъ разстроенный и взволнованный: цѣлыя сутки его заставили просидѣть и промучиться во всѣхъ смыслахъ на пустой и крохотной станціи, въ то же время свои люди сообщили ему по телефону, что у него идетъ ревизія, допрашиваютъ стражниковъ, трактирщиковъ, по Любани шляется маскарадный дуракъ и выспрашиваетъ про него — это обстоятельство о телефонѣ сегодня сообщилъ мнѣ исправникъ Гутцейтъ.

Губернаторъ заказалъ обѣдъ; мы пообѣдали, онъ прочелъ газету, затѣмъ случайно пріѣхалъ Дм. Мих.

Бодиско — побесѣдовали съ нимъ, а Войшъ все ждалъ и догъ въ холодномъ залѣ буфета въ тонкомъ кителѣ. Я дважды напоминалъ о немъ генералу и дважды получалъ недовольный отвѣтъ: «пусть подождетъ!»

Наконецъ, приказано было его позвать и плотный крѣпышъ Войшъ вошелъ и отрапортовалъ о своемъ прибытіи. Губернаторъ ходилъ, я стоялъ, опершись руками на спинку кресла, въ которомъ сидѣлъ за обѣдомъ.

— Вы, конечно, теперь знаете, зачѣмъ я сюда пріѣхалъ? — мягкимъ тономъ началъ Лопухинъ. И онъ вкратцѣ сообщилъ ему о жалобахъ на избіенія въ арестантской.

Войшъ возражалъ и въ голосѣ его чувствовалось глубокое оскорбленіе.

— Я здѣсь себя не щадилъ, ваше превосходительство! — горячо сказалъ онъ между прочимъ: — я пріѣхалъ сюда, здѣсь было гнѣздо воровъ и разбойниковъ; я перевелъ ихъ, здѣсь стало возможно жить и вотъ теперь . . . сестра Варвара . . . — онъ вдругъ отвернулся, прикрылъ лицо рукой и всхлипнулъ.

Губернаторъ сталъ его слегка журить и успокаивать.

— Слѣдствіе я еще не закончилъ, но во всякомъ случаѣ имѣйте въ виду, что никакія мѣры мною противъ васъ приняты не будутъ прежде, чѣмъ я не вызову и не запрошу васъ ! . .

Я не выдержалъ, ушелъ въ свою комнату, написалъ на клочкѣ бумажки: «успокойтесь, ваши дѣла обстоятъ хорошо» и затѣмъ вернулся обратно. Когда Войшъ уходилъ, я подалъ ему руку съ запиской; онъ почувствовалъ ее и по докторски, сразу, сжалъ въ кулакѣ. Губернаторъ ничего не замѣтилъ.

Къ уходу нашего десятичасового поѣзда, Войшъ явился проводить насъ видимо значительно успокоенный.

Ѣхалъ я съ этого подвига нашего — съ грубаго опозориванія ни за что, ни про что лучшаго пристава

нашего уѣзда, съ самымъ поганымъ чувствомъ въ душѣ.

Что за отношеніе къ людямъ, хотя бы къ тѣмъ же Дьякову и Григорьеву? Неужто нельзя было сказать имъ, чтобы они захватили теплую одежду и хоть сколько нибудь подумать и позаботиться объ ихъ ѣдѣ и устройствѣ на холодной станціи. И тотъ, и другой занимали у меня деньги, такъ какъ имъ выдали такіе гроши, что не хватило на обратный проѣздъ.

Января 23. Двое сутокъ провелъ въ древнемъ селѣ Велебицѣ.

«Велія битва» была на томъ мѣстѣ: Иванъ III разгромилъ Новгородскую рать въ XV вѣкѣ. И до сихъ поръ въ холмахъ, въ самомъ селѣ и близъ него, находятъ цѣлыя груды человѣческихъ костей.

«Новая секта завелась у насъ въ Новгородскомъ уѣздѣ!» — заявилъ мнѣ однажды въ декабрѣ прошлаго года, губернаторъ.

— Коммуна, все у нихъ общее... и даже кажется жены! — нѣсколько брезгливо добавилъ онъ. — Владыка знаетъ учредителя этой коммуны, священника Николая Опоцкаго, смотритъ на него сквозь пальцы и потому духовной стороны касаться мы не будемъ...

Я изображалъ изъ себя сфинкса, а въ душѣ кувыркался чортикъ: дѣло въ томъ, что Лопухинъ старается не только ни въ чемъ не идти противъ нашего владыки Арсенія, но даже спѣшитъ предугадывать мысли его. Владыка нашъ человѣкъ могущественный и хотя, какъ монахъ, мяса и не ѣстъ, а бывшаго губернатора Башилова скушалъ за единый духъ!

— Надо выяснить только матеріальную сторону дѣла: священникъ этотъ, хотя и коммунистъ, а имущество крестьянъ переписываетъ на себя! Пожалуйста, съѣздите и разберите тамъ все...

20 января въ половинѣ восьмого утра я покатилъ по злостной каррикатурѣ желѣзной дороги въ Шимскъ. Станція эта маленькая и убогая и на ней меня ожидалъ мѣстный урядникъ; предварительно, черезъ исправни-

ка, я распорядился, чтобы мнѣ негласно собрали кое какія свѣдѣнія.

Получивъ ихъ, я надѣлъ сверхъ шубы вѣрнаго друга — бурку съ рукавами, усѣлся въ сани, завернулъ ноги мѣховымъ одѣяломъ и пара довольно сносныхъ коньковъ понесла меня за 18 верстъ въ село Велебицы. Ѣхалъ я въ штатскомъ и никакихъ «чиновъ» и стражей съ собой не взялъ, несмотря на предложенія исправника, твердившаго, что мѣста тамъ хулиганскія. Отъ этихъ господъ у меня въ буркѣ лежалъ наилучшій тѣлохранитель — англійскій бульдогъ.

Ямщикъ спустился съ крутого берега на Шелонь и мы покатили по ровному льду широкой красавицы-рѣки. Часа черезъ полтора открылись Велебицы; ямщикъ остановился у большого деревяннаго дома. На воротахъ его чернѣла доска съ надписью: «сельскій староста».

— Братство здѣсь! — пояснилъ мнѣ ямщикъ: — староста здѣшній тоже въ братахъ состоитъ.

Я захватилъ свой свертокъ съ подушкой и вошелъ въ сѣни, изъ нихъ въ темную переднюю; изъ кухни выглянула повязанная бѣлымъ платкомъ женщина среднихъ лѣтъ.

— Странныхъ у васъ принимаютъ? — обратился я къ ней, поздоровавшись.

— Принимаютъ, батюшка, принимаютъ! — привѣтливо отвѣтила она! — раздѣвайтесь, милости просимъ!

Я снялъ бурку и шубу и вошелъ въ слѣдующую, довольно большую комнату; середину ея, во всю длину, занималъ столъ; по сторонамъ его тянулись простыя лавки. У одной изъ стѣнъ стоялъ черный буфетъ; въ переднемъ углу висѣла большая икона съ лампадой передъ ней, около нея зеленѣли цвѣты — фикусъ и еще какіе то; на одной изъ стѣнъ висѣлъ большой портретъ Н. Н. Неплюева, бритаго, нѣсколько косоглазаго человѣка съ наперстнымъ крестомъ на цѣпочкѣ и въ курткѣ; впечатлѣніе получалось такое, будто передъ тобой католическій патеръ.

Подъ его портретомъ была прикрѣплена кабинетная карточка его сестры Маріи Николаевны, продолжающей теперь его дѣло въ Черниговской губерніи; на другихъ стѣнахъ выступали картинки-плакаты духовнаго содержанія, съ печатанными подписями и выдержками изъ евангелія, — какъ это принято у благочестивыхъ нѣмцевъ.

Самаго основателя общины, о. Николая, дома не было: онъ уѣхалъ за 5 верстъ съ какою-то требой.

Я присѣлъ на лавку и женщина, оказавшаяся одной изъ сестеръ братства, сейчасъ же устроила мнѣ чайку — погрѣться съ дороги.

— А вы откуда сами, батюшка? — освѣдомилась она.

— Петербургскій... — отвѣтилъ я, — а теперь ѣду изъ Новгорода. Мѣста ваши древнія; я старину скупаю всякую — деньги и вещи. Не слыхали ли, здѣсь чего у кого?

Слово за словомъ и мы разговорились.

Послѣ чая я отправился смотрѣть село. Сейчасъ же за овражкомъ подымалась древняя церковь съ зелеными куполами. За ограду проникнуть было нельзя — все было занесено сугробами снѣга. Село вытянуто по высокому лѣвому берегу извилистой въ томъ мѣстѣ Шелони; старая и новая церкви стоятъ почти на самыхъ обрывахъ и видъ отъ нихъ широкій.

Поговорилъ я кое съ кѣмъ изъ встрѣчавшихся крестьянъ, поспросилъ насчетъ старыхъ денегъ и разныхъ находокъ, затѣмъ сталъ заходить по лавкамъ. Лавки, конечно, убогія, всего товару въ нихъ — боченокъ керосина, двѣ банки съ грошовыми леденцами да связки три баранокъ — вотъ и вся ихъ наличность. Всѣ онѣ темныя, свѣтъ проходитъ только сквозь замерзлыя стеклянныя двери; оконъ нѣтъ.

У каждаго лавочника нашлись, конечно, старинныя монеты, или какъ ихъ называютъ всюду народъ, — гроши. Старики и лавочники народъ словоохотливый; побывалъ я въ нѣсколькихъ домахъ, побесѣдовалъ о всякой всячинѣ, начиная съ вопроса о хуторахъ

и кончая братствомъ. Отзывъ о священникѣ всюду былъ одинъ — святой онъ человѣкъ.

Одинъ восьмидесятилѣтній старикъ оставилъ меня у себя попить чайку и мы просидѣли съ нимъ за самоваромъ часа полтора.

Отношенія къ хуторамъ въ той мѣстности почти враждебное; основаніе: «нешто можно теперь на хутора идти? Народъ озарной сталъ, чуть ты кому не утрафилъ — подожгутъ сейчасъ. А на деревнѣ поджигать — подумаетъ! И самъ сгорѣть можетъ! «Второе»: все стравятъ, огораживаться надо! Эта боязнь оградъ у нашихъ крестьянъ замѣчательна, боятся ея и въ степяхъ, гдѣ нѣтъ ни прута, боятся ея и въ лѣсахъ, гдѣ только что въ избѣ дерева не ростутъ.

Накупилъ я монетъ и большую серебряную медаль 1812 года, и отправился назадъ въ братство. По дорогѣ любовался избами, — рубленными изъ крупной сосны, двухъярусными, древняго типа; многія изъ нихъ были заколочены: хозяева зимой обитаютъ въ примыкающихъ къ нимъ позади теплыхъ и маленькихъ. Соломы на крышахъ нѣтъ и въ поминѣ — вездѣ ее замѣнялъ тесъ.

Священникъ уже былъ дома.

Раздѣваясь въ передней, я увидалъ стоящаго въ передней невысокаго худощаваго человѣка въ рясѣ.

— Здравствуйте, батюшка! — сказалъ я, входя въ столовую: — пріѣхалъ къ вамъ посмотрѣть на ваше житье-бытье; слышалъ я много о немъ! Разрѣшите погостить у васъ денекъ?

— Пожалуйста, пожалуйста, очень рады гостямъ! — привѣтливо отвѣтилъ священникъ, пожимая мнѣ руку. Мы познакомились и разговорились.

На видъ ему можно было дать лѣтъ за пятьдесятъ; лицо у него нѣсколько болѣзненное, безкровное и утомленное. Сѣро-голубые глаза смотрятъ изъ глубины впадинъ и окаймлены коричневыми кругами; ни выраженіе глазъ, ни лицо — обросшее рѣденькой бородкой, ничего останавливающаго на себѣ вниманія не имѣютъ; примѣчателенъ только, видимо много думав-

шій, невысокій лобъ, перерѣзанный отъ виска къ виску морщинами. Такія морщины — глубокія и строго параллельныя — бываютъ на старинныхъ иконахъ; концы бровей у него приподняты дугами и морщины изогнуты соотвѣтственно имъ. Иногда надъ бровями набѣгали коротенькія, перпендикулярныя къ продольнымъ морщины и тогда лобъ его покрывался снизу какъ бы фестончиками.

Волосы у о. Николая темно-рыжеватыя и сверху точно осыпаны инеемъ. Лѣтъ ему оказалось только тридцать девять.

Потерявъ жену, оставившую ему трехъ дѣвочекъ, онъ взялся за книгу и поступилъ въ московскую духовную академію. Студентомъ ѣздилъ въ Палестину, и на обратномъ пути попалъ въ Черниговскую губернію, въ братство, основанное Н. Н. Неплюевымъ. Впечатлѣніе оно произвело на него сильное. По окончаніи академіи о. Николай вернулся въ родныя Велебицы и задумалъ основать братство по примѣру Черниговскаго.

— Много я пережилъ въ этой церкви и хорошаго, и дурного! — разсказывалъ о. Николай, задумчиво глядя въ окно на виднѣвшуюся церковь Іоанна Богослова. — При ней и жена лежитъ. И не могъ уйти отсюда никуда! Думалъ — какъ жить и чѣмъ жить? По всей Руси развратъ идетъ! А кто въ этомъ виноватъ — первые мы, пастыри; первые же мы и Богу отвѣтъ должны будемъ дать! Народъ я вижу только разъ въ недѣлю, въ церкви, да и то не весь; что ему мои слова и проповѣди? — жизнь сильнѣе словъ, выйдетъ онъ отъ обѣдни, да и забудетъ все! Вижу, надо по иному жить, постоянно надо быть съ людьми, чтобы всегда они слово твое слышали! А тутъ Николай Николаевичъ съ дѣломъ своимъ познакомилъ: и онъ душой учуялъ, что для народа надо. Левъ Толстой былъ человѣкъ мысли, а Неплюевъ — весь любовь. Шестнадцать тысячъ десятинъ земли имѣлъ — все братству отдалъ! И самъ — богачъ, вельможа, въ одной ком-

наткѣ жилъ и всю жизнь бокъ о бокъ съ сѣрымъ мужикомъ провелъ!..

Говорилъ о. Николай сильно окая и часто вставая въ вопросительномъ тонѣ слово: «чувствуете?» Оно замѣняло у него обычныя у многихъ слова — «видите ли», «понимаете ли» и т. д.

— Побывалъ я у Николая Николаевича подъ Ямполемъ и понялъ, что его дѣло то самое, которое искалъ я! Кончилъ я академію и опять вернулся къ себѣ на приходъ и сталъ начинать дѣло. Наблюдателемъ надъ церковно-приходскими школами былъ господинъ Спасскій. Я къ нему обратился: такъ и такъ, Петръ Никаноровичъ, помогите! Разсказалъ ему все дѣло, не понравилось ему, сталъ меня отговаривать. Ну, пока говорилъ онъ со мной, не касаясь религіи, я молчалъ, начальство онъ мнѣ. А какъ началъ о вѣрѣ говорить и о томъ, что дѣло мое съ нею не вяжется — я не выдержалъ! Извините меня, говорю, но вѣдь изъ вашихъ словъ выходитъ, что вы не только не православный, но и не христіанинъ! Разсердился онъ, обидѣлся, накричалъ, съ тѣмъ и ушелъ я. Черезъ нѣсколько времени на ревизію пріѣхалъ. дѣтей не спрашивалъ, а понаписалъ, что никто изъ нихъ ничего не знаетъ, словомъ такое, что хуже меня и законоучителя нѣтъ!

Уволили меня вскорѣ изъ школы; бюджетъ у меня ровно на половину отрѣзали. Остался я съ одной церковью — доходомъ и жалованья, дай Богъ, всего на 700 рублей въ годъ набрать! Думали этимъ меня выжить изъ Велебицъ. Ну, да я же развѣ изъ за денегъ работаю? Тогда съ другой стороны подкопъ повели: обратился училищный совѣтъ къ владыкѣ съ просьбой, — вины на мнѣ никакой не было, такъ они написали, что о. Опоцкій отказался и не хочетъ быть законоучителемъ въ церковной школѣ, между тѣмъ необходимо, чтобы мѣстный священникъ былъ и преподавателемъ, и потому просили о переводѣ меня, и о назначеніи другого на мое мѣсто. Извѣстился я о такомъ поворотѣ дѣла, поѣхалъ въ Новгородъ, изъяс-

нилъ все архіепископу, а потомъ въ Синодъ поѣхалъ, и тамъ попросилъ. Ну, меня и оставили, такъ и кончилось дѣло ничѣмъ...

О. Николай помолчалъ. Передо мною сидѣлъ простой, заурядный и захудалый попикъ; слушая его, казалось страннымъ, что онъ былъ въ академіи; все пріобрѣтенное тамъ какъ будто давно соскочило съ него и осталось лишь то, что дали ему природа и деревня, гдѣ онъ родился и выросъ.

— А сколько я за это время непріятностей имѣлъ — и не разсказать! Въ онѣмѣніе приходилъ! Только все Божьимъ промысломъ держится: въ самыя то трудныя дни — наслѣдство получилъ, бабушка померла, пять тысячъ мнѣ оставила. Мельницу я на эти деньги поставилъ, землицы братству купилъ. Вотъ и зажили съ Божьей помощью понемножку!..

Братство учреждено о. Николаемъ на слѣдующихъ основаніяхъ: принимается въ него всякій, но по выдержаніи годового испытанія. Все, что новый братъ принесетъ съ собой — какъ движимое, такъ и недвижимое имущество — записывается и, въ случаѣ ухода брата, возвращается ему полностью, только приросты остаются въ пользу братства. Требованія отъ членовъ — не пить спиртныхъ напитковъ, не курить, не сквернословить и жить въ мірѣ. По субботамъ вечеромъ происходятъ у нихъ общія собранія и нѣчто вродѣ общей исповѣди: каждый какъ бы осматривается и вспоминаетъ — не сдѣлалъ ли онъ чего за недѣлю худого; разбираютъ ссоры, если таковыя состоялись, выясняютъ всякія недоразумѣнія и недоумѣнія, словомъ, субботній вечеръ у нихъ — время задушевныхъ бесѣдъ и именно эти вечера имѣютъ громадное вліяніе на участниковъ.

Ко времени ужина столовая наполнилась народомъ; женщины поставили на столъ большіе эмалированные тазы со щами и тарелки съ нарѣзаннымъ хлѣбомъ; передъ каждымъ находилась глубокая тарелка, ложка и вилка съ ножемъ. Каждый самъ наливалъ себѣ щи большой, эмалированной же ложкой.

Передъ тѣмъ, какъ садиться за столъ и по окончаніи ѣды читались молитвы и священникъ благословлялъ трапезу; вставъ изъ за стола, всѣ поклонились другъ другу общимъ поклономъ и сказали хоромъ «спасибо!»

Женщины быстро убрали тарелки, вытерли столъ и стали приготовлять чай; я бесѣдовалъ со членами братства и чувствовалъ, что передо мною уже не тѣ мужики, что живутъ въ деревнѣ; было въ нихъ что то болѣе мягкое, спокойное, облагороженное.

Особенно интересны были бабы; русскую бабу не бьютъ только печью, а всѣмъ остальнымъ увѣчатъ до гробовой доски; ругань и попреки такъ же безотлучны для нея, какъ воздухъ. И вдругъ эта самая баба оказывается въ чистомъ домѣ, знаетъ каждая свое нетрудное дѣло, никто ее не материтъ, никто не колотитъ, сыта она, одѣта . . .

Изъ разговоровъ — общихъ и отдѣльныхъ — я видѣлъ, что онѣ чувствуютъ себя какъ въ раю. И это райское состояніе духа сейчасъ же начинаетъ проявлять себя... стихами. Полуграмотныя, еле карякающія буквы, бабы пишутъ стихи . . . Ихъ показывалъ мнѣ о. Николай, декламировали ихъ затѣмъ дѣти, а счастливыя до пурпура на щекахъ творцы этихъ стихотвореній стояли у стѣнъ и слушали вмѣстѣ съ нами. Глядѣлъ я на нихъ и мнѣ думалось, что когда будетъ счастливъ народъ, тогда опять съ силой прорвется въ немъ исчезнувшее теперь настоящее поэтическое творчество.

Стихи были безграмотны, невозможны по формѣ, но въ нихъ теплилось чувство и, главное, что то вдохновенное и безыскусственно-народное.

Передъ сномъ долго читали молитвы. Началъ о. Николай; читалъ онъ хорошо, съ большимъ чувствомъ и жидкій тенорокъ его проникалъ въ душу. За о. Николаемъ каждый произнесъ вслухъ какую либо молитву; всѣ говорили не спѣша, видимо чувствуя и понимая каждое изъ словъ ея. Затѣмъ всѣ подходили подъ благословеніе о. Николая, цѣловали у

него руку и цѣловались съ нимъ. Мужчины цѣловались съ мужчинами, женщины съ женщинами и всѣ разошлись по своимъ комнаткамъ. Женатые имѣютъ каждый свою каморку, холостые помѣщаются по нѣскольку человѣкъ вмѣстѣ.

Дѣтская наверху, и за ними смотритъ и ходитъ спеціально для этой цѣли избранная сестра. Къ уличнымъ ребятамъ своихъ дѣтей они не пускаютъ.

— Это наша надежда! — говорилъ мнѣ о. Николай, указывая на ребятъ: — мы что, мы отживающіе люди, намъ самимъ много надо еще бороться съ собой. А изъ нихъ должны выйти уже настоящіе люди; отъ нихъ будутъ учиться, какъ жить надо!

Ребята въ братствѣ, дѣйствительно, ростутъ совсѣмъ другими, чѣмъ въ деревнѣ; нѣтъ въ нихъ дикаго озорства, угловатости и грубости косматыхъ волчатъ, что именуются въ деревняхъ дѣтьми. Доброе ли дерево выростетъ изъ нихъ — ручаться нельзя, а сѣмена брошены хорошія!

Утромъ въ шесть часовъ всѣ отправились въ церковь; вышелъ же изъ нея о. Николай лишь около половины второго. Служилъ онъ заурядно; послѣ евангелія говорилъ по своему обычаю проповѣдь, она мнѣ не понравилась — яркаго, и вдохновеннаго въ ней ничего не было.

Всенощную у нихъ въ деревнѣ служатъ рѣдко, а начинаютъ съ утрени, отчего такъ длительны и получаются пребыванія въ церкви. По окончаніи обѣдни нѣсколько крестьянъ заказали молебенъ, потомъ были двѣ свадьбы. Я постоялъ немного, посмотрѣлъ на невзрачныхъ, одѣтыхъ по городски молодыхъ и вышелъ на свѣжій воздухъ.

Новая церковь стоитъ на самомъ высокомъ мѣстѣ села; рядомъ съ нею выстроена каменная школа. Девять лѣтъ тому назадъ, когда рыли яму для фундамента, наткнулись на громадное количество человѣческихъ костей и череповъ; выкапываютъ ихъ то и дѣло и въ огородѣ школы при работахъ.

Дьяконъ, о. Петровъ, живущій при школѣ, и его жена говорили, что въ подвалѣ у нихъ было найдено множество дѣтскихъ костей и череповъ; попадаются онѣ и до сихъ поръ при каждомъ ударѣ лопаты и заступа. Фактъ этотъ нѣсколько странный: если дѣдушка Грознаго вздулъ въ тѣхъ краяхъ новгородцевъ и на мѣстѣ теперешней школы находилась братская могила, то при чемъ же тутъ дѣтскіе трупы? Не отъ заразы ли какой умерли всѣ погребенные тамъ?

Дьяконъ зазвалъ меня къ себѣ пить кофе; квартира у него изъ трехъ комнатъ и, по сравненію съ каморкой священника, обставлена роскошно.

Дьяконъ — высокій красивый шатенъ съ пріятнымъ лицомъ, словно выглядывающимъ изъ стариннаго парика съ локонами и буклями; онъ завѣдываетъ церковно-приходской школой и начальствомъ своимъ не нахвалился. Зашелъ къ намъ и о. Николай; разговоры наши его видимо не интересовали, видъ у него былъ усталаго, чуждаго и безконечно далекаго отъ насъ человѣка.

Въ общинѣ насъ ждали съ обѣдомъ; мы распростились съ гостепріимными хозяевами и отправились къ себѣ. Дома о. Николай преобразился — ожилъ, говорилъ, улыбался. За общимъ столомъ были кромѣ меня еще нѣсколько гостей-крестьянъ; дѣломъ о. Николая интересуются многіе и ѣздятъ къ нему даже изъ другихъ уѣздовъ.

Послѣ обѣда мы прошли осмотрѣть древнюю церковь; ограда вокругъ нея была занесена сугробами и входъ въ ворота пришлось прокапывать.

Послѣ осмотра церкви и древностей, мы прошлись по селу. Навстрѣчу намъ попалось нѣсколько барышень въ бархатныхъ шубкахъ, съ муфтами и въ шляпахъ.

Я освѣдомился, кто онѣ такія.

— А это наши, крестьянки!.. — отвѣтилъ о. Николай.

— Богато живутъ стало быть здѣсь? Ишь, и избы то какія славныя! — сказалъ я.

О. Николай махнулъ рукою.

— Какое! Бѣдность большая. Такъ, другъ за дружкой всѣ тянутся; ѣсть нечего, а шубку бархатную сошьютъ! Тоже и избы — въ долгу вѣдь всѣ!

Ни на одной изъ женщинъ, видѣнныхъ мною въ церкви и на улицѣ, не было деревенскихъ платьевъ; исчезла красивая сказка — старина . . . Осталась отъ нея только древняя церковь, да и та, вѣроятно, скоро завалится отъ течи во всѣхъ мѣстахъ!

Забылъ упомянуть, что новую церковь выстроилъ о. Николай; старая черезчуръ тѣсна, и онъ ѣздилъ по Россіи и набралъ на нее семьдесятъ тысячъ рублей.

Въ шесть часовъ вечера запрягли въ сани пару лошадей и мы поѣхали съ о. Николаемъ въ Шимскъ. Провожать насъ высыпала вся община; кто усаживалъ, кто подтыкалъ мѣховое одѣяло.

— Пріѣзжайте къ намъ лѣтомъ рыбку ловить! — звали со всѣхъ сторонъ. Я пожалъ еще разъ всѣмъ заскорузлыя руки и коньки бойко понесли насъ по дорогѣ.

Передъ отъѣздомъ, за чаемъ я сказалъ о. Николаю, что я чиновникъ для порученій при губернаторѣ, и что онъ, зная, что я собирался въ Шимскъ для покупки старинныхъ вещей, просилъ меня побывать и въ Велебицахъ.

— Очень радъ, очень радъ! — нѣсколько разъ повторилъ о. Николай. — Увидите его, кланяйтесь отъ меня! Буду въ Новгородѣ и самъ побываю у него, да боюсь, не стѣсню ли: онъ занятой человѣкъ!

Висѣла морозная мгла, почти туманъ. Мы спустились къ рѣкѣ и понеслись по широкой равнинѣ ея. «Братъ» Яковъ Марковичъ, сидѣвшій на козлахъ, нѣсколько разъ сбивался съ дороги; не видали ея и мы, и только низко нагнувшись, можно было различать слѣды пути. Два раза мы уткнулись въ кручу берега и только наугадъ отыскали дорогу.

Иногда среди тишины то гдѣ-то вблизи, почти рядомъ съ нами, то гдѣ-то вдали раздавался глухой выстрѣлъ: трескался ледъ на рѣкѣ. Было что то жуткое

и величавое въ этихъ звукахъ, невѣдомо откуда шедшихъ изъ безмолвнаго пространства вокругъ насъ.

Стало проясниваться; на обрывахъ береговъ засвѣтились многочисленные огоньки деревни; Яковъ Марковичъ выбрался на лѣвый берегъ и скоро мы подкатили къ маленькому домику — станціи. Буфетная комната, она же зала I и II класса была темна и пуста, освѣщала ее только лампадка передъ образомъ.

Я поцѣловался съ о. Николаемъ, поблагодарилъ его за гостепріимство и настоялъ, чтобы онъ уѣзжалъ и не томился со мной на вокзалѣ: до отхода поѣзда оставалось еще цѣлыхъ два часа.

Проводивъ его, я, несмотря на 22° мороза, долго стоялъ на крыльцѣ и смотрѣлъ ему вслѣдъ. Всходила луна и ночь превратилась въ прозрачную и ясную. Есть особая волшебная красота въ нашихъ зимнихъ ночахъ! Есть у насъ и люди, не головой, а цѣлой саженью превышающіе насъ всѣхъ. Не однѣ только мерзости гнѣздятся на Руси! Эти люди дѣлаютъ настоящее великое дѣло, а мы всячески пакостимъ имъ, суемъ пакли въ колеса!

— Нѣсть пророка въ отечествѣ его!

Января 24. Докладывалъ губернатору о результатѣ своей поѣздки. Въ канцеляріи имѣется дѣло объ Опоцкомъ фунтовъ въ десять вѣсомъ: тутъ и мерзостныя статьи про него новгородскаго француза «се moi» — Спасскаго (псевдонимъ его), и всякія дознанія объ Опоцкомъ. Я свой письменный докладъ заключилъ словами, что начинаніе Опоцкаго слѣдуетъ признать не только важнымъ, но и полезнымъ и заслуживающимъ всяческаго поощренія.

Докладывалъ я губернатору въ его кабинетѣ за утреннимъ чаемъ въ присутствіи Воронцова; подробно разсказывалъ о поѣздкѣ и обо всемъ видѣнномъ. Лопухинъ благодарилъ меня и видимо заинтересовался моимъ сообщеніемъ, но когда вышелъ Владиміръ Ивановичъ, онъ вдругъ обратился ко мнѣ и въ очень мяг-

кой формѣ сказалъ, что онъ недоволенъ тѣмъ, что я его порученіе выполнилъ не такъ, какъ слѣдовало.

Я широко открылъ глаза, но губернаторъ не далъ мнѣ заговорить.

— Я понимаю, что вы поѣхали туда въ качествѣ частнаго лица для того, чтобы больше собрать свѣдѣній! Но мнѣ это не нравится! Вы *мой* чиновникъ для порученій, *мой* представитель и у васъ должна была быть соотвѣтственная обстановка. Конечно, свѣдѣнія, которыя вы получили бы, явившись туда въ качествѣ оффиціальнаго лица, были бы не такъ полны и, можетъ быть, не такъ вѣрны, но — что же дѣлать? Иныхъ дѣйствій я не признаю. Пожалуйста не возражайте, — добавилъ онъ, улыбаясь: — таково мое убѣжденіе и никакіе доводы его не поколеблютъ!

Января 25. Не признаетъ Лопухинъ ни города, ни горожанъ — и кончено: 22 января популярный мѣстный Соединенный Клубъ, посѣщаемый рѣшительно всѣми, праздновалъ свой полувѣковой юбилей. Было устроено торжество, на которое, разумѣется, пригласили и почетнаго предсѣдателя клуба — губернатора. Но онъ не только не явился, но даже и не извѣстилъ по телефону, что не пріѣдетъ. То же онъ продѣлалъ съ публикой и на Рождествѣ, въ день назначеннаго въ клубѣ взаимнаго визита. Разумѣется, негодованіе противъ него было сильнѣйшее: оба раза прождали его по два часа.

Башиловъ прислалъ длинную поздравительную телеграмму; въ честь его кричали ура и трижды гремѣлъ тушъ оркестра. Въ честь же Лопухина произносились только ругательства.

На-дняхъ вышелъ курьезъ съ избранникомъ Лопухина. Въ управѣ умеръ одинъ изъ членовъ и на его мѣсто дважды избирали кандидатовъ, но губернаторъ не утвердилъ ихъ, и по его представленію министръ назначилъ нѣкоего Шабина. Это мѣстный богатый портной, малограмотный господинъ, находящійся въ дружбѣ съ полиціймейстеромъ.

Полиціймейстеръ первое лицо у губернатора и, какъ говорятъ, онъ и рекомендовалъ Шабина. Франтъ этотъ пытался и раньше попасть въ управу, но его съ шикомъ прокатили на вороныхъ.

Разумѣется, назначеніе Шабина произвело въ городѣ сенсацію. Въ управѣ ему учинили форменный бойкотъ; когда онъ садился въ присутствіи за столъ, всѣ вставали и переходили на другія мѣста; руку, само собой разумѣется, ему тоже никто не подавалъ. Но Шабинъ — человѣкъ упрямый; онъ самъ заложилъ обѣ руки свои въ карманы и продолжалъ являться и дѣлать свое дѣло. Тогда городской голова, А. А. Соловьевъ, и членъ управы Р.* подали въ отставку.

И Соловьева, и Р.* губернаторъ не терпитъ; перваго онъ величаетъ «этотъ опившійся пузырь», а второго «Альфонсъ на законномъ основаніи».

Соловьевъ — довольно симпатичный толстякъ и слѣдовъ опоя никакихъ не имѣетъ; губернатору не нравится, что во главѣ города стоитъ «банщикъ, трактирщикъ и содержатель гостиницъ не безъ дѣвицъ». Все это Соловьевъ имѣетъ и его заведенія — лучшія въ городѣ.

Р.* — вчерашній учитель, женившійся на «капиталѣ», на мѣстной купчихѣ, и только поэтому сдѣлавшійся здѣсь, какъ говорятъ, «человѣкомъ».

На дняхъ происходило какое то засѣданіе въ Думѣ и тамъ, очевидно насмѣхъ, протоколъ этого засѣданія поручили вести Шабину. Публики собралось множество.

Между прочимъ, рѣшено было выразить благодарность иниціатору одного дѣла, мѣстному адвокату Шумейко.

Шабинъ сталъ потомъ читать протоколъ: «выразить благодарность ассенизатору дѣла г. Шумейкѣ» . . .

Такой взрывъ смѣха привѣтствовалъ эти слова, что едва не развалились стѣны! Утѣшилъ Шабинъ — не понимавшій, въ чемъ дѣло — и еще какимъ то словечкомъ, какимъ именно — къ сожалѣнію забылъ!

Теперь онъ временно, но все же стоитъ во главѣ города.

Бѣдный Великій Новгородъ!.. Когда то все было у него: и богатство, и Гостомыслы, и Ярославы, а теперь въ немъ велико только одно — оскудѣніе!

Февраль 7. Жаловался на меня губернатору Спасскій. Безелаберный Нилъ Ивановичъ напечаталъ анонимную статейку Спасскаго и угодилъ подъ судъ. Спасскій на судѣ вопреки своему обѣщанію не только не подтвердилъ содержанія ея, но даже отказался отъ авторства; картинка вырисовывалась для господина дѣйствительнаго статскаго совѣтника преотвратительная и я, памятуя и гоненія Опоцкаго, отщелкалъ его въ «Листкѣ» по обѣимъ щекамъ.

Статья произвела фуроръ. Спасскій бросился къ Лопухину за защитой и Викторъ Александровичъ сегодня, между прочимъ, обронилъ въ разговорѣ со мной: «охота вамъ было эту мразь трогать?»

Февраля 16. Цѣлую недѣлю провелъ въ Петербургѣ. Уѣхалъ сейчасъ же послѣ засѣданія нашего Статистическаго Комитета, во время котораго губернатору принесли телеграмму изъ Бологова, извѣщавшую о смерти бывшаго редактора «Образованія» Д. А. Карышева. Вдова просила разрѣшенія вскрыть, согласно завѣщанію покойнаго, его голову.

— Если бы онъ и живой пожелалъ взрѣзать себѣ голову, я бы ничего не могъ имѣть противъ, а до мертваго мнѣ и совсѣмъ никакого дѣла нѣтъ! — отвѣтилъ Лопухинъ, отдавая телеграмму Владиміру Ивановичу; послѣдній — длинный и тощій — съ почтительнымъ видомъ стоялъ позади него.

Умеръ Карышевъ внезапно, отъ удара.

Въ Петербургѣ побывалъ у Богушевскихъ живутъ попрежнему въ томъ же домѣ № 47 по Лиговской улицѣ. Васенька былъ въ отъѣздѣ и меня встрѣтилъ Левушка, встрѣтилъ радостно, съ ревомъ и выкриками. Выбѣжала и старушка мать ихъ — милѣйшая Прас-

ковья Александровна, въ сильно увеличивающихъ глаза очки.

— Сколько разъ вспоминали васъ ! ! ! — въ перебой говорили оба.

— Мы опять пустили журналъ ! Некому статей писать объ искусствѣ; какъ вы ихъ жарили ! Небось, отъ вашихъ статей художники раза три черезъ голову перевертывались со злости ! — и т. д., и т. д. И Левушка шлепалъ меня по плечу, трясъ руку и заливался смѣхомъ.

— Такъ, видно, Богу угодно! — шептала мнѣ съ другой стороны старушка: — разъ начали они вести журналъ, значитъ такъ нужно, свыше такъ предуказано!

Сейчасъ же снабдили меня новымъ № «Міра». Съ грустью пересмотрѣлъ я его. Ничему не научило Васеньку съ Левушкой время ! .. Какъ былъ «Міръ» диллетантскимъ ублюдкомъ, такимъ и остался! Тамъ и сухія научныя статьи, (приложенія), которыхъ ученые въ «Мірѣ» искать не будутъ, а публика, для которой предназначенъ журналъ, не только не перелистаетъ ихъ, а просто выругается, между тѣмъ àтласъ рисунковъ къ этой сухой и притомъ переводной матеріи напечатанъ на великолѣпной мѣловой бумагѣ и одна бумага стоила 1 400 р. Никакой системы, никакого подбора ни въ беллетристикѣ, ни въ многочисленныхъ статьяхъ; прежняя окрошка! Только вдвое толще сталъ журналъ — вотъ и вся разница.

— Что, хорошъ номерокъ, каковъ, а? — радостно ржалъ и вопрошалъ Левушка, пока я перелистывалъ страницы.

Что было отвѣчать? Когда то я спорилъ съ нимъ, доказывая всю нелѣпость такого веденія журнала, главное — всю ненужность его — и безполезно. Совѣтовать людямъ вообще напрасный трудъ ! ..

— По виду хорошъ! — отвѣтилъ я: — а что внутри, пока еще не знаю!

Посидѣлъ съ Левушкой, побесѣдовалъ. Басня о музыкантахъ Крыловымъ написана очевидно въ пред-

видѣніи Богушевскихъ: возрождая «Міръ», они контору журнала перемѣстили въ бывшій кабинетъ Васеньки, а контору превратили въ кабинетъ... въ этомъ и всѣ реформы, предпринятыя ими въ журналѣ!

А урокъ былъ жестокій! Прогорѣли они такъ, что прекратили всѣ платежи, продали почти на вѣсъ весь складъ, описывали у нихъ и имущество въ квартирѣ... Теперь опять откуда то подошли къ нимъ деньги и они возродились духомъ и, къ сожалѣнію, журналомъ. Васенька сидитъ въ своей полтавской житницѣ и дымомъ пускаетъ деньги изъ нея въ трубу, названную ими почему то «Міромъ».

Левушка повѣдалъ мнѣ, что мой разсказъ о голубяхъ перепечатанъ изъ Историческаго Вѣстника нѣсколькими газетами. Очень все это его тѣшило и радовало. Просилъ непремѣнно писать и присылать имъ.

Простился я съ этимъ веселымъ самоубійцей и на Лиговкѣ встрѣтился съ Н. О. Пружанскимъ.

Знаю его почти двѣнадцать лѣтъ и столько же времени помню на головѣ его шапку изъ барашка рыже-шеколаднаго цвѣта и одно и то же потертое пальто на плечахъ. Все это красовалось на немъ и теперь, въ прежнемъ порядкѣ были и прочія части костюма: обтрепанные внизу штаны и очень нуждавшіеся въ ваксѣ сапоги, выглядывавшіе изъ калошъ, порядочно изжеванныхъ временемъ.

Увидавъ меня, Пружанскій обрадовался. Лицомъ онъ не измѣнился, развѣ только сѣдина совсѣмъ одолѣла когда то черные кудри его.

— Нѣтъ работы! — жаловался онъ: — какъ прежде на сцену, такъ теперь въ литературу всякая шваль малограмотная лѣзетъ. Нѣтъ издателей: есть или кулаки-купцы, либо дураки!

Зашелъ я къ нему. Живетъ онъ на Лиговкѣ на третьемъ дворѣ и, конечно, подъ облаками; лѣстница темная, вонючая. Раза два наступилъ на кошачьи хвосты; эти проклятые твари собираются на ней, ка-

жется, со всей Лиговки и развели такую парфюмерію, что вышибало слезы изъ глазъ.

Давно я не видѣлъ такого убожества, какое открылось въ сумрачныхъ каморкахъ Пружанскаго! Какъ никакъ, а человѣкъ онъ съ искрой Божіей, за его спиной стоитъ рядъ книгъ, отмѣченныхъ наблюдательностью, юморомъ и во всякомъ случаѣ головой превышающихъ творенія многихъ. Но тѣ кучкисты, удачники, а онъ одиноко стоящая фигура изъ тѣхъ писателей стараго типа, что не успѣли и не съумѣли во время примкнуть къ какому либо кружку.

На старомъ обѣденномъ столѣ лежали разложенныя Пружанскимъ начатые листы романа; почеркъ у него такой, что я освѣдомился, на какомъ языкѣ онъ пишетъ. Пошутилъ, а самому при видѣ дрожащихъ рогулекъ вмѣсто буквъ и строкъ, дугами изогнувшихся книзу, — сдѣлалось грустно...

На грошевыхъ и грязныхъ обояхъ стѣнъ были прибиты и наколоты картинки, вырѣзанныя изъ приложеній къ газетамъ; противъ меня стоялъ жалкій полуразвалившійся буфетъ съ отодранной и висѣвшей въ видѣ ижицы на одной петлѣ дверцой; справа чернѣлъ такой же комодъ. Изъ нижняго ящика, выдвинутаго до половины, выглядывала такая рвань, такое тряпье, что съ трудомъ можно было угадать въ ней бѣлье.

Побесѣдовали мы съ нимъ о Мондвидѣ, о Богушевскихъ, и о разныхъ разностяхъ.

Смерть Монтвида подвела многихъ; поплатились и нѣкоторые бѣдняки-писатели-пролетаріи, вродѣ Ив. Ив. Игнатьева, которому приходится платить теперь по своимъ «дружескимъ» векселямъ 1 700 р.

Отъ Пружанскаго зашелъ къ Пашу. Это маленькая винница, помѣщающаяся на Невскомъ пр., кажется, въ домѣ № 51. Тамъ всегда собираются кружки завсегдатаевъ «Пашутистовъ», среди которыхъ у меня много пріятелей. Эта винница свела и перезнакомила между собой самыхъ разнообразныхъ людей; одно время постоянно засѣдала въ ней въ полномъ составѣ редакція «Сатирикона»; въ числѣ неизмѣнныхъ пашути-

стовъ состоятъ братья Геккеры, изъ которыхъ старшій Өедоръ Карловичъ — талантливый художникъ, получавшій преміи на выставкахъ; псевдонимъ его — Ф. К. Плетневъ; В. И. Вердеревскій — длинный худощавый человѣкъ съ жеребячьимъ гласомъ и такимъ же ржаніемъ — композиторъ; литераторъ на всѣ руки и большой человѣкъ на малыя дѣла — Евгеній Сно; похожій на баночнаго чортика «мериканскаго жителя» съ вербы, вертлявый, бритый М. И. Шейнинъ — издатель и бывшій совладѣлецъ склада и фирмы «Всходы»; есть и актеры, и крупные чиновники, и члены Государственной Думы и т. д.

«Пашутисты» засѣдали въ отдѣльномъ кабинетикѣ, отдѣленномъ отъ довольно большой и полутемной комнаты зелеными портьерами. Я раздвинулъ ихъ и меня привѣтствовалъ всеобщій радостный вой. На длинномъ столѣ, покрытомъ бѣлыми приборами, возвышались четыре четверти съ краснымъ и бѣлымъ виномъ.

— На поминки, братъ, попалъ! — заявилъ мнѣ Ѳ. К. Геккеръ, когда я поздоровался со всѣми и утихли вопросы, зачѣмъ и когда я явился въ Питеръ. — Мокія Леонтьевича похоронили сейчасъ!

Мокія Леонтьевичъ служилъ инспекторомъ въ городскомъ четырехкласномъ училищѣ, что на Суворовскомъ проспектѣ, и дважды въ день съ точностью хронометра появлялся у Пашу. Ходилъ онъ въ котелкѣ, въ неизмѣнномъ сѣромъ пальто; высокій, худой, съ сѣдыми усами и бритымъ лицомъ, онъ казался ежомъ, но человѣкъ былъ добрый и отзывчивый. Въ одинъ прекрасный день его у Пашу не оказалось, на другой день тоже. Пашутисты встревожились, послали навести справки и оказалось, что Мокій Леонтьевичъ приказалъ долго жить.

Всѣ in corpore, во главѣ съ самимъ Жозефомъ Пашу, румянымъ черноглазымъ толстякомъ, явились на его похороны и проводили его до могилы.

Пашу тоже большой любитель выпить и раза дватри въ годъ устраиваетъ въ своемъ кабачкѣ для посто-

янныхъ посѣтителей нѣчто вродѣ званнаго обѣда или ужина, конечно, съ обильнѣйшимъ возліяніемъ. Вмѣстѣ съ ними же онъ производитъ «пробы» вновь получаемыхъ партій винъ; нечего и говорить, что послѣ этихъ «пробъ» г.г. пашутисты едва добираются до извозчиковъ. Выдаетъ Пашу себя за француза и говоритъ по французски хорошо, но я подозрѣваю въ немъ караима: нѣсколько разъ онъ проговаривался при мнѣ о своихъ родственникахъ, живущихъ въ Крыму и несомнѣнныхъ караимахъ.

Вино у Пашу дешевое — квасокъ, начиная отъ 40 коп. за бутылку. И именно сорокакопѣечное вино поглощается у него въ безмѣрномъ количествѣ.

Остановился я у Дм. Мих. Бодиско; тамъ же гостила пріѣхавшая изъ имѣнія жена его брата Мих. Мих. Разговорились съ нею о Тулѣ, о Лопухиныхъ, гдѣ онъ былъ вице-губернаторомъ, и она подтвердила неблагопріятные слухи, которые ходятъ у насъ по Новгороду на счетъ его. Оказывается, жена его и въ Тулѣ брала вездѣ въ долгъ и никому не платила; ненавидѣли ее тамъ всѣ такъ же, какъ и въ Новгородѣ. Лопухинъ же былъ очень скроменъ и расцвѣлъ махровымъ генераломъ только уже въ Перми на губернаторствѣ.

Въ Новгородѣ новаго за мое отсутствіе ничего не произошло; въ понедѣльникъ у Куроѣдовыхъ были религіозно-нравственныя бесѣды, ведшіяся епископомъ Андроникомъ. Тощища царила невѣроятная. Куроѣдова — очень недалекая дама, съ апломбомъ разыгрывающая изъ себя аристократку, ничтоже сумняся заявила, что такія бесѣды очень приняты теперь въ аристократическихъ кругахъ...

Публики собралось у нихъ много; преобладали все дамы. Андроникъ предложилъ, по своему обычаю, «передъ началомъ хорошаго дѣла спѣть молитву»; затянули кто въ лѣсъ, кто по дрова. Эти развлеченія Куроѣдова собирается повторять у себя по понедѣльникамъ; я, конечно, туда не ѣздокъ.

Наши чинуши собираются говѣть; Лопухинъ чрезвычайно религіозенъ и куда бы ни ѣхалъ — всюду везетъ съ собой икону-складень и ставитъ ее на столикѣ, что еще болѣе подливаетъ жару въ говѣльный пылъ многихъ; увѣряютъ, что тѣмъ, кто не выполнитъ этого, Лопухинъ не задумается предложить въ отставку.

Я давно уже, шутя, пустилъ слухъ, будто бы я лютеранинъ, и теперь всѣ увѣрены въ этомъ и когда я начинаю трунить надъ туземной религіозностью, на меня машутъ руками и говорятъ: «да вѣдь вы нехристь, что съ васъ взять!»

Февраля 17. Лопухинъ, поѣхавшій въ Питеръ на совѣщаніе по вызову министра, заболѣлъ воспаленіемъ легкихъ.

Февраля 20. Сегодня видѣлъ человѣка временъ Александра I.

Третьято дня были мы съ женой у д-ра Георгіевскаго и онъ разсказалъ, что его вызвали въ Звѣринъ монастырь къ схимонахинѣ, которой *сто лѣтъ.* У старушки случилось что то съ ногой; другая старуха-монахиня стала снимать съ нея чулокъ, чтобы показать ногу доктору, и чѣмъ то неугодила старицѣ.

— Пашка, стерва ты эдакая, тише надо! Дура, сукина дочь! — дробью посыпалось изъ ея ввалившагося рта къ крайнему изумленію доктора.

— Я полагалъ, что схимница — это что то такое вполнѣ отрѣшившееся отъ міра, потустороннее; въ кельѣ у нея гробъ стоитъ — и вдругъ такія слова! Я ошалѣлъ даже! — разсказывалъ докторъ. — Знакома была съ императоромъ Николаемъ I, нѣсколько разъ ѣздила въ Іерусалимъ, устраивала тамъ церковь, преинтереснѣйшій типъ!

Георгіевскій предлагалъ мнѣ оказать протекцію въ смыслѣ доступа къ ней, но я обошелся безъ его помощи.

Звѣринъ монастырь стоитъ на бугрѣ, съ котораго открывается видъ на излучину Волхова, Антоніевъ мо-

настырь и высокій берегъ Колмова — того Колмова, гдѣ находился душевно-больной Г. И. Успенскій... Это мѣсто — одно изъ древнѣйшихъ поселеній человѣка въ этихъ краяхъ: тамъ подъ слоемъ жилого перегноя, на глубинѣ семи и болѣе саженъ, лежатъ останки людей каменнаго вѣка и предметы обихода ихъ.

Интересенъ и Звѣринъ монастырь: на мѣстѣ его древніе новгородцы, въ тѣ времена, когда Европа еще не знала зоологическихъ садовъ, устроили первый звѣринецъ; позднѣе тамъ былъ княжій охотничій дворъ, а затѣмъ возникъ монастырь. Въ глубинѣ двора до сихъ поръ уцѣлѣла древняя церковь; вокругъ нея небольшое современное кладбище, за которымъ тянутся деревянные дома келій и службъ. Во время мора, истребившаго въ XIV вѣкѣ огромнѣйшее число новгородцевъ, тамъ, гдѣ стоитъ церковь, зіяла гигантская яма, къ которой приходили умирать заболѣвшіе, и въ которую свозили изъ города мертвыхъ.

Монахини сообщили мнѣ, что когда приходится теперь рыть могилы для новыхъ гостей — онѣ устраиваются въ сплошной толщѣ костей: весь холмъ полонъ мертвыми.

Въ монастырь я пошелъ съ женой и дочерью. Схимница приняла насъ не сразу и пришлось минутъ пять погулять по двору, пока угомонится возня, поднятая въ ея кельѣ. Наконецъ, спустилась молодая келейница и заявила, что «матушка проситъ пожаловать». Мы поднялись по скрипучей деревянной лѣстницѣ во второй этажъ, раздѣлись въ узенькой прихожей и вошли въ довольно большую свѣтлую комнату; около оконъ стояли фикусы и другіе цвѣты, уголъ занималъ большой кіотъ съ образами, около него помѣщались двѣ магазинныя витрины съ какими то листками и книжками. Все это я увидалъ уже послѣ, а первое, что бросилось въ глаза, была фигура самой хозяйки, сидѣвшей справа у стѣны на диванѣ.

На ней былъ надѣтъ полный уборъ схимницы — черная мантія, вышитая бѣлыми крестами, черепами и словами молитвъ; голову ея закрывалъ такъ же рас-

шитый черный шлыкъ и изъ него выглядывало небольшое сморщенное и блѣдное лицо съ ввалившимися глазами. Есть что то жуткое въ этомъ смертномъ уборѣ.

Первой подошла къ старушкѣ жена.

— Во имя Отца и Сына и Святого Духа! — отчетливо проговорила схимница, крестя ее и сильно при этомъ нажимая пальцами.

Благословивъ, она поцѣловалась съ нею и съ Вѣрой; мнѣ же подставила шлыкъ и, нагнувъ голову, сказала: «цѣлуй сюда!»

Мы усѣлись около нея. Я съ интересомъ глядѣлъ на полузакрытое шлыкомъ лицо человѣка, родившагося въ тысяча восемьсотъ шестомъ году — лицо прабабушки, всѣ сверстницы которой давно уже спятъ по могиламъ! Въ мірѣ звали ее Ксеніей Булатовой; 70 лѣтъ тому назадъ она превратилась въ мать Анну, а по великомъ постригѣ — въ мать Анисью. Вѣроятно, она была блондинкой — сужу по цвѣту бровей и отдѣльныхъ волосъ, выбивавшихся на подбородкѣ ея; небольшіе, глубоко ушедшія въ орбиты глаза ея стали совершенно безцвѣтными.

Старушка оказалась говорливой и притомъ чрезвычайно тугой на ухо; все давно минувшее помнила отлично. Какъ всѣ глухіе, говорила очень громко, вѣрнѣе кричала, и голосъ у нея напряженный и не изъ мягкихъ. Многія слова выговаривала такъ, какъ говорили баре при Александрѣ I и какъ теперь говоритъ только простонародье.

Послѣ обычныхъ вопросовъ, кто мы и зачѣмъ пріѣхали въ Новгородъ, она вдругъ обратилась ко мнѣ и заявила: «слышалъ, антихристъ уже народился? Конецъ свѣту скоро, молиться надо!» А затѣмъ отвлеклась отъ этой мысли и безъ умолку принялась разсказывать.

Она была замужемъ за довольно важнымъ военнымъ Булатовымъ. Въ молодыхъ годахъ ей вздумалось побывать въ Іерусалимѣ и замыселъ свой, несмотря на отсутствіе въ тѣ времена желѣзныхъ дорогъ и

пароходовъ, привела въ исполненіе. Для женщины дѣло это во всякомъ случаѣ незаурядное!

Въ Іерусалимѣ ее встрѣтила мерзость запустѣнія. Прожила она тамъ годъ и вернулась въ Петергофъ. Знакомыя фрейлины устроили ей свиданіе съ Николаемъ I и грозный императоръ произвелъ на нее самое обаятельное впечатлѣніе: послѣ него, по ея мнѣнію, у насъ не было царей. Разсказы ея о святой землѣ такъ подѣйствовали на него, что онъ приказалъ построить тамъ православную миссію и церковь. Съ государемъ и великими князьями она видѣлась неоднократно и послѣдніе учредили вмѣстѣ съ нею Палестинское общество.

Любопытно узнать, числится ли эта старушка въ ряду основателей его, или забыта?

Въ Палестину она ѣздила еще нѣсколько разъ, устраивала тамъ храмъ, отвозила лампады и др. вещи, пріобрѣтенныя ею на пожертвованія разныхъ лицъ. Изъ Іерусалима она привезла образъ Божіей Матери, копію съ какого-то чудотворнаго.

Въ Крымскую кампанію она находилась въ Ревелѣ и видѣла, какъ англійскіе корабли близко подошли къ берегу и сдѣлали нѣсколько выстрѣловъ. Жители Ревеля обратились къ ней съ просьбой дать имъ икону, она дала и икону торжественно вынесли на берегъ и «воздвигли» передъ непріятелемъ.

— Воздвигли разъ, воздвигли два, а какъ подняли ее въ третій разъ — такъ всѣ англичане и ослѣпли! — съ искреннимъ убѣжденіемъ разсказывала старушка. — Туманъ потомъ сдѣлался густой, густой, они и ушли, ничего не сдѣлавъ!

Посидѣли мы немного и стали прощаться; старушка благословила насъ тѣмъ же порядкомъ и подарила на память бумажку съ лубочнымъ образомъ на ней, аѳонско-московскаго производства.

Уходя, я заглянулъ въ сосѣднюю горенку; ихъ было еще двѣ; въ первой стоялъ открытый гробъ, но старушка не спитъ въ немъ — не можетъ изъ него выбираться. Вообще, какъ разсказывали намъ двѣ монаш-

ки, прислуживающія ей — одна уже пожилая, другая послушница — сонъ у нея плохой, короткая дрема — и только.

Въ монастырѣ она около 70 лѣтъ. Страшно подумать объ этой вереницѣ годовъ, убитыхъ такъ безпощадно-нелѣпо!.. Семьдесятъ лѣтъ молиться! Оттого, вѣроятно, такъ много бѣдъ и несчастій на свѣтѣ, что люди черезчуръ надоѣдаютъ Богу молитвами! Пристань разъ, пристань, если уже такъ приспичило — два, но не до безчувствія! Только и слышно Ему на небеси — «подай-а-ай, Господи!» Отецъ Онъ тамъ или не отецъ людямъ, а только если бы у каждаго изъ насъ денно и нощно орали бы во всѣхъ углахъ квартиры — «пода-а-а-й папенька» — то-то бы Батыевщина пошла!

Старушка эта — единственная схимонахиня на весь Новгородъ. Ее здѣсь не любятъ за сварливость и бранчивость; говорятъ, не безъ ужаса, что она ругается даже въ алтарѣ, стоя у престола. Новгородскія старожилки — три сестры Вартминскія, разсказывали, что она и схиму приняла «на зло» игуменьѣ. Дѣло въ томъ, что старушка разсчитывала занять этотъ постъ, но вмѣсто нея назначили другую. Александровскія барыни — народъ горячій; разумѣется, она раскипятилась и заявила: «а я все-жъ таки старше хамки буду!— взяла и приняла схиму.

Я на этотъ забытый Богомъ осколокъ старины смотрю иными глазами. Ее надо мѣрить аршиномъ Александровскихъ временъ, а не нашимъ. Тогда міръ раздѣлялся на холоповъ и баръ и дать пару плюхъ горничной, идя къ причастію, почиталось обычнымъ дѣломъ. Брань шла не въ счетъ совершенно. И я даже радуюсь, что она не измѣнилась съ годами, и что мнѣ удалось повидать такой антикъ — живую и настоящую барыню начала XIX вѣка!

Февраля 22. Нынѣшній годъ не только високосный, но и оригинальный по своей ранней веснѣ и по совпаденію перваго дня Пасхи съ Благовѣщеніемъ.

Среди простонародья ходятъ толки о концѣ свѣта и о нарожденіи антихриста; передаютъ, будто бы гдѣ то вблизи города родился зубастый ребенокъ, и когда его принесли крестить, то попъ удивился и сказалъ: «вотъ такъ чудо!» А ребенокъ повернулъ къ нему лицо и отвѣтилъ: «это еще не чудо, чудо ждите на дняхъ!» И умеръ.

Какой у насъ къ чорту XX вѣкъ ? ! На бумагѣ только онъ пришелъ, а на дѣлѣ мы и восемнадцатаго не изжили!

Марта 1. Сегодня утромъ умеръ престарѣлый, жившій здѣсь на покоѣ, бывшій новгородскій архіепископъ Гурій. Узналъ это идя къ себѣ въ Музей отъ нищенокъ, ругавшихъ его на мосту за то, что имъ не пришлось ничего на поминъ души его. Спустя полчаса протяжно загудѣлъ большой колоколъ на Софійской звонницѣ.

Смерть его ожидали давно; старикъ уже совсѣмъ впалъ въ дѣтство и даже не узнавалъ никого. Разсказываютъ, что Арсеній передъ отъѣздомъ въ Петербургъ зашелъ проститься съ нимъ, и старикъ принялъ его за простого попа.

— Трудно вамъ съ новымъ владыкой, — сказалъ онъ, — знаю, что трудно! Строгъ онъ! Терпите, что дѣлать ! . .

Помѣщался онъ въ заднихъ двухъ комнатахъ, очень грязныхъ и неуютныхъ, съ рваными обоями; ухода за старикомъ почти не было.

Марта 2. Въ полдень происходилъ выносъ тѣла Гурія въ церковь, что рядомъ съ соборомъ. Народа набралось довольно много; я прошелъ сперва въ соборъ и осмотрѣлъ заготовленную тамъ могилу для Гурія. Въ Іоанновскомъ придѣлѣ, справа отъ входа разобраны у стѣны плиты пола, въ темный склепъ ведутъ каменныя ступени. Я спустился внизъ. Склепъ малъ и низокъ. У стѣны вытянутъ въ линію длинный широкій желобъ изъ бетона, разрѣзанный бетонными же пере-

городками — раздѣлами для гробовъ. Стѣнки и перегородки не выше аршина. Въ такія ячейки ставятъ гроба, накрываютъ ихъ сверху каменными плитами и замуровываютъ.

У сѣверной стороны и у южной такіе же желобы были задѣланы наглухо, но надписей нигдѣ надъ ними не имѣлось. Ячейки у восточной стороны — кажется ихъ штукъ пять или шесть, еще всѣ пусты и Гурію уготована первая справа.

Выносъ особаго интереса не представлялъ. Впереди несли темную дубовую крышку гроба, за ней слѣдовалъ крестный ходъ, пѣвчіе и, наконецъ, показался гробъ. За нимъ выступалъ Андроникъ — Арсенія не было.

Гурій лежалъ въ лиловой мантіи, лицо закрывала пелена, на головѣ была надѣта какая то дешевенькая митра. Роста онъ видимо былъ средняго; очень непріятный видъ имѣли его руки — желтыя и какъ бы налитыя чѣмъ то.

Святитель этотъ оставилъ кругленькое наслѣдство, что то около четверти милліона рублей. Воскликнешь тутъ вмѣстѣ съ Гоголемъ: «батько, видишь ли ты ихъ, слишишь ли ? !»

Марта 4. Торжественно похоронили Гурія. Отпѣвалъ и всѣ службы велъ самъ Арсеній; начали обѣдню въ 10 часовъ утра и только въ 4 дня разстались, наконецъ, съ покойникомъ: не легко, видно, архіерею войти въ рай, — съ трудомъ протискиваютъ въ него ихъ, сердечныхъ ! . .

Въ соборѣ была давка; множество народа ожидало на площади зрѣлища — обнесенія гроба вокругъ собора. Я дотерпѣлъ только до 2 часовъ, да и то потому, что стояла отличная погода, а затѣмъ возвратился вспять въ домъ свой.

Марта 9. Опять пришлось побывать въ Питерѣ; погода все время стояла отвратительнѣйшая —

дождь вперемежку со снѣгомъ, слякоть, вѣтеръ. Навѣстилъ, между прочимъ, Лопухина.

Остановился онъ въ монастырскомъ подворьѣ на Бассейной ул. (д. № 31); извозчикъ подвезъ меня къ дому, выбрался я изъ пещеры на колесахъ, именуемой пролеткой, и остановился, не зная, куда идти: единственный подъѣздъ велъ въ часовню; изъ за стеколъ дверей блестѣли огоньки свѣчей передъ иконами; перевелъ глаза на ворота — онѣ были заперты наглухо. Позвонился къ дворнику; минутъ черезъ десять усиленнаго трезвона калитку отомкнули и выглянула сытая рожа какого то парня. Онъ объяснилъ мнѣ, что входъ къ Лопухину черезъ часовню и я отправился по святымъ мѣстамъ.

Взбираться пришлось на третій этажъ; во всѣхъ этажахъ разведена святость, вездѣ раздавалось пѣніе, чернѣли монашки, богомольцы, пахло елеемъ и ладаномъ. Губернатору были отведены три «покоя»; монахиня доложила обо мнѣ и сейчасъ же ввела въ довольно просторную комнату, въ которой сидѣли Лопухинъ, Нина Исидоровна и Савичъ.

Приняли меня отмѣнно привѣтливо и любезно. Викторъ Александровичъ былъ въ духѣ, разсказывалъ о своемъ представленіи государю и о будущемъ новомъ представленіи, назначенномъ по желанію государя.

Нинуся стрекотала о болѣзни мужа и не преминула упомянуть, что я «кадетъ», и что мнѣ не слѣдуетъ послѣ моей статьи о «Голубяхъ» показывать и кончикъ носа въ министерство.

— Я вездѣ разсказываю, что вы кадетъ! — кричала она, улыбаясь и грозя мнѣ пальцемъ. — Какъ только вы можете писать подобныя вещи, находясь на службѣ?!

— Вотъ это уже нехорошо, Нина Исидоровна! — отвѣтилъ я, — сами же вы научили меня написать этихъ «Голубей», а теперь вините? Я теперь тоже это буду разсказывать!

Сказалъ я это шутя, въ тонъ ей, тѣмъ не менѣе она нѣсколько осѣклась.

Губернаторъ слушалъ и посмѣивался, Савичъ си-

дѣлъ толстымъ пузыремъ въ креслѣ и изображалъ на лицѣ пріятную улыбку: это одна изъ его обязанностей по должности.

Очень тѣшили Лопухина новгородскіе слухи объ его уходѣ и о назначеніи на его мѣсто Кошко. Въ дѣйствительности ли они только смѣшны — не знаю, а что оба супруга нѣсколько нервно относятся къ такимъ слухамъ — это вѣрно!

Визитъ мой продолжался недолго; Лопухинъ вышелъ проводить меня въ переднюю и довелъ свою любезность до того, что помогъ мнѣ забраться въ шубу. Изъ Питера онъ проѣдетъ прямо въ Крымъ и проведетъ тамъ всю Святую недѣлю. Туда же уѣзжаетъ на дняхъ и государь: столица Руси, видимо, начинаетъ переноситься на югъ.

Побывалъ я и у Пашу — на этомъ перепутіи всѣхъ дорогъ. «Пашутисты», оказывается, учредили среды и каждый изъ нихъ обязанъ непремѣнно заглянуть въ этотъ день въ погребокъ. Собранія ихъ происходятъ отъ часу до шести.

Я попалъ какъ разъ въ это время; вся глубина полутемной залы у окна была полна пашутистами, тамъ сидѣли Ѳ. К. Геккеръ, мосье Мишель изъ Вологды. Евг. Эд. Сно, какой то высокій и худощавый, пріятнаго вида актеръ, Пашу и многіе другіе. Сно игралъ на цитрѣ, около стула актера стояла гитара. Большой столъ густо былъ усѣянъ бутылками.

Сно заигралъ маршъ пашутистовъ, сочиненный имъ на мотивъ Тара-ра-бумбіи. Всѣ хоромъ подхватили его.

— Мы пашутисты,
— Душой чисты,
— Весьма рѣчисты,
— Не скандалисты!..

затѣмъ начались куплеты; часть ихъ импровизировалась тутъ же подъ общіе смѣхъ и одобреніе. Апплодировала даже немногочисленная въ это время дня посторонняя публика, скромно ютившаяся поодаль.

— Если жены наши злятся,
— Гдѣ же, гдѣ отъ нихъ спасаться? —

Продекламировалъ Сно, аккомпанируя себѣ на цитрѣ.

— У Пашу,
— У Пашу!
— Всѣхъ зайти къ нему прошу!

Послѣдній куплетъ подхватила вся компанія.

— Если вамъ нужны совѣты,
— Ѳедоръ Карловичъ, о, гдѣ ты ? ! [1])

— У Пашу,
— У Пашу,
— Всѣхъ зайти туда прошу!
— Гдѣ съ утра и до обѣда
— Неумолчная бесѣда?
....
— Гдѣ средь шумныхъ разговоровъ
— Сно забылъ про кредиторовъ?
— У Пашу,
— У Пашу... и т. д.

Куплеты не миновали ни одного изъ пашутистовъ: всѣ они продефилировали въ юмористическомъ видѣ. Всѣхъ ихъ не помню, запомнились хорошо лишь два послѣднихъ.

— Гдѣ съ утра и до закрытья
— На цѣлкачъ могу кутить я?
— У Пашу,
— У Пашу, и т. д.
— Кто, какъ истый патріотъ,
— Семь разъ на день ѣстъ и пьетъ?
— Самъ Пашу,
— Самъ Пашу,
— Убѣдиться въ томъ прошу!

Потомъ разсказывалъ анекдоты актеръ и разсказывалъ мастерски; анекдоты смѣнились пѣніемъ; послѣ пѣнія превосходно сыгралъ нѣсколько вальсовъ Сно.

*) Художникъ Геккеръ (Ѳ. Плетневъ).

Затѣмъ цитра и гитара ударила камаринскую. И всѣ задергались, зашевелились, и по разгорѣвшимся лицамъ и глазамъ видно было, что только отсутствіе мѣста мѣшало сорваться со стульевъ и пуститься въ плясъ этимъ пожилымъ и старымъ, толстымъ и обрюзгшимъ людямъ. Сколько же лѣтъ было младшему въ этой компаніи? Младшій былъ я, а мнѣ 42 года...

Марта 19. Всѣ эти дни чуть не безвыходно провелъ то у себя въ музеѣ и комитетѣ, то въ типографіи: спѣшу съ выпускомъ разныхъ книгъ. За 8 мѣсяцевъ здѣсь мною выпущены въ свѣтъ «Обзоръ записокъ и воспоминаній, относящихся къ исторіи Россіи» — 3 тома; «Списки населенныхъ мѣстъ Устюженскаго и Череповецкаго уѣздовъ» — 2 тома; «Каталогъ историческаго отдѣла Новгородской Публичной Библіотеки», «Памятная Книжка Новгородской губ. на 1912 г.»; «Записки игуменьи Маріи», и «Приложеніе къ Высочайшему отчету».

Вчера видѣлъ Воронцова, былъ со мной милъ и любезенъ. Лопухинъ нашъ въ Крыму и, какъ выразился про него Воронцовъ, чуть не скачетъ отъ радости послѣ пріема его государемъ во вторичной аудіенціи. Длилась она 25 минутъ и Лопухинъ поднесъ ему свою книгу о будущемъ новомъ святомъ — бояринѣ Михаилѣ Никитичѣ Романовѣ. Немало я повозился съ этой книгой!

Некогда было записать въ свое время: въ понедѣльникъ на шестой недѣлѣ былъ съ женой у Куроѣдовыхъ. По понедѣльникамъ весь великій постъ у нихъ устраивались духовныя бесѣды съ постояннымъ участіемъ епископа Андроника и съ гастролерами въ видѣ то ректора семинаріи, то миссіонера.

Народа, главнымъ образомъ, дамъ набралось множество, до сотни. Я нѣсколько запоздалъ и хозяйка потащила меня въ передній, совершенно пустовавшій рядъ; я вмѣсто этого сѣлъ подъ какой то пальмой почти рядомъ съ Андроникомъ и могъ обозрѣвать всю публику.

Заросшій какъ мандриллъ по самые глаза черной бородой, худенькій и маленькій Андроникъ у здѣшнихъ дамъ въ великомъ почетѣ; обожаютъ его, конечно, больше все старыя дѣвы — тѣмъ уже отъ Бога положено обожать архіереевъ, мосекъ и прочія божескія попущенія!

Слѣва отъ насъ за отдѣльнымъ столикомъ въ дверяхъ въ сосѣднюю комнату, помѣстилась какая-то психопатка съ карандашемъ и тетрадью въ рукахъ для записи «рѣчи» Андроника; около нея, въ видѣ вѣнца, сидѣло разное старье; дальше публика жалась плотной и тѣсной стѣной.

Хозяинъ, тихо позвякивая шпорами, съ почтительнымъ видомъ принесъ и поставилъ передъ ораторомъ стаканъ чаю и удалился опять въ переднюю, откуда и выставлялъ свою лисью голову.

Все внимало и ждало.

Дождались мы немногаго. Говоритъ Андроникъ быстро, скороговоркой, слова льются у него непрерывнымъ и однотоннымъ потокомъ. Разсказывалъ онъ намъ о недавно умершемъ апостолѣ Николаѣ, съ которымъ работалъ нѣкоторое время въ Японіи; новаго не сообщилъ рѣшительно ничего, повторялся, клеилъ по десятку прилагательныхъ къ каждому упоминанію о Николаѣ, вродѣ «замѣчательный», «великій», и т. д.

Смотрѣлъ я на внимавшую ему отборно интеллигентную паству... Кто таращилъ глаза и усиливался дѣлать видъ, что слышитъ откровеніе свыше, кто сидѣлъ со строго постническимъ видомъ, но больше всего было безнадежно тупыхъ выраженій на лицахъ. Это послѣднее я всегда замѣчалъ у людей, слушающихъ что-либо высшее ихъ пониманія; что же за умственный уровень у нашей провинціальной интеллигенціи, если даже такая дребедень —превышаетъ ее ?!.

Говорилъ Андроникъ и о патріархѣ Гермогенѣ. Тутъ ужъ онъ поролъ такую чушь, что уши вяли. По его словамъ выходило, что Русь спасъ одинъ только Гермогенъ и что не будь его — Руси бы ни чихнуть, ни охнуть. Сообщеніе о Гермогенѣ въ общемъ было

таково, что дѣлать его слѣдовало въ гимназіи въ классѣ не выше второго. И вся эта чушь записывалась, всему этому вранью внимали. Возраженій, разумѣется, никакихъ не полагалось: благоговѣй и молчи!..

Закончилъ Андроникъ сѣтованіями на то, что нѣтъ теперь патріарха, и что некому теперь спасать отечество; договорился до того, что заявилъ, что если бы былъ у насъ патріархъ — «ужасныхъ дней революціи» не было бы... Пастырямъ, видите ли, не было вокругъ кого собраться, сплотиться и дать отпоръ врагамъ... И смѣхъ, и грѣхъ! Все то мы ищемъ, вокругъ кого бы намъ смыкаться, да къ кому бы подъ крылышко подползти! Да развѣ каждый архіерей въ своей губерніи не патріархъ, — однако, что же эта лиловая армія сдѣлала въ смутные года?...

— Надо молиться, чтобы опять намъ даровали патріарха! Надо неустанно молиться, въ этомъ все спасеніе Россіи!... — такъ приблизительно закончилъ свое двухчасовое выматываніе нашихъ душъ Андроникъ.

— Ну, а теперь помолимся вмѣстѣ. Споемъ «достойно!»

Онъ всталъ и снялъ клобукъ свой.

— Достойно есть, яко воистину!... — увѣренно завелъ онъ теноркомъ.

Полчище бегемотовъ, наполнявшее залу, сперва замялось, а затѣмъ нестройно подхватило разными голосами. Вышло весьма не - достойно...

Андроникъ сталъ благословлять всѣхъ; бегемоты вошли во вкусъ и вдругъ къ ужасу моему заголосили: «исполла - ати деспота», а затѣмъ въ перебой пустились чмокать архіерейскую руку.

Марта 23. Никогда въ жизни не наблюдалъ такого повальнаго благочестія, какъ въ Новгородѣ; многочисленныя церкви здѣсь всегда набиты биткомъ. Только и слишишь кругомъ: «я былъ или была у всенощной», «у обѣдни», «на двѣнадцати евангеліяхъ» и т. п. Возмутительная вещь эти россійскіе праздники, выбивающіе тебя изъ колеи на цѣлую недѣлю и мѣшающіе работать!

Въ XX вѣкѣ сейчасъ въ Новгородѣ насчитывается *семнадцать* юродивыхъ, часть которыхъ носитъ вериги и желѣзныя шапки. Нищіе попадаются на каждомъ шагу, и не знаю, кого больше встрѣчаешь на улицахъ — ихъ или прохожихъ.

Другое поражающее меня явленіе — картежъ, процвѣтающій здѣсь по частнымъ домамъ; нѣтъ дня, чтобы не играли у кого нибудь изъ знакомыхъ! О винтѣ, когда то знаменитомъ и славномъ — здѣсь почти и не слышно: дуются въ поккеръ, въ бриджъ, желѣзную дорогу и еще во что-то азартное. Дуется въ карты вся Россія, но чтобы среднее, заурядное провинціальное чиновничество проигрывало по 300 и по 600 р. въ вечеръ, какъ сплошь и рядомъ здѣсь — этого я еще нигдѣ не наблюдалъ! Такъ играютъ и такъ проигрываютъ люди, получающіе максимумъ 3 — 4 тысячи въ годъ.

Мудрый Эдипъ, приставь палецъ ко лбу и разрѣши вопросъ — откуда берутъ деньги на проигрышъ г.г. губернскіе архитектора, ветеринарные инспектора, и пр. и пр.?

Марта 27. Вчера обѣдалъ у М. А. Рубакина. Онъ завѣдываетъ городскимъ водопроводомъ и живетъ на краю города, у самаго вала, упирающаго тамъ въ Волховъ. Квартира Рубакина заниметъ весь второй этажъ дома и видъ изъ нея на приволье Волхова, Городище и Юрьевъ монастырь безподобный.

Второй день Рождества и Пасхи — это такъ называемые рубакинскіе дни. Онъ большой любитель выпить и въ нихъ собирается у него веселая товарищеская компанія.

Въ половинѣ второго за мной заѣхалъ на своей лошади Богдановскій и подвезъ меня почти до самаго дома: къ Рубакину онъ не собирался:

— Вонъ они! — говорилъ Нилъ Ивановичъ, указывая мнѣ на нѣсколько фигуръ, пробиравшихся со всѣхъ сторонъ среди грязи къ воротамъ рубакинскаго

жилища: — мочеморды Новгородскія! Пьютъ какъ черти! Спички около нихъ, окаянныхъ, зажигать нельзя: насквозь проспиртованы!

У Рубакина набралось человѣкъ двадцать съ лишнимъ; по виду народъ все болѣе или менѣе скромный и только двое обладали выразительными красными лицами и носами въ видѣ сигналовъ, извѣщающихъ объ опасности.

Предсѣдательское мѣсто за столомъ занялъ нѣкто Копыловъ — плотный, упитанный брюнетъ лѣтъ 42— мѣстный податной инспекторъ. Столъ былъ подѣленъ на три разряда: ближе къ предсѣдателю сидѣли «четверти», мухобои номеръ первый, дальше помѣщались «бутылки» и вдали отъ свѣтилъ ютились «мерзавчики». Я, какъ пьющій очень мало, присосѣдился къ послѣднимъ, но могу сказать, что и тамъ работали на совѣсть: только пили маленькими рюмочками, между тѣмъ какъ на другомъ концѣ глотали, какъ устрицъ, какія то необычайныхъ размѣровъ рюмки, вмѣстимостью почти въ полстакана.

Обѣдъ прошелъ оживленно и шумно; послѣ кофе вся компанія высыпала въ кабинетъ, ковры съ пола моментально исчезли. Хозяинъ сѣлъ за фисгармонію и грянула хоровая; хоровая перешла въ плясовую, залилась гармоника и толстый Копыловъ лихо отдернулъ комаринскаго, за нимъ вытолкнули изъ столовой какого то необычайно долговязаго дѣтину съ мрачнымъ лицомъ и тотъ послѣ нѣсколькихъ увѣсистыхъ тычковъ въ потылицу вдругъ ухнулъ всѣмъ нутромъ, взмахнулъ руками и пошелъ въ присядку. Домъ затрясся отъ общаго топота, гика и шума.

Человѣкъ пять, свѣжаго воздуха ради, принялись высаживать дверь на балконъ и едва не переломали ее на нѣсколько частей. Пили, пѣли и плясали безъ конца; мнѣ то одинъ, то другой всовывалъ рюмку съ коньякомъ въ руки и убѣждалъ выпить съ нимъ; я чокался и, улучивъ минуту, выливалъ коньякъ на рубакинскіе цвѣты.

Ушелъ я въ шестомъ часу вечера, а гости все прибывали; были тамъ и присяжные повѣренные, и доктора, и чиновники, и членъ Окружного Суда.

— Понравилось вамъ? Хорошо? Славные вѣдь ребята, правда? — спрашивалъ меня въ передней, походившій на разрѣзанную свеклу хозяинъ, предусмотрительно придерживаясь въ то же время за дверной косякъ. Лицо его изображало само блаженство.

Я похвалилъ и лицо его расплылось еще шире.

— А мы до утра! — сказалъ онъ: — жены, вѣдь, ко мнѣ мужей не пускаютъ!

И онъ, выставивъ впередъ брюшко свое, залился добродушнымъ смѣхомъ.

Апрѣля 11. Второй день занимаюсь укладкой вещей: состоялось мое назначеніе чиновникомъ особыхъ порученій при Главномъ Управленіи Землеустройства и Земледѣлія.

Въ шесть часовъ вечера сегодня долженъ былъ пріѣхать изъ Крыма Лопухинъ; изъ Петербурга мнѣ писали, что по отвѣту его на запросъ Риттиха обо мнѣ видно, что онъ очень оскорбленъ моимъ уходомъ.

На вокзалъ встрѣчать его, какъ это принято здѣсь, я не поѣхалъ, а пошелъ къ себѣ въ Комитетъ и изъ оконъ видѣлъ, какъ длинной вереницей, словно везя царя на коронацію, прослѣдовалъ по Кремлю поѣздъ Лопухина; за ихъ коляской тарахтѣли и гремѣли извозчики съ полиціймейстеромъ, Савичемъ, Воронцовымъ, вице-губернаторомъ, членами присутствія, совѣтниками...

Посидѣлъ я въ Комитетѣ, почиталъ корректуры, попилъ чайку и въ половинѣ восьмого вошелъ въ швейцарскую губернаторскаго дома.

— Есть кто нибудь у генерала? — спросилъ я у швейцара.

— Никакъ нѣтъ, одинъ Владиміръ Ивановичъ сидятъ!

Швейцаръ пошелъ впередъ доложить обо мнѣ, я поднялся за нимъ и уже на лѣстницѣ услыхалъ весе-

лое цокотаніе Нинуси и голосъ Лопухина, бывшаго, казалось, въ добродушномъ настроеніи.

— Г. Минцловъ-съ, — доложилъ швейцаръ, вступивъ въ кабинетъ, а я остановился въ двухъ шагахъ за его спиной на площадкѣ.

— Кто? — переспросилъ Лопухинъ.

Швейцаръ повторилъ.

— Я занятъ! — ледянымъ голосомъ заявилъ генералъ.

Швейцаръ отскочилъ какъ ошпаренный, почти наткнулся на меня и развелъ со сконфуженнымъ видомъ руками.

Молча сошелъ внизъ, надѣлъ пальто и отправился домой.

Сегодня хотѣлъ переговорить съ нимъ, какъ съ «близкимъ» человѣкомъ, завтра явлюсь лишь съ докладомъ, какъ секретарь — и только.

Апрѣля 12. Утромъ взялъ съ собой портфель и бумаги и отправился къ губернатору.

Въ пріемной ожидало трое человѣкъ, не считая всегда дежурящаго въ ней С. И. Савича. Послѣдній пошелъ доложить о моемъ приходѣ, но немедленно, какъ бывало прежде, меня не приняли.

Посѣтители стали прибывать ежеминутно; пріѣхалъ А. Бунинъ, С. Диринъ, полиційместеръ, какой то полковникъ и т. д. — все это продефилировало въ кабинетъ раньше меня.

Черезъ два часа дверь святилища открылась наконецъ и для меня.

Лопухинъ встрѣтилъ меня стоя, смѣрилъ ледянымъ взглядомъ и хотя подалъ руку, но скорѣе только прикоснулся къ моимъ пальцамъ.

— Что скажете-съ?.. — сухо проронило его превосходительство.

— Докладъ... комитетскія дѣла, — отвѣтилъ я.

— Пожалуйста! — Лопухинъ указалъ на креслю передъ маленькимъ столикомъ и сѣлъ первый.

Я открылъ портфель и сталъ вынимать бумаги; Ло-

пухинъ глядѣлъ въ сторону и нервно барабанилъ пальцами по столу — признакъ большого волненія и раздраженія у него. Свѣтлые глаза его казались по той же причинѣ почти черными.

Онъ видимо ждалъ, чтобы я началъ говорить; хотѣлось объясненія и мнѣ, потому что глупо же въ концѣ концовъ, прослуживъ съ человѣкомъ 8 мѣсяцевъ безо всякихъ недоразумѣній, такъ, здорово живешь, по лакейски расплеваться съ нимъ передъ уходомъ!

— Я вчера вечеромъ былъ у вашего превосходительства, — сказалъ я, — хотѣлъ поговорить съ вами по своему личному дѣлу, но вы не изволили принять меня...

— Прежде всего, вы могли бы сперва пожаловать на вокзалъ встрѣтить меня. Вы одинъ этого не сдѣлали! — рѣзко заявилъ Лопухинъ.

— Я не поѣхалъ нарочно, такъ какъ не хотѣлъ, чтобы наша бесѣда происходила при постороннихъ...

— Вы обязаны-съ были сдѣлать это, разъ вы служите у меня — вы должны были быть на вокзалѣ!

— Простите, я уже у васъ болѣе не служу, — спокойно отвѣтилъ я. — Я и пріѣзжалъ къ вамъ именно потому, что слышалъ, что мой переводъ послужилъ причиной вашего раздраженія на меня, а мнѣ не хотѣлось, чтобы у васъ осталось дурное чувство ко мнѣ...

— Вы поступили со мной неприлично! — кипя и сдерживаясь, прервалъ меня Лопухинъ. И на меня полился градъ упрековъ за то, что я осмѣлился уйти отъ него, не спрося на то предварительнаго его согласія и не извѣстивъ его лично.

Напрасно я возражалъ, что онъ самъ на грани ухода и что все произошло головоломно быстро и неожиданно для меня самого, и притомъ въ его долгое отсутствіе, такъ что я не имѣлъ даже возможности переговорить съ нимъ.

— Вы могли написать мнѣ, что уходите! Я вамъ этого никогда не забуду, никогда! Это вопросъ конченный.

— Въ такомъ случаѣ разрѣшите перейти къ докладу! — сухо отвѣтилъ я.

— Пожалуйста-съ!..

Я сталъ докладывать разныя комитетскія дѣла, Лопухинъ злобно возражалъ на каждое мое мнѣніе, на каждую бумагу, чего раньше рѣшительно никогда не было. Между прочимъ, «разнося» меня, онъ кинулъ мнѣ такую фразу: «Вамъ было здѣсь все предоставлено! Я дѣлалъ все, что только вы желали, вы были полнымъ хозяиномъ дѣла и вы этого не цѣнили»!...

Раздраженный, съ занозой противъ Лопухина, ушелъ я отъ него.

Исторія эта крайне непріятна мнѣ, такъ какъ я все-таки хорошо отношусь къ Лопухину, как ъ къ человѣку. Разумѣется, я долженъ былъ ему написать, — но вѣдь и онъ обязанъ былъ предупредить меня, что хлопочетъ о переводѣ въ Тулу, что мнѣ отлично извѣстно черезъ Д. И. Пестржецкаго!

Добавлю, что за всѣ 8 мѣсяцевъ службы въ Новгородѣ я всего два раза и то случайно былъ на вокзалѣ при проводахъ губернатора, и ни разу онъ даже не намекнулъ мнѣ о томъ, что я «долженъ» былъ встрѣчать или провожать его со стаей вѣрныхъ!

Апрѣля 18. Двадцать второго выступаю въ городскомъ театрѣ въ комедіи: «Откуда сыръ-боръ загорѣлся», я же и режиссирую.

Днемъ заканчиваю дѣла въ комитетѣ, затѣмъ укладываю книги и вещи, а по вечерамъ занимаюсь репетиціями. Весь домъ заставленъ ящиками, все перевернуто вверхъ дномъ, негдѣ ни стать, ни сѣсть.

Спектакль устраивается въ пользу «Яслей» — мѣстный пріютъ для ребятишекъ нѣкоей О. И. Петровой. Губернаторша въ контрахъ съ ея кружкомъ и спектаклю ставятся всяческія препоны, очень волнующія нашихъ дамъ. Напр., полиціймейстеръ не далъ костюма городового, требующагося по пьесѣ, только сегодня разрѣшили напечатать афишу, воспретили продажу билетовъ по рукамъ, требуютъ, чтобы все непре-

мѣнно было окончено въ театрѣ къ 12 часамъ ночи, — никогда и никому такихъ требованій не предъявляли.

Безтактность Лопухиной дошла даже до того, что она не постѣснилась заявить одной изъ устроительницъ, что спектакль разрѣшили только потому, что ихъ не было въ городѣ, и что, если бы съ этимъ обратились къ Виктору Александровичу, разрѣшенія не получили бы . . .

Послѣзавтра Лопухина устраиваетъ въ городѣ день бѣлаго цвѣтка и добилась дозволенія дамамъ-сборщицамъ заходить съ цвѣтами во всѣ учрежденія; она же дала своимъ подругамъ инструкціи вламываться во всѣ частныя квартиры, несмотря ни на какіе отказы прислуги . . .

«Волховскому Листку» воспретили печатать объявленія о спектакляхъ и другихъ зрѣлищахъ до 21-го числа . . . иными словами, «шире дорогу — Лопуховерша шествуетъ».

Ругаютъ ее вездѣ и всюду. Вотъ уже можетъ сказать, какъ Христосъ, «гдѣ соберутся двое, тамъ и я посреди васъ» ! . .

Выручка дня бѣлаго цвѣтка предназначена, конечно, на ерунду: на устройство санаторіи для туберкулезныхъ въ Новгородской губерніи . . . Помпадурша думать не привыкла и рѣшаетъ все съ бацу да съ налета. Общество врачей высказалось противъ такой санаторіи, разумные люди доказывали ей, что устроить санаторію и прибить на ней доску съ именемъ Лопухиной, конечно, можно, но чтобы содержать санаторію, нуженъ капиталъ, котораго нѣтъ, а на ежегодныя пожертвованія разсчитывать не приходится. Но . . . земля все таки вертится и санаторія на недоступныхъ со временъ Батыя новгородскихъ болотахъ будетъ ! . .

Апрѣля 19. Заходилъ сегодня познакомиться со мной писатель Пришвинъ; заросъ онъ по глаза бородой, волосы, понятно, до плечъ, какъ у хорошаго дьякона, самъ небольшой. Посидѣли мы съ нимъ — я

въ русской рубахѣ съ разстегнутымъ воротомъ и неподпоясанный на кучѣ рогожъ въ бывшей гостиной, онъ на уголкѣ дивана между картинами. Мнѣ онъ понравился: искренній и непосредственный человѣкъ, типа богоискателей.

Разсказывалъ, что былъ ярымъ эсъ-декомъ, восемь разъ подъ рядъ прочелъ всего Маркса и передъ девятымъ разомъ осѣнило его—увидалъ, что началъ тупѣть, хлопнулъ творенія святѣйшаго папы эсдековъ о полъ и принялся искать Бога; Богъ, по русскимъ понятіямъ, нѣчто вродѣ иголки, которую всегда надо искать! Розыскивалъ онъ его и у хлыстовъ, у раскольниковъ, у сектантовъ, но нашелъ вмѣсто иголки большое бревно — самодовлѣющую глупость и ударился въ религіозно-философскіе кружки. Богъ отлучился куда то и оттуда.

Тогда Пришвинъ сдѣлался этнографомъ и теперь ѣздитъ по озерамъ съ женой и сынишкой и записываетъ особенности говора крестьянъ. Человѣкъ онъ вдумчивый и обычнымъ живымъ кадавромъ оъ него не тянетъ. Побесѣдовали мы съ нимъ часокъ, затѣмъ разстались.

Крѣпкій, видно, на мозги человѣкъ. Восемь разъ Маркса прочиталъ. Другіе и первой порціи не выдерживаютъ ! . .

Днемъ встрѣтилъ въ Кремлѣ Рубакина. Зашли съ нимъ въ ресторанъ въ городскомъ саду — душа у него требовала содовой.

Выходъ его новой газеты затягивается. Губернаторъ вытребовалъ къ себѣ всѣхъ владѣльцевъ новгородскихъ типографій и запретилъ имъ печатать новую газету; пайщики будущей газеты вслѣдствіе этого рѣшили завести собственную типографію. Въ настоящее время машины и шрифты уже куплены и типографія вотъ-вотъ можетъ приступить къ работѣ; открыли ее на имя одного изъ пайщиковъ — офицера Федорова.

На дняхъ Федорова вызвалъ къ себѣ губернаторъ и послѣ вступленія, въ которомъ выразилъ удовольствіе по поводу того, что въ Новгородѣ открывается

такое хорошее дѣло, — какъ новая типографія, потребовалъ, чтобы будущая газета въ ней не печаталась.

— Иначе я сочту долгомъ сообщить военному министру, что въ рядахъ арміи имѣются офицеры, явно способствующіе врагамъ правительства...

Федорову до пенсіи осталось дослужить что то около года. Вернулся онъ отъ губернатора разстроенный; Лопухинская ласка такъ на него подѣйствовала, что онъ хотѣлъ даже отступиться отъ своего пая въ пять тысячъ, махнуть на все рукой и отказаться отъ типографіи.

Тогда кто то изъ пайщиковъ предложилъ перенести изданіе Новгородскаго Края въ Петербургъ, за «предѣлы досягаемости». Идея, конечно, блестящая, такъ какъ сдѣлать что либо съ петербургской газетой Лопухинъ уже безсиленъ. Онъ былъ такъ остроуменъ, что заявилъ одному изъ заинтересованныхъ лицъ, что одного редактора мало и надо ихъ запасти побольше, такъ какъ онъ будетъ сажать ихъ за каждый номеръ.

Весь сыръ боръ загорѣлся изъ за того, что кто то «изъ близкихъ» донесъ Лопухину, что новая газета затѣвается исключительно съ цѣлью оппозиціи... ему лично! На почвѣ самолюбія съ этимъ человѣкомъ можно сдѣлать все, что угодно! Нѣтъ глупости, которой онъ не повѣрилъ бы.

Теперь, дѣйствительно, будетъ ему влетать здорово! То то ходко пойдетъ новый «Край», когда новгородцы каждый день будутъ предвкушать наслажденія за утреннимъ чаемъ такъ долго жданной раздѣлкой подъ орѣхъ Лопухиныхъ!

Апрѣля 21. Вчера и сегодня былъ съ докладомъ у Лопухина, по его вызову. Оба раза онъ былъ чрезвычайно любезенъ и предупредителенъ. Отъ него зашелъ въ канцелярію и въ кабинетѣ Владиміра Ивановича встрѣтилъ Богдановскаго.

Нилъ Ивановичъ, по обыкновенію, находился въ растрепанныхъ чувствахъ и съ такими же космами сѣдыхъ волосъ, торчавшими во всѣ стороны.

Шла бесѣда о печатаніи отчетовъ и разныхъ воззваній губернаторши, разумѣется безвозмездно.

— Кстати, Нилъ Ивановичъ, — вдругъ перебилъ самого себя Воронцовъ: — не считайте того, что я сейчасъ скажу вамъ за оффиціальное предостереженіе, но пожалуйста не пишите ничего про о. Алексѣя, Антоніевскаго архимандрита и ректора. Имѣйте въ виду, что Викторъ Александровичъ очень близокъ со всей семьей его и выйдутъ для васъ непріятности! Вотъ... — онъ нагнулся и вытащилъ изъ ящика стола книжонку съ обязательными постановленіями: «за распространеніе ложныхъ слуховъ, подрывающихъ престижъ правительства и пр. арестъ на 3 мѣсяца».

— Позвольте! — возопилъ Нилъ Ивановичъ, — да какое же монахъ правительство?!.

- Все равно!

— Развѣ? — вмѣшался я: — не много ли чести для нихъ? Слава Богу, пока еще этого нѣтъ!

— Какія они правительство?! — вопилъ отставной театральный король, потрясая длинными руками.— Отъ отца - матери они отказываются, послѣдніе люди они!

Владиміръ Ивановичъ быстро сдался со стороны юридической, но какъ администраторъ совѣтъ свой подтвердилъ еще разъ.

— Вотъ они какіе крокодилы! — заявилъ Нилъ, выйдя со мной изъ канцеляріи и остановившись подъ окнами ея на улицѣ. — Въ самой церкви монахи у этого Алексѣя передрались, а писать не смѣй! Подъ статью о правительствѣ уже подвели... Тигры бенгальскіе!!.

О. Алексѣй, изъ за котораго возникъ споръ — бывшій гвардейскій офицеръ, еще молодой и очень красивый человѣкъ, сильно уже начинающій заростать жиромъ. Тятенька у него камергеръ, а самъ онъ, несомнѣнно, грядущій митрополитъ. Психопатки барыни бѣгаютъ за нимъ безъ конца.

Забылъ въ свое время записать разсказъ Богданов-

скаго о его говѣніи. Человѣкъ онъ очень религіозный, но и самая религіозность у него какая то особенная.

Явился онъ къ своему знакомому священнику исповѣдаться. Любопытный попъ выспрашивалъ его безъ конца, что нужно и ненужно, а затѣмъ добавилъ: «ну, а особенныхъ грѣховъ нѣтъ ли!»

— Разсердился я, — разсказывалъ Богдановскій,— есть, говорю...

— Какіе же, какіе? — и ухо-лопухъ поповскій наставилъ!

— На попадью на твою засматриваюсь!

— Попа отъ меня какъ вѣтромъ отшатнуло! «Што вы, што вы, Нилъ Ивановичъ ! !? говоритъ. Вотъ тебѣ и что вы ! — отвѣчаю. Онъ меня скорѣе эпитрахилью накрывать. «Господь съ вами ! ! . Отпущается вамъ ! !» Отпустилъ, — ну, и ладно, твое дѣло;

Нилу за 70 лѣтъ, но ловеласъ онъ чрезвычайный и въ іюнѣ мѣсяцѣ состоится его свадьба. Разница между нимъ и невѣстой только въ сорока трехъ годахъ.

Май 8. Сидимъ ни ящикахъ, обѣдаемъ тоже чуть не на нихъ, комнаты загромождены связанными стульями, зашитыми въ рогожи вещами: со дня на день ждемъ приказа о переводѣ меня въ Петербургъ.

Побывалъ за это время у мѣстнаго собирателя старины, Вас. Алексѣевича Квашонкина. По профессіи онъ трактирщикъ, былъ въ здѣшней гимназіи, но вышелъ изъ второго класса. Человѣкъ еще молодой, на видъ лѣтъ 27, впечатлѣніе на меня произвелъ чего то незаконченнаго, ищущаго, но недалекаго и растеряннаго. Трактиръ его — извозчичье - простонародный — помѣщается на берегу Волхова.

Когда я пришелъ, Квашонкинъ находился за стойкой; узнавъ, что его спрашиваютъ, онъ бросился черезъ дворъ къ себѣ на квартиру, помѣщающуюся во второмъ этажѣ надъ трактиромъ, сбѣжалъ съ лѣстницы и самъ открылъ мнѣ парадную дверь, все время извиняясь за свой костюмъ — пиджакъ поверхъ русской рубахи.

Наверху онъ усадилъ меня въ столовой, украшенной какимъ то необычайно корявымъ буфетомъ изъ краснаго дерева и очень аляповатыми масляными картинами. Въ нѣсколько минутъ онъ успѣлъ повѣдать, что его посѣщаютъ всѣ профессора — Шляпкинъ, Лихачевъ и др., что Шляпкинъ такъ толстъ, что едва помѣщается на двухъ стульяхъ и всегда, посмотрѣвъ у него вещи, говоритъ: «а все-таки, дуракъ ты, Вася!»

Все это разсказывалъ онъ улыбаясь и, видимо, былъ очень доволенъ и моимъ посѣщеніемъ и обращеніемъ съ нимъ профессоровъ на «дурака». Я попросилъ его показать свои коллекціи. Квашонкинъ заторопился и опять сталъ извиняться.

— Сейчасъ, сейчасъ принесу! У меня вѣдь все въ сараѣ хранится...

— Какъ въ сараѣ?

— А такъ... пожаровъ боюсь! Ящики у меня тамъ стоятъ желѣзные, въ нихъ вода, а въ воду другіе ящики опущены — съ вещами: такъ безопаснѣе. Недавно завелъ. Теперь я все могу, какъ хозяиномъ сталъ, а прежде!.. — онъ махнулъ рукой.

— Что же прежде было? — полюбопытствовалъ я.

— Да вѣдь какъ же: родители у меня люди темные, глупость по ихнему мои собиранія, дрянь, въ печку побросать все хотѣли. Прятать долженъ былъ! Купишь какую вещь и схоронишь ее, гдѣ придется. Да и денегъ не было. Теперь пять рублей надо заплатить — пять отдамъ, пятьсотъ — пятьсотъ извольте, не жалко! А тогда, у!!. Бывало, гроша своего нѣтъ, вскочишь до зари, купишь на отцовскіе деньги возъ овса, перепродашь, а на барышъ горшокъ какой нибудь древній, или еще что купишь. Къ обѣду обернуться надо было: деньги сполна отцу сдать!

Онъ исчезъ и минутъ черезъ пять показался съ небольшой витриной въ рукахъ; въ ней лежало штукъ тридцать древнихъ перстней, фибулъ, гемма и мѣдная пластинка — варяжскій нагрудный знакъ!

— Это только часть, другое вынуть сейчасъ не

могъ, извините, я потомъ приготовлю! Очень васъ прошу еще пожаловать!

Вещи были все любопытныя. Квашонкинъ пользуется среди мѣстныхъ мѣщанъ и крестьянъ большой извѣстностью и, разумѣется, онъ первый узнаетъ и къ нему несутъ всѣ находки, весьма многочисленныя здѣсь. Главныя изъ нихъ отыскиваются весной, по спадѣ Волхова, разливающагося на значительное пространство: находятъ деньги, кольца, браслеты, всевозможные сосуды. Изъ монетъ попадаются Новгородки, диргеммы, византійскія, римскія и даже греческія. Я лично пріобрѣлъ золотой Александра Македонскаго, вымытый изъ береговой кручи или вынесенный Волоховомъ на такъ называемомъ Рюриковомъ Городищѣ; кстати, надо сказать, что большинство находокъ совершается именно въ этомъ мѣстѣ на берегу канала. Особенно часто попадаются тамъ Новгородскія свинцовыя вислыя печати отъ грамотъ; ихъ выискиваютъ и собираютъ на отмеляхъ дѣтишки.

Какъ опытный уже скупщикъ, Квашонкинъ пріобрѣлъ нѣкоторый навыкъ въ распознаваніи рѣдкихъ и цѣнныхъ вещей и, по его словамъ, оставляетъ ихъ у себя; все, что поплоше и не рѣдкое — онъ продаетъ.

— Наше, новгородское, у насъ остаться должно! — говорилъ онъ, любовно поглядывая не то испуганными, не то недоумѣвающими глазами то на меня, то на вещи. — Все вѣдь увозятъ за границу; сколько вещей ушло — и не перечесть!.. Постоянно скупщики ѣздятъ!

И онъ опять пустился распространяться о томъ, что и онъ бываетъ въ Петербургѣ у профессоровъ, и они постоянно заглядываютъ къ нему и поддерживаютъ въ идеѣ собиранія для края. Провожая меня, онъ усиленно просилъ заходить къ нему и продолжать знакомство.

Смотритель нашего музея Н. П. Володинъ, бывшій съ Квашонкинымъ въ одномъ классѣ и знающій въ Новгородѣ не только людей, но и кошекъ до седьмого колѣна, отзывается о немъ неодобрительно.

— Дурачекъ онъ, враль, хвастаться любитъ! Вы только послушайте его — такъ у него полонъ домъ дареныхъ профессорами книгъ и писемъ отъ нихъ, а попросите показать — и двухъ не наберется! Потѣшаются надъ нимъ здѣсь всѣ, кто его знаетъ — а онъ и не понимаетъ этого!

Завтра губернаторша опять устраиваетъ лоттерею, на этотъ разъ въ пользу все той же санаторіи для чахоточныхъ. Удивительное дѣло—всѣ рѣшительно эту госпожу ругаютъ и рѣшительно всѣ толпятся у нея и считаютъ за долгъ и честь плясать по ея дудкѣ! Мы съ женой единственные люди въ городѣ, не входившіе въ число ея царедворцевъ и державшіеся самостоятельно. Что больше вѣситъ — самъ человѣкъ или его подлость — не знаю!..

Изъ за возни съ укладкой не отмѣтилъ, что нашъ спектакль прошелъ очень недурно; сборъ былъ полный и многіе отзывались, что, по ихъ мнѣнію, наша труппа оказалась выше профессіональной — Н. П. Казанскаго.

Мая 9. Утромъ принесли телеграмму отъ А. И. Беграмова о томъ, что приказъ о моемъ назначеніи подписанъ государемъ 30 апрѣля.

И такъ — въ Новгородѣ остается мнѣ пробыть всего нѣсколько дней... Мнѣ его жаль: я любилъ свое дѣло, свою старую башню съ музеемъ и библіотекой въ ней... былъ у меня здѣсь свой міръ, въ Петербургѣ ничего этого уже не будетъ!..

Мая 1. Вчера въ Троицынъ день всей семьей выбрались изъ Новгорода. День стоялъ знойный, яркій. Проводить насъ на пароходъ пріѣхало множество народа, такъ что помѣщеніе перваго класса было переполнено. Блистали отсутствіемъ только губернаторша, Воронцовъ-Вельяминовъ и полиціймейстеръ. Особенно меня тронуло то, что проводить меня пришли даже всѣ наборщики изъ губернской типографіи, хотя я ни въ

какихъ «начальственныхъ» отношеніяхъ къ нимъ не состоялъ.

Пароходъ отвалилъ, мы сидѣли на кормѣ и долго глядѣли на пристань, покрытую народомъ, махавшимъ намъ десятками бѣлыхъ платковъ...

Губернаторъ находился въ отъѣздѣ; съ нимъ мы разстались раньше и по хорошему: расцѣловались, и онъ сказалъ мнѣ: «Ну, давайте поставимъ крестъ на все, что произошло между нами въ послѣднее время. Желаю вамъ всего наилучшаго!»

Искренно желаю и ему того же!

Прощай, златоверхая св. Софія и старый тихій Новгородъ!.. Кончился еще одинъ періодъ жизни, исписано еще нѣсколько страницъ этой книги... Что то разскажутъ дальнѣйшія?..

Іюля 5. Встрѣтилъ сегодня на Суворовскомъ проспектѣ старика Лебедева — управляющаго Новгородскими Государственными имуществами. Обрадовались мы другъ другу и первыя слова его были:

— Ну, во время вы ушли, батенька! «Вашъ» то совсѣмъ съ ума сошалъ! Бахтина (старшій совѣтникъ губернскаго правленія) выгналъ; Курапова (губернскій инженеръ) гонитъ... все мѣста для своихъ очищаетъ! Терроръ, чистый терроръ въ губерніи!

Съ четверть часа стояли мы съ Лебедевымъ въ сторонкѣ на панели и вели бесѣду.

На мѣсто Бахтина Лопухинъ представилъ... Сердюкова, полиціймейстера, но, къ счастью, Петербургъ назначилъ своего кандидата. Маленькій душъ иногда полезенъ для большихъ самолюбій!

Іюля 9. Вчера вечеромъ вернулся изъ Новгорода: ѣздилъ закончить кое какія дѣла и прочесть свою новую пьесу В. А. Кригеру.

Выѣхалъ седьмого ночью; стою у окошка на Николаевскомъ вокзалѣ, беру билетъ изъ кассы и вдругъ слышу за собой восклицаніе.

— Здравствуйте, куда Богъ несетъ?

— Оборачиваюсь — передо мною улыбающееся, молодое, гладко выбритое румяное лицо; на юношѣ сѣрая фуражка и легкая синяя пара въ клѣточку: — Нилъ Ивановичъ Богдановскій!.. Сѣдые волосы свои, падавшіе ему на плечи, онъ обстригъ — неузнаваемъ, да и только!

Его провожала молоденькая особа, поспѣшившая отъ меня скрыться — его невѣста; Богдановскій былъ въ духѣ, острилъ, смѣялся, а въ такомъ состояніи собесѣдникъ онъ незамѣнимый.

Въ вагонѣ онъ поразсказывалъ мнѣ новгородскія новости.

Губернаторша выжила таки Куроѣдову изъ предсѣдательницъ мѣстнаго Краснаго Креста; вслѣдъ за Куроѣдовой отказался принимавшій въ немъ горячее участіе епископъ Андроникъ, а затѣмъ и другой столпъ— купецъ Вороновъ. Послѣднему Нина Исидоровна предложила выхлопотать дворянство съ тѣмъ, чтобы онъ далъ ей за это три тысячи рублей.

Вороновъ отвѣтилъ, что онъ свое купеческое званіе цѣнитъ такъ же высоко, какъ она свое дворянское и откланялся навсегда. Теперь высокія особы выѣхали въ Старую Руссу, гдѣ и проживаютъ въ Путевомъ Дворцѣ. Позже одиннадцати часовъ вечера проѣздъ мимо него по набережной воспрещенъ: стоятъ городовые и охраняютъ чуткій сонъ ихъ превосходительствъ.

Въ Новгородѣ отправился прямо въ родныя палестины, въ Музей, къ смотрителю Н. П. Володину. Не успѣлъ извозчикъ остановиться у подъѣзда, какъ выбѣжали сторожа, Володинъ, канцелярскіе служащіе: пріѣхалъ точно въ родной домъ!

Новгородъ весь утонулъ теперь въ зелени: аллея отъ музея къ воротамъ — это сплошной и густой зеленый сводъ; ровъ за стѣной Кремля, заросшій вѣковыми деревьями съ красными, выглядывающими изъ за нихъ башнями — сказка изъ далекаго прошлаго...

Переодѣвшись и выпивъ чаю, двинулся вершить дѣла; по пути завернулъ въ губернаторскую канцелярію,

но ни Савича, ни Воронцова въ ней не оказалось. Савичъ сидитъ «до востребованія» въ своемъ имѣніи, а Воронцовъ «не изволили еще выходить».

Направился къ нему; живетъ онъ во дворѣ, въ домикѣ, споконъ вѣка занимавшимся губернаторской челядью — лакеями и имъ равными.

Въ передней - кухнѣ никого не оказалось; я постучалъ въ слѣдующую дверь. Изъ за нея раздалось: «войдите!»

Я открылъ ее и остановился: среди комнаты стоялъ совершенно голый, скелетообразный Воронцовъ, весь поросшій къ тому же клоками черныхъ волосъ.

— Сергѣй Рудольфовичъ? возопилъ онъ, осклабившись и идя ко мнѣ навстрѣчу съ протянутыми тощими руками. — Здравствуйте! Вотъ кого радъ видѣть ! ! .

— Вы что это,—спрашиваю его,—батюшка, Адама изображаете!

— Люблю. Люблю по утрамъ такъ поваландаться: это полезно! отвѣтилъ онъ, шлепая себя по мягкимъ частямъ. — Виктора Александровича теперь нѣтъ, торопиться не надо. Лафа ! . . .

Мы усѣлись другъ противъ друга въ красныя бархатныя кресла и начали бесѣдовать. Мнѣ захотѣлось его подразнить, и я съ видомъ что-то знающаго и что-то недоговаривающаго петербуржца, сталъ передавать ему слышанное отъ Нила и другихъ о новгородскихъ происшествіяхъ, выдавая ихъ за переданныя мнѣ въ «сферахъ».

Воронцовъ видимо обезпокоился: еще бы, — его участь такъ тѣсно связана съ Лопухинской!

Затѣмъ онъ извинился и принялся мыться; полоскался онъ долго, а такъ какъ мнѣ торопиться было некуда, то я сидѣлъ и созерцалъ всѣ эволюціи этого подобія Божьяго. Не польстило оно Господу!

Моя постановка вопросовъ приперла Воронцова къ стѣнѣ и онъ уже не отвиливалъ, какъ всегда, отъ прямыхъ отвѣтовъ, а подтвердилъ всѣ слухи, смягчивъ, конечно, все неблагопріятное для Лопухиныхъ.

Обѣдалъ въ этотъ день у Богдановскаго, въ его де-

ревянномъ домикѣ на Власьевской улицѣ; стоитъ онъ прямо противъ алтаря церкви того же имени. Дома Нилъ — такъ зоветъ его за глаза весь городъ — старъ и нетерпимъ. Ворчитъ и ругается изъ за всякихъ пустяковъ, а такъ какъ онъ, кромѣ веденія газеты, состоитъ у себя еще и въ должности ключника, то изводится и кричитъ съ утра до ночи...

Вечеръ провелъ у Кригеровъ. Встрѣтили меня сверхъ-радушно; на чтеніе пьесы собралось довольно много народа — пріѣхали Георгіевскіе, Н. Богдановскій — тесть Кригера и др. Въ общемъ было человѣкъ двѣнадцать.

Домъ Кригера окруженъ садомъ; мы расположились за обширнымъ столомъ на верандѣ и началось чтеніе. Въ распахнутыя двери и окна глядѣли вѣтви яблонь и всякихъ кустовъ; свѣтъ отъ лампы озарялъ ихъ и казалось, что то волшебное, затаилось дальше, во тьмѣ сада...

Молодежь - Виктося, восходящая, совсѣмъ еще юная звѣздочка Московскаго балета, и Маня — дочь Н. И. Богдановскаго, поступающая въ этомъ году на сцену, усѣлись на ступенькахъ крыльца и внимательно слушали тоже.

Пьеса моя понравилась, много толковали о ней; Нилъ Ивановичъ заявилъ, что напишетъ объ этомъ вечерѣ въ своемъ Листкѣ.

Потомъ ужинали, смѣялись, шутили. Сбитый точно изъ скульптурной глины, квадратный крѣпышъ Кригеръ то и дѣло подымалъ рюмку и кричалъ зычнымъ голосомъ: «здравствуйте!...» имя рекъ и ужъ отъ этого «здравствуйте» не отвертишься, заставятъ выпить.

Особенно много всегда пьютъ у Богдановскаго; у него свой обычай. Когда гости начинаютъ прощаться, онъ, не обращая ни на кого вниманія и не отвѣчая никому ни слова, беретъ со стула бутылку коньяку, рюмку, идетъ въ переднюю, безцеремонно расталкивая публику, и прислоняется спиной къ двери.

Всякому уходящему протягивается полная рюмка и безъ такого пропуска рѣшительно никто не выпуска-

ется. Ни просьбы, ни мольбы не дѣйствуютъ: огромный Нилъ Ивановичъ глухъ и нѣмъ и не опускаетъ руки съ «посошкомъ». Гость выпьетъ, тогда Нилъ Ивановичъ сочно чмокаетъ его и отступаетъ отъ двери:

— иди съ Богомъ! . . .

Разстался я съ гостепріимными хозяевами часа въ два.

Улицы, конечно, были пустынны и задумчивы: вѣковой городской садъ, насаженный плѣнными французами, казался черной громадой. Внутренность Кремля освѣщали два фонаря, стоявшіе около памятника тысячелѣтія. Единственный золоченый куполъ св. Софіи тускло посвѣчивалъ въ темной вышинѣ среди другихъ куполовъ надъ бѣлыми громадами стѣнъ. И ни души...

Прошелся раза два по Кремлю и отправился спать.

Утромъ проснулся рано: разбудилъ звонъ колоколовъ, наполнившій комнатку древней башни, гдѣ я дремалъ, такъ какъ настоящій сонъ, это блаженство, рѣдко выпадаетъ мнѣ на долю.

Въ узенькія окна глядѣло веселое голубое небо; чай мы съ Николаемъ Павловичемъ устроились пить въ садикѣ позади музея, у подножія крѣпостной стѣны, какъ разъ подъ тѣмъ мѣстомъ, откуда мы всей семьей наблюдали въ этомъ году затменіе солнца.

Тутъ же бродила лошадь сторожа Николая, и то и дѣло пробовала стащить у насъ со стола бѣлый хлѣбъ. На заборѣ сидѣлъ сѣрый котъ — старый музейскій житель; въ душистыхъ шапкахъ тополей и липъ перекликались птицы . . . Такъ хорошо, такъ полно дышалось послѣ Петербурга!

Въ два часа дня, набродившись по городу, я уже ѣхалъ на пароходѣ по Волхову.

Октября 23. Утромъ сегодня я былъ еще въ постели и вдругъ услыхалъ зычный голосъ Н. И. Богдановскаго. Не умывшись, только накинувъ халатъ, я поспѣшилъ къ нему. Отчмокались мы съ нимъ — онъ розовый, бритый, свѣжій — усѣлся противъ меня въ кресло и началъ повѣствованіе о Новгородѣ.

Любопытная исторія ареста Рубакина.

Въ одинъ прекрасный день, съ мѣсяцъ тому назадъ, является къ нему оборванный субъектъ и заявляетъ ему, что онъ «политическій» и Христомъ Богомъ проситъ работы. На вопросъ Рубакина, умѣетъ ли онъ читать, отвѣтилъ, что окончилъ реальное училище.

Добрякъ «Миша» взялъ его къ себѣ на водокачку, далъ вести какія-то конторскія книги, нянчился съ нимъ, сажалъ обѣдать за свой столъ, купилъ ему сапоги и т. д. Работникомъ тотъ оказался превосходнымъ и Рубакинъ не нахвалился имъ.

Такъ прошло мѣсяца полтора. Новый конторщикъ обратился къ Рубакину съ просьбой разрѣшить ему, въ видѣ благодарности, привести въ порядокъ его библіотеку и составить каталогъ. Рубакинъ согласился и конторщикъ усердно принялся за дѣло. На корешкахъ книгъ появились ярлычки съ нумерами, а вскорѣ Рубакинъ сталъ обладателемъ тетради - каталога.

Еще черезъ два дня ночью старая Матрена прибѣжала будить своего барина.

— Вставайте, Михаилъ Александровичъ, требуютъ васъ!

Рубакинъ поднялся, не понимая въ чемъ дѣло, и увидалъ въ дверяхъ комнаты полицію и жандармовъ. Одинъ изъ послѣднихъ держалъ въ рукахъ копію его каталога.

— Позвольте пожалуйста такіе то и такіе то №№ вашихъ книгъ? любезно заявилъ синій мундиръ.

Рубакинъ немедленно досталъ книги съ полокъ.

— А теперь пожалуйста за нами!

Рубакина отвезли въ полицію, а затѣмъ переправили въ Петербургъ.

Превосходный во всѣхъ отношеніяхъ конторщикъ какъ въ воду канулъ.

Причина всей исторіи—желаніе губернатора устранить Рубакина отъ выборовъ въ Государственную Думу. Пріемъ современный!.. Жутко жить въ провинціи; или принадлежи самъ къ шайкѣ разбойниковъ, именуемой начальствомъ, или не дыши!

— Мнѣ вѣдь губернаторъ запретилъ писать о выборахъ! голосилъ, колотя себя въ грудь, Нилъ Ивановичъ; — и молчалъ, ни звука не появилось въ «Листкѣ»! Мало того—Воронцовъ статью прислалъ, вырѣзанную изъ этой паршивой «Россіи»: губернаторъ, молъ, выразилъ желаніе видѣть ее у васъ перепечатанной! Что вы съ ними подѣлаете? Тигры вѣдь бенгальскіе ! ! !

Декабря 10. Вчера получилъ письмо изъ Новгорода отъ Н. П. Володина, завѣдывающаго теперь музеемъ.

На мѣсто В. А. Иванова, управляющимъ огромной и прекрасной губернской типографіей, Лопухинъ назначилъ своего фельдшера - массажиста. Этотъ толстякъ былъ имъ сначала назначенъ чиновникомъ губернской клоаки, именуемой «правленіемъ», теперь же онъ глава такой сложной машины какъ огромная типографія. Что жъ, Новгороду къ чудесамъ не привыкать стать! А какъ на типографіи такой губернаторскій массажъ отзовется — это посмотримъ!

1914 годъ.

Война застала меня въ далекой, секретной командировкѣ, въ Урянхаѣ, куда я ѣздилъ по порученію Министерства Земледѣлія и Землеустройства для осмотра и изученія этого обширнаго и совершенно неизвѣстнаго дикаго края.

Вернувшись и покончивъ съ докладами и отчетами, я просилъ товарища министра А. А. Риттиха о командированіи меня въ очень интересовавшую меня Черниговскую губернію, — древнюю Сѣверщину, куда и былъ посланъ въ качествѣ непремѣннаго члена землеустроительной комиссіи въ г. Конотопъ.

Поѣздка моя по Сибири и Урянхайскому краю описана мною въ особой книгѣ.

МАЛОРОССІЯ.

1915 годъ.

Апрѣля 30. Вчера же представился по случаю отъѣзда А. Риттиху и Зубовскому; оба были весьма любезны, но, Боже мой, какія рѣчи довелось услыхать мнѣ, еще такъ недавно, въ качествѣ земскаго начальника слышавшаго требованія хлестать по всѣмъ по тремъ и землеустраивать во что бы то ни стало!

— «Имѣйте въ виду» говорили и товарищъ министра и директоръ департамента: — вы ѣдете въ крайне трудную губернію и ваше положеніе будетъ тамъ тяжелое. Земельныя отношенія въ ней перепутаны до нельзя и легко вызвать землеустроительными дѣйствіями возмущеніе. Бойтесь всякой тѣни его; особенно остерегайтесь бабьяго элемента, солдатскихъ женъ и т. п.; — чуть замѣтите что либо похожее на недовольство въ населеніи — бросайте все до наступленія лучшихъ временъ. Губернія такова, что въ ней можно вызвать либо бунтъ, либо сидѣть сложа руки и ничего не дѣлать. И то и другое нежелательно; во всякомъ случаѣ разсчитываю на вашъ тактъ и опытность».

Мая 5. Черниговъ. Напялилъ въ жару сюртукъ и шпагу и отправился вчера въ Губернскую Землеустроительную Комиссію. Савича, непремѣннаго члена, не засталъ; уѣхалъ на нѣсколько дней въ свое имѣніе.

Долго бесѣдовалъ съ его помощникомъ; хорошаго отъ него не узналъ ничего.

Конотопская комиссія числится только на бумагѣ, а фактически не существуетъ. Завѣдуетъ ею Сосницкій, непремѣнный членъ Мережко, и завѣдыванье это сводится къ тому, что онъ заперъ всю обстановку, дѣла и бланки въ какую то конуру, отведенную ему, кажется, земствомъ, и нанимаетъ для охраны ея сторожа. Ни на какіе запросы, даже спѣшные и губернаторскіе онъ не отвѣчаетъ вотъ уже много мѣсяцевъ.

Землеустройства въ уѣздѣ никакого. При этомъ г.г. земскіе начальники, богатые помѣщики и прочіе, какой либо вѣсъ имѣющіе въ уѣздѣ лица — противодѣйствуютъ непремѣннымъ членамъ.

Изъ комиссіи поѣхалъ къ губернатору.

Что за роскошь Черниговъ весною! Весь онъ утонулъ въ садахъ, точно снѣгомъ усыпанныхъ цвѣтами яблонь, грушъ и вишень; изъ за заборовъ глядитъ сирень — и сколько ея! Лиловыя стѣны ея закрываютъ всѣ дома, однѣми крышами выступающими надъ моремъ цвѣтовъ и зелени.

Пишу, конечно, не про самый центръ города: онъ гнусенъ, какъ и во всякомъ другомъ мѣстѣ, гдѣ каменныя постройки нагромоздились одна къ другой.

Дворецъ губернатора находится далеко; стоитъ онъ среди чудеснаго липоваго и кленоваго парка; не долетаютъ до него ни шумъ улицы, ни пыль.

Извозчикъ ввезъ меня въ ворота, у которыхъ дежурилъ городовой. Открылся обширный дворъ; за огромной клумбой съ фонтаномъ посрединѣ вставалъ двухъэтажный красивый каменный домъ — резиденція черниговскаго властителя.

У подъѣзда стоялъ автомобиль и около него два мрачнаго вида черкеса съ винтовками въ рукахъ. Дверь подъѣзда была распахнута; навстрѣчу мнѣ показался третій черкесъ болѣе мирнаго вида, и старичокъ курьеръ въ бѣломъ кителѣ.

— Ихъ превосходительство сейчасъ, уѣзжаютъ! — заявилъ старичокъ. — Врядъ ли примутъ-съ! «Пожалуйте вотъ къ дежурному чиновнику!»

Въ сосѣдней, просторной комнатѣ, увѣшанной старыми портретами, сидѣлъ за письменнымъ столомъ довольно пожилой чиновникъ особыхъ порученій. Онъ поднялся, увидавъ меня.

Я далъ ему свою карточку и чиновникъ ушелъ во внутреннія аппартаменты; я сталъ осматриваться.

Куда Новгородскому губернатору! Тамъ и домъ, и обстановка прямо нищенскія, сравнительно со здѣшними!

Въ Черниговскомъ «дворцѣ» чувствуются тѣни магнатовъ и какое то незаурядное прошлое; въ Новгородѣ — простая квартира зажиточнаго чинуши.

Чиновникъ вернулся и сообщилъ, что губернаторъ извиняется и принять меня не можетъ, такъ какъ торопится за городъ на освященіе церкви, гдѣ пробудетъ нѣсколько дней.

— Все равно... добавилъ чиновникъ, видя неудовольствіе, отразившееся, должно быть, на моемъ лицѣ. — Губернаторъ сказалъ, что вы уже какъ бы представились и можете уѣзжать къ себѣ въ Конотопъ!

Если такъ, мнѣ, дѣйствительно, было все равно! Я съ облегченіемъ вздохнулъ, разстегнулъ сюртукъ и отправился черезъ сосѣдній городской садъ въ музей Тарновскаго.

Садъ громадный, запущенный. Людей въ немъ не было, но была яркая изумрудная зелень, прохлада и тысячи птицъ. Каждая липа, каждый кленъ пѣли и ликовали. Вотъ это садъ! Какъ далекъ онъ отъ вылизаннаго какъ пустая голова франта, чахоточнаго Петроградскаго Лѣтняго Сада.

Изъ музея попалъ къ Вадиму Львовичу Модзалевскому, брату нашего Петроградскаго, Бориса.

И Вадимъ оказался такимъ же книжнымъ червякомъ, какъ и его братъ; уютный кабинетъ его весь увѣшанъ старинными портретами и уставленъ книгами и всякаго рода стариной, скупавшейся имъ на мѣстномъ базарѣ.

Черниговскій Модзалевскій моложе своего брата;

худощавый, съ длинною русой бородкой, онъ произвелъ на меня весьма пріятное впечатлѣніе.

Побесѣдовали мы съ нимъ о милыхъ нашему сердцу временахъ стародавнихъ, снабдилъ онъ меня кучею своихъ книгъ и я отправился въ свою гостиницу.

Вечеръ провелъ въ малороссійскомъ театрикѣ: давали «Майскую Ночь»: въ антрактахъ гулялъ по аллеѣ надъ Десной.

Была звѣздная ночь. Мутные пятна разливомъ рѣки разстилались внизу. Хохлы пѣли на сценѣ хорошо, но лягушки пѣли еще лучше.

Только въ Поти я слышалъ нѣчто подобное: въ воздухѣ стонъ стоялъ отъ лягушечьяго концерта. Вѣроятно, милліарды ихъ надрывались на всей низинѣ; жабы гудѣли басовыми ровными и чистыми звуками, какъ хрустальные стаканы, по краямъ которыхъ водятъ пальцемъ; имъ вторили тенора и сопрано зеленыхъ пѣвцовъ.

Подъ самой горой властно гремѣли раскаты и зовы солювьевъ; весь необъятный, невидимый хоръ лягушекъ аккомпанировалъ имъ.

Мая 7, Конотопъ. Пріѣхалъ вчера ночью. Городокъ большой, очень торговый и, кромѣ центра, весь закутанный въ садахъ. Главныя улицы, съ позволенія сказать, вымощены; всѣ остальныя въ непогодь, несомнѣнно, непроходимы.

Гостиницъ, или, какъ здѣсь онѣ называются, нумеровъ, я насчиталъ штукъ шесть и всѣ довольно приличны на видъ. Имѣются два кинематографа и сарай, замѣняющій при случаѣ лѣтній театръ въ городскомъ саду.

Съ утра отправился розыскивать свою комиссію.

Спрашивалъ городовыхъ, спрашивалъ встрѣчныхъ — никто не могъ указать, гдѣ находится такое учрежденіе. Обошелъ одну улицу, другую, третью, ища глазами вывѣску — нигдѣ ея не виднѣлось. Зрѣлище со стороны — безнадежные поиски непремѣннымъ чле-

номъ государственнаго, безслѣдно исчезнувшаго учрежденія — было изъ разряда занятныхъ!

Забрелъ, наконецъ, на почту и одинъ изъ почтальоновъ пояснилъ мнѣ, что надо пройти въ Воинское Присутствіе и тамъ розыскать сторожа: этотъ то сторожъ и есть комиссія.

Жара и духотища, несмотря на 9 часовъ утра, стояли звѣрскія. Добрался я до Воинскаго Присутствія, но сторожа не засталъ. Одинъ изъ писарей провелъ меня черезъ канцелярію въ небольшую проходную комнатку, тѣсно заставленную шкафами, письменнымъ столомъ съ зеркаломъ и пр.

— Это вотъ комиссія-съ!... отрекомендовалъ писарь.

На столѣ и подоконникахъ высились груды пакетовъ, книгъ, газетъ и всякой дребедени. Все густо покрывала древняя пыль.

Я вытащилъ изъ кучи одинъ изъ нераспечатанныхъ пакетовъ и прочелъ на немъ надпись: «спѣшно». На другомъ стояло «весьма спѣшно».

Поглядѣлъ я на нихъ и сунулъ обратно милый прахъ до радостнаго утра.

Ни занятій, ни даже обязательныхъ по закону ежемѣсячныхъ засѣданій не производилось, да и гдѣ тамъ засѣдать и заниматься?

Обозрѣлъ я свои владѣнія, обрѣтенныя въ потѣ лица, и отправился въ номера: до пріема браться за что-либо въ такой комиссіи опасно!

Переодѣлся въ сюртукъ, прицѣпилъ шпагу и отправился, взявъ извозчика, съ визитами.

Неудачи продолжали преслѣдовать меня; не даромъ, видно, выѣхалъ я изъ Питера въ самый скверный для меня день, въ субботу!

Предводителя дворянства, И. В. Занковича, не засталъ — онъ въ имѣніи. Познакомился лишь съ его супругою, громоздкою пожилой дамой; произвела на меня впечатлѣніе барыни, любящей похозяйничать и въ дѣлахъ мужа.

Исправникъ оказался въ Кіевѣ. Нашелъ дома лишь

предсѣдателя мѣстной уѣздной управы — Константинова.

Дверь на мой звонокъ отворили какія то непомѣрно длинныя человѣческія мощи—самъ хозяинъ—пожилой человѣкъ со старческимъ, интеллигентнымъ лицомъ. Вступилъ я въ переднюю и сразу на меня пахнуло хорошимъ и близкимъ: стѣну въ ней закрывалъ стеклянный шкафъ, наполненный книгами.

Хозяинъ оказался любителемъ ихъ.

Про землеустройство отозвался кратко: «пробовали здѣсь сдѣлать что либо, но не идетъ дѣло. И не пойдетъ: богатый уѣздъ очень. Здѣсь все табаководы да свекловичники. Какое имъ землеустройство еще нужно?»

Отъ Константинова узналъ, что въ Конотопѣ имѣется нѣкто Фененко, мировой судья, большой любитель исторіи и древностей.

Разумѣется, отъ Константинова я прямымъ рейсомъ поѣхалъ къ нему. Живетъ онъ далеко, пришлось огибать обширный прудъ, устроенный благодаря мельничной плотинѣ подъ самымъ городомъ.

Миновавъ нѣсколько немощеныхъ улицъ съ бѣлыми хатками и домиками, извозчикъ подвезъ меня къ воротамъ, за которыми виднѣлось низенькое деревянное зданіе; лѣвѣе его стояло другое — кирпичное — камера и канцелярія.

Я пересѣкъ большой пустынный дворъ; два огромные пса, спавшіе въ тѣни у кладовыхъ или амбаровъ, подняли головы, поглядѣли на меня, добродушно поколотили хвостами въ знакъ разрѣшенія мнѣ слѣдовать дальше и я вступилъ на крыльцо.

Звонка не было. Я постучалъ въ дверь и изъ за нея раздалось «войдите».

Въ передней лицомъ къ лицу я столкнулся съ хозяиномъ.

Человѣкъ онъ еще молодой, лѣтъ тридцати, обритый по актерски, съ насмѣшливыми глазами; сразу же мы съ нимъ нашли надлежащія темы, натащилъ онъ

мнѣ для показа книгъ (все по исторіи Малороссіи), и пробесѣдовали мы съ нимъ порядочно времени.

— Какъ хорошо, что вы къ намъ пріѣхали!—нѣсколько разъ, радуясь, повторилъ онъ.

Когда я уѣзжалъ отъ него, извозчикъ мой обернулся и сказалъ:—«Самый богатый господинъ во всемъ уѣздѣ. А холостой живетъ!»

Квартирка, вѣрнѣе домикъ у Фененки очень уютный, чисто и просто обставленный; стоитъ онъ на взгоркѣ и смотритъ окнами на приволье луговъ и далекій лѣсъ.

Вечеромъ пошелъ посмотрѣть на здѣшнюю публику въ городской садъ, но публики не видалъ: биткомъ наполняли его только евреи, дѣтвора и простонародье. Вездѣ лущили сѣмечки, слышались малороссійская, либо еврейская рѣчь. И теперь уже свѣжаго воздуха въ немъ не было; висѣла пыль, поднимавшаяся съ дорожекъ; что же будетъ дальше, лѣтомъ?

Почти посрединѣ сада стоитъ несуразный, покосившійся сарай — лѣтній театръ. Въ немъ временно подвизается малорусская труппа, но «дывыться на нее» я не пошелъ: я искалъ только воздуха, а его не было!

Сижу теперь въ номерѣ и пью безконечный чай.

Книгъ нѣтъ... одурѣть можно отъ тоски и духоты!

Мая 16. Пріѣзжалъ Мережко: высокій, стриженъ ежомъ, глаза воспаленные, растительности на лицѣ мало. Говоритъ рѣзко и за словомъ въ карманъ не лѣзетъ. Объявился онъ вечеромъ прямо въ помѣщеніе комиссіи и по телефону сталъ вызывать меня для сдачи. У меня сидѣли въ это время губернскій агрономъ Муратовскій и двое мѣстныхъ.

Я позвалъ его къ себѣ пить чай, и онъ явился.

Нѣсколько разъ онъ сцѣплялся съ Муратовскимъ; здорово влетало отъ него и всѣмъ вообще губернскимъ чинамъ.

Муратовскій только поглядывалъ на меня, да покручивалъ головою.

Часовъ въ 11 вечера я съ Мережко отправился въ

Комиссію: онъ торопился, такъ какъ на другой день рано утромъ ему надо было вернуться къ себѣ.

Чуть накрапывалъ дождь; фонарей на улицахъ нѣтъ, темень была такая, что долго, пока не освоились глаза, я шелъ, чуть придерживаясь за заборъ. Наконецъ, впереди засвѣтилось окно: это и была комиссія.

Въ ней насъ ждалъ юнецъ — писарь Мережки.

— Ну-съ, что и какъ мы съ вами сдавать и принимать будемъ? спросилъ я. — Съ чего начнемъ?

— Съ чего хотите! Мережко усѣлся на стулъ и обвелъ вокругъ себя рукою: — все это ваше!

— Опись инвентаря есть?

— Нѣтъ.

— А дѣламъ?

— Нѣтъ.

— Да чему же она есть тогда? воскликнулъ я.

— А ничему. Я принималъ все такъ — на обводъ руки, такъ и вамъ сдаю!

— Нда... какъ же мы тогда оформимъ такую сдачу?

— Донесемъ губернатору, что вы приняли комиссію, а я сдалъ ее, вотъ и все!

Дѣлю шло о возможности влетѣть въ исторію. Я подумалъ, какъ быть, и, не желая подводить коллегу отказомъ, написалъ «глухой» раппортъ, что я вступилъ въ исполненіе должности, а Мережко сдалъ ее мнѣ.

Этимъ «пріемка» и закончилась.

Писарь розыскалъ мнѣ книги и дѣла этого года и положилъ ихъ особо; большинство книгъ еще не заведено, а ихъ наслали изъ «губерніи» множество.

На обратномъ пути мы шествовали подъ руку: на четырехъ ногахъ впотьмахъ оно спокойнѣе!

Я разспрашивалъ его о здѣшнихъ туземцахъ.

— Извините, что я васъ предупреждаю и даю совѣтъ, сказалъ онъ между прочимъ: — но смотрите, будьте осторожны. Вы здѣсь всѣмъ чужой человѣкъ, навѣрное притомъ заняли мѣсто, предназначавшееся кому нибудь изъ ихней клики, сугубо будьте осторожны! Вся власть уѣзда сосредоточена въ рукахъ Зан-

ковичей, Кандыбъ и Рачинскихъ: всѣ они перепутаны родствомъ, всюду тащатъ своихъ и лучше не задирайтесь съ ними. Помните, уѣздъ сверхъ дворянскій!

На другой день торчалъ я утромъ въ своей «канцеляріи» и, снявъ китель разбирался въ грудахъ книгъ, дѣлъ и пакетовъ. Руки, рубашка — все это загрязнилось въ нѣсколько минутъ.

Въ Воинскомъ Присутствіи, рядомъ со мной, раздавался гомонъ мужчинъ, въ канцеляріи предводителя трещала пишущая машинка, оттуда же доносились голоса бабъ и громкія причитанія ихъ — то жены призванныхъ на войну солдатъ вели бесѣду между собой и секретаремъ предводителя. Сосредоточиться при такомъ положеніи вещей на чемъ нибудь было бы трудновато!

И вдругъ, властный, басистый, хотя и женскій голосъ, покрылъ всѣ другіе.

Я прислушался. Говорила предводительша: отказывала и назначала разныхъ размѣровъ пособія бабамъ.

Я поскорѣе облачился и хорошо сдѣлалъ: черезъ нѣсколько минутъ въ дверь постучали и вошла предводительша — Зинаида Николаевна и тотчасъ же начала жаловаться на бабъ, осаждющихъ ее и требующихъ пособій, несмотря на то, что многія изъ нихъ имѣютъ по 40 и болѣе десятинъ земли, что по здѣшнимъ цѣнамъ составляетъ отъ 40 до 80 тысячъ рублей состоянія.

— Ну, какъ вамъ нравится здѣсь? — задала мнѣ стереотипный вопросъ предводительша.

— Гмъ . . . ничего . . . отвѣтилъ я — Только вотъ помѣщеніе Комиссіи совершенно невозможное!

— П-а-а-че-му? Отличное помѣщеніе!

Я ее попросилъ оглядѣться и прислушаться.

Предводительша сдѣлалась вдругъ холодна, распрощалась и удалилась.

Мая 20. Сидѣлъ въ своей канцеляріи и разбирался съ дѣлами. Вдругъ изъ сосѣдней комнаты пріотво-

рилась дверь и выставилась сѣдая, коротко остриженная голова съ золотыми очками, сквозь которые на меня недвижно уставились большіе, темные глаза.

Черезъ три-четыре секунды изъ за двери показалась и вся небольшая плотная фигура и угловато, молча надвинулась на меня, словно собираясь драться.

Я поднялся ей навстрѣчу.

— Съ кѣмъ имѣю удовольствіе говорить? замогильнымъ тономъ произнесла фигура.

Я понялъ, что такимъ галантнымъ можетъ позволить себѣ быть только предводитель.

— Вы, вѣроятно, предводитель? .. отвѣтилъ я: — позвольте представиться, я такой-то, вновь назначенный непремѣнный членъ!

Послѣдовало холодное рукопожатіе.

Занковичъ заходилъ по комнатѣ; я сѣлъ. Сдѣлавъ молча тура два-три, онъ остановился у окна и, глядя на улицу, буркнулъ.

— Вамъ не нравится помѣщеніе, я слышалъ?

— А развѣ оно можетъ нравиться кому либо? спросилъ я.

— Мнѣ нравится ... Я нахожу его вполнѣ пригоднымъ!

Послѣдовалъ короткій, холодный споръ, во время котораго Занкевичъ заявилъ, что въ комиссіи работы нѣтъ никакой и потому лучшаго помѣщенія она не заслуживаетъ, и что ему, какъ предводителю, очень удобно имѣть всѣ подвѣдомственныя ему учрежденія въ одномъ мѣстѣ подъ рукою.

Я отвѣтилъ, что все это совершенно вѣрно, но такъ какъ я пріѣхалъ сюда не почивать на лаврахъ, а работать, то условія для работы считаю не подходящими тѣмъ болѣе, что работать придется мнѣ, а не ему.

Послѣднюю фразу я подчеркнулъ; Занкевичъ еще разъ подтвердилъ, что на перемѣну квартиры онъ не согласенъ и ушелъ.

Атмосфера непріязни создалась сразу.

И какая умная голова высидѣла въ потѣ лица законъ, въ силу котораго уѣздные предводители дворянства являются предсѣдателями рѣшительно во всѣхъ мѣстныхъ учрежденіяхъ?

Вездѣсущество — свойство чудесное, но все же даже и такимъ великимъ персонамъ, какъ предводители, Божескія права предоставлять не слѣдуетъ!

Мая 25. Конотопскій уѣздъ богатъ именитыми людьми. Кромѣ Кандыбъ, славныхъ не только милліонами, но и двустишіемъ Пушкина, Конотопцы выдвинули изъ своей среды товарища министра Рачинскаго, извѣстнаго въ свое время Кіевскаго Генералъ - Губернатора Драгомирова, Марковичей и др.

Домъ, принадлежавшій Драгомирову занимаетъ теперь мировой съѣздъ. Его окружаетъ тѣнистый садъ; домъ — одноэтажное длинное бѣлое зданіе, фасадомъ выходитъ на пустынную, заросшую травой улицу.

Бывшій знаменитый владѣлецъ его лежитъ подъ деревьями около Сорокасвятской церкви, въ городѣ.

Изъ извѣстностей другого толка, назову А. М. Лазаревскаго, историка Малороссіи, и С. Пономарева — библіографа и разносторонняго дѣятеля.

Послѣдній тоже похороненъ въ городѣ, при церкви Успенія. Умеръ онъ въ 1908 году, завѣщавъ въ пользу города обширную библіотеку свою. А между тѣмъ, могила его, не имѣющая ни креста, ни надписи, уже заросла травой... Ни отцы города, ни другіе наслѣдники, очевидно, и не заглядываютъ на нее, хотя она и у самой стѣны церкви. Такова, видно, общая наша участь!

У завѣдывающаго земскимъ складомъ И. Я. Кащенко я отыскалъ портретъ Пономарева, снятый съ него незадолго до смерти. Худощавый, высокій старикъ, съ длинною сѣдою бородою, въ очкахъ, изъ за стеколъ которыхъ внимательно глядѣли небольшіе черные глаза — такова была его наружность.

А позади портрета его собственное стихотвореніе:

— «Ничто не прочно въ этомъ мірѣ,
И мы съ тобою, мой портретъ,
Мы здѣсь на временной квартирѣ
И скоро кинемъ бѣлый свѣтъ.
Какія-бъ ни были въ насъ силы,
Не устоимъ мы здѣсь никакъ. —
Меня зароютъ въ глубь могилы,
Тебя забросятъ на чердакъ!»

Іюня 4. Началъ объѣздъ уѣзда и только что вернулся изъ первой поѣздки.

Наняли мы съ земскимъ агрономомъ Радченко парный экипажъ и покатили вмѣстѣ.

Радченко обрусѣвшій хохолъ, небольшого роста, съ сѣрыми глазами въ пенснэ, остриженъ коротко и выглядитъ колючимъ ежомъ. Ему 47 лѣтъ, но на видъ можно дать развѣ 35.

Какъ полагается всякому уважающему свое сословіе агроному, онъ демократъ и ярый лѣвый. Твердо вѣритъ въ евангеліе отъ Маркса и всякія будущія благополучія, уготованныя для человѣчества. Любитъ ершиться, споритъ и громить Россію, и не подозрѣвающую о такой грозѣ въ ея собственныхъ нѣдрахъ.

Лѣто стоитъ засушливое. Просторный, обсаженный развѣсистыми толстыми ветлами большакъ разсѣкалъ необозримыя, ровныя какъ столъ поля; зеленыя стѣны ржи смѣнялись овсомъ, гречихой и пшеницей. То здѣсь, то тамъ очерчивались на фонѣ неба древніе курганы, еще не тронутые рукою изслѣдователей. На горизонтѣ островками виднѣлись кущи садовъ, въ которые закутались здѣшніе села, выставившіе надъ кудрявою зеленью только золоченыя кресты деревянныхъ церквей своихъ.

Села все громадныя, раскинувшіяся на 5 — 7 верстъ въ длину. Ближе къ околицамъ расположены плантаціи табаку; за ними зеленѣютъ сады, бѣлѣютъ уютныя хатки, дремлятъ ставки подъ горой, заросшія ряской и очеретомъ, словомъ все то, чѣмъ такъ хороша и поэтична Малороссія.

Ставки — это иногда громаднѣйшіе пруды, искусственно устроенные изъ какого либо ручья или рѣчен-

ки; влаги въ Малороссіи мало и тысячи хатъ тѣснятся по кручамъ овраговъ, ближе къ водѣ да, по старой памяти, и подальше отъ глазъ чужихъ людей.

Деревень здѣсь нѣтъ совершенно; кое гдѣ имѣются хутора, но малороссы не любятъ ихъ.

— Собачья жизнь! отзываются они про хутора:— ни Бога тамъ нема, ни людей. И бабамъ поругаться не съ кѣмъ; изведутъ «чоловіка» зря, хай имъ бісъ!

Въ попутныхъ селахъ мы останавливались; Радченко усаживался за самоваръ, или забирался въ какой либо «кооперативъ», а я, наскоро выпивъ молока, пускался наводить служебныя справки и розыскивать людей, о которыхъ ходили слухи, что они дѣлали находки въ землѣ, или имѣли вообще какую либо старину.

Богато живутъ крестьяне: 40, 50 десятинъ у домохозяина не рѣдкость; у многихъ по 200 и болѣе десятинъ. Цѣны на землю отъ 500 до 1 000 рублей за десятину и цифры стоимости такихъ владѣній получаются кругленькія.

При встрѣчахъ съ проѣзжими и бабы, и «дядьки», какъ зовутъ хохлы другъ друга, обязательно кланяются, но безъ малѣйшей тѣни подобострастія, или старой рабьей привычки, какъ у насъ въ Великороссіи; здѣсь чувствуются свободные люди, соблюдающіе долгъ вѣжливости.

Говорили мнѣ, что хулиганство прежде было развито въ уѣздѣ сильно; теперь, благодаря отсутствію водки и уходу на войну элементовъ, не знавшихъ куда излить свою силу, въ селахъ совершенно спокойно. Только самые крохотные ребята, лѣтъ 5 — 7, игравшіе на улицахъ, при проѣздѣ нашей коляски вскакивали и хоромъ орали: «Паны, драные штаны!» Вѣроятно, это слѣды недавняго прошлаго, когда Черниговская губернія стояла въ дыму отъ горѣвшихъ помѣщичьихъ усадебъ.

Подъ вечеръ мы добрались до с. Краснаго Колядина и остановились около зданія школы.

Не чета Уральскимъ здѣшніе края и въ отношеніи заботы о просвѣщеніи: у школъ здѣсь всюду просторныя, прекрасныя зданія, классы свѣтлые, съ массою воз-

духа; оборудованы онѣ пособіями весьма хорошо. Но, какъ это ни странно, школъ много, а въ смыслѣ проясненія головъ что нашъ мужикъ, что здѣшній — два сапога пара: то же невѣжество, та же дичь!

Радченко вышелъ изъ экипажа и отправился на поиски хозяина, учителя Евг. Евг. Бабича, съ которымъ онъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ.

Черезъ минуту оба они показались въ дверяхъ; Бабичъ, высокій плотный брюнетъ съ сильно посеребренною головой и французской бородкой, усиленно сталъ приглашать меня къ себѣ.

Кучеръ взялъ наши вещи и мы вошли въ огромную чисто выбѣленную комнату; подоконники и полъ около пяти большихъ оконъ были покрыты кактусами, фикусами и всякими другими цвѣтами и растеніями. Комната эта служила заломъ и столовой въ квартирѣ Бабича; отъ кухни ее отдѣлялъ большой коридоръ, ведшій въ спальную и дѣтскую.

Къ залѣ примыкали классы, такіе же свѣтлые, веселые и огромные.

Училище, находящееся въ вѣдѣніи Бабича, большое; кромѣ него въ немъ работаетъ его жена — учительница и еще одинъ учитель.

Говоритъ Бабичъ, сильно напирая на «о» и все время подмѣшивая малорусскія слова. Въ Красномъ Колядинѣ онъ преподаетъ уже двадцать лѣтъ, человѣкъ положительный, вросшій въ свое дѣло и любящій его.

Сейчасъ же началась суетня. Жена Бабича, бывшая его ученица изъ мѣстныхъ крестьянокъ, молодая еще румяная блондинка въ золотыхъ очкахъ, сильно увеличивавшихъ чуть косые глаза ея, принялась накрывать на столъ, устраивать яишницу и чай.

Подкрѣпившись, мы отправились осматривать «замокъ».

Училище расположено передъ бѣлой церковью, обнесенной невысокою каменной оградой, и отдѣлено отъ нея широкимъ зеленымъ пустыремъ. У лѣваго угла ограды возвышалось что то вродѣ остатковъ кирпичей часовни; крыша на ней давно провалилась, дверь и

окна исчезли, стѣны треснули и грозили паденіемъ. Я заглянулъ во внутрь и отскочилъ, зажавъ носъ: по исконному обычаю, всѣ прохожіе, должно быть, считали долгомъ отмѣтить ее туземной визитной карточкой.

— Это могила помѣщика Демчинскаго! пояснилъ Бабичъ. — Богатѣйшій человѣкъ былъ, умеръ онъ назадъ лѣтъ семьдесятъ!

— Почему же могила его въ такомъ свинскомъ видѣ? спросилъ я.

— А когда умеръ онъ, цвинтарь (церковный дворъ) стѣной обнесенъ еще не былъ. Демчинскаго похоронили; наслѣдникамъ до могилы дѣла было мало, а староста церковный—тоже здѣшній помѣщикъ—въ ссорѣ былъ съ покойнымъ. Вотъ нарочно взялъ и поставилъ ограду такъ, что могила его врага осталась на выгонѣ . . .

Дѣйствительно, стѣна проходитъ ровно въ одномъ шагѣ отъ полуразрушенной часовни, выстроенной когда то весьма основательно.

Мы обогнули ее и передъ нашими глазами развернулась красивая картина: мы стояли на высокомъ обрывѣ, надъ прихотливо изогнутой широкой излучиной когда то громадной рѣки-Ромена. Внизу, въ зарослях очерета и лозняка, прятался весь покрытый кувшинками и лиліями узенькій Роменъ.

Вдали, на противоположномъ, тоже нагорномъ берегу, четко виднѣлось село Липное: тамъ начиналась уже Полтавская губернія.

По узенькой тропкѣ, вившейся подъ самой стѣной, мы добрались до конца ея и остановились снова любоваться видомъ. Церковь, какъ и всюду въ Малороссіи, занимаетъ самое красивое и самое возвышенное мѣсто въ селѣ. Она увѣнчиваетъ крутой мысъ, высоко вздыбившійся надъ древнимъ русломъ рѣки. За нею мысъ слегка понижается и превращается въ узкую бугристую косу, саженей 15 — 20 въ поперечникѣ и до 200 длиною; словно гигантскій осетръ врѣзывалась она когда-то въ древнюю рѣку, выставивъ на верхъ нея тем-

ную, иззубренную спину. Кругомъ виднѣлись поля, перелѣски, затаившіеся въ садахъ села.

— Вотъ это и есть «замокъ»! сообщилъ Бабичъ, указывая рукою на косу. — Преданіе говоритъ, что здѣсь когда то жилъ знатный панъ, по прозвищу Колядинъ; по имени его прослыла и вся мѣстность. Слово же «красный» прибавили потомъ, за красоту: въ уѣздѣ равныхъ ей нѣтъ больше!

Имѣніе это принадлежало въ свое время знаменитому Іеремiѣ Вишневецкому.

Мы обошли косу; она вся была покрыта слѣдами какихъ то окоповъ, несомнѣнно артиллерійскаго характера.

Подтверждаютъ это и многочисленныя въ недавнюю старину находки въ окрестныхъ болотахъ, особенно близъ сосѣдняго села Поноръ, чугунныхъ ядеръ; тамъ же, на довольно большой глубинѣ, до сихъ поръ лежитъ въ водѣ пушка. У самаго с. Липнаго, что стоитъ противъ Поноръ, тѣснится множество могилъ, именуемыхъ въ народѣ «шведскими».

Только что мы вернулись въ школу, появился узнавшій о нашемъ пріѣздѣ вертлявый и развязный фельдшеръ, за нимъ мѣстный священникъ, о. Семенъ.

Фельдшеръ все время то ерзалъ по стулу, то вскакивалъ и прохаживался по комнатѣ; когда я обращался къ нему съ вопросами, лоснившееся лицо его дѣлалось напряженно внимательнымъ, затѣмъ онъ взмахивалъ обѣими руками, шлепалъ себя по колѣнамъ, откидывался назадъ и отвѣчалъ.

Въ отцѣ Семенѣ сразу чувствовался «политикъ». Онъ сидѣлъ спокойно; въ полусумеркахъ дальняго конца зала, гдѣ расположились мы, яркой звѣздочкой свѣтилась крученая папироска его, отражавшаяся при затяжкахъ на стеклахъ очковъ; говорилъ онъ мало, больше допытывался. Я разспрашивалъ про старину.

— Да, есть тутъ кое что... кое у кого! Покупали мы тутъ года два назадъ съ однимъ пріѣзжимъ изъ Кіева; хорошія деньги онъ получилъ потомъ...

Такъ и не удалось выудить свѣдѣній у о. Семена о владѣльцахъ древностей.

Обѣщалъ мнѣ посмотрѣть и поискать всякую всячину — и только. Видимо, барыши нажитые какимъ то скупщикомъ, крѣпко запали ему въ голову, и онъ рѣшилъ и самъ нажить кое что. На этотъ счетъ, какъ говорили мнѣ о немъ, онъ великій мастеръ и, что мимо плыветъ, не упуститъ.

Но легендами со мной подѣлился охотно.

Фельдшеръ нѣсколько разъ вскакивалъ, ударялъ себя въ грудь и горячо возражалъ ему по поводу мелочей, не заслуживавшихъ никакого вниманія. Бабичъ слушалъ и поправлялъ обоихъ.

Есть преданія, что на замковомъ урочищѣ въ незапамятныя времена стояла церковь. Отъ беззаконныхъ дѣлъ людскихъ она ушла въ землю и если въ Пасхальную ночь приложить ухо къ землѣ, то ясно слышится звонъ ея.

На мѣстѣ ставка, что имѣется посрединѣ села, будто бы былъ въ старину у ручья колодецъ; владѣлецъ Колядина опустилъ въ него въ трехъ бочкахъ золото и всѣ свои драгоцѣнности, устроилъ «греблю» (плотину) и вода закрыла все.

Село любопытно въ археологическомъ отношеніи. Въ немъ имѣются подземные ходы и одинъ такой открылся въ прошломъ году послѣ сильнаго ливня, размывшаго землю у угла школы. Мои собесѣдники видѣли его, но такъ какъ провалъ образовался очень глубокій, то спуститься въ него никто не рѣшился и его засыпали.

Садъ и огородъ школы расположенъ на старинномъ кладбищѣ, и при копкѣ грядъ часто натыкаются на человѣческія кости. Около мѣста провала стоитъ нѣчто вродѣ кирпичнаго столба, означающее мѣсто престола находившейся когда то тамъ церкви.

Колядинъ въ народѣ слыветъ «невоеваннымъ» никогда мѣстомъ. Крестьяне разсказываютъ, будто нашъ царь похвастался какъ то нѣмецкому государю тѣмъ, что есть у него невоеванное богатое село, въ ко-

торомъ бабы по воду съ золотыми ведрами ходятъ; нѣмецъ на него позарился и вотъ по этой то причинѣ и разгорѣлась нынѣшняя война.

Но есть и другіе толки, довольно зловѣщіе: поговариваютъ, будто бы паны измѣняютъ и продаютъ русскую землю и война начата ими съ цѣлью «убавить народа», чтобы крѣпче забрать его потомъ опять «подъ себя».

Къ войнѣ крестьяне относятся очень чутко; идетъ говоръ, что по окончаніи войны будетъ на Руси окончаніе нѣмцамъ и панамъ и что земли и тѣхъ и другихъ «заберутъ солдаты».

Поздно, послѣ ужина, разошлись гости; Радченко, клевавшій носомъ весь вечеръ, улегся на вынесенной для него въ залъ кушеткѣ, а я разставилъ свою легкую, походную кровать, но долго не могъ уснуть: лунная ночь глядѣла въ окна, обрисовывала цвѣты на стеклахъ и заливала блѣднымъ свѣтомъ и меня и чурбаномъ упокоившагося моего компаньона.

Подъ утро хватилъ ливень, а къ восьми часамъ утра, когда мы уже сидѣли за самоваромъ, опять свѣтило солнце; было свѣжо.

Часамъ къ одиннадцати мы всѣ втроемъ входили на дворъ священника и осторожно пробирались между лужами къ невзрачному домишкѣ его, крытому соломой.

Крестьяне его не долюбливаютъ и ни новаго дома ему не строятъ, ни стараго не чинятъ.

На земляномъ полу полутемныхъ сѣней стояло мѣсиво изъ грязи.

Бабичъ отворилъ слѣдующую, обитую рваной рогожей, дверь и мы очутились въ кухнѣ; у окна ея высокая, еще довольно красивая женщина дѣлала изъ тѣста какія-то премудрости. То была матушка.

Мы поздоровались съ ней и прошли дальше; въ отворенную дверь изъ сосѣдней комнаты — спальной — выскочила хроменькая дѣвочка-подростокъ, дочка хозяевъ.

Въ слѣдующей комнатѣ, за столомъ сидѣлъ съ газетой въ рукахъ самъ хозяинъ. Встрѣтъ я его на

улицѣ, я его не узналъ бы. Вчерашняго благообразія не было и слѣда. Одѣтъ онъ былъ въ высокіе сапоги, въ брюки и клѣтчатый пиджакъ изъ сорта тѣхъ, въ которыхъ Аркашка Счастливцевъ появляется на сценѣ.

Воротникъ и галстукъ замѣняла мѣдная запонка, застегивавшая грязноватую ночную рубаху. Волосы о. Семена были собраны на затылкѣ пучкомъ, перевязаны бечевочкой и торчали на манеръ не то хвоста, не то султана. Въ такомъ костюмѣ о. Семенъ разгуливаетъ по своей усадьбѣ постоянно.

Мы были уже въ спальной, убогой и неуютной, когда о. Семенъ поднялся къ намъ навстрѣчу: выдерживалъ фасонъ, какъ говорятъ нѣкоторые. Въ рукѣ у него была газета «День», что весьма удивило меня. Несмотря на свою службу, я писалъ въ ней, какъ всегда, не прикрываясь псевдонимами, и знаю, что она рѣзко лѣвая.

— Вы «День» получаете? невольно вырвалось у меня.

— А что?—зорко глянувъ на меня, спросилъ о. Семенъ:—нехорошая газета, по вашему?

Завязалась бесѣда; на столѣ, покрытомъ грязной старой клеенкой, стоялъ потухшій самоваръ въ мозаикѣ изъ зелени и грязи; валялись куски недоѣденнаго хлѣба, крошки и окурки.

Обстановка столовой была такова, что лучше встрѣчается въ хатахъ простыхъ крестьянъ. Диванъ стоялъ рваный; нигдѣ не было и слѣда заботливости о вещахъ и объ уютѣ. Потолки во всѣхъ комнатахъ пестрѣли огромными мокрыми пятнами: домъ протекалъ, какъ хорошее рѣшето.

— Да, такая у меня протекція, а я всего только въ Колядинѣ попомъ служу! — сострилъ о. Семенъ, глядя на свои потолки.

Посидѣвъ немного, мы стали прощаться; о. Семенъ проводилъ насъ до воротъ и по дорогѣ показалъ тройку лошадей своихъ и пару коровъ: и тѣ и другія оказались великолѣпными.

— Барышникъ, а не попъ! вполголоса промолвилъ

Бабичъ, когда мы очутились въ проулкѣ: — цыганомъ бы ему быть!

— Какъ онъ бѣдно живетъ! замѣтилъ я.

— Тысячъ двадцать чистогану въ банкѣ имѣетъ! многозначительно отозвался Бабичъ.

Въ Красномъ Колядинѣ живетъ нѣсколько помѣщиковъ. Одинъ изъ нихъ, со странною фамиліей Велентѣй, женатъ на сестрѣ извѣстнаго Стефановича; послѣдніе годы Стефановичъ жилъ и скончался въ его имѣніи.

Слухи о немъ достигали и до Конотопа; говорили, что Стефановичъ одичалъ, никуда и ни къ кому не показывался, заросъ огромными волосами.

Другіе помѣщики въ селѣ, тоже старинные дворяне — Забѣлло. Надо было побывать у тѣхъ и у другихъ, и около двухъ часовъ я въ сопровожденіи молоденькаго о. дьякона отправился къ Забѣлло.

Идти было довольно далеко, черезъ оврагъ и греблю, (плотина); по пути мы разговорились.

Нынѣшній преосвященный Черниговскій пользуется самой отчаянной репутаціей; взятки онъ беретъ открыто и даромъ не дается у него не только мѣсто, но и не ударяется палецъ о палецъ. Губернію онъ наводнилъ попами и дьяконами; не рѣдкость въ здѣшнихъ церквахъ встрѣтить по два священника, при чемъ одинъ изъ нихъ состоитъ на дьяконской ваканціи, а дьяконъ на псаломщицкой; по селамъ наставилъ дьяконовъ и, конечно, старые священники воютъ волками. Нечего и говорить, что лицъ, окончившихъ семинарію, среди новыхъ ставленниковъ нѣтъ совершенно.

Дьяконъ, шагавшій рядомъ со мною, казался переряженнымъ въ рясу мальчиковъ съ болѣзненнымъ и худымъ лицомъ; чувствовалось въ немъ робость и придавленность. Въ семинаріи онъ не былъ: окончилъ только уѣздное училище.

— Воюете съ о. Семеномъ? спросилъ я его между прочимъ.

— Да . . . отозвался онъ: — не ладимъ мы!

— Изъ за чего?

— Да сразу, какъ пріѣхалъ я въ прошломъ году сюда, онъ заявилъ мнѣ, чтобы я лучше скорѣе хлопоталъ о переводѣ: обѣщалъ выжить...

— И что же?

— Тѣснитъ... пожавъ плечами сказалъ дьяконъ. — Оно, конечно, не съ руки ему я: дѣлиться, вѣдь, надо?

— А много онъ здѣсь получалъ?

— Тысячи три въ годъ набиралось. А теперь двѣ ему идетъ.

Въ глазахъ и лицѣ моего спутника было что то симпатичное. Не прорывалось въ словахъ его ни злобы, ни осужденія; говорилъ онъ спокойно.

— Вотъ здѣсь еще можно вещи достать... заявилъ онъ, когда мы поднялись на другую сторону оврага и указывая рукою на крытый желѣзомъ домикъ въ саду. — Только не знаю, подойдутъ ли вамъ?

— Какія, у кого?

— Человѣкъ тутъ живетъ одинъ: онъ въ Галиціи теперь полицейскимъ надзирателемъ, такъ недавно пріѣзжалъ сюда и много вещей навезъ. Жена его одна теперь здѣсь.

— А какія именно вещи? Старинныя?

— То то что нѣтъ: новыя! Распродали они уже много, вазы еще остались серебряныя, подсвѣчники, ковры. Пограбилъ таки въ Галиціи.

Отъ пріобрѣтенія такихъ вещей я отказался. Мы миновали обширный выгонъ съ вѣтряными мельницами на немъ; впереди показался длинный деревянный заборъ; за нимъ, нѣсколько въ отдаленіи, виднѣлся большой домъ Забѣлло.

Дьяконъ поднялъ съ земли валявшуюся палку и первый вошелъ въ калитку, именуемую здѣсь «форткой»; до половины снизу ихъ забиваютъ досками для того, чтобы не могли забираться во дворъ чужія свиньи, разгуливающія здѣсь въ безконечномъ числѣ.

На насъ съ лаемъ понеслись отъ крыльца собаки.

Между воротами и домомъ находился довольно просторный дворъ; середину его, видимо, когда то

занимала огромная клумба, заросшая теперь густымъ бурьяномъ и кустами.

Изъ за нихъ показалась плотная приземистая фигура какой то пожилой поломойки цыганскаго типа, въ сѣромъ обдрипанномъ платьѣ съ засученными рукавами и съ непокрытою головой.

Рѣзкимъ, почти мужскимъ голосомъ она прикрикнула на собакъ; къ изумленію моему, дьяконъ снялъ шляпу и, подойдя, почтительно пожалъ ей руку.

Сообразивъ, что передо мной владѣлица имѣнія, я отрекомендовался.

— Очень пріятно! басомъ отозвалась она, вставляя въ уголъ рта съ черными зубами папиросу, находившуюся у нея въ рукѣ.

Рука была вся истрескавшаяся, бурая съ черными обломанными ногтями.

— Пожалуйте въ домъ... Цыцъ вы, сволочи несчастныя! рявкнула она вдругъ на надсѣдавшихся собакъ и тѣ исчезли подъ крыльцо.

— Смотрите осторожнѣе: по «досточкѣ» идите! ступеньки ненадежны!

На крыльцо вело шесть основательно прогнившихъ, почти черныхъ ступеней; промежуточныхъ досокъ между ними не было и изъ отверстій между ними оскаливались собачьи морды, норовившія ухватить насъ за икры, пока мы балансировали по поперечной доскѣ.

Хозяйка прошла первою; юбка на ней была надѣта кое какъ, изъ подъ кофточки торчала далекая отъ временъ стирки рубашка.

Въ высокихъ и просторныхъ комнатахъ насъ встрѣтилъ хаосъ. Двери всѣ стояли настежъ; слѣва виднѣлась спальная, на деревянныхъ кроватяхъ былъ хаосъ изъ измятыхъ подушекъ, простынь и платья; на одной изъ постелей стояла даже банка съ вареньемъ. Середину комнаты украшали стоптанные башмаки и одинъ чулокъ; мебель, частью поломанная, была распихана, какъ попало; казалось, чьи-то руки нарочно перевернули, спутали, отодвинули все да такъ и оставили потомъ неубраннымъ.

Столовая, куда вошли мы, какъ будто только что претерпѣла непріятельское нашествіе.

Одну изъ стѣнъ занималъ огромный старый шкафъ, за перебитыми стеклами котораго желтѣли кожаные переплеты книгъ. Къ нему по невѣдомой причинѣ приткнутъ былъ круглый обѣденный столъ; къ этой компаніи подъѣхалъ отъ стѣны комодъ съ разинутымъ верхнимъ ящикомъ и какой то лапшой изъ бѣлья въ немъ.

На столѣ, покрытомъ какъ мозаикой слѣдами отъ мокрыхъ стакановъ, оставленныхъ рядомъ поколѣній, стоялъ и кипѣлъ громадный самоварище.

— Вотъ кàкъ вы кстати! Чайку сейчасъ вмѣстѣ попьемъ! гудѣла хозяйка, усадивъ насъ вокругъ стола на подозрительныя по прочности «бывшія кресла», и принялась за стаканы. Она перетерла ихъ полотенцемъ, вѣроятно, еще недавно хорошо послужившимъ въ качествѣ половика и налила бурду, которую приходится пить здѣсь повсюду, благодаря отвратительнѣйшей водѣ.

Завязалась бесѣда.

Софья Андреевна, — таково имя хозяйки — съ мѣста въ карьеръ начала жаловаться на людей и на то, что теперь совершенно нельзя вести хозяйство.

— Все вѣдь сама дѣлаю! рубила она. — Каждый день встаю въ три часа, съ бабами дою коровъ, потомъ бѣгу хлѣбы печь, къ обѣду надо что нибудь сготовить себѣ и людямъ, потомъ на пòлку иду и сама полю съ бабами: иначе ничего не выйдетъ. Лѣнтяи всѣ! И такъ цѣлый день, какъ бѣлка въ колесѣ верчусь!

— Охота вамъ такъ мучиться? не удержался я: — люди вы бездѣтные, продали бы все и жили бы себѣ припѣваючи въ полное удовольствіе!

— Гмъ . . . легко это сказать ! . . отвѣтила хозяйка и по тону ея почувствовалось, что, несмотря на всѣ жалобы, на трудности, никогда она имѣнія не продастъ и отсюда никуда не уѣдетъ.

Въ эту минуту въ залѣ, осторожно ступая и потирая корявыя, загорѣлыя руки появилась невысокая щупленькая фигурка, изъ типа ушедшихъ въ вѣчность приживальщиковъ. Облаченіе ея составляли штаны изъ грубаго рядна и такой же рубахи подъ потертымъ пиджакомъ.

Фигура оказалась самимъ помѣщикомъ, Михаиломъ Николаевичемъ.

Мы познакомились и опять усѣлись продолжать чаепитіе.

Помѣщикъ только что вернулся съ луга; съ костюма его и даже изъ полусѣдыхъ волосъ выглядывали стебельки сѣна: онъ собственноручно сметывалъ стога и привезъ возъ.

Супруга его опять принялась за тѣ же жалобы; онъ тянулъ чай съ блюдечка и скромно поддакивалъ ей, пріютившись подъ ея крылышкомъ. Пахоту, косьбу, возку навоза и т. д. — все это онъ продѣлываетъ съ рабочими на одинаковыхъ началахъ. О Толстовствѣ тутъ не могло быть и рѣчи: передо мной были только новаго типа помѣщики.

— Много книгъ у васъ? замѣтилъ я, глядя на шкафъ. Оттуда глядѣли на меня кожаные корешки старинныхъ журналовъ и книгъ по вопросамъ хозяйства.

Забѣлло нѣсколько виновато улыбнулся.

— Да... есть... Читать только некогда!.. отвѣтилъ онъ.

— Не то что читать, — дыхать некогда! Какое тутъ чтеніе? возгласила очередную ектенію его супруга.

Книги, дѣйствительно, поросли чуть не мохомъ и къ дверцамъ шкафа не прикасались, должно быть, лѣтъ двадцать.

— А у васъ имѣются, говорили мнѣ, столы старинные?—подошелъ я къ цѣли своего визита.—Не позволите ли взглянуть?

Мы перешли въ залъ — большой и свѣтлый, выходившій двумя стѣнами и окнами въ садъ; оттуда гля-

дѣла веселая зелень. Въ залѣ было мертво и пустынно; въ безпорядкѣ торчали отжившіе свой вѣкъ стулья и кресла; казалось, старички собрались кучками погрѣться на послѣдяхъ въ лучахъ солнца. И вдругъ, среди сплошного хлама, глаза мои наткнулись на два прямоугольныхъ столика дивной работы Елизаветинскихъ временъ.

Крышка на одномъ была изъ пестраго мрамора, на другомъ гвоздями были наколочены простыя, плохо даже выстроганныя и помазанныя сурикомъ толстыя вершковыя доски.

— Откуда они у васъ? спросилъ я хозяина.

— Давнишніе еще... Изъ дворца Разумовскаго, что въ Батуринѣ!

Я сталъ просить продать ихъ мнѣ, а за одно и каминные старинные часы, запихнутые въ уголъ, такъ что найти ихъ можно было только послѣ внимательнаго осмотра.

Забѣлло замялся и взглянулъ на жену.

Та молчала и курила съ какимъ то явственнымъ ссссс...., выпуская дымъ угломъ рта въ проломъ среди черныхъ зубовъ.

— Нехай стоятъ! промолвила, наконецъ, она.

Я присталъ къ ней съ уговорами, но она оказалась непоколебимой.

— Память отъ отцовъ... опять какъ бы извиняясь, молвилъ Забѣлло.

— Да вѣдь у васъ все память отъ отцовъ? отвѣтилъ я, обводя рукою вокругъ себя. — И домъ и вещи, — все вѣдь это отъ нихъ?

— Такъ то такъ, а все же...

— Нехай стоятъ! подтвердила еще разъ владѣлица и мы вернулись въ столовую.

Дверь на заросшій дикимъ виноградомъ балконъ стояла открытой; я пошелъ было на него, но позади меня раздался торопливый возгласъ Забѣлло: — Осторожнѣе! По правой сторонѣ нельзя ходить: провалится!

Я остановился у порога. Вся правая половина бал-

кона покосилась; часть пола у перилъ провалилась и гнилыя доски торчали концами на вѣсу. Почти въ такомъ же положеніи находилась и лѣвая сторона балкона: безъ членовредительства въ садъ можно было попасть опять таки лишь по «досточкѣ».

Мы стали прощаться. Забѣлло кланялся и благодарилъ за визитъ, какъ это дѣлаютъ простые крестьяне.

У крыльца опять встрѣтилъ насъ собачій хоръ; хозяинъ проводилъ насъ до воротъ и мы съ дьякономъ зашагали по выгону.

— Ну, что, какъ понравилось? спросилъ меня молчавшій все время дьяконъ.

— Ндда!.. процѣдилъ я вмѣсто отвѣта.

— А вѣдь богатые люди! деньги имѣютъ хорошія, имѣніе въ 100 десятинъ... не шутка!

Земля здѣсь доходитъ до 1 000 р. за десятину и, въ переводѣ на языкъ денегъ, мы побывали въ гостяхъ у владѣльцевъ стотысячнаго состоянія.

— Скупые они, что ли?

— Нѣтъ, нельзя сказать... отвѣтилъ дьяконъ. — А такъ, опустились: ни они никуда не ѣздятъ, ни къ нимъ никто. Работаютъ, трудятся, какъ мужики — а для кого? Что это: перебилъ онъ вдругъ самъ себя и пріостановился: — померъ кто то!

— Откуда вы взяли? съ удивленіемъ спросилъ я.

— А слышите звонъ?

Дѣйствительно, до насъ слабо доносился веселенькій перезвонъ небольшихъ церковныхъ колоколовъ.

— Это у насъ всегда такъ по душѣ звонятъ!..

— И по долгу?

— Да почти цѣлый день.

Мы добрались до выгона передъ церковью и дьяконъ поспѣшилъ къ колокольнѣ, чтобы узнать, кто умеръ; изъ верхняго окна ея выглядывало лицо отдыхавшаго звонаря. Я отправился къ школѣ и сѣлъ въ тѣни на лавочку.

Черезъ нѣсколько минутъ ко мнѣ присоединился и дьяконъ.

— Бѣшеный померъ...—сообщилъ онъ мнѣ, утирая потъ со лба.

— Какой бѣшеный?

— Собаки тутъ у насъ покусали человѣка одного недѣли три назадъ, — скончался сейчасъ!

Мы замолчали.

— «Ихавъ - ихавъ и доихавъ!» явственно слышалось мнѣ въ частомъ лепетѣ колоколовъ. Чѣмъ то грустнымъ обвѣяло душу. Дѣйствительно, доихавъ человѣкъ!

— Часты здѣсь случаи бѣшенства собакъ! спросилъ я.

— Случаются... Бываетъ и рогатый скотъ и лошади бѣсятся!

— Что же тогда съ ними дѣлаютъ?

— А зарываютъ. Выроютъ глубокую яму, обнесутъ изгородью съ трехъ сторонъ и загоняютъ въ нее скотину. Она проваливается въ яму, тутъ ее и засыпаютъ.

— Какъ, живую ? ! .

— Живую... спокойно подтвердилъ дьяконъ; на лицѣ его даже отразилось недоумѣніе по поводу моего невольнаго вскрика. — Что жъ такого: все вѣдь одно это!

— Страшно, не приведи Господи! вмѣшалась вышедшая на крыльцо жена Евгенія Евгеньевича. — Я разъ видала, корову такъ засыпали: сыплютъ на нее землю, она мечется въ ямѣ, бьется, потомъ какъ увязнетъ въ землѣ, остановится, головой мотаетъ, а сверху все валятъ на нее, все валятъ... Морду какъ начнетъ покрывать, вскинетъ ее вверхъ, а ей на глаза, въ ротъ... Потомъ ничего не видать: какъ воронка изъ земли надъ головой дѣлается и шевелится... Ужесть... ужесть !....

— Все одна смерть... опять повторилъ дьяконъ, глядя куда то вдаль упорнымъ взглядомъ.

Подъ вечеръ я отправился съ Бабичемъ къ Велентѣю.

Усадьба его находится почти посрединѣ села. Ог-

ромной длины заборъ, за которымъ шумѣлъ обширный паркъ, указалъ, что мы подходимъ къ владѣнію помѣщика.

Бабичъ открылъ калитку и мы очутились среди старыхъ вѣтвистыхъ деревьевъ. За ними, отдѣленный дорогою для проѣзда, бѣлѣлъ довольно длинный одноэтажный домъ; нѣсколько лѣвѣе крыльца, безъ всякаго навѣса надъ нимъ, стояла въ тѣни бричка безъ лошадей, и въ ней сидѣлъ пожилой мужчина.

— Это Велентѣй... шепотомъ сказалъ Бабичъ. — Онъ безъ ногъ, онѣ отрѣзаны у него. Нѣсколько разъ рѣзали его: по частямъ все приходилось отнимать ноги...

Мы подошли ближе; я познакомился съ хозяиномъ, и мы усѣлись рядомъ съ бричкой, на врытой въ землю деревянной скамьѣ.

Продолговатое лицо Велентѣя окаймляла короткая, подстриженная, почти совсѣмъ сѣдая бородка; свѣтлые глаза внимательно всматривались въ меня.

Съ первыхъ же словъ почувствовалось, что этотъ остатокъ человѣка интеллигентенъ и интересенъ; около него лежали книги, между прочимъ, и послѣдній номеръ «Голоса Минувшаго» съ моей статьей «Рязанскіе крамольники».

— Позвольте спросить, это не вы авторъ?.. Велентѣй назвалъ нѣкоторыя мои работы.

— Я.

Хозяинъ оживился и еще разъ пожалъ мою руку. Около него лежалъ звонокъ; онъ позвонилъ и приказалъ вышедшей на крыльцо босоногой дѣвкѣ позвать барышню и подать чай.

Заговорили о Стефановичѣ.

— Онъ умеръ здѣсь, у меня... разсказывалъ хозяинъ. — Къ сожалѣнію, жены сейчасъ нѣтъ дома, а то она многое показала бы вамъ и разсказала о немъ: онъ вѣдь братъ ея. Покойный завѣщалъ ей всѣ свои рукописи. Ихъ много осталось. Есть очень интересныя записки его о Сибири и тамошнихъ дѣятеляхъ, но пока, конечно, свѣта они увидать не могутъ!

Пришла дочь хозяина — высокая, плотно сложенная брюнетка, Кіевская курсистка. Намъ подали чай, а послѣ него я попросилъ ее проводить меня на могилу Стефановича.

Мы миновали скотный дворъ и вышли въ поле; почти сейчасъ же за нимъ, рядомъ съ обсаженною ветлами дорогой, виднѣлось небольшое «семейное кладбище».

— Вотъ могила дяди! сказала моя спутница, указывая рукою на ближайшій къ намъ новый дубовый крестъ излюбленнаго въ Малороссіи типа изъ двухъ огромныхъ и толстыхъ брусьевъ. Насыпи подъ нимъ не было: ее замѣняла ровная площадка нѣсколько шире и больше размѣрами, чѣмъ могила, сплошь засаженная полевыми цвѣтами. Надпись на крестѣ отсутствовала: такова была воля покойнаго.

Постоялъ я, снявъ шапку, у могилы автора «Записокъ Карійца» и повернулъ обратно, жалѣя, что не успѣлъ застать въ живыхъ этого страннаго человѣка. Будемъ ждать отвѣта на многое въ его запискахъ!

Велентѣй подарилъ мнѣ на память небольшой портретъ Стефановича самаго послѣдняго времени. Видъ у него на немъ дѣйствительно весьма дикообразный.

Вечеромъ, когда мы сидѣли за чаемъ у Бабича, послѣднему принесли записку отъ фельдшера, звавшаго его къ себѣ «погулять въ карты». Я уговорилъ Бабича не стѣсняться нашимъ присутствіемъ и, напившись чаю, онъ извинился и исчезъ. Но передъ уходомъ привелъ было меня въ недоумѣніе: на мой вопросъ, какія игры у нихъ процвѣтаютъ, назвалъ винтъ, потомъ преферансъ и, наконецъ, какой то «вантенъ». Видя, что я не понимаю послѣдняго слова, пояснилъ, что оно «французское» и означаетъ «двадцать одно».

Я, какъ всегда въ провинціи, ни въ какія игры не играю и заявляю, что понятія не имѣю о картахъ: иначе пропадешь!

Вернулся Бабичъ домой только въ 9 часовъ утра и говорилъ, что они кончили рано: часто пулька у нихъ затягивается и до часу слѣдующаго дня. Видъ у него

былъ истомленный; глаза, какъ у бѣшенаго налима, налились кровью.

Поблагодарили мы хозяевъ за гостепріимство и покатили на Дмитровку — большое и пыльное торговое село, а оттуда на Крапивное, въ старое гнѣздо дворянъ Кулябко.

Дмитровка славится не только невылазною грязью, но и множествомъ дворянъ, занимающихся тамъ извознымъ промысломъ и ничѣмъ не отличающихся отъ крестьянъ. Именуютъ ихъ тамъ почему то кадетами.

Крапивное — красивое село. Какъ вездѣ здѣсь, центромъ его является обширный прудъ, имѣющій видъ озера, голубого и чистаго по срединѣ и лишь по краямъ заросшаго травами; на высокомъ яру надъ нимъ, на крутомъ обрывѣ стоитъ среди густого сада бѣлая церковь, обнесенная каменной оградой.

Мой спутникъ агрономъ спалъ какъ сурокъ. Мы спустились съ горы, миновали «греблю», укрывающуюся въ аллеѣ изъ раскидистыхъ ветлъ, поднялись на противоположный берегъ и скоро село осталось за нами.

Кучеръ свернулъ влѣво отъ дороги и показалъ мнѣ кнутомъ на лѣсъ, густою стѣной встававшій намъ навстрѣчу.

— Усадьба Кулябокъ... — проговорилъ онъ: — и лѣсъ и поля эти кругомъ — все ихнее!

Я растрясъ агронома; онъ оглядѣлся съ очумѣлымъ видомъ и сталъ поправлять съѣхавшій на бокъ воротникъ и галстухъ.

Экипажъ нашъ миновалъ каменные воротные столбы и покатилъ по широкой тѣнистой аллеѣ. Ее пересѣкали превосходно содержавшіяся, покрытыя пескомъ дорожки; скоро изъ-за чащи елокъ и другихъ деревьевъ проглянули красныя стѣны дома и почти въ то же время я замѣтилъ очень пожилую, видимо, больную женщину въ темномъ платьѣ, стоявшую подъ деревомъ и опиравшуюся на руку болѣе молодой.

Экипажъ остановился; мы вышли изъ него и агрономъ представилъ меня: первая изъ дамъ оказалась

владѣлицей имѣнія, Анной Константиновной Кулябко; вторая — пріѣзжей изъ Петрограда, гостившей у нея.

Въ прошломъ Анны Константиновны имѣется своего рода исторія и потому упомяну о ней.

Отецъ ея, бывшій предводитель дворянства уѣзда и весьма богатый человѣкъ, отличался самодурствомъ и самомнѣніемъ. Въ его глазахъ выше Кулябокъ былъ только Господь и потому онъ позволялъ себѣ штуки вродѣ слѣдующей.

Извѣстный всей Россіи генералъ Драгомировъ, конотопскій уроженецъ, бывшій кіевскій и черниговскій генералъ - губернаторъ, вышелъ въ отставку и переѣхалъ на постоянное житье въ свое имѣніе, находящееся верстахъ въ шести отъ города.

Кулябко не только не счелъ нужнымъ сдѣлать первымъ визитъ заслуженному человѣку, но и демонстративно отпускалъ при людяхъ, близко стоявшихъ къ генералу, такія фразы: — говорятъ, что въ нашъ уѣздъ пріѣхалъ какой-то Драгомировъ?.. Не знаю, я его у себя не видалъ!..

Драгомировъ, конечно, не остался въ долгу и отвѣтъ его былъ таковъ: «скажите этой кулебякѣ, что такихъ господъ, какъ онъ, у меня по сорокъ человѣкъ въ передней дрожало, такъ пусть онъ поостережется!»

Такъ они и не увидали другъ друга — до самой смерти обоихъ.

И вотъ этотъ надутый спесью индюкъ узналъ, что единственная дочь и наслѣдница его влюбилась и собирается замужъ. «Предметъ» ея — молодой человѣкъ хорошей семьи — бывалъ у нихъ въ домѣ, но когда дѣло запахло свадьбой, папенька ея немедленно принялся за генеологическіе розыски и въ родословной жениха оказался изъянъ: кто-то изъ его семьи былъ незаконнорожденный.

Этого было достаточно, чтобы всѣ благородныя чувства предводителя были потрясены: претенденту на руку Анны Константиновны отказали и ей строго было запрещено даже думать о немъ.

Она подчинилась, но дала слово замужъ ни за кого не выходить.

Слово это она сдержала. Что пережила и передумала она за тѣ далекія минуты — мѣстныя хроники не говорятъ.

И вотъ передо мною стояла героиня этого стариннаго романа — разслабленная и некрасивая, но привѣтливая и радушная.

Мы всѣ вчетверомъ вышли на лужайку, обсаженную многолѣтними елями и усѣлись на садовыхъ стульяхъ; Анна Константиновна опустилась въ кресло.

У нея какая-то странная болѣзнь: по ночамъ начинаютъ болѣть всѣ нервы и она кричитъ и мечется, не находя себѣ мѣста. Лѣчили ее всевозможныя знаменитости, но, какъ водится, помогли только ея карману и облегчили его достаточно.

Давно мнѣ не приходилось встрѣчать такихъ обаятельныхъ женщинъ, какъ Анна Константиновна! Воспитанная, умная, сразу схватывающая мельчайшіе оттѣнки юмора или мысли собесѣдника, она сразу воскресила передо мною другую такую же замѣчательную старуху — Софью Андреевну Толстую, жену Алексѣя Константиновича.

Бесѣдуя съ Кулябко, я совершенно забывалъ о ея некрасивомъ ртѣ, о ея возрастѣ; въ ней свѣтилась душа — иного выраженія я не могу избрать здѣсь; та душа, которую мы, заурядные обыватели, топчемъ въ грязь, затискиваемъ на самый заднiй планъ; у нея былъ тотъ талантъ серебра, не зарытый въ землю, о которомъ говорится въ Библіи.

Сейчасъ же насъ угостили кофе съ превосходными сливками, затѣмъ больная послала за довольно безцвѣтной женой своего двоюроднаго брата, живущаго вмѣстѣ съ нею, и мы отправились осматривать садъ.

Садъ и паркъ занимаютъ 22 десятины. Часть парка, искусственными уступами по которымъ идутъ важныя величавыя аллеи пирамидальныхъ тополей и вѣковыхъ дубовъ, спадаетъ къ широкому голубому озер-

ку, — верховью того ставка, черезъ который мы переѣзжали въ селѣ.

Станешь на берегу его — передъ тобой тростники и водная гладь; за нею опять очеретъ и извилистые скаты холмовъ, съ будто катящимися съ нихъ сизо-зелеными волнами пшеницы. Чудится, что міръ людей остался за твоей спиной, а впереди безпредѣльная и безлюдная волшебница-степь.

Самая нижняя, тополевая аллея, совершенно невозможна для прохода. Ее завоевали грачи, устлали пометомъ и поломанными вѣтками, и идти по ней — дѣло рискованное. Вѣчный крикъ нѣсколькихъ тысячъ этихъ птицъ, строгія зубчатыя стѣны полузасохшихъ благодаря имъ тополей, вызывали мрачное чувство: казалось, что идешь у подножія гигантскихъ памятниковъ по невѣдомому, заброшенному кладбищу.

Мы выбрались выше, полюбовались на мощные, еще Петровскіе дубы и направились къ дому, гдѣ насъ ждали къ завтраку.

Домъ сравнительно не старъ, лѣтъ семидесяти, но кажется уже дряхлымъ: облупленныя красныя стѣны его, выведенныя посрединѣ въ видѣ полукруглыхъ башенъ, треснули и, какъ сказала владѣлица, уже совершенно не держали тепла.

Внутренность дома, подѣленная на мелкія низкія и неуютныя комнаты, совершенно не отвѣчала его внѣшности, претендующей на замокъ. Строитель дома, казалось, пытался взлетѣть орломъ въ Растрелли, но индюшечій геній его взлетѣлъ только до курятника.

Кстати, надо сказать нѣсколько словъ о неписанномъ дѣленіи малорусскаго дворянства. Оно ботаническое.

Первый, самый богатый, высшій разрядъ дворянства, именуется «тополевымъ».

Во второмъ разрядѣ числятся всѣ, имѣющіе отъ 100 до 200 десятинъ земли, и носятъ названіе «вишневыхъ дворянъ».

Третій сортъ, представителями котораго являются

Гоголевскіе Афанасій Ивановичъ и Пульхерія Ивановна, — дворяне «бузинные».

Тополевое дворянство старается воспитывать сыновей въ коллегіи Галагана въ Кіевѣ, являющейся для всей Малороссіей тѣмъ же, чѣмъ Петроградскій Лицей для Великороссіи — разсадникомъ хлыщей.

Юные вишневые дворяне идутъ по гимназіямъ и университетамъ; бузинные часто ограничиваются городскими училищами.

Любопытно времяпрепровожденіе покойнаго Кулябки: въ 9 час. утра, послѣ чаю, на дворъ выносилось кресло, онъ усаживался и сидѣлъ въ тѣни подъ деревомъ до часу, наблюдая за курами, голубями и пробѣгавшими служащими. Если шелъ мимо мальчикъ, онъ сейчасъ подзывалъ его. — «А ну, хлопче, иди до мене», и начинались долгіе разспросы — куда онъ идетъ, зачѣмъ, почему у него царапина на носу и т. д. Въ заключеніе прочитывалась нотація и плѣнникъ отпускался.

Спѣшила мимо дѣвка — подзывалась и она и опять начинались тѣ же разспросы, иногда не безъ игриваго оттѣнка.

Потрудившись такимъ образомъ, помѣщикъ шелъ обѣдать, затѣмъ отдыхалъ отъ трудовъ праведныхъ. Подъ вечеръ ѣздилъ иногда въ поле, затѣмъ слѣдовали ужинъ, чай и отходъ ко сну. Лакею, укладывавшему пана, говорилось: — «а ну, хлопче, перекрести меня!» Лакей крестилъ укутаннаго въ одѣяло барина и удалялся на цыпочкахъ.

Послѣ завтрака Анна Константиновна приказала принести ея ящикъ съ драгоцѣнностями, старинныя иконы, фарфоръ и т. д. Осмотръ ихъ занялъ около часа, а затѣмъ мы простились съ любезной хозяйкой и окружавшими ее лицами и покатили дальше.

Подъ вечеръ, объѣхавъ и осмотрѣвъ Бѣловѣжскіе хутора, мы попали въ с. Григоровку, къ помѣщику и мѣстному мировому судьѣ, А. П. Покорскому - Журавко.

Небольшой двухъэтажный домъ его, старѣйшій въ уѣздѣ и насчитывающій свыше 200 лѣтъ, словно притаился въ пестрой зелени парка, расположеннаго посрединѣ села; сбоку его закрываетъ гигантскій дубъ, раза въ два старшій, чѣмъ онъ.

У крыльца насъ встрѣтилъ самъ хозяинъ, высокій красивый шатенъ съ холеными усами, прогуливавшійся съ собаками по усыпанной пескомъ площадкѣ двора.

Мой спутникъ познакомилъ насъ и мы вошли въ оригинальную маленькую переднюю съ бѣлыми колоннами по бокамъ; вправо подымалась наверхъ колѣнчатая лѣстница, влѣво за колоннами имѣлась полутемная ниша съ деревянными диванами вдоль стѣнъ, предназначавшимися въ свое время для лакеевъ. Изъ передней мы попали въ длинный залъ, на стѣнахъ котораго висѣли потемнѣвшіе портреты; подъ ними стояли современный рояль и старинные клавесины.

Александръ Петровичъ отвелъ насъ въ комнату, гдѣ останавливались пріѣзжіе; я съ наслажденіемъ умылся и принялся за бесѣду съ хозяиномъ.

Имѣніе это и домъ принадлежали прежде Скоропадскимъ. Изъ нихъ особенную память по себѣ оставилъ нѣкій Петръ Петровичъ, бывшій при Николаѣ I мѣстнымъ предводителемъ дворянства.

Въ Черниговѣ, въ тѣ времена, губернаторствовалъ какой-то нѣмецъ; однажды, при встрѣчѣ со Скоропадскимъ, губернаторъ спросилъ:—ну что, Петръ Петровичъ, какъ у васъ въ Конотопѣ?

— А якъ у ж... — отвѣтилъ, посасывая свою трубку хохолъ. — «Грязно и воняетъ».

Въ другой разъ тотъ же губернаторъ, играя въ карты со Скоропадскимъ разсердился на него за какой-то неудачный ходъ и принялся упрекать его: — «надо же думайтъ, Петръ Петровичъ!» — закончилъ онъ.

— А на що мени думать? — флегматично возразилъ Скоропадскій: — я же русскій дворянинъ! Коли мени треба думать, такъ я соби німца найму!

Однажды, во время знаменитой когда-то ярмарки въ Ромнахъ, на которую съѣзжалось рѣшительно все

дворянство, Петръ Петровичъ держалъ пари, что голый проѣдетъ по ярмаркѣ и всенародно выполнилъ его самымъ невозмутимымъ образомъ.

Петръ Петровичъ имѣлъ замѣчательный винный погребъ, находившійся приблизительно въ четверти версты отъ дома. Когда собирались гости, подавали экипажи, а хозяинъ садился верхомъ на дрессированнаго жеребца, который все время бѣсился, прыгалъ на дабы и, казалось, готовъ былъ уничтожить все окружающее.

Обратно изъ погреба толпа гостей высыпала пьянымъ-пьянехонькой; иныхъ выносили на рукахъ и укладывали въ брички. Петръ Петровичъ при помощи слугъ взбирался на своего жеребца и тотъ шагомъ, низко опустивъ голову, бережно несъ обратно домой своего мотавшагося изъ стороны въ сторону хозяина; за нимъ слѣдовалъ кортежъ перепившихся.

Скоро вышла и хозяйка, представительная, полная блондинка съ энергичнымъ выраженіемъ лица и пригласила насъ къ чаю.

За чаемъ зашелъ разговоръ о древностяхъ и она напустилась на мужа.

— Это такой вандалъ, вы представить себѣ не можете! — говорила она. — У насъ въ саду стояла старинная статуя, Венера. И вотъ, этотъ господинъ позвалъ маляра, Жилу, и они три дня совѣщались на балконѣ, въ какой цвѣтъ ее выкрасить. И выкрасили: въ зеленый ! !

— Милочка, да вѣдь она вся раскисла! — посмѣиваясь въ усы, оправдывался Журавко.

— Ну да, а отъ чего? Оставили ее зимовать въ саду; понятно, вода попортила ее. Но этого мало! Постояла она такая, зеленая, онъ походилъ около нея, походилъ, — зацѣпили ее веревкой поперекъ тѣла, сволокли къ пруду — и утопили ! !

— Нехорошо было, милочка... семейный домъ и такое венерическое напоминаніе въ саду...

Со смѣхомъ мы встали изъ-за стола; хозяйка зажгла свѣчи и повела насъ осматривать комнаты.

Въ кабинетѣ глядѣли со стѣнъ темные отъ времени портреты.

— Вотъ это предокъ нашъ... Хозяйка поднесла свѣчку къ одному изъ портретовъ и назвала его имя.

— А недурно бы было реставрировать его! — замѣтилъ я.

— А якъ же-шъ? Я реставрировалъ: цибулей теръ! — серьезно отвѣтилъ Журавко.

Хозяйка сердито обернулась къ нему, но онъ скромно потупилъ свои блестѣвшіе лукавствомъ глаза.

Хозяйка стала поочередно освѣщать всѣ портреты и называть имена предковъ.

— А вотъ имени этого я не знаю!.. — сказала она, поднося свѣчу къ послѣднему.

Со стѣны на меня глянуло знакомое, худощавое лицо, съ окаймленными кругами глазами.

— Да это Фридрихъ Великій! — воскликнулъ я.

Сзади послышались такіе звуки, какъ будто бы начали душить кота. Я оглянулся: Журавко упалъ на диванъ и задрыгалъ ногами въ припадкѣ смѣха.

— О то гарный предокъ! О-хо-хо!!.

— Перестань! — крикнула на него жена и топнула ногой. — Да не можетъ быть?! — обратилась она ко мнѣ и такое искреннее огорченіе было въ ея голосѣ, что мнѣ сдѣлалось ее жалко.

— О то-то! О то-то! — повторялъ, катаясь по дивану, Журавко.

— Я-жъ его тогда на чердакъ велю выкинуть! — проговорила хозяйка, переводя глаза то на портретъ, то на меня. — Да вы шутите, не можетъ быть?!

— Нисколько не шучу: Фридрихъ собственною персоной!

— На чердакъ выкину! — повторила хозяйка и мы вошли въ ея небольшой будуаръ, раздѣленный посрединѣ колоннадой. Въ немъ висѣли на стѣнахъ два интересные карандашные портрета, рисованные Шевченкомъ въ 1847 году.

Одинъ портретъ изображаетъ Скоропадскаго, играющаго на бандурѣ, другой—жену Скоропадскаго.

Мы усѣлись на низенькихъ креслахъ и я сталъ разспрашивать про поэта. Память о немъ почти не сохранилась; хозяева могли только указать комнату, въ которой онъ жилъ — ту самую, гдѣ помѣщаются пріѣзжіе, да добавили, что пьянствовалъ онъ звѣрски, при чемъ часто удиралъ по ночамъ черезъ каменный заборъ на деревню и, случалось, отыскивали его лишь на другой день, гдѣ-либо въ видѣ «мертваго тіла».

Отъ Шевченко перешли къ легендамъ. Имѣетъ свою и домъ Покорскихъ: въ той комнатѣ, гдѣ сидѣли мы, является привидѣніе; по ночамъ часто доносятся оттуда стукъ передвигаемой мебели и звуки шаговъ. Если войти въ это время въ будуаръ, то можно увидѣть, что пустое кресло-качалка мѣрно качается, какъ будто кто сидитъ въ немъ и т. д.

Хозяйка разсказала это повѣрье и всѣ замолчали.

Въ эту минуту въ темномъ залѣ раздались звуки клавесинъ.

— Это не привидѣніе, — поспѣшно заявила хозяйка: — это братъ моего мужа, студентъ.

Я извинился и поспѣшилъ къ нему.

— Сыграйте какой-нибудь полонезъ! — попросилъ я.

Звуки стихли, затѣмъ раздались снова. Въ старинномъ залѣ надтреснутымъ голосомъ пѣлъ клавесинъ торжественную пѣсню старины. Я слышалъ въявь голосъ прошлаго. И если дѣйствительно существуютъ души людей — онѣ должны были столпиться въ то время вокругъ насъ въ полусумеркахъ зала.

Куцаго агронома положили на ночь въ Шевченкинской комнатѣ, а меня, какъ болѣе длиннаго, устроили на диванѣ въ кабинетѣ хозяина, рядомъ съ будуаромъ.

— Вы не боитесь привидѣній? — нѣсколько разъ серьезно допытывалась у меня хозяйка: — а то мы можемъ васъ и въ другомъ мѣстѣ устроить?

Я отвѣтилъ, что не только не боюсь, но жажду увидѣть ихъ, и что къ сожалѣнію ни разу не имѣлъ чести встрѣчаться съ ними.

Устроили меня великолѣпно: я поставилъ рядомъ

съ диваномъ стулъ, на него свѣчу, взялъ книгу и почиталъ минутъ десять. Затѣмъ задулъ огонь и заснулъ какъ убитый среди довольно-таки каторжныхъ рожъ хозяйскихъ предковъ.

Утромъ я проснулся рано, одѣлся, умылся и выбрался черезъ балконъ въ садъ.

Что за роскошь темныя аллеи его, гдѣ даже въ сильнѣйшій зной не видно солнца! Къ нимъ ведутъ дорожки, обсаженныя громаднѣйшими жасминами и орѣхами. И только нѣтъ одного — самаго важнаго въ мірѣ — проточной воды.

Постоялъ я на берегу пруда, гдѣ утоплена Венера, поглядѣлъ на него, но какъ ни люблю воду — выкупаться не рѣшился: всѣ такіе пруды въ Малороссіи — сплошная заросль тины.

Влѣво отъ орѣховой аллеи, на небольшой полянкѣ расположено собачье кладбище. Бабка Александра Петровича была великою любительницей собакъ и въ домѣ, въ спальнѣ ея, жили каждая въ особой корзиночкѣ, десятки самыхъ разнообразныхъ мелкихъ собакъ. Смерть какого-либо питомца вызывала настоящую трагедію.

Собачьему покойнику заказывался саркофагъ; качество его зависѣло отъ степени любви къ нему владѣлицы. Любимѣйшихъ болонокъ клали въ мраморные саркофаги, ставившіеся на столъ и Вѣра Петровна до тѣхъ поръ не позволяла хоронить ихъ, пока покойникъ не начиналъ портить воздухъ.

Тогда созывались знакомые и происходили торжественныя похороны. Два лакея на широкомъ ручникѣ несли саркофагъ; за ними, обливаясь слезами и припадая отъ горя на плечо то къ одной, то къ другой поддерживавшей ее сосѣдкѣ, шествовала Вѣра Петровна въ платьѣ съ широчайшимъ криналиномъ, моднымъ въ тѣ времена. Ее окружало все собачье племя.

Принципъ воспитанія этого племени, несмотря на отдаленное отъ насъ время, былъ вполнѣ современный: въ основѣ его лежала полная свобода. Поэтому, то одинъ, то другой изъ ея воспитанниковъ подымалъ

ногу и орошалъ кринолинъ владѣлицы или ея сосѣдки. Такой же участи подвергались всѣ углы и портьеры по пути процессіи въ домѣ.

Покойника, наконецъ, зарывали; на могилѣ воздвигался памятникъ съ длиннѣйшими надписями для потомства о происхожденіи, жизни и времени кончины погребеннаго и гости, и хозяйка возвращались обратно въ домъ.

Къ десяти часамъ поднялись и хозяева.

Мы напились чаю и, несмотря на уговоры остаться пообѣдать, распростились и покатили по жарѣ и пыли въ свой Конотопъ.

Агрономъ, выѣхавъ за ворота, сплюнулъ.

— Чего вы? — спросилъ я, глядя на недовольное лицо его.

— Такъ... Въ пузо пошли люди! — отвѣтилъ онъ, кивнувъ головой на старую усадьбу, уже исчезнувшую среди зелени. — молодые, здоровые, богатые, а уже мохомъ обросли: только бы вкусно поѣсть имъ и ничего больше!

Іюня 15. Съ войны идутъ плохія вѣсти, а слухи по уѣзду бродятъ окончательно, чортъ знаетъ какіе. Если вѣрить толкамъ простонародья — измѣна у насъ всюду.

Іюня 17. Ходилъ къ мѣстному земскому начальнику, А. И. Таравинову, поторопить его съ отвѣтомъ на мою спѣшную дѣловую бумагу.

Лѣтъ ему около пятидесяти. Господинъ сей встаетъ около двѣнадцати часовъ и съ постели переходитъ въ кресло у окна на улицу. Мѣсто это именуется у него «дачей», такъ какъ около его дома ростетъ пара тополей.

На дачу ему подается чай и онъ благодушествуетъ часа два, просматривая газеты, при чемъ «Правительственный Вѣстникъ», какъ я убѣдился, штудируется имъ отъ а до зетъ.

На дачѣ же онъ проводитъ время отъ послѣобѣденнаго сна и до вечера. Лицо у него круглое, добродушное; говоритъ онъ чрезвычайно многозначитель-

но, расплываясь при этомъ самодовольной улыбкой и торжествуя, что ему удалось высказать такую блестящую мысль, хотя бы разговоръ шелъ о сапогахъ или пыли на улицѣ. Каждое слово сопровождается у него округленною, какъ онъ самъ, жестикуляціей; если онъ говоритъ о какой-нибудь мелочи — рука его отмѣтитъ пунктиръ въ воздухѣ, если о чемъ-нибудь болѣе важномъ — изъ указательнаго и большого пальцевъ складывается кружокъ и нѣсколько разъ отчеканивается передъ слушателемъ, такъ что со стороны кажется, будто Таравиновъ въ нѣсколько пріемовъ надѣваетъ этотъ кружокъ ему на носъ.

Я присѣлъ у другого окна — на дачу его жены, необычайно длинной и тощей дамы, исполняющей обязанности городского безпроволочнаго телефона, и послѣ нѣсколькихъ общихъ фразъ заговорилъ о дѣлѣ.

— Извините меня,—добродушно отвѣтилъ онъ,— но позвольте мнѣ дать вамъ совѣтъ:—не торопитесь; главное—не торопитесь!

Пальцы Таравинова наглядно подтвердили ту же мысль. Онъ откинулся на спинку дачи и съ самодовольнымъ видомъ глядѣлъ на меня: истина, должно быть, по его мнѣнію изречена была удивительная!

Я пояснилъ ему, что дѣло спѣшное и непровѣрка имъ приговора задерживаетъ весь ходъ работъ.

— Да ... надо будетъ заняться ! .. — глубокомысленно вскинувъ вверхъ брови, отвѣтилъ онъ.

— А вы еще ничего не сдѣлали, злодѣй? — ужаснулся я.

— Да вѣдь когда же? Всего мѣсяцъ назадъ я получилъ отъ васъ бумажку. Все должно вылежаться. Главное — не торопитесь ! ..

Вечеромъ былъ у Н. І. Фененко и разсказалъ ему про свое горе съ Таравиновымъ.

Фененко смѣялся и увѣрялъ, что отвѣта на свою бумагу я никогда не получу и что ни одного «жеста» въ служебномъ смыслѣ Таравиновымъ за всѣ года его начальствованія сдѣлано не было.

— Онъ губернаторамъ ни на какіе запросы не

отвѣчаетъ, не то что вамъ! Да еще какимъ не отвѣчалъ — Маклакову! Тотъ прислалъ ему однажды какой-то запросъ — Таравиновъ молчитъ; онъ ему подтвержденіе — опять молчитъ. Губернское присутствіе шлетъ телеграмму — и на нее ни звука. Тогда на имя предводителя дворянства приходитъ телеграфное приказаніе — немедленно выслать Таравинова въ Черниговъ для дачи поясненій.

Снарядили и выпроводили его въ «губернію» подъ надзоромъ предводителя. Когда онъ явился Маклакову — тотъ былъ въ губернскомъ присутствіи.

— Батюшка, вы еще живы ? ! — воскликнулъ Маклаковъ въ отвѣтъ на традиціонное «честь имѣю явиться».

— Живъ . . . живъ . . . — отвѣтилъ Таравиновъ подъ общій смѣхъ присутствовавшихъ членовъ.

— А мы думали, что вы давно умерли!

Тѣмъ дѣло и кончилось.

— Да что же, бабушка ему ворожитъ, что ли? — спросилъ я. — Почему же его не турнутъ въ 24 часа?

Фененко пожалъ плечами.

— Онъ слыветъ самымъ консервативнымъ человѣкомъ въ уѣздѣ. Столбъ отечества, такъ сказать . . . Ну, и «бабушки» у него есть: жена. Она въ дружбѣ со всѣми сильными міра сего; прежде всего — она наслѣдственная мастерица по части разныхъ кулинарныхъ дѣлъ. Когда наступаетъ сезонъ ягодъ — она ѣдетъ дней на пять къ предводителю, варитъ ему варенье, потомъ къ С. А. Кандыбѣ, ему тоже и т. д. При такихъ условіяхъ, какъ видите, мужу можно не отвѣчать и губернаторамъ!

Съ Загребелья, гдѣ живетъ Фененко, въ городъ надо проходить черезъ длиннѣйшіе мостки съ перилами, протянутыя черезъ заросшее густымъ камышемъ болото и скверную рѣченку Іезусъ. Какъ только начинаетъ вечерѣть, все жаждущее любви мѣщанство и еврейство заполняетъ эти мостки. Сѣмячки грызутъ и плюютъ въ такомъ количествѣ, что галантный ка-

валеръ за вечеръ свиданья стравитъ ихъ своей дамѣ, должно быть, фунта три.

Любятъ сѣмячки и въ Россіи, но такого неистоваго щелканья ихъ, какъ здѣсь, я еще не видывалъ: городской садъ, тротуары, сплошь, какъ ковромъ усыпаны шелухой.

Іюня 19. Въ числѣ дѣятелей Конотопскаго уѣзда я уже упоминалъ А. Лазаревскаго, оставившаго послѣ себя цѣлый рядъ книгъ по исторіи Малороссіи.

Интересно было взглянуть на его гнѣздо, и я предложилъ Радченко съѣздить въ Подлипное. Оказалось, что изо всей семьи Лазаревскаго Радченко зналъ только одну изъ дочерей его, жившую въ Гиреевкѣ, и мы покатили нанести ей визитъ.

По дорогѣ Радченко повѣдалъ мнѣ странную исторію этой Лазаревской. Дочь генерала, интеллигентная дѣвушка, она сошлась не то со своимъ рабочимъ, не то съ приказчикомъ — Т. И. Осадчимъ. Почему она не вышла за него замужъ, а живетъ съ нимъ вотъ уже много лѣтъ гражданскимъ бракомъ — Радченко не зналъ.

Мѣстное дворянство, устроившее ее до этой исторіи въ здѣшней женской гимназіи начальницей — всполошилось и гимназію ей пришлось покинуть. Она заперлась въ своей Гиреевкѣ и выѣзжаетъ только лѣчиться.

— Чѣмъ же прельстилъ ее этотъ Осадчій? Красивъ онъ что ли собою, уменъ?

Радченко усмѣхнулся.

— А вотъ увидите! Бѣсятся старыя дѣвки... — добавилъ онъ, помолчавъ: — въ томъ и причина лежитъ всей этой глупости!

— Дѣти у нихъ есть?

— Есть... нѣсколько штукъ!

Мы въѣхали въ село и на довольно высокомъ взгоркѣ надъ улицей завидѣли крытый соломой, довольно большой бѣлый домъ помѣщичьяго типа.

Кучеръ свернулъ къ воротамъ, но они оказались запертыми; ни звонка, ни людей въ саду, черезъ кото-

рый надо было круто подыматься къ дому, видно не было.

Ефремъ-извозчикъ, постоянно ѣздящій со мною — перелѣзъ черезъ заборъ, отперъ ворота и пара коней съ трудомъ вынесла экипажъ къ дому.

Мы вышли и поднялись на крыльцо; въ окно видно было спину какого-то мужчины, сидѣвшаго за столомъ безъ пиджака и обѣдавшаго.

— Тихонъ Ивановичъ, вы дома? — вопросилъ агрономъ, входя въ небольшую переднюю.

— Дома, дома ... — отозвался голосъ: — милости просимъ, я сію минуту!

Мы вошли въ кабинетъ.

Въ немъ царилъ невѣроятный безпорядокъ. На письменномъ столѣ былъ винегретъ изъ книгъ, бумагъ, обломковъ ножей, ржаваго револьвера Лефоше, какой-то старой гранаты и чего угодно. Очевидно, у владѣльцевъ былъ обычай складывать все ненужное на письменный столъ.

Стѣна противъ него была покрыта полками съ книгами, самаго пестраго содержанія. На другихъ стѣнахъ висѣли вкривь и вкось фотографіи неизвѣстныхъ мнѣ лицъ. Ни признака заботливости объ обстановкѣ и уютѣ не замѣчалось.

— Странный человѣкъ, должно быть, хозяйка, подумалъ я, осматриваясь и стараясь найти хоть бы слѣдъ прикосновенія женской руки.

— Онъ вѣдь вашъ братъ, писатель! — вполголоса промолвилъ агрономъ, кивая на закрытую дверь.

Я не успѣлъ отвѣтить, какъ она отворилась и вышелъ, протягивая впередъ руку, осклабившійся длинный нескладный человѣкъ съ русою бородой, высокимъ лбомъ и свѣтлыми голубоватыми глазами.

— Извините ужъ меня ... я того ... да ... одѣвался! — проговорилъ онъ, познакомившись со мной. — Очень радъ, садитесь, пожалуйста!

Я опустился въ кресло, и хозяинъ съ Радченко тотчасъ же принялись бесѣдовать о сельско-хозяйственныхъ дѣлахъ.

Если бы не безмѣрное множество «интеллигентныхъ» словъ, поминутно употреблявшихся имъ, ни по внѣшности, ни по манерѣ говорить Осадчаго отличить отъ крестьянина было бы нельзя.

Говоритъ онъ, упирая на «о» протяжно и однообразно; огромнѣйшій ротъ его съ двумя полукругами здоровыхъ, чисто крестьянскихъ зубовъ, полуоткрывается словно для укуса, еще задолго до его очереди говорить, а правая рука все время дѣлаетъ одно и то же движеніе, какъ будто норовя ухватить за воротъ и притянуть къ себѣ собесѣдника.

Въ пылу разговора для пущей убѣдительности, онъ вставалъ, и тогда тощая фигура со впалою грудью походила на букву С, при чемъ аршинныя ступни его имѣютъ гусиное свойство и заворочены носками внутрь.

Съ хозяйственныхъ вопросовъ разговоръ перешелъ на общественные.

Говорилъ Осадчій неглупо, но Богъ одарилъ его свойствомъ превращать интересныя темы въ нѣчто снотворное.

Безчисленныя—эээ... такъ сказать... да... и прочіе аттрибуты доморощеннаго краснорѣчія, употреблялись имъ въ избыткѣ.

— Убила бобра, матушка! — думалъ я, глядя на Осадчаго, про спутницу его жизни.

— А извините, я не дослышалъ, какъ ваша фамилія? — обратился онъ ко мнѣ въ это время.

Я назвалъ себя отчетливѣе и ротъ его раздвинулся отъ улыбки на манеръ Харибды.

— Ну, такъ я васъ знаю, да! — воскликнулъ онъ. — Очень пріятно познакомиться. И читалъ о васъ, э... и книжки, да, ваши у меня есть!.. Не всѣ, конечно...

Сейчасъ же онъ поспѣшилъ къ шкафу съ книгами и досталъ оттуда по два экземпляра двухъ своихъ беллетристическихъ книгъ.

Одинъ онъ поднесъ Радченкѣ, другой, съ лестною надписью, мнѣ. Изъ перечня сочиненій его, имѣвша-

гося на обложкѣ, я узналъ, что Осадчій авторъ множества книгъ экономическаго характера; издавала его, главнымъ образомъ, Москва.

— Это я зимой пишу! — сообщилъ онъ: — лѣтомъ некогда, я вѣдь съ рабочими самъ работаю. Лѣнтяи они здѣсь страшные: не будешь съ ними торчать и они будутъ отдыхать. А деньги большія получаютъ: 75 коп. въ день; надо же ихъ вернуть въ домъ!

Въ прошломъ Осадчаго, конечно, имѣются высылки, надзоры полиціи и т. п.

Слушая его, я вспомнилъ анекдотъ, разсказывавшійся когда-то про критика Скабичевскаго.

Вѣдалъ онъ литературнымъ отдѣломъ въ газетѣ Нотовича «Новости». И, возвращая рукопись какому-либо автору, онъ будто бы тягуче говорилъ ему: — «не подойдетъ для насъ; это недостаточно скучно!»

Какого великолѣпнаго сотрудника имѣлъ бы въ немъ Скабичевскій!

Узнавъ, что мы еще не обѣдали, Осадчій извинившись нѣсколько разъ, что изъ-за отлучки «хозяйки» ему нечѣмъ угостить, пригласилъ насъ въ столовую.

Столъ, накрытый вмѣсто скатерти рваной клеенкой, грошевыя стулья у стѣнъ, — все носило на себѣ отпечатокъ невниманія и малой интеллигентности хозяевъ.

Опустилась ли, живя съ Осадчимъ, его «хозяйка», по натурѣ ли она такая бездушная и холодная — не знаю.

Босоногая баба подала намъ какую-то бѣлую болтушку вмѣсто супа; за нимъ послѣдовала жареная курица.

Осадчій вооружился ножемъ и принялся по-крестьянски крошить ее на мелкіе кусочки, вопреки всѣмъ правиламъ куриной анатоміи. Накрошивъ ее, словно для кошекъ, онъ ножемъ сталъ ссыпать куски намъ на тарелки.

— Получайте, пожалуйста! Не стѣсняйтесь! — уговаривалъ онъ насъ.

Старины никакой въ домѣ не оказалось, да ею повидимому никто и не интересовался.

— Рукописи, книги и все такое, да... старое — все это въ Подлипномъ. Въ Подлипное вамъ ѣхать надо! — говорилъ Осадчій, съ шумомъ обсасывая и грызя какъ орѣхи куриныя кости. — Тамъ много всего... Покойный тамъ вѣдь жилъ, а здѣсь у него хуторъ былъ!

Попросилъ я его разрѣшенія раскопать осенью курганы, находящіеся на его землѣ, и мы уѣхали, къ крайнему, хотя и тайному, удовольствію хозяина, жаждавшаго попасть поскорѣе къ своимъ рабочимъ.

Іюня 22. Ѣздилъ вмѣстѣ съ Фененко въ ихъ родовое имѣніе — Хишки. Намъ пришлось пересѣкать Путивльскій уѣздъ, клиномъ врѣзывающійся въ нашъ, и по пути остановились въ с. Бочечкахъ, Курской губ.

Фененко, знающій весь уѣздъ и его окрестности, какъ попъ—отче нашъ, повѣдалъ мнѣ объ ихъ прошломъ.

Бочечки до сравнительно недавняго времени находились во владѣніи Львовыхъ.

Въ серединѣ села возвышается странный храмъ, похожій на костелъ; онъ возведенъ на поднятой надъ землей площадкѣ, на которую ведутъ широкія каменныя ступени; спереди и сзади него имѣются широкія террасы; кровля надъ ними опирается на массивныя бѣлыя колонны. На террасѣ за алтарной стѣной стоитъ рядъ каменныхъ гробницъ семьи Львовыхъ. Противъ нихъ—сейчасъ же за дорогой шумитъ громадный вѣковой паркъ.

Мертвые владѣтели тѣхъ мѣстъ словно ждутъ своего возвращенія въ него.

Говорю «владѣтели», а не «владѣльцы» — потому, что то, что я видѣлъ, вокругъ носило слѣды широкаго размаха, имѣло совсѣмъ иной отпечатокъ, чѣмъ встрѣченное мною до сихъ поръ въ Малороссіи: то все были сравнительно мелкіе масштабы, созданіе ограниченныхъ средствъ и такихъ же мозговъ. Здѣсь на каждомъ шагу, даже на церковномъ дворѣ, обсажен-

номъ старыми аллеями, поражалъ просторъ и спокойная, величавая красота.

Домъ Львовыхъ находится совсѣмъ вблизи отъ церкви. Мы завернули за уголъ и передъ нами открылось огромное, бѣлое зданіе, напоминающее Таврическій дворецъ. Извозчикъ въѣхалъ на сравнительно небольшой, подковообразный дворъ и я пожалѣлъ, что со мной нѣтъ фотографическаго аппарата: и слѣва и справа крылья двора занимали небольшіе деревянные домики-павильоны Екатерининскихъ временъ. Въ выбитыя окна ихъ виднѣлись доски и какая-то сложенная, какъ въ амбарахъ, рухлядь: нынѣшніе владѣльцы предназначали ихъ къ сносу.

Эти нынѣшніе владѣльцы — евреи. Они устроили въ Бочечкахъ сахарный заводъ, но сами въ имѣніи не живутъ. Въ домѣ-дворцѣ помѣщается контора и живетъ управляющій.

Мы попросили разрѣшенія осмотрѣть паркъ и управляющій — весьма любезный и цивилизованный по внѣшности господинъ — самъ повелъ насъ.

Мы вступили въ центръ дома — залъ, громадный двухсвѣтный, являющійся точной копіей залы Таврическаго дворца. На великолѣпномъ паркетѣ, около блещущихъ бѣлизной стѣнъ, на тумбахъ стояли чудовищные по размѣрамъ, рѣдкія тропическія растенія.

Залъ былъ полонъ свѣта, лившагося изъ чуть ли не трехсаженныхъ оконъ, расположенныхъ въ полукруглой задней стѣнѣ; она выходила въ паркъ. Стеклянная дверь была распахнута, виднѣлась зелень и усыпанныя пескомъ дорожки.

Мы вышли, прислушиваясь къ эху своихъ шаговъ въ залѣ, на каменную террасу и остановились среди колоннъ.

— Что за красота! — невольно вырвалось у меня.

За клумбами цвѣтовъ, главнымъ образомъ, всевозможныхъ розъ, начинался полный прохлады и тѣни паркъ съ веселыми зелеными лужайками и прямыми стрѣлами дорожекъ.

Екатерингофскій паркъ передъ нимъ только жалкій намекъ на паркъ!

Мы прошлись по аллеямъ и, когда вышли, возвращаясь назадъ, на широкую, обсаженную ровно обстриженными кустами, центральную аллею, ведшую прямо къ дому — я опять остановился и долго любовался видомъ. Домъ съ его колоннадой весь былъ какъ на ладони.

Но надо было торопиться дальше. Мы распростились съ управляющимъ и покатили въ Хишки. Я нѣсколько разъ оглядывался на прекрасную сказку прошлаго, перешедшую въ руки купцовъ. Что думаетъ гордая душа строителя Андрея Ивановича Львова о своихъ потомкахъ, продавшихъ родовое имѣніе и оставившихъ прахъ предковъ своихъ на попеченіе Николая Угодника? По какимъ Монакамъ развѣяно теперь золото, вырученное за имѣніе?

Фененко прервалъ мои думы повѣствованіемъ о своихъ семейныхъ дѣлахъ.

— Я долженъ васъ предупредить о томъ, что вы сейчасъ увидите... — началъ онъ: — наша семья дѣлится на Скоропадскихъ и собственно насъ, Фененко. Моя матушка была въ первомъ бракѣ за Скоропадскимъ. Она женщина совершенно простая, изъ крестьянокъ. Въ Хишкахъ живутъ, кромѣ нея, мой родной братъ — Иванъ Іосифовичъ съ женой, и мой другой братъ — Скоропадскій съ сестрой. Это, какъ вамъ сказать... совершенно другое. Воспитывался онъ, конечно, у Галагана, гимназистомъ имѣлъ собственный выѣздъ, содержанку и соотвѣтственное количество денегъ. Конечно, ничего онъ не кончилъ и вскорѣ выѣхалъ въ трубу... Лѣтомъ онъ пріѣзжаетъ въ Хишки отдыхать отъ полезныхъ трудовъ и ловить рыбу. Сестра его ненормальна.

Фененко — человѣкъ чрезвычайно воспитанный и корректный, по внѣшности онъ типичный, выдержанный европеецъ и хотя любитъ исторію своего края, но относится къ ней и ко всѣмъ туземцамъ и сородичамъ

съ затаенной ироніей, перевитой большой дозой юмора.

Вскорѣ показались и Хишки — огромнѣйшее село; мы свернули въ какой-то закоулочекъ, скорѣе тоннель среди сплошныхъ фруктовыхъ садовъ и въѣхали во дворъ, густо заросшій кустарникомъ и деревьями. За ними бѣлѣлъ одноэтажный домъ.

Во дворѣ и въ передней не было ни души. Мы вошли въ довольно большой залъ, уставленный мебелью въ чехлахъ и щеголявшій чистотою до блеска. Оттуда прошли на веранду; Фененко оставилъ меня и отправился розыскивать своихъ.

Съ другимъ имѣніемъ другой вѣтви Скоропадскихъ «Полошки» связана мрачная легенда: будто бы во времена Павла одна изъ барышень Скоропадскаго влюбилась въ красавца кучера и сошлась съ нимъ. Мать — сама отравила дочь, давъ ей яду въ кофе; кучеръ по ея приказу былъ живымъ зарытъ въ землю. Преданіе гласитъ, будто призракъ злобной старухи, одѣтый во все черное, до сихъ поръ является въ дому передъ смертью кого-либо изъ членовъ семьи. Однажды — не такъ давно — только что прибывшая къ нимъ въ домъ англичанка увидала въ комнатахъ прошедшую мимо нея важную старуху въ черномъ платьѣ. Она обратилась къ одному изъ домашнихъ съ вопросомъ, кто эта особа? Отвѣтомъ ей былъ всеобщій испугъ — она видѣла привидѣніе.

Яблони и груши обступали домъ Фененокъ вплотную; въ глубь сада, къ невидному съ балкона Сейму, уходила дорожка, терявшаяся гдѣ-то въ дали; жгучіе лучи солнца прорывались сквозь зелень деревьевъ и словно пестрая сѣтка изъ свѣтлыхъ и темныхъ пятенъ колебалась на пескѣ дорожки и на путаницѣ вѣтвей надъ нимъ.

Минутъ черезъ пять я услыхалъ шаги и на порогѣ залы показалась небольшая, скромно одѣтая старушка — мать Фененко. Онъ представилъ меня ей, мы сѣли и начали весьма популярную бесѣду о жарѣ и пыли.

По обличью простой женщины въ ней я бы не призналъ; передо мной была типичная провинціальная помѣщица-насѣдка, интересующаяся только своимъ домомъ и никуда изъ него за всю свою жизнь не выѣзжавшая.

Говорила она сильно на «о» и поминутно вплетая малорусскія слова въ русскую рѣчь.

Скоро стала собираться и остальная публика. Иванъ Іосифовичъ молодой, краснощекій человѣкъ — еще нетронутое во всѣхъ отношеніяхъ дитя деревни, его жена — довольно блѣдная, съ истерическимъ ртомъ дама. Скоропадскій — высокій, пожилой и несуразнаго обличья и достаточно потрепанный субъектъ съ длинными темно-русыми вихрами на головѣ.

Всѣ мы сидѣли уже за столомъ, когда въ столовую величаво вплыла особа лѣтъ сорока или сорока пяти, въ дешевенькомъ ситцевомъ платьѣ, настолько полная, что грудь и животъ ея составляли два яруса; между ними были сложены толстыя руки.

Черные глаза ея насмѣшливо, свысока обѣжали всѣхъ; она какъ будто собиралась сказать что-то остроумно-презрительное, но промолчала, обошла кругомъ столъ, поздоровалась со мной и сѣла, готовая не то прыснуть отъ смѣха, не то наговорить всѣмъ дерзостей.

— Моя сестра... Скоропадская... — нарушилъ воцарившееся съ ея приходомъ молчаніе Николай Іосифовичъ.

Разговоръ, несмотря на превосходный поварской обѣдъ, не клеился. Чувствовалась какая-то натянутость. Странное что-то замѣчалось и въ отношеніяхъ между членами семьи. Всѣ они говорили другъ другу «вы»; Николай Іосифовичъ былъ холоденъ, утонченно любезенъ и всѣ какъ бы ощущали его превосходство надъ собою и были нѣсколько тревожно и выжидательно настроены.

Болѣе свободно чувствовалъ себя лохматый Скоропадскій и уписывалъ все, что ему ни подкладывали, из-

рѣдка перекидываясь парой словъ объ уловѣ рыбы съ Иваномъ Іосифовичемъ.

Скоропадская за время обѣда не проронила ни слова и только обводила сидѣвшихъ за столомъ черными, насмѣшливо-вызывающими глазами.

Пить кофе мы перешли опять въ залъ и мать Фененко принялась показывать мнѣ разныя фамильныя рѣдкости: серебряный кубокъ временъ гетманства, фарфоръ, часы и друг. вещи, хранившіяся въ стеклянной старинной горкѣ.

— Однако, не пора ли намъ? — спросилъ меня Николай Іосифовичъ.

Было время, такъ какъ мы собирались съ нимъ заѣхать еще къ другому помѣщику с. Хишекъ — къ знаменитому, въ своемъ родѣ, Александру Борисовичу Марковичу, потомку генеральнаго подскарбія Якова Марковича. Послѣдній былъ крещеный еврей и потому генеалогію свою Марковичи выводятъ теперь чуть ли не отъ самого Казиміра Великаго.

— Какъ, развѣ вы уже собираетесь? Не останетесь ночевать? — удивилась мать Фененко.

— Нѣтъ... намъ пора! — коротко отвѣтилъ Николай Іосифовичъ

Давать объясненія своихъ дѣйствій онъ, видимо, не привыкъ. Мать какъ-то безпокойно - покорно глянула на него и мы стали прощаться.

Визитъ этотъ показалъ мнѣ то, чего я не подозрѣвалъ въ Феленкѣ: большой и властный характеръ.

— Сейчасъ вы увидите нѣчто особенное! — говорилъ Фененко, когда мы катили съ нимъ по деревнѣ. — Прежде всего — Марковичъ европеецъ. Гимназію кончилъ съ золотой медалью, затѣмъ два года пробылъ на юридическомъ факультетѣ, но показались признаки чахотки и онъ уѣхалъ въ Ниццу.

Потомъ жилъ въ Италіи, въ Парижѣ и т. д. Лингвистъ — замѣчательный. Гастрономъ — утонченный. Знаетъ, какъ готовится самое драгоцѣнное кушанье, и научитъ любого повара. Средства у человѣка — огромныя. Одинокъ; со всѣми родными, съ братьями

и сестрами сношеній никакихъ не имѣетъ. Людей всѣхъ презираетъ, но вѣжливость съ рѣдкими у него гостями утонченнѣйшая.

Мнѣнія о себѣ грандіознѣйшаго: простые крестьяне не допускаются къ лицезрѣнію его персоны, и въ 1905 году, когда подожгли у него гумно, онъ стоялъ у окна и изъ винтовки стрѣлялъ по пожару. Люди у него, начиная съ приказчика и его жены — въ полномъ рабствѣ; иныхъ отношеній онъ не признаетъ. Тратитъ бѣшеныя деньги на свои прихоти, а въ пустякахъ скупъ невѣроятно. Ни на какія благотворительныя или общественныя цѣли у него нельзя выжать ни копѣйки. Главная цѣль его жизни — садъ. Тамъ вы встрѣтите бóльшее, чѣмъ въ Кіевскомъ Ботаническомъ саду. Разбитъ онъ на 50 десятинъ и такимъ образомъ, что здѣсь вы видите цейлонскій ландшафтъ, тутъ гималайскій, тамъ тибетскій и т. д. Каталоги растеній онъ получаетъ со всего міра, и едва показывается гдѣ-либо рѣдкое — моментально выписываетъ и сажаетъ у себя.

— На открытомъ воздухѣ?

— Да. На зиму они, конечно, укутываются, или убираются. Садъ изрѣзанъ сѣтью каналовъ, частью искусственно затопленъ. Словомъ, въ саду вы не увидите ни одного одинаковаго куста или дерева: всѣ они изъ различнѣйшихъ странъ. Самое великое оскорбленіе хозяину будетъ, если вы хоть намекомъ проявите отсутствіе у васъ интереса къ его созданію!

Я обѣщалъ надрываться отъ восторга, но прибавилъ, что среди всѣхъ ботаническихъ чудесъ буду чувствовать себя, какъ волъ въ аптекѣ.

Кучеръ тѣмъ временемъ свернулъ въ большой дворъ Марковича и остановился передъ низкимъ палисадникомъ; дальше начинался садъ и на лужайкѣ, весь открытый солнцу, стоитъ одноэтажный каменный домъ владѣльца.

Мы отворили калитку и пошли по усыпанной пескомъ дорожкѣ. И слѣва, и справа тянулись самые разнообразные кустарники то чахлаго, то веселаго вида.

Николай Іосифовичъ указывалъ мнѣ на нихъ тросточкой, но я былъ равнодушенъ: рѣшительно мнѣ все равно, шире или уже листъ у жасмина или еще у какого-либо растенія!

— А на какой чортъ онъ устроилъ такой садъ?— вполголоса спросилъ я.

Фененко зашипѣлъ и даже поднялъ вверхъ обѣ руки.

— Тсссс...

— Да вѣдь никого нѣтъ!

— Онъ за кустомъ гдѣ-нибудь можетъ быть!

— Что же, опыты онъ что ли какіе ставитъ, изслѣдуетъ что-нибудь?

— Ни-че-го! — былъ тихій, но внушительный отвѣтъ. — Онъ не ученый, а простой любитель и только!

— Большія же средства должно быть у него! — отозвался я.

— О! — шепнулъ Фененко. — Это дѣлецъ и финансистъ!

Мы вошли на крыльцо, но на звонокъ изъ-за двери финансиста и великаго садовода никто не показывался. Пришлось постучать по средневѣковому, ручкой палки и на стукъ нашъ выглянула голова прислуги.

— Панъ въ саду! — заявила она и указала въ какомъ направленіи надо было искать его.

Мы обогнули домъ. Большая лужайка позади него была занята всевозможными цвѣтами и кустарниками, но какъ ни всматривался я, ни цейлонскаго, ни гималайскаго пейзажа не видѣлъ: торчали вездѣ кустики и деревца, большею частью довольно гнуснаго вида. Кое-что показалось мнѣ любопытнымъ.

— Вотъ и самъ Марковичъ!—торопливо шепнулъ мнѣ Фененко, — Сдѣлайте видъ, что заинтересовались чѣмъ-либо... и онъ направился навстрѣчу хозяину.

Я принялъ видъ человѣка, превращающагося отъ блаженства въ сиропъ и укололся иглами какого-то паршиваго куста, цвѣтомъ листьевъ напоминавшаго утопленника.

Скосивъ глаза, я увидалъ высокаго господина лѣтъ шестидесяти, съ продолговатою физіономіей и съ сѣдой остроконечной бородкой. Пѣгіе, довольно длинные волосы выбивались изъ-подъ черной весьма поношенной фетровой шляпы. Несмотря на сорокаградусный зной, на Марковичѣ поверхъ чесунчевой пары надѣта была выцвѣтшая суконная крылатка, а на ногахъ красовались резиновыя галоши.

— Куда это подѣвались толстяки въ Малороссіи? — думалъ я, склоняясь надъ другимъ, столь же отвратительнымъ кустомъ: ни одного Петра Петровича Пѣтуха не видалъ нигдѣ здѣсь!

Марковичъ и Фененко въ это время подошли ко мнѣ. Произошло знакомство.

— Любуетесь кустами? Вы, я вижу, большой любитель растеній! — спросилъ съ улыбкой Марковичъ. — Лицомъ онъ напоминалъ іезуита.

— О да . . . — отвѣтилъ я, поджимая болѣвшій палецъ, на которомъ выступила кровь. — Люблю чрезвычайно, но, къ сожалѣнію, понимаю въ нихъ очень мало!

На лицѣ Фененко мелькнула тѣнь неудовольствія: я не долженъ былъ этого говорить, чтобы доставить двойное удовольствіе хозяину — показывать садъ знатоку.

Но хозяинъ оказался менѣе чувствительнымъ, чѣмъ мой спутникъ: онъ словно только и поджидалъ жертвъ, чтобы потащить ихъ по всему саду!

Началось мытарство. Марковичъ торопливо водилъ насъ отъ куста къ кусту, отъ деревца къ цвѣтку и сыпалъ латинскими названіями, какъ горохомъ. Отъ каждаго из куста онъ отламывалъ вѣточку и вручалъ мнѣ и Фененко. Въ рукахъ у меня скоро оказался огромный пукъ розогъ, среди которыхъ торчали головки цвѣтовъ. Я съ ужасомъ думалъ, что мы обошли всего какихъ-нибудь полдесятины и что еще черезъ полчаса я самъ буду походить на ожившій Бирмингамскій лѣсъ.

Фененко, какъ естественникъ, являлся главной жертвою Марковича; я тащился, обнявъ свои розги, и изрѣдка, послѣ безмолвно-укорительныхъ взглядовъ Фененки, приходилъ въ восторгъ и восклицалъ:—ахъ, какая прелесть! Марковичъ мгновенно кидался ко мнѣ.

— Неправда ли? Да вы знатокъ! Это... и слѣдовало латинское названіе и прибавленіе новой вѣтки въ мою коллекцію.

Раза два я попалъ со своимъ восторгомъ впросакъ: передъ обыкновеннѣйшимъ жасминомъ и еще передъ какой-то чепухою. Кто же зналъ, что въ необыкновенномъ саду могутъ быть обыкновенныя растенія?

Скоро показались довольно широкіе каналы, изрѣзывающіе садъ по всѣмъ направленіямъ. Несмотря на вечеръ, было еще жарко; я мечталъ о чаѣ, но хозяинъ былъ неукротимъ.

Къ счастью, перейдя по мостику черезъ первый каналъ, заросшій купавками, онъ остановился.

— Извиняюсь, но сейчасъ дальше не пойду съ вами! — отложимъ осмотръ этой части сада до слѣдующаго раза; я надѣюсь, это воспослѣдуетъ весьма быстро? Тамъ очень сыро, а я уже простудился, схватилъ насморкъ!

У меня отлегло отъ души. Но обрадовался я, какъ оказалось, преждевременно. Хозяинъ прошелъ мимо крыльца и увлекся частью сада, находившейся позади дома.

Тамъ росли американскіе орѣхи и клены и аллеи какихъ-то деревьевъ, похожихъ на голову Горгоны. Еще съ добрый часъ лазили мы по травѣ, похлопывали по стволамъ, ощупывали листья, умиленно созерцали шипы и шишки.

Наконецъ, заведя насъ въ трясину, устроенную для какихъ-то растеній, особо любящихъ сырость, хозяинъ опомнился и повелъ насъ въ домъ.

Въ передней Марковичъ отобралъ отъ насъ то, что онъ любовно называлъ букетами и бережно передалъ прислугѣ, съ приказаніемъ немедленно поставить въ воду.

Комнаты дома сравнительно невелики; всюду были лѣпные потолки и великолѣпные паркеты, еще впервые встрѣченные мною въ здѣшней глуши.

Въ гостиной стояла старинная мебель краснаго дерева. Вездѣ царила изысканная чистота, порядокъ и тишина. Марковичъ принялся показывать все, что имѣлось у него по части старины, затѣмъ повелъ насъ въ комнату, гдѣ стоялъ шкафъ и витрины съ коллекціями камней и минераловъ; послѣ нихъ онъ открылъ дверцы большого стѣнного шкафа, и весь онъ, включая дверцы, оказался увѣшаннымъ ящиками съ коллекціями всякихъ бабочекъ. Зрѣлище было красивое; иныя бѣдняги играли всѣми цвѣтами драгоцѣнныхъ камней. Бабочекъ этихъ, точно такъ же, какъ минералы, онъ выписывалъ изъ-за границы и платилъ за нихъ бѣшеныя деньги; 5—10 рублей за бабочку—это такія цѣны, о которыхъ онъ говорилъ пренебрежительно, поводя носомъ.

— Къ чему всѣ эти затѣи? — думалъ я, глядя то на ненужные никому минералы и блестящихъ бабочекъ, то въ окно на еще менѣе нужный кому бы то ни было садъ. — Такое громадное состояніе въ рукахъ человѣка и на что онъ его тратитъ? Что онъ создалъ? Умретъ онъ завтра — и все исчезнетъ безслѣдно, какъ пыль — и бабочки и Гималайскіе виды.

Хозяинъ пригласилъ насъ въ столовую, гдѣ ожидалъ уже чай.

Узнавъ, что мы собираемся скоро уѣзжать, онъ попенялъ намъ и любезно заявилъ, что у него много мѣста и онъ очень былъ бы радъ, если бы мы «сдѣлали ему честь» и остались.

Фененко и онъ заговорили о земскихъ дѣлахъ, а я посматривалъ на сдавленный въ вискахъ черепъ хозяина, на его блѣдное, немного безпокойное лицо, безцвѣтные глаза и думалъ объ этомъ «европейцѣ».

Слова его о ночлегѣ были только словами: никто и никогда у него не ночуетъ и даже собственная мать его — глубокая старуха, изрѣдка, разъ въ нѣсколько лѣтъ пріѣзжающая къ сыну изъ другого отдаленнаго

имѣнія, черезъ часъ-другой выпирается имъ въ буквальномъ смыслѣ слова и ругаетъ его потомъ на всѣ корки.

— Да вѣдь это душевно больной? — мелькнула у меня мысль.

Фененко извинился, всталъ и пошелъ въ кабинетъ, къ роялю. Хозяинъ и я послѣдовали за нимъ.

Были уже почти сумерки. Я сѣлъ въ уголокъ у рояля, откуда мнѣ отлично было видно лицо Марковича, смутно освѣщенное окномъ. Онъ помѣстился въ креслѣ у письменнаго стола и виденъ былъ мнѣ въ профиль.

Фененко тронулъ клавиши и я сразу почувствовалъ, что за роялемъ мастеръ своего дѣла.

Онъ заигралъ что-то красивое; какая-то задумчивая, неясная, какъ дальній туманъ, грусть разлилась вокругъ. Марковичъ оперся головой на руку и задумался.

Думалъ и я — о смерти, уже недалеко витающей около этого дома, о судьбѣ сада Марковича и мнѣ показалось, что тѣ же думы охватили и его.

Такая большая-большая и такая ненужная, безплодная жизнь! Что отвѣтишь ты на Страшномъ Судѣ, когда спросятъ тебя, какъ въ притчѣ: что сдѣлалъ ты съ талантомъ серебра, даннымъ тебѣ Господиномъ?

Фененко прервалъ игру.

— Сыграю Реквіемъ Моцарта... вы позволите? И не дожидаясь отвѣта, ударилъ по клавишамъ.

Въ безмолвіи дома грянули захватывающія и величавыя волны звуковъ великой панихиды.

— Не надо...—проговорилъ вдругъ измѣнившимся голосомъ Марковичъ.—Не надо!..—почти вскрикнулъ онъ, затѣмъ поднялся, схватилъ за руки игравшаго...

Съ тяжелымъ чувствомъ выѣхалъ я изъ этого дома и долго, чуть не полпути, не могъ отдѣлаться отъ жуткаго образа человѣка, озиравшаго зря ушедшую жизнь.

Была звѣздная, тихая ночь. Пахло рожью и полевыми цвѣтами, изрѣдка кричали ночныя птицы.

Поздно вернулись мы въ Конотопъ, выбросивъ на полъ дорогѣ свои букеты.

Іюня 25. На Загребельѣ, рядомъ съ домомъ Фененко, возвышается самая старая церковь Конотопа— Никольская. Церковный дворъ примыкаетъ къ его саду и мы съ Фененкой нѣсколько разъ ходили осматривать церковь и ея окрестности.

Дальше, за нею, на самой вершинѣ бугра, съ котораго открывается красивый видъ на всѣ стороны, когда-то стояла усадьба извѣстнаго въ исторіи Украины, полковника Кандыбы, друга Мазепы, умѣвшаго въ то же время заслужить благоволеніе Петра.

Здѣсь Кандыба былъ царь и богъ. Отъ усадьбы его къ Конотопу, тогда еще селу и крѣпостцѣ, шла гребля и по нынѣ именуемая Кандыбинской. Какъ гласятъ преданія, — человѣкъ онъ былъ жестокій и, какъ вся малороссійская старшина, тѣснилъ и грабилъ, кого могъ, безъ стѣсненія.

Потомство его довольно многочисленно и я познакомился уже съ тремя живущими Кандыбами. Форма головы всѣхъ ихъ своеобразна и сурова и, судя по портретамъ, унаслѣдована ими отъ предковъ, — длинная, съ высокимъ лбомъ «грядкою».

Отъ усадьбы знаменитаго Кандыбы осталось только нѣсколько кучъ битаго щебня: на мѣстѣ ея огороды, сады и хаты крестьянъ. Уничтожена и церковь, выстроенная имъ. На мѣстѣ ея, тамъ, гдѣ былъ когда-то алтарь, стоитъ теперь обычный квадратный столбъ въ ростъ человѣка съ иконою, вставленною въ нишу въ верхней части его.

Кандыба былъ похороненъ въ церкви, справа отъ алтаря и нынѣ могила его, ничѣмъ не отмѣченная, оказалась на цвинтарѣ. Ее покрываетъ трава и только немного глухой звукъ при ударѣ, да кирпичная кладка, прощупываемая въ землѣ остріемъ палки, указываютъ мѣсто ея нахожденія.

Церковь сравнительно недавно возобновлена, но любопытныхъ древностей въ ней сохранилось не мало.

Днемъ показываться куда-либо жарко, и мы съ Фененкой заходимъ къ настоятелю ея, сѣдовласому о. протоіерею Василію, подъ вечеръ и вмѣстѣ съ нимъ и колченогимъ церковнымъ сторожемъ зажигаемъ свѣчи и на свободѣ, при полномъ отсутствіи народа, осматриваемъ и разбираемъ шкафы съ книгами и сосудами, снимаемъ иконы и т. д.

Я отыскалъ въ пыли и мусорѣ нѣсколько весьма цѣнныхъ книгъ временъ Могилы и московской печати временъ Алексѣя и Петра. О. Василій радовался и отмѣчалъ все себѣ на память: архіерей приказалъ имъ составить опись старинныхъ вещей и даже, святая наивность, предписалъ опредѣлить ихъ возрастъ.

Какъ-то я вышелъ со свѣчкою одинъ изъ алтаря, гдѣ остались мои спутники, приподнялъ ее и вспомнилъ Гоголевскаго Вія и описаніе церкви ночью.

Кстати сказать, малорусскія церкви нѣсколько отличны отъ нашихъ: клиросы у нихъ не примыкаютъ къ иконостасу, а всегда отнесены къ серединѣ церкви.

О. Василій, нѣсколько безпокойный, добродушный, высокій и худощавый старикъ. Букву «а» онъ произноситъ какъ «я», что придаетъ его малорусской рѣчи дѣтскую, наивную окраску. Насмѣшилъ онъ меня такъ, что я думалъ, что меня хватитъ ударъ; хохоталъ и никогда не позволяющій себѣ такой роскоши европеецъ Фененко.

Старикъ показывалъ иконостасъ со множествомъ новыхъ иконъ и жаловался на живописца, придавшаго въ его отсутствіе святымъ лица жертвователей-помѣщиковъ.

— О-то бачьте!.. — возмущенно говорилъ онъ, поднявъ руку со свѣчей.—Якъ я прійшовъ, та и обомлівъ.—Що-жъ ты, кажу, зробывъ? Я-жъ у тоби святыхъ просивъ, а ты мені усихъ сукиныхъ сынювъ понаписавъ?!

Я чуть не грохнулся о земь; Фененко хихикалъ, прикрывъ ротъ рукою въ сѣрой перчаткѣ.

О. Василій съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на Фененку, потомъ на меня и засмѣялся и самъ.

— А право-жъ! Такая досада взяла!

Вторая, тоже Кандыбинская церковь, — Богоявленская, находится по близости отъ первой; ее выстроилъ сынъ полковника, разсорившійся съ братомъ и не захотѣвшій бывать съ нимъ даже въ одной церкви.

Онъ съ семьей похороненъ сейчасъ же за алтарною стѣною ея. И тамъ, какъ у первой церкви, нѣтъ ни креста, ни бугорка земли надъ ними: ровная площадка, заросшая травою — и только.

Мѣстный священникъ, тоже древній старикъ—разсказывалъ, что онъ даже не зналъ, что за алтаремъ кто-либо похороненъ на цвинтарѣ, и тайну открыла маленькая дѣвочка, дочка его. Играя на томъ мѣстѣ съ дѣтьми, она увидала, что въ землѣ образовалась ямка; заглянули въ нее, стали бросать камешки—внизу пусто. Они принялись расширять отверстіе; подъ слоемъ земли оказались кирпичи, довольно легко отдѣлявшіеся другъ отъ друга. Дѣти устроили небольшой провалъ и спустились въ него; обнаружился довольно большой склепъ, въ немъ стояли гроба. Дѣвочка побѣжала домой и позвала отца. Священникъ пришелъ, заглянулъ въ провалье, позвалъ печника и отверстіе было задѣлано наглухо.

О. Василій — мѣстный уроженецъ и живая лѣтопись города, повѣдалъ намъ, между прочимъ, что въ городѣ, противъ забора, когда строили на углу площади и улицы дома, наткнулись на обширное кладбище, съ котораго кости увозились возами.

Іюня 26. Довольно часто встрѣчаю коляски, запряженныя четверками коней, и каждый разъ думаю, что везутъ чудотворную икону.

Оказывается, здѣсь до сихъ поръ такъ катаются г.г. помѣщики.

Что заставляетъ ихъ, да еще въ сухую погоду, ѣздить на манеръ Иверской Богородицы — понять не могу!

Іюня 30. Двое сутокъ провелъ въ Батуринѣ.

Бывшая пышная резиденція гетмановъ — нынѣ тихое мѣстечко, раскинувшееся надъ обмелѣвшимъ Сеймомъ.

Гостиницъ въ немъ нѣтъ, и остановился я на постояломъ дворѣ. За полтинникъ въ день толстая баба-хозяйка отвела мнѣ большую, чистую комнату, убранную дорожками, съ расшитыми ручниками на окнахъ, стѣнахъ и вокругъ многочисленныхъ образовъ въ углу; на окнахъ тѣснились цвѣты; вмѣсто постелей у стѣнъ стояли два дивана съ почти каменными сидѣньями. Ѣзжу я здѣсь и удивляюсь: ни разу нигдѣ ни въ хатахъ, ни въ помѣщичьихъ домахъ не видалъ клоповъ!

Хозяйка устроила мнѣ яишницу, я подкрѣпился и пошелъ вершить сперва казенныя дѣла, а затѣмъ принялся за свои собственныя.

Въ центрѣ Батурина, на главной кривой улицѣ, расположено нѣсколько весьма убогихъ, даже сравнительно съ Конотопомъ, лавченокъ и, конечно, почти сплошь еврейскихъ.

Я свернулъ въ проулочекъ и вышелъ на довольно просторную площадь; на одномъ изъ краевъ ея, за оградою, подымалась церковь. Осмотрѣть ее было нельзя, такъ какъ въ ней красили полы, но, стоя у порога, я увидалъ съ правой стороны ея, не доходя до клироса, большой памятникъ каррарскаго мрамора съ золотою, длинною надписью, гласившей, что подъ нимъ лежитъ гетманъ Кириллъ Григорьевичъ Разумовскій. Мѣстное преданіе гласитъ, что въ этой церкви онъ и вѣнчался съ императрицей Елисаветой.

Церковь расположена почти на самомъ обрывѣ берега; приблизительно въ верстѣ отъ нея, на открытомъ со всѣхъ сторонъ мысѣ горы бѣлѣло среди пустыря огромное зданіе. Вокругъ него не виднѣлось ни души, ни строенія; окна частью были забиты, частью чернѣли, какъ впадины глазъ.

Чтобы попасть къ нему ближайшимъ путемъ, надо было спуститься въ оврагъ и затѣмъ взобраться по

тропкѣ на крутой яръ. Я продѣлалъ все это и очутился на гетманскомъ, обширномъ дворѣ. Весь онъ изрытъ всякими траншеями, ложементами, валиками и т. п., такъ что идти по немъ, это значитъ поминутно нырять, какъ въ хорошую качку на лодкѣ. Почти рядомъ съ Батуринымъ въ сосновомъ лѣсу давно устроенъ солдатскій лагерь и умное начальство не нашло подходящаго мѣста для обученія солдатъ саперному дѣлу, какъ плацъ вокругъ дворца Разумовскаго.

Строилъ этотъ дворецъ Гваренги. Проникнуть въ него оказалось невозможнымъ: всѣ входы были заколочены наглухо досками, окна вернихъ этажей были открыты и туда вели мостки, устроенныя рабочими, но мостки были перегорожены запертою на замокъ дверью. Дворецъ выбѣленъ и покрытъ зелеными куполами желѣзной крыши заново. Онъ предназначенъ для духовной семинаріи, но война прервала ремонтъ его.

Я обошелъ его кругомъ. Позади, среди колонъ, имѣется подъѣздъ; прямо къ нему идетъ аллея-дорога, пролегающая среди еще уцѣлѣвшихъ развѣсистыхъ деревьевъ. Ее окружалъ, очевидно, когда то паркъ; теперь на его мѣстѣ кудрявилось развѣ сотни двѣ раскиданныхъ деревьевъ.

Шагахъ въ двухстахъ отъ дворца высятся развалины грандіознаго «флигеля». Онъ былъ двухъэтажный и прадназначался, должно быть, для службъ.

Уцѣлѣли лишь стѣны; потолки рухнули, все деревянное и желѣзное исчезло по рукамъ окрестныхъ обывателей. Я вошелъ въ длинный корридоръ, раздѣлявшій зданіе пополамъ. Слѣва и справа въ него выходили просторныя комнаты; вмѣсто половъ въ нихъ грудились земля и мусоръ, кое гдѣ заросшіе травою. Трава лѣпилась и по карнизамъ, и по верхнимъ открытымъ частямъ стѣнъ. Было тихо и мертво.

Съ другой стороны дворца стоялъ, говорятъ, такой же флигель, но его разобрали по какимъ то соображеніямъ. Такая же участь ждетъ и еще уцѣлѣвшій. А потомъ спохватятся, что для семинаріи нужны

десятки службъ и мѣстные гваренги взвернутъ около дворца каменныя ретирады и найдутъ, что сдѣлали со своей стороны все, что слѣдуетъ.

Видъ отъ дворца открывается чудесный. Далеко, далеко развертывается во всѣ стороны низина, перерѣзанная серебряными излучинами Сейма, виднѣются лѣса, съ главами монастыря надъ ними, села; за лугами и пашнями на горизонтѣ синими узорами встаютъ древніе берега рѣки.

Не даромъ Разумовскій избралъ себѣ это мѣсто!

Кромѣ остатковъ дворца его въ Батуринѣ имѣется еще и другой памятникъ прошлаго; одноэтажный домикъ Кочубея. Внутри онъ уже весь передѣланъ, но стѣны его помнятъ людей и дни великаго Петра.

Неподалеку отъ него выглядываетъ изъ зелени старинная каменная ограда. Высота толстой стѣны ея — аршина четыре; за нею устроенъ земскій питомникъ. Я зашелъ туда и вмѣстѣ съ завѣдывающимъ, — похожимъ на маленькій самоваръ, крѣпкимъ и краснощекимъ человѣкомъ, обошелъ всю площадь питомника. Поверхность земли его, съ правой стороны, если стать лицомъ къ Сейму, чуть не сплошь была усѣяна осколками кирпичей и кусками скипѣвшейся извести. Завѣдывающій сообщилъ мнѣ, что на этомъ мѣстѣ, ближе къ стѣнѣ, были какіе то фундаменты и, по преданію, стоялъ домъ Орлика и застѣнки. Когда разрывали землю и вывозили кирпичъ, нашли осколки посуды, желѣзныя ржавыя вещи и два стеклянные подсвѣчника.

Теперь на томъ мѣстѣ ростетъ капуста и помидоры.

Вся площадь древняго двора занимаетъ десятины двѣ; въ части, ближайшей къ главной улицѣ мѣстечка сохранилась группа старыхъ тѣнистыхъ деревьевъ.

При въѣздѣ въ Батуринъ, съ правой стороны отъ дороги имѣется мѣсто, гдѣ жилъ Мазепа.. Тамъ среди вѣковыхъ дубовъ стоялъ огражденный валомъ домъ его. Теперь нѣтъ ни дома Мазепы, ни дубовой рощи,—уцѣлѣли только валы да ямы.

За рѣкою, въ монастырѣ, главы котораго виднѣются среди лѣса, жилъ св. Димитрій Ростовскій. Тамъ были написаны знаменитыя его Четьи-Минеи. Осмотръ монастыря я отложилъ до другого раза и занялся поисками древностей.

Не знаю, во сколькихъ десяткахъ домовъ я побывалъ съ разными вожатыми! Къ сожалѣнію, интереснаго нашелъ немного; все, что было здѣсь цѣннаго, мебель изъ дворца Разумовскаго, разная другая старина — все это черезъ руки скупщиковъ ушло два года назадъ въ Кіевъ и заграницу. Одной мебели было отправлено отсюда нѣсколько возовъ.

Еврей комиссіонеръ повезъ меня въ село за рѣку къ какой-то старой вдовѣ маіоршѣ. По его словамъ, разныхъ вещей — дорогого оружія и пр., у нея послѣ мужа осталось множество. По пеклу и пыли, на трясучей телѣгѣ покатили мы къ ней и остановились около обыкновенной деревенской хаты, только нѣсколько большихъ размѣровъ. Еврей отправился впередъ для переговоровъ, а я остался ждать на телѣгѣ. Минутъ пять спустя онъ выскочилъ на довольно грязное крыльцо и позвалъ меня. Я вошелъ въ сѣнцы, а затѣмъ въ пустую горенку. Маіорша была больна и пришлось пройти въ ея спальную.

Дверь въ спальню можно было только полуотворить; я бокомъ протиснулся въ щель и очутился въ полутемной, узкой и низкой комнаткѣ. На широкой кровати съ высокими деревянными спинками, сидѣла худая старуха простого обличья въ платкѣ, накинутомъ поверхъ темнаго платья.

— Больная я, извините!.. проговорила она, поминутно охая.

Спальня вся была загромождена сундуками и всякою мебелью. Изъ угла глядѣли старые образа, освѣщенные горѣвшей лампадой; натоплено было, несмотря на зной, до нестерпимости.

Съ трудомъ пробрался я между сундуками и сѣлъ. Маіорша принялась повѣствовать, что они родомъ изъ Батурина, но жили съ мужемъ на Кавказѣ, гдѣ онъ

служилъ, а что теперь, овдовѣвъ, она пріѣхала умирать на родину.

Съ меня стекалъ седьмой потъ, когда, наконецъ, она кликнула дѣвку и та, по ея указаніямъ, перемѣшаннымъ съ «дурой» и «скаженницей» (сумасшедшая) стала доставать изъ разныхъ угловъ и шкафчиковъ вещи.

Увидалъ я ихъ и пришелъ въ ужасъ: тамъ были всякихъ размѣровъ, начиная отъ вершка, грошевые кинжальчики кавказскаго издѣлія, пуговицы, ажурныя Боржомскія вещицы, женскія украшенія, въ лучшемъ случаѣ насчитывающія лѣтъ двадцать и т. п. . . .

— Охъ . . . хорошія вещи . . . дорогія ! . . Не счесть сколько покойникъ денегъ переплатилъ за нихъ ! . . Охъ . . . любилъ покойникъ старину ! . . . А теперь продаю . . . сама помираю . . . охъ ! . .

Среди «старины» имѣлась небольшая сѣчка съ костяною ручкой. Чтобы не уходить съ пустыми руками я попросилъ, что она хочетъ за эту вещь.

— Эту ? . . Охъ . . . пятьдесятъ рублей !

Я засмѣялся и сталъ прощаться.

— Если бы вы сказали — пять рублей — и то была бы непомѣрная цѣна! сказалъ я.

Старуха заворчала и, пока я протискивался изъ ея мышеловки на свѣжій воздухъ, ругалась не охая и здоровымъ голосомъ.

— И совсѣмъ съ ума сошла старая вѣдьма! огорченно говорилъ мой провожатый, слушавшій, выставивъ голову въ щель двери. — И за такой хламъ и такія деньги, це, це, це!

— А на кой чортъ ты меня къ ней везъ? спросилъ я.

— А я же думалъ, что она въ умѣ ? . . отвѣтилъ еврей, подхлестывая лошадь. — Говорили мнѣ, что у нея есть старинныя вещи, я и повезъ васъ къ ней. А про умъ уже ничего не говорили!

Въ мѣстечкѣ я розыскалъ и познакомился со старожиломъ — фельдшеромъ Порскимъ. Онъ далъ мнѣ

различныя указанія, но, къ сожалѣнію, и по нимъ ничего любопытнаго найти мнѣ не удалось.

На второй день пребыванія моего въ Батуринѣ, я встрѣтилъ его на улицѣ. Полный старикъ шелъ медленно, опираясь на палку.

— Ну, что? спросилъ онъ, увидѣвъ меня. — Отыскали что нибудь?

— Ничего! отвѣтилъ я.

— Гмъ... жалко!.. А вотъ что: видите вотъ этотъ домикъ? онъ указалъ палкой на небольшой домъ, глядѣвшій четырьмя или пятью окнами на улицу. — Тамъ живутъ двѣ старушки — сестры, бывшія помѣщицы; онѣ дворянки. У нихъ есть кое что; я бывалъ у нихъ, видѣлъ. Только смотрите, не скажите, что я васъ послалъ къ нимъ, а то и на порогъ онѣ меня къ себѣ больше не пустятъ!

Я поблагодарилъ, взошелъ на деревянное, довольно ветхое крыльцо и, не найдя звонка, постучалъ въ дверь. Прошло нѣкоторое время; въ домѣ забѣгали чьи то босыя ноги, но двери никто не отворялъ. Я постучалъ снова. На дворѣ раздался хриплый собачій лай и, немного погодя, на четверть аршина пріотворилась на цѣпи калитка и показалось лицо въ видѣ печенаго яблока. Маленькіе, безцвѣтные глаза подозрительно глянули на меня.

— Что надо? непривѣтливо спросило лицо.

Я былъ въ положеніи Чичикова, при видѣ Плюшкина, рѣшавшаго вопросъ, кто передъ нимъ, — мужикъ или баба, но, вспомнивъ слова Порскаго, рѣшилъ, что передо мною послѣднее. Отворившую облачалъ порванный до лохмотьевъ просаленный ватный не то халатъ, не то капотъ страннаго покроя; на головѣ находился побурѣлый чепчикъ, а быть можетъ, и кепка. Рука старухи, взявшаяся за косякъ калитки была грязная, съ короткими узловатыми пальцами.

Я объяснилъ цѣль своего прихода и кто я такой.

Глаза моргали и владѣлица ихъ молча и недовѣрчиво слушала.

— Кто жъ васъ послалъ къ намъ? проронила она.

— Никто. Обхожу всѣхъ — и къ вамъ зашелъ! отвѣтилъ я. — А что, ваши барышни дома?

— Я барышня и есть... послѣдовала реплика изъ за цѣпи. — Ничего у насъ нѣтъ, это вамъ напрасно сказали!

— Ждравствуйте? проговорилъ мой еврей, стоявшій сбоку у воротъ и всовывая въ щель подъ цѣпь голову. — Ну, и можетъ быть, если поищете хорошо у васъ, что старинное найдется? Это же непремѣнный членъ, господинъ!

— Нѣту, нѣту! Было, да мы горѣли три раза, все попалило!

— И можетъ быть стаканы, рюмки? вкрадчиво продолжалъ еврей. — Они же деньги платятъ!..

Барышня прислушалась.

— И можетъ быть что нибудь серебрянаго? Оно такъ себѣ, дрань, а барину надо!..

— Ой, нѣтъ, нѣтъ! Серебра у насъ нѣтъ! торопливо возразила старуха. — Стекло тамъ, графины, бокалы — это есть!

Я обрадовался.

— Такъ разрѣшите взглянуть!

— Нѣтъ, никакъ нельзя! отвѣтила она. — Извините, въ домѣ не могу принять васъ!

— Почему?

— А у насъ безпорядокъ, уборка!

— Ничего, я вѣдь видалъ виды!

— Нѣтъ, извините, никакъ нельзя! Въ слѣдующій разъ пріѣдете, тогда зайдите, покажемъ. А теперь все въ сундукахъ, все уложено... Надо розыскать...

Оставалось откланяться: переспорить этотъ печеный кусокъ кремня въ халатѣ было немыслимо!

Калитка захлопнулась; послышался шумъ задвигаемаго засова.

— Странныя барышни! говорилъ еврей, шагая рядомъ со мной: — каждый разъ такъ, никого къ себѣ не пускаютъ! Чистому крѣпость! И врутъ — никогда

онѣ не горѣли. А вещей у нихъ много, полные сундуки! Дай мнѣ Богъ столько жить, сколько у нихъ сундуковъ другъ на дружкѣ стоитъ! И кому копятъ, на что? Никого у нихъ нѣтъ!

— Очень скупыя? спросилъ я.

— У-у-у! протянулъ еврей и замоталъ головой.

Іюля 1. Наблюдалъ здѣшнихъ пожарныхъ. Со стороны станціи поднялось зловѣщее черное облако дыма, и черезъ нѣсколько минутъ по рытвинамъ и ухабамъ главной здѣшней улицы понеслись пожарные. Лошади летѣли вскачь; пожарные на бочкахъ, кто въ синей, кто въ красной рубахѣ, съ фуражками на затылкахъ, подскакивали чуть не на аршинъ, взметывая кверху локти; одинъ потерялъ шапку, подъ другимъ разсыпалась бочка, и онъ грохнулся среди мостовой, къ счастью, кажется безъ особаго вреда.

— Чистому смѣхъ! какъ говорятъ здѣсь евреи.

Другая обязанность пожарныхъ — служить вмѣсто башенныхъ часовъ городу. Противъ городского сада низкимъ темнымъ заборомъ отдѣлена часть площади, весьма напоминающая извозчичьи дворы въ Петроградѣ; надъ нею встаетъ бурая каланча; низъ ея строилъ человѣкъ благочестивый и собирался изобразить пасху; доканчивалъ должно быть нигилистъ и верхнюю часть учинилъ въ видѣ пагоды. Когда наступаетъ время бить часамъ — дежурный пожарный бросается съ ошалѣлымъ видомъ къ веревкѣ и начинаетъ дубасить въ колоколъ.

Іюля 3. Побывали съ Фененкой въ Драгомировщинѣ. По дорогѣ бесѣдовали о Занковичѣ. Фененко негодовалъ на то, что предводители являются альфой и омегой уѣздовъ, безъ соизволенія которыхъ ничто не можетъ шевельнуться и сдѣлаться. Какъ земскому дѣятелю, ему то и дѣло приходится напарываться на разныя препятствія и затрудненія изъ за этихъ господъ.

— И вы обратите вниманіе, говорилъ Фененко. —

всѣ они чуть не сплошь подпоручики или корнеты. Знаній — никакихъ; ума — въ лучшемъ случаѣ ровно столько, сколько этому чину полагается. И они управляютъ всей Россіей!

Насмѣшилъ онъ меня до слезъ разсказомъ о лакеѣ въ гостиницѣ, который съ гордостью говорилъ про свое учрежденіе: — «сами производитель дворянства у насъ останавливаются».

Извозчикъ — все тотъ же Ефремъ Брачій, ѣздящій со мной всюду по уѣзду, разсказывалъ намъ свой визитъ къ генералу Драгомирову.

Дѣло было ночью. Ефремъ пріѣхалъ на станцію къ поѣзду, вдругъ выносятъ телеграмму и спрашиваютъ, не возьмется ли кто отвезти ее генералу? Ефремъ забралъ ее и поѣхалъ, человѣкъ онъ былъ тогда еще молодой. Пріѣхалъ въ Драгомировщину, когда разсвѣло, и говоритъ сторожу, надо молъ взбудить генерала: телеграмма ему!..

— Чего его будить? отвѣтилъ сторожъ: — онъ всталъ давно; въ саду съ пнемъ со своимъ возится.

Пень этотъ, надо замѣтить, генералъ собственноручно «корчевалъ» уже нѣсколько лѣтъ.

— Взялъ я телеграмму, разсказывалъ Ефремъ, и иду. Вижу, около пня генералъ сидитъ, а на пнѣ графинъ съ водкой, бутылки въ полторы; рядомъ рюмка — въ сотку. Подалъ я ему телеграмму, прочелъ онъ и говоритъ — ты привезъ? — Я, такъ точно! — Ну, водки тебѣ не дамъ, молодъ ты еще... вынулъ два рубля! — держи! А самъ налилъ рюмку и кувыркъ ее въ ротъ! Лопаткой поскребетъ въ землѣ, сядетъ — и опять рюмку кувыркъ. Такое ужъ положеніе было! А какъ допивалъ графинъ и мухи къ тому же одолѣвать начинали съ солнцемъ — спать шелъ. Каждое утро такъ!

— Да, любилъ выпить покойный! подтвердилъ Фененко. — Что тутъ происходило — представить себѣ не можете! Ѣдетъ, напримѣръ, генералъ къ себѣ въ имѣніе, вдругъ — стой! Вылѣзаетъ изъ коляски и усаживается подъ деревомъ: его высокопревосходи-

тельство пить захотѣло. Сейчасъ достается бутылка шампанскаго, выпивается и генеральская коляска слѣдуетъ дальше. Ѣздилъ всегда съ пріятелями; на козлахъ рядомъ съ кучеромъ возсѣдалъ бородатый почтмейстеръ Федченко, онъ его и въ почтмейстеры провелъ. Федченко у него вродѣ главноуправляющаго былъ, онъ и теперь здравствуетъ!

Дорога превратилась въ пріятную тѣнистую аллею и мы скоро остановились у рѣшетчатой ограды, за которой виднѣлся длинный одноэтажный каменный домъ. Въ ворота въѣхать было нельзя: на дорожкѣ у широкаго крыльца были разстелены веретья, и на нихъ сушилась на солнцѣ гречиха. Мы съ Фененкой обошли препятствіе по бордюру травы и поднялись на крыльцо. На немъ, подъ навѣсомъ, стояли портъ-шезы и два столика; двери въ домъ были открыты, но ни прислуги, ни хозяевъ видно не было. Я позвонилъ въ электрическій звонокъ и минутъ пять спустя изъ передней показалась довольно пожилая особа женскаго пола. Фененко галантно раскланялся и представился ей. По лицу ея я замѣтилъ, что передъ нами горничная, и что она чувствуетъ себя неловко отъ такого любезнаго вниманія. Фененко, ничего не подозрѣвая, подалъ ей руку и она смущенно пожала ее.

Я хохоталъ въ душѣ надъ казусомъ, приключившимся съ моимъ аристократичнымъ спутникомъ, но, чтобы не очень огорчить его, потрясъ со своей стороны ея руку.

— Господъ дома нѣтъ!.. съ латышскимъ акцентомъ заявила горничная.

Фененко, не моргнувъ бровью, выдержалъ ударъ въ сердце.

— Можетъ быть вы все-таки не откажетесь показать намъ домъ Михаила Ивановича? спросилъ онъ.

— Пошалушста... мошно!..

Горничная повела насъ въ обширный кабинетъ генерала. Шкафы у стѣнъ, письменный столъ, кресла — все въ немъ было дубовое. Разноязычныя книги стояли за стеклами въ полномъ порядкѣ; содержаніе ихъ,

судя по корешкамъ переплетовъ, было почти сплошь военное.

На стѣнахъ висѣло нѣсколько портретовъ и гравюръ. Въ числѣ ихъ были великій князь Николай Николаевичъ Старшій, самъ Драгомировъ и Жанна Д'Аркъ.

Въ сосѣдней комнатѣ — гостиной — убранной старинной мебелью изъ краснаго дерева, находился портретъ Наполеона.

Въ общемъ, въ каждой комнатѣ чувствовалась выдержка, дисциплина; лишняго ничего не было, а что имѣлось — было прочно и хорошо.

Изъ дома мы черезъ открытую веранду спустились въ паркъ — единственный въ своемъ родѣ.

За линіей запущенныхъ клумбъ вставала, параллельная дому, широкая аллея изъ громадныхъ многовѣковыхъ дубовъ. Весь паркъ и лѣсъ, примыкавшій къ ней, состояли изъ нихъ и неохватныхъ, могучихъ сосенъ. Подъ ними были зеленыя лужайки; со всѣхъ сторонъ дышало мощью и величіемъ.

Мы прошлись по передней аллеѣ и углубились въ паркъ. За рѣшеткой начался нерасчищенный лѣсъ изъ вѣковыхъ сосенъ. Аллея превратилась въ узенькую дорожку и скоро привела насъ къ обнесенному простою оградою семейному кладбищу Драгомировыхъ.

На вѣчныхъ жилищахъ ихъ нѣтъ ни камней, ни надписей, вмѣсто обычныхъ могильныхъ холмовъ устроены не въ мѣру большіе и низкіе прямоугольники изъ земли; изголовья охраняютъ массивные, выкрашенные въ бѣлый цвѣтъ, излюбленные Малороссіей кресты изъ двухъ дубовыхъ, широкихъ брусьевъ. Тамъ лежатъ отецъ и мать Михаила Ивановича, два сына его и др. Самъ онъ похороненъ почему то въ г. Конотопѣ.

Стоялъ я на этомъ семейномъ кладбищѣ и думалъ о всѣхъ лежащихъ на немъ. Были они знатны, богаты, а были ли счастливы? Судя по тому, что я слышалъ въ уѣздѣ — нѣтъ. Михаилъ Ивановичъ былъ крутой человѣкъ и деспотъ въ семьѣ; оба изъ здѣсь

лежащихъ сыновей его — застрѣлились... молва винитъ въ томъ суроваго старика.

Мы поблагодарили нашу спутницу, еще разъ пожали ей руку и покатили дальше, къ Федченкѣ, жившему въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Драгомирова.

Дорога тянулась все время глубокими песками, лѣсомъ и мы съ Фененкой шли чуть не половину пути пѣшкомъ и дѣлились своими впечатлѣніями.

Федченко до сихъ поръ является въ семьѣ генерала лицомъ, безъ совѣта и вѣдома котораго ничто не предпринимается въ дѣлахъ по имѣнію. Слыветъ онъ дѣльцомъ и большимъ хозяиномъ.

Наперсникъ покойника оказался невысокимъ старикомъ иконописнаго строгаго вида съ узкою сѣдою бородой. Маленькій домикъ его выходитъ лицевою стороной на дворъ, а съ трехъ остальныхъ вплотную окруженъ садомъ.

Конечно, въ крохотной столовой сейчасъ же появился самоваръ, варенья, молоко и пр. Безмолвная хозяйка наливала намъ чашки и слушала бесѣду: шла она, конечно, о Драгомировѣ.

Умеръ онъ въ знаменитый день — 17-го Октября 1904 г. Семья генерала, кромѣ жены его, была въ то время въ Кіевѣ. Между тѣмъ разыгралась забастовка. Федченко поскакалъ въ Конотопъ и выхлопоталъ у забастовочнаго комитета паровозъ и 3 вагона для отправки ихъ за семьей покойнаго; дали ихъ только послѣ того, какъ старуха Драгомирова выдала подписку, что съ этими вагонами не пришлютъ изъ Кіева войскъ. Кромѣ того, ее вынудили послать командующему войсками телеграмму съ изложеніемъ обстоятельствъ дѣла и ея обѣщанія.

Поѣздъ ушелъ, а изъ Кіева пришелъ отвѣтъ съ вѣжливымъ, но категорическимъ отказомъ. Въ Кіевѣ всѣхъ прибывшихъ съ поѣздомъ арестовали, а сыновья пріѣхали съ гробомъ на двухъ тройкахъ.

Похороны военнаго свѣтила произошли странныя: вмѣсто войскъ присутствовало всего... двое городовыхъ; больше — Федченко не могъ добиться у исправ-

ника, растерявшагося отъ нахлынувшихъ событій. Потомъ прискакала изъ Подлицкаго сотня казаковъ, разгонявшая бунтовщиковъ и митинги, но похороны были уже окончены.

Корчевка пня раннимъ утромъ, потомъ сонъ и чтеніе газетъ, вечеромъ ежедневный винтъ съ почти всегда одними и тѣми же партнерами, въ числѣ которыхъ былъ Федченко — вотъ и вся однообразная жизнь отставного вельможи.

Съ партнерами онъ не церемонился: если «приходило ему время» издать неприличный звукъ, генералъ спокойно приподымался и такъ «дергалъ», что слышно было за двѣ комнаты; или, если ему не везло, приподымался, крестилъ задомъ свой стулъ и опять садился.

Выпивки у него въ домѣ происходили грандіозныя.

— Любилъ выпить, любилъ! нѣсколько разъ повторилъ Федченко, прижмуриваясь отъ воспоминаній. — И крѣпко любилъ!

Между прочимъ, Федченко разсказывалъ о томъ, какъ Драгомировъ хотѣлъ купить въ Батуринѣ «Городокъ» — такъ называется бывшее имѣніе Мазепы.

Въ «Городкѣ» всего девять съ половиной десятинъ, но тогда былъ еще цѣлъ домъ и дивная дубовая роща кругомъ.

Федченко взялъ деньги для задатка и пріѣхалъ къ вечеру въ Батуринъ; утромъ вдругъ получаетъ телеграмму отъ генерала: «если дѣло не покончили, покупать не надо». Федченко вернулся обратно и спросилъ Михаила Ивановича, что случилось.

— А не хочу! отвѣтилъ. — Раздумалъ. И такъ меня въ Питерѣ Конотопскимъ Мазепой зовутъ, а купилъ бы городокъ — совсѣмъ бы обрадовались!

На очередное дежурство при Дворѣ Михаилъ Ивановичъ выѣхалъ за 2 дня до объявленія Японской войны, и когда она стряслась — весь Конотопъ заговорилъ, что война начата по совѣту Драгомирова.

Отдежуривъ свои полтора мѣсяца, Михаилъ Ивано-

вичъ вернулся на свой излюбленный «Хуторъ» — такъ онъ называлъ свое имѣніе, — совершенно больной.

Улегся онъ по пріѣздѣ съ вокзала на диванъ и сталъ разспрашивать Федченку, что въ Конотопѣ новаго.

Тотъ въ числѣ новостей сообщилъ и то, что говорили про войну.

— Какъ онъ вскочитъ! разсказывалъ Федченко: — какъ закричитъ, затопаетъ, я ужъ и не радъ былъ, что сказалъ! Врагъ онъ былъ большой войны съ японцами, слышать о ней равнодушно не могъ!

Жена Драгомирова, Софья Абрамовна, вела обширный дневникъ и въ смутные годы, боясь поджоговъ, отдала его на храненіе Федченкѣ. По его словамъ — это цѣлая кипа тетрадей, чрезвычайно интереснаго содержанія. Дневникъ хранится теперь у сыновей въ Петроградѣ.

Говоритъ Федченко медленно, взвѣшивая каждое слово, и то и дѣло примѣшивая присловье «ну-те-съ...»

На указательномъ пальцѣ его безсмѣнно торчатъ въ видѣ двухвершковой шпоры какіе то тоненькіе щипчики, обнимающіе кольцомъ нижней части палецъ, а верхними пластинками защемляющіе папиросу. Куритъ онъ ежеминутно и приспособленіе это придумано имъ для того, чтобы освободить руку отъ вѣчнаго держанія папиросы.

Куритъ — это слово въ данномъ случаѣ неподходящее. Федченко сидитъ и дымится; кажется, что не только изъ носа и рта, а изъ каждаго волоска его пожелтѣвшихъ усовъ отдѣляется дымъ и сквозь него рисуется строгое лицо невѣдомаго угодника.

Любопытная картинка была, когда мы разложили на диванѣ принесенныя хозяиномъ старинныя рукописи и стали разбирать ихъ; сѣсть было нельзя и дымящійся Федченко сталъ на колѣни и началъ просматривать листы, отдавая нѣкоторые намъ, другіе оставляя себѣ.

— А, ну-те-съ?..—говорилъ онъ, беря новую бу-

магу... тутъ что такое? Нѣтъ ли тамъ какого для хвамиліи конфуза?

Съ трудомъ разставался старый кряжъ съ каждымъ лоскуткомъ, совершенно ненужныхъ и неинтересныхъ ему бумагъ. Такова во всемъ хохлацкая натура!

Федченки — старинные дворяне, но потомственное дворянство утрачено ими какимъ то порядкомъ довольно давно.

Небезынтересная переписка возникла однажды между Федченкой и тогдашнимъ предводителемъ дворянства. Послѣдній написалъ ему письмо, прося ускорить взносъ дворянскихъ недоимокъ, накопившихся до 300 рублей. Федченко отвѣтилъ, что проситъ или исключить его изъ числа дворянъ, или, если его признаютъ за дворянина, то предоставить ему и право пользоваться всѣми преимуществами такового. «А то выходитъ — когда подати платить, то я дворянинъ, а когда мнѣ сына нужно опредѣлить куда или иное что — тогда я не дворянинъ. Значитъ, мы не личные дворяне, а лишніе дворяне!»

Недоимка съ него была сложена.

Послѣ бесѣды и чая старикъ повелъ насъ въ садъ свой и тамъ показалъ могучій, заросшій снизу зеленымъ мохомъ, навѣрное тысячелѣтній дубъ, подъ которымъ по его словамъ часто леживалъ и выпивалъ Тарасъ Шевченко.

Хуторъ Федченки принадлежалъ раньше Гатцуку и, по преданію, Шевченко пивалъ подъ дубомъ и «варилъ кашу» со знаменитымъ жителемъ тѣхъ же мѣстъ Горкушей, его большимъ пріятелемъ.

Этотъ Горкуша былъ золъ на священника, и когда тотъ зашелъ почему то къ нему въ домъ въ Страстную пятницу, Горкуша заставилъ его, грозя смертью, съѣсть цѣлаго жаренаго поросенка.

Іюля 12. Побывалъ въ Подлипномъ у Лазаревскихъ. Село это находится всего верстахъ въ четырехъ отъ Конотопа; большинство рабочихъ изъ ог-

ромныхъ мѣстныхъ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ — оттуда.

Отъ темнаго деревяннаго домика Лазаревскихъ я остался въ восторгѣ: онъ подъ соломенной крышей и весь закрытъ навѣсами громадныхъ деревьевъ.

Задняя просторная веранда его выходитъ на обширный зеленый дворъ, окаймленный пирамидальными тополями. Среди двора, будто островокъ, подымается купа высокихъ деревьевъ, обнесенная низенькимъ палисадомъ. Передняя веранда глядитъ въ садъ; она вся закрыта кудрявыми стѣнами сплошной заросли винограда. Солнечные лучи проникали только въ промежутокъ, предназначенный для схода въ садъ.

Меня встрѣтила пожилая дама — жена покойнаго историка и ея незамужняя дочь, высокая, не совсѣмъ здороваго вида дѣвушка лѣтъ 27. Я представился имъ и меня первымъ дѣломъ усадили за большой столъ, на которомъ уже кипѣлъ самоваръ и все было приготовлено для чаепитія. Столъ стоялъ въ тѣни подъ деревьями; было прохладно и непередаваемо хорошо; мнѣ казалось, что я какимъ то волшебствомъ перенеся лѣтъ на 75 назадъ въ гнѣздо старосвѣтскихъ помѣщиковъ.

Послѣ чая мы отправились въ кабинетъ Александра Михайловича. Онъ довольно большой, но благодаря деревьямъ нѣсколько теменъ: невысокая, чуть больше роста человѣка, перегородка раздѣляетъ его на двѣ неравныя части. Въ бòльшей стоитъ письменный столъ — совершенно простой желтый; у входной двери два узкихъ высокихъ шкафа, набитые рукописями и книгами; часть ихъ сильно повреждена мышами и на полкахъ лежали кучи иструхленной ими бумаги и переплетовъ.

Мебель въ комнатѣ сѣрая, старомодная. На стѣнахъ висѣли темные старинные портреты Гонты и жены Палѣя, отражавшей въ свое время нападеніе татаръ; около нея изображены молящіеся на колѣняхъ мальчикъ и дѣвочка.

Все остальное, свободное отъ портретовъ пространство стѣнъ и перегородки, было обклеено вырѣзанными Лазаревскимъ изъ журналовъ или гравированными портретами всевозможныхъ дѣятелей.

На перегородкѣ, въ верхнихъ рядахъ, имѣлись и весьма рѣдкіе, рисованные отъ руки портреты разныхъ именитыхъ малороссійскихъ дѣятелей.

Кое какіе старинные, писанные масляными красками портреты висѣли и въ остальныхъ комнатахъ; главная часть ихъ хранится Лазаревскими въ Кіевѣ.

Послѣ осмотра дома мы отправились пройтись по саду; среди него въ глубокомъ оврагѣ имѣется заросшій очеретомъ ставокъ; по ту сторону его ростетъ сосновый лѣсокъ, посаженный покойнымъ, большимъ любителемъ возни съ деревьями.

— Много яблокъ, вѣроятно, у васъ? спросилъ я.

— Яблонь, да!.. поправила, улыбаясь, дочь.

— Какъ такъ? А яблоковъ почему нѣтъ?

— Потому что ихъ обрываютъ.

— Кто?

— Деревенскіе. Они вообще давно уже смотрятъ на нашъ садъ, какъ на что то ихнее, общественное. Не спрашивая насъ, устраиваютъ здѣсь гулянья, обрываютъ все... По праздникамъ мы въ садъ и не показываемся!

- Да вы бы гоняли ихъ вонъ!

— Сожгутъ... Митинги у насъ въ саду устраивали. Однажды сидимъ мы на балконѣ — вдругъ слышимъ топотъ ногъ, мчатся люди, кто въ шапкѣ, кто безъ нея и прямо черезъ нашъ балконъ, черезъ перила и въ кусты, кто куда — въ поле, въ деревню. Перепугались мы сперва — думали — на насъ это хотятъ всѣ наброситься. А потомъ оказалось — митингъ у насъ въ саду былъ, а кто то прибѣжалъ и крикнулъ: «казаки идутъ!» Они и бросились всѣмъ стадомъ черезъ домъ — ближе тутъ!

— Такъ что вы ничего не предпринимаете противъ такого нахальства!

— Ничего: опасно. Мы вѣдь однѣ, вдвоемъ съ дочерью живемъ здѣсь лѣтомъ.

— А хозяйство ведете?

— Нѣтъ, никакого! Зиму мы проводимъ въ Кіевѣ и только сторожъ одинъ остается въ имѣніи.

— Неужели честнаго человѣка послала вамъ судьба?

— Нѣтъ! старая Лазаревская усмѣхнулась. — Но онъ живетъ у насъ уже лѣтъ двадцать и мы привыкли къ нему. Тащитъ, конечно, что можетъ, понемножку. Спокойствіе и примиренность ихъ съ вопіюще безобразнымъ положеніемъ дѣла поразили меня. Но такова участь здѣсь всѣхъ небольшихъ помѣщиковъ, имѣющихъ имѣнія вблизи города.

Іюля 14. Сражался за свою квартиру. Нанялъ съ 20 іюня у нѣкоей Якубовской отдѣльный домикъ съ шестью комнатами и двумя парадными ходами, пополамъ съ агрономомъ Радченкой, и тогда же переселился въ него со своими чемоданами и походной кроватью. Хозяйка прислала мнѣ простой столъ и четыре стула и я блаженствовалъ послѣ пресмыканія по туземнымъ номерамъ.

Вышелъ я на дворъ и вдругъ вижу, что въ открытую дверь моей кухни — тамъ производился еще ремонтъ, вступаетъ цѣлая процессія городской знати съ толстою предводительшею во главѣ.

Стоитъ жарища; бѣлый колпакъ у предводительши былъ, по обыкновенію, на боку, лицо красное. За нею шествовали городской голова, члены управы, воинскій начальникъ и три доктора.

Я поспѣшилъ къ нимъ и освѣдомился, чѣмъ могу быть полезенъ.

— А мы квартиру взять пришли! заявила мнѣ предводительша.

— Эта квартира уже занята мною! возразилъ я.

— Какъ занята?..

— Такъ, уже нѣсколько дней!

— Ну, да вы вѣдь еще не переѣхали, вещей не привезли!

— Я привезъ все, что у меня имѣется. И количество вещей не имѣетъ значенія: важно то, что квартира уже снята мною.

— Какъ же быть теперь, господа? обратилась предводительша къ спутникамъ, безмолвно утиравшимъ потные лбы. — Намъ некуда помѣстить г.г. докторовъ новаго госпиталя. Можетъ, уступите, все-таки свою квартиру имъ?

— Нѣтъ, не уступлю.

— Но вѣдь она велика для васъ!

— Я не одинъ: другую половину занялъ Радченко.

— Ну, это вздоръ; онъ можетъ найти себѣ и другую квартиру!

— Нѣтъ, не вздоръ и, наконецъ, квартира вся снята мною, на мое имя и иныхъ квартирантовъ, кромѣ него, я не желаю!

— Военное время . . .—пробурчалъ городской голова, полуграмотная дылда съ прилипшими къ вискамъ мокрыми прядями длинныхъ волосъ. Тотчасъ послѣ выборовъ, не имѣя никакого чина, онъ облачился въ сюртукъ министерства внутреннихъ дѣлъ съ петлицами коллежскаго совѣтника и важно разгуливаетъ въ немъ по пыли и грязищи города.—Уступить бы надо ? . .

— Отчего же вы своихъ домовъ не уступите? спросилъ я: — ваши и больше и лучше!

— Далеко . . . по закону докторамъ не далѣе полуверсты отъ госпиталя помѣщенія отводить можно . . .

— У васъ могутъ и отобрать квартиру ! . . вмѣшалась предводительша: — военное время, что дѣлать!

— Да . . . вставилъ воинскій начальникъ. — Я имѣю право очистить весь кварталъ.

— О, если такъ, — отлично! отвѣтилъ я. — Если выселите всѣхъ, уйду и я. Но прошу начинать по порядку: съ ближайшихъ къ госпиталю домовъ, пожалуйста! И я указалъ рукою на обширнѣйшій домъ предводителя, расположенный нѣсколько наискосокъ отъ моего.

Воцарилось молчаніе.

— Квартиръ въ городѣ много свободныхъ, продолжалъ я: — свободенъ клубъ, прежнее помѣщеніе клуба и др. А если вамъ угодно выдворить меня силой — пожалуйста. Но предупреждаю, что немедленно же уѣду въ Питеръ и доложу министру о происходящемъ здѣсь.

— Пойдемте! оскорбленнымъ тономъ заявила предводительша и закачалась къ калиткѣ. Безмолвная свита послѣдовала гуськомъ за нею.

Какое, спрашивается, отношеніе имѣетъ жена предводителя дворянства къ водворенію въ городѣ докторовъ военнаго госпиталя?

Въ городѣ имѣются три учебныхъ заведенія: женская и мужская гимназіи и коммерческое училище. Первая и послѣднее уже заняты госпиталями, и умный городской голова, которому не слѣдъ бы попадать на должности выше разсыльнаго, на запросъ изъ Кіева— имѣются ли въ городѣ свободныя помѣщенія еще для одного госпиталя, ничто же сумняшеся, отвѣтилъ — есть!

Въ результатѣ, наѣхали доктора и отобрали послѣднюю гимназію, гдѣ предполагалось заниматься въ двѣ очереди.

Негодованіе среди родителей вся эта белиберда вызвала большое: потерять годъ — для многихъ далеко не пустякъ! А главное — половина Россіи еще пустуетъ и такой экстренной надобности прекращать всякое ученье въ городѣ, находящемся не въ районѣ военныхъ дѣйствій, нѣтъ ни малѣйшей.

Іюля 9. Квартира моя пока въ безопасности. Вмѣсто меня пострадалъ священникъ той церкви, гдѣ похороненъ Пономаревъ.

Въ его отсутствіе явилась та же комиссія, что была и у меня, безъ всякихъ разговоровъ съ его семьей госпитальные солдаты вынесли на дворъ и на улицу всѣ вещи изъ дома, и дѣло было покончено.

Священникъ перебрался на дорогу къ вокзалу, въ тѣсную хибарку. Я съ Фененкой былъ у него, часть

имущества его мы застали еще стоящимъ на дворѣ, за неимѣніемъ мѣста въ домѣ; диванъ и кое что изъ мебели были поломаны. Какъ отнесся священникъ къ такому образу дѣйствій добавлять не стану.

Іюля 10. Вечеръ провелъ въ «губерніи» у Модзалевскаго: послѣдній очень разстроенъ назначеннымъ ему переосвидѣтельствованіемъ. Онъ — капитанъ въ отставкѣ и не былъ призванъ въ армію по причинѣ плохого состоянія здоровья. Человѣкъ онъ весьма хилый и хрупкій и какъ военный не годится никуда.

Съ возмущеніемъ разсказывалъ мнѣ, что противъ Мережки предпринятъ, по приказу губернатора, походъ: мѣсто его въ Кролевцѣ понадобилось губернаторскому племяннику, находящемуся въ Курской губерніи. Губернская землеустроительная комиссія подыскиваетъ теперь всякія вины за Мережкой и тоже хочетъ свести съ нимъ какіе то свои счеты.

Августа 9. Слышалъ въ разныхъ мѣстахъ толки о рокѣ, тяготѣющемъ надъ Николаемъ II. Говорятъ, будто армія вездѣ, гдѣ онъ появлялся, суевѣрно ожидала несчастій. Если судить по прошедшему — такъ оно было и въ дѣйствительности: всѣ тѣ мѣста, начиная со Львова и Перемышля, которыя посѣтилъ Государь — вскорѣ были очищены нами.

Менѣе суевѣрные люди видятъ въ этомъ не рокъ, а нѣмцевъ и ихъ сторонниковъ, всегда имѣющихся въ свитѣ Государя и не теряющихъ времени даромъ.

Іюля 15. Некогда было отмѣтить свою поѣздку въ Полтавскую губернію. Роменскій уѣздъ — сосѣдній съ моимъ, и я рѣшилъ съѣздить въ него ради экономіи по желѣзной дорогѣ.

Пріѣхалъ я на вокзалъ къ пассажирскому поѣзду, но всѣ они опаздываютъ теперь невѣроятно. Чтобъ не сидѣть зря нѣсколько часовъ въ буфетѣ, я забрался на товарный поѣздъ, груженый сѣномъ (непремѣнные члены имѣютъ на то право); кромѣ кондуктора на от-

крытой площадкѣ платформы ютилось на кипахъ сѣна два солдатика. Солнце жгло, какъ ошалѣлое; пыль несло изъ подъ вагоновъ словно въ Конотопѣ. Часа два ѣхали мы до сосѣдней станціи Бахмачъ, гдѣ мнѣ предстояла пересадка.

Когда я вошелъ въ низкое, старое деревянное зданіе станціи Бахмачъ — оно было переполнено пассажирами, ожидавшими поѣздовъ во всѣ четыре стороны свѣта.

На полу грудами лежалъ багажъ; вокругъ него и на немъ сидѣли и стояли люди; найти гдѣ либо мѣсто было немыслимо.

Если прибавить къ этому невыносимую духоту и милліоны мухъ, то станетъ понятнымъ, что я сейчасъ же пробрался во дворъ съ тѣмъ, чтобы взять извозчика и, не дожидаясь передаточнаго поѣзда, ѣхать на другой вокзалъ.

Извозчиковъ не имѣлось и слѣда.

Пришлось около двухъ часовъ слоняться по перрону, пока, наконецъ, передаточный поѣздъ не перевезъ насъ на Либавскую линію.

Пассажирскій поѣздъ, оказалось, ушелъ часа два назадъ и слѣдующій отходилъ что то чуть ли не въ 11 ч. вечера. Было всего шесть часовъ. Я справился у начальника станціи и, спустя часъ, катилъ, сидя на подножкѣ пустого товарнаго вагона.

Громадный поѣздъ весь шелъ порожнякомъ. Съ грохотомъ неслись мы среди полей, по мостамъ и насыпямъ.

Трясло немилосердно, но я привыкъ къ перекладнымъ и тряскою меня удивить нельзя. Нѣсколько непріятно было другое: кромѣ надѣтаго на мнѣ легкаго кителя цвѣта хаки да холщевого пыльника поверхъ него, у меня ничего съ собой не было. Между тѣмъ, солнце шло къ закату и становилось все свѣжѣе; часто поѣздъ пересѣкалъ большія болота и тогда все вокругъ тонуло въ туманѣ.

Обѣщанные четыре часа пути растянулись почти на

семь; особенно долго задержали насъ на разъѣздѣ близъ самыхъ Роменъ.

Я не вытерпѣлъ, наконецъ, завернулся, насколько было возможно, въ свой халатъ, надвинулъ на лицо капюшонъ, подъ голову подмостилъ свой тючекъ съ подушкой и легъ, подвалившись спиной къ стѣнкѣ вагона. Стало теплѣе.

Только около двухъ часовъ ночи очутился я, наконецъ, въ гостиницѣ; получить что-либо горячее было уже нельзя и я помылся и улегся отогрѣваться въ постель.

Пассажирскій поѣздъ, какъ я узналъ послѣ, пришелъ... въ одиннадцать часовъ утра. Хорошъ бы я былъ, ожидая его въ Бахмачѣ!

Въ восемь часовъ утра я уже направлялся къ базару.

Что за прелесть эти Ромны! Улицы широкія, чистыя, обсаженныя аллеями громадныхъ тополей. Послѣ грязнаго Конотопа мнѣ показалось, что я попалъ за границу.

Одна изъ обширнѣйшихъ площадей города, на которой происходила когда то ярмарка, какъ бы отгорожена квадратомъ одноэтажнаго каменнаго Гостинаго Двора; размѣры каждой стороны его около полуверсты. Нынѣ торгуетъ только одна часть, примыкающая къ бульвару; три другія въ запустѣніи и, кое гдѣ, начали обваливаться.

Базарная площадь вынесена на край города, къ высокому обрыву надъ рѣками Ромномъ и Пселомъ, сливающимися среди зеленыхъ болотистыхъ луговъ и зарослей лозняка. Даль открывается во всѣ стороны необъятная.

Базаръ гудѣлъ разными голосами. Кричали и спорили торговки, гакали гуси, визжали поросята, ржали лошади; десятки слѣпцовъ и калѣкъ сидѣли на углахъ улочекъ, обставленныхъ бабами съ разными продуктами, положенными на разостланныхъ не землѣ платкахъ и тряпкахъ. Нищіе причитали, кланяясь до земли; несмотря на зной, шапокъ ни на одномъ изъ

нихъ не было. Нѣсколько нищихъ кучкой сидѣло около слѣпца съ торбаномъ на колѣнахъ. Тренькали струны и дребезжащіе голоса складно выводили какой то стихъ.

Потолкался я въ самой толчеѣ базара и сталъ заглядывать въ убогія лавченки, ютившіяся на площади. Въ одной — торговавшей старой мебелью — я нашелъ пожилого еврея, заявившаго мнѣ, что онъ знаетъ дома, гдѣ продадутъ старинныя вещи.

Вмѣстѣ съ нимъ мы отправились въ дальнѣйшій путь. День стоялъ невѣроятно знойный; несмотря на тѣнь деревьевъ, было душно, а на открытыхъ пространствахъ — невыносимо. Я обливался потомъ. Не буду описывать всѣхъ своихъ похожденій то въ гору, то подъ гору, по разнымъ захолустнымъ угламъ: ничего путнаго въ нихъ не отыскалось!

Около двухъ часовъ дня еврей привелъ меня къ острогу; близъ него на самомъ яру пріютился двухъэтажный домикъ-игрушка, крытый черепицей.

Еврей отворилъ калитку и мы очутились на маленькомъ дворикѣ; я остался на немъ, а мой вожатый пошелъ розыскивать хозяйку — Марью Дмитріевну Псареву.

Черезъ нѣсколько минутъ парадная дверь растворилась и показалась невысокая пожилая особа, довольно просто одѣтая.

— Пожалуйте, заходите! привѣтливо отнеслась она ко мнѣ.

Я вошелъ въ каменный узенькій коридорчикъ и почувствовалъ себя, какъ въ раю: такъ въ немъ было хорошо и прохладно.

Я объяснилъ хозяйкѣ цѣль своего визита и она послала прислугу за сыномъ — студентомъ, а меня пригласила въ столовую и предложила чаю. Я съ жадностью поглощалъ стаканъ за стаканомъ.

Столовая меня удивила: стѣны ея были покрыты высоченными шкафами съ дверцами изъ желѣзной сѣтки. Въ нихъ висѣло и лежало множество всевозможныхъ столярныхъ и слесарныхъ инструментовъ; къ

столу съ одной стороны прижимался большой верстакъ.

Хозяйка замѣтила мои взгляды и охотно повѣдала свою исторію.

Недавно умершій мужъ ея имѣлъ порядочное состояніе, но фантазій еще больше.

Онъ купилъ край обрыва, саженъ на тридцать подымающагося надъ поймами Ромена, и сталъ устраивать поэтическій уголокъ. Изрытую промоинами землю онъ срѣзалъ уступами и получился рядъ террасъ; почва ихъ оказалась такова, что для устройства сада пришлось возить черноземъ и вся эта затѣя обошлась ему въ двадцать тысячъ рублей.

На одной изъ террасъ онъ возвелъ домикъ, поразившій меня тѣснотою своихъ комнатокъ, коридоровъ и лѣстницъ.

Чтобы террасы не осыпались, ихъ со стороны проѣзда пришлось оперетъ на монументальную кирпичную стѣну, создающую иллюзію крѣпостной.

Благодаря тому, что садъ расположенъ на южномъ скатѣ горы — въ немъ растетъ виноградъ, персики и абрикосы. Еще не закончивъ вполнѣ своей затѣи, самъ Псаревъ умеръ. Средствъ послѣ его смерти, по словамъ моего еврея, почти никакихъ не оказалось.

Послѣ пятаго стакана чаю, поглощеннаго мною по московски, т. е. съ прохладцемъ и съ блюдечка, въ столовую вошелъ бѣлокурый молодой человѣкъ, котораго мы ждали — Глѣбъ Ивановичъ Псаревъ.

Я поблагодарилъ хозяйку и всталъ.

— Куда прикажете идти? спросилъ я.

— А на чердакъ. На чердакахъ у насъ все свалено!

Чердакъ — это обычное кладбище Россійской старины, и я молча отправился за своимъ спутникомъ.

Покойный Псаревъ получилъ наслѣдство отъ какой то своей родственницы —помѣщицы, жившей въ Лубенскомъ уѣздѣ; старинную мебель привезли на возахъ и, какъ водится, распихали, куда попало, только бы подальше отъ глазъ.

Чердакъ оказался куда интереснѣе жилого этажа дома. У стѣнъ и среди него грудами лежала и стояла всякая мебель. Были тутъ кресла изъ цѣльнаго орѣха, были орѣховые столы, пузатые комоды краснаго дерева, шкафы и т. д. Все это было поломано, продавлено, покалѣчено и густо покрыто пылью и черною паутиной.

Въ одномъ углу въ три этажа громоздились сундуки. Мы сняли и открыли верхній: онъ весь былъ полонъ стариннымъ хрусталемъ, бокалами, рюмками и стаканами.

Духота была нестерпимая; въ вискахъ у меня начало стучать, я чувствовалъ, что еще немного — и меня хватитъ кондрашка.

Нѣсколько разъ я выскакивалъ въ дверь и оказывался на крышѣ: покойный любилъ всякія такія неожиданности. Обдувало вѣтромъ и я, освѣжившись немного и полюбовавшись видомъ, опять нырялъ въ дверь, изъ которой несло, какъ изъ раскаленной печи.

Съ чердака надъ домомъ мы перешли на другой, устроенный надъ кухней и службами. Та же картина встрѣтила меня и тамъ. Кромѣ мебели тамъ валялись среди пыли какія то запертыя шкатулки, стояли ломанныя кровати, станки и т. д. Нѣтъ, кажется, вещи, которой нельзя было бы сыскать на этихъ чердакахъ.

Я усмотрѣлъ въ полутьмѣ у стѣны повитый паутиной, развалившійся диванъ и принялся освобождать старика отъ наваленной на него дряни. И когда онъ открылся весь, я пришелъ въ восторгъ. Передо мною стояло созданіе половины 18 вѣка, цѣльнаго орѣха, все покрытое легкой рѣзьбой; — это была мечта, созданіе художника.

Пробыли мы на чердакѣ часа два и въ результатѣ я нашелъ шесть мягкихъ стульевъ къ этому дивану, кресло, два стола и комодикъ à la Буль, краснаго дерева.

За все это хозяева взяли съ меня 75 рублей. Глѣбъ Ивановичъ обѣщалъ прислать купленную мной мебель въ Конотопъ на подводѣ, такъ какъ я не хотѣлъ под-

вергать ее прелестямъ перегрузки на желѣзной дорогѣ въ Бахмачѣ, и мы съ нимъ отправились купаться.

До воды идти оказалось довольно далеко. И, Боже ты мой, что за сплошное горе оказалось наше купанье!

Роменъ — довольно большой и глубокій подъ Краснымъ Колядиномъ—весь растерялся по пути отъ него въ топкихъ болотахъ; при устъѣ своемъ онъ имѣетъ въ ширину аршина два; Пселъ—раза въ два шире. И тотъ, и другой заросли тиной и купавками, и только знающій человѣкъ можетъ найти мѣсто, гдѣ возможно выкупаться.

Рубашка на мнѣ была мокра до того, что я ее выжалъ какъ жгутъ и раскинулъ затѣмъ на травѣ сушиться. Мѣсто для купанья оказалось крохотной заводью, аршинъ до четырехъ шириною, какъ бы зеркаломъ въ оправѣ изъ зелени. Съ наслажденіемъ смылъ я съ себя все благопріобрѣтенное за дни странствованій, едва напялилъ потомъ мокрое бѣлье и мы пустились обратно.

Не скоро выпустили меня гостепріимные Псаревы, и только подъ вечеръ, сытый и напоенный чаемъ до нельзя, я отправился во свояси.

На другой день, опять на товарномъ поѣздѣ и опять сидя на подножкѣ, я укатилъ на ст. Рубанку, а оттуда на простой телѣгѣ черезъ Красный Колядинъ въ с. Коренецкое.

Коренецкое раскинулось на высокомъ бугристомъ берегу все того же Ромна, служащаго границей съ Полтавщиной. Конечно, посерединѣ села имѣется ставокъ, гребля, заросшая ветлами, и церковь на высокомъ ядру.

Я рѣшилъ остановиться въ школѣ, благо лѣтомъ онѣ пусты совершенно. Просторное, выкрашенное въ красный цвѣтъ зданіе ея стоитъ у въѣзда въ село; ямщикъ остановилъ пару своихъ лошадокъ у открытаго крыльца и сталъ выгружать на него мои вещи.

Школа оказалась запертой. Черезъ нѣсколько минутъ прибѣжалъ одѣтый въ коротенькій пиджакъ, сторожъ, отперъ дверь и, кланяясь и приговаривая «пожа-

луйте, пожалуйте», повелъ по коридору. Какъ позже оказалось, онъ принялъ меня за свое начальство — члена управы.

Я избралъ, было, для себя одинъ изъ классовъ, но мой вожатый запротестовалъ.

— Помилуйте, тутъ нехорошо, неудобно! Пожалуйте дальше, въ комнаты учительшъ!

Ихъ въ школѣ имѣлось двѣ и обѣ были въ отпуску; одна уѣхала въ Конотопъ выходить замужъ.

Словоохотливый сторожъ выболталъ мнѣ всѣ эти свѣдѣнія, не переводя духа.

Мы вступили въ свѣтлую, веселую комнатку послѣдней. Все убранство ея состояло изъ стола, старенькаго дивана-кушетки и платяного шкафа. Сосѣдка ея жила уютнѣе: имѣлось у нея и подобіе туалетика съ кисейнымъ пологомъ надъ зеркальцемъ; у задней стѣны стояла аккуратно застланная кровать; боковую покрывали открытки, расположенныя вѣерами, подъ ними стоялъ письменный столъ.

— Вотъ сюда-съ! гостепріимно пригласилъ сторожъ. — Здѣсь и постелька есть съ простынками... отлично вамъ тутъ будетъ!

Я, тѣмъ не менѣе, отказался отъ чужихъ простынокъ и вернулся въ первую комнату.

— Какъ угодно-съ!.. нѣсколько разочарованно заявилъ сторожъ. — Только на чемъ же, извините, спать вы будете?

Я его послалъ за своими вещами и онъ съ большимъ удивленіемъ увидалъ, что изъ маленькаго свертка вдругъ вытянулась моя вѣрная спутница — походная складная кровать.

Барышня, обитавшая въ занятой мною комнатѣ, такъ торопилась выйти замужъ, что не затворила даже своего шкафа и, кажется, забыла отъ радости надѣть юбку: одна изъ нихъ, нацѣпленная середкой на деревянный шпенекъ, висѣла въ шкафу, а три штуки валялись на стульяхъ и на диванѣ.

Я ихъ собралъ, повѣсилъ въ шкафъ и пришпилилъ

къ одной записку съ просьбою впредь пришивать къ своимъ юбкамъ вѣшалки.

Сторожъ сообщилъ мнѣ, что въ сборной собрался сходъ, и я поспѣшилъ въ село поговорить съ крестьянами.

Около сборной ихъ сидѣло и толпилось около сотни. Побесѣдовалъ я съ ними, собралъ нужныя свѣдѣнія и опросивъ о курганахъ и находкахъ пустился въ дальнѣйшее странствованіе.

Красноколядинскій священникъ передалъ мнѣ, что въ Коренецкой церкви накопилось три пуда старинныхъ монетъ, и что староста собирается продать ихъ на вѣсъ. Сообщилъ онъ мнѣ это съ недѣлю назадъ и я тотчасъ же написалъ старостѣ, чтобы онъ не продавалъ монеты и задержалъ ихъ до моего пріѣзда.

Домъ священника стоитъ на горѣ; отдѣленъ онъ отъ церкви только дорогою и весь заросъ травой. Если бы не веревки съ бѣльемъ, протянутыя отъ «параднаго» крыльца къ амбару, можно бы было подумать, что домъ давно оставленъ жильцами.

Въ «парадную» дверь попасть было немыслимо: вся система веревокъ держалась за дверную ручку и отворить дверь, значило обрушить на траву всѣ матушкины юбки и кофточки.

Я вошелъ на заднее крыльцо, оттуда въ кухню; навстрѣчу никто не показывался. Изъ сосѣдней комнаты долетѣли до меня смѣхъ и оживленные женскіе голоса.

Я миновалъ еще одну, совершенно пустую комнату и очутился въ убогой гостиной; окна ея были закрыты занавѣсками изъ краснаго кумача, и въ непріятномъ красноватомъ полусумракѣ вокругъ стола сидѣло нѣсколько человѣкъ.

Духотища царила невыносимая. Увидавъ меня, всѣ смолкли.

Сидѣвшій въ креслѣ небольшого роста, молодой свѣтловолосый, растеряннаго вида, попикъ застылъ съ разинутымъ ртомъ.

Я познакомился со всѣми. Попикъ подалъ мнѣ противную влажную руку, плюхнулся опять въ кре-

сло и молча сталъ слушать то, что я говорилъ ему о цѣли своего пріѣзда. Видъ у него былъ непріятный, болѣзненный; весь онъ казался такимъ же клейкимъ и слякотнымъ, какъ его руки.

Сзади него, галантно вывернувъ ножку, стоялъ, облокотившись на спинку кресла, совсѣмъ юный, еще безусый франтъ въ сѣромъ пиджакѣ и въ мягкой рубашкѣ, повязанный по горлу лентой съ вычурнымъ бантомъ. За нимъ, у стѣны, остались стоять три особы женскаго пола: дамами ихъ назвать не рѣшаюсь. Двѣ изъ нихъ были повыше ростомъ и жеманились съ двумя дѣтинами, державшими въ рукахъ семинарскія фуражки. Третья, невысокая, полная — дочка вдовы просвирни, держала себя спокойно.

Франтъ, стоявшій за спиною священника, оказался псаломщикомъ.

О чемъ я ни спрашивалъ священника — отвѣчалъ псаломщикъ. Батя только растерянно кривилъ ротъ и не успѣвалъ вставить ни слова.

— Да, мы знаемъ, вы писали старостѣ! тономъ хозяина заявилъ псаломщикъ. — Но деньги старинныя мы продать не можемъ...

Наглость юнца меня разозлила.

— Виноватъ, сказалъ я: — я не могу разобрать, кто изъ васъ священникъ?

Псаломщикъ смутился, выпрямился и отошелъ на шагъ; попикъ взглянулъ на него и откашлялся.

— Я, я!.. пробормоталъ онъ и улыбнулся.

— Такъ въ такомъ случаѣ будемте съ вами и говорить. Почему вы не можете продать деньги?

— Да архіерей; онъ, видите ли, запретилъ...

— Не можетъ этого быть! возразилъ я. — Прежде всего эти деньги не его, а предназначенныя на нужды церкви и использовать ихъ можно, только продавъ ихъ!

Попикъ опять поднялъ глаза на псаломщика. Тотъ съ рѣшительнымъ видомъ вздернулъ вверхъ плечи.

— Никакъ нельзя. Запрещено! отрѣзалъ онъ.

— Отлично! сказалъ я, подымаясь съ кресла: —

буду на дняхъ въ Черниговѣ — спрошу архіерея, какъ это онъ такъ запретилъ церквамъ пользоваться своими деньгами? Потрудитесь въ такомъ случаѣ показать церковь: я членъ Императорскаго Археологическаго Общества!

Я пошелъ къ двери. Сзади меня начался легкій переполохъ и перешептыванье.

Вслѣдъ за мной на крыльцо выскочилъ псаломщикъ.

— Показать, если вамъ угодно, мы деньги покажемъ? совсѣмъ другимъ тономъ, слегка униженно, заговорилъ онъ.

Я, будто не замѣчая его, вошелъ на цвинтарь; онъ отсталъ съ озадаченнымъ видомъ; сзади спѣшилъ священникъ, особы женскаго пола и семинаристы; шествіе заключалъ перепуганный долговязый староста, чуть не бѣгомъ прибѣжавшій изъ села.

Церковь оказалась неинтересной и новой. Священникъ, не вмѣшиваясь ни во что, и не говоря ни звука, гулялъ между крылосами; женскій полъ щебеталъ съ семинаристами.

— Покажьте гроши! обратился къ старостѣ псаломщикъ. Тотъ крякнулъ, выволокъ изъ кармана ключи, болѣе пригодные для воротъ какой нибудь крѣпости, зазвенѣлъ ими и сталъ отпирать сундукъ.

Вмѣсто трехъ пудовъ монетъ оказалось всего пять фунтовъ. О, россійская молва... во всемъ ты вѣрна себѣ!

Староста высыпалъ ихъ на ящикъ для плащаницы и я принялся за пересмотръ. Всѣ, кромѣ священника, кинулись къ деньгамъ, гомоня, какъ на базарѣ.

— Покажьте, покажьте?.. выкрикивала то одна, то другая: — а ну эту... а вонъ ту?..

Мѣшали эти безцеремонныя особы страшно и я попросилъ ихъ мнѣ «не темнить». Всѣ отшатнулись и опять занялись флиртомъ на крылосѣ.

Ничего интереснаго среди монетъ не оказалось — было нѣсколько штукъ хорошо сохранившихся — и только.

Я отдѣлилъ ихъ и обратился къ старостѣ съ вопросомъ — не продастъ ли онъ ихъ мнѣ.

— А отчего жъ?.. началъ, видимо соглашаясь, староста.

— Можно, конечно, можно! услужливо перебилъ его псаломщикъ: — пожалуйста, берите!

Я уплатилъ старостѣ назначенную имъ небольшую сумму, простился съ нимъ, издали сухо раскланялся со всѣми и ушелъ въ школу.

Много всякихъ поповъ перевидалъ я на своемъ вѣку, а такой слякоти въ рясѣ встрѣчать еще не доводилось!

Сторожъ ждалъ меня на крыльцѣ съ привѣтливою улыбкой.

— Скомандуй ка ты мнѣ, голубчикъ, кубанъ молочка, да хлѣбца! обратился я къ нему.

— Чи жъ вы чаю не пили? изумился онъ.

— Гдѣ?

— Да вы жъ до піпа ходыли?

— Ну, такъ что жъ?

— И винъ васъ не угостівъ нічімъ?

— Нѣтъ.

— Ото жъ поганый піпъ! И такъ со всѣми: никого не позоветъ до собі и не угостітъ!

— А любятъ его у васъ мужики?

— Его? сторожъ даже сплюнулъ. — Да съ тіхъ поръ, какъ село стоитъ, такого поганаго піпа не було!

Ворча и качая головой, сторожъ исчезъ за молокомъ. Въ ожиданіи его я устроилъ себѣ постель, досталъ книгу и вышелъ на крыльцо почитать. Вечерѣло, но было еще совершенно свѣтло.

Только что я полуулегся на ступенькахъ — вдругъ услыхалъ знакомые, щебечущіе голоса; черезъ минуту изъ за угла показались тѣ же три неразлучныя богини. Въ корнѣ выступала шатенка, съ одной стороны ея шла просвирнина «дочкà», какъ говорятъ здѣсь; съ другой томно висѣла на рукѣ блондинка. Лицъ ихъ

описать нельзя: были изъ тѣхъ, о которыхъ пишутъ въ паспортахъ, что они — особыхъ примѣтъ не имѣютъ.

Я сдѣлалъ видъ, что погруженъ въ чтеніе и ничего не вижу.

Феи защебетали громче, съ явною цѣлью привлечь мое вниманіе. Я поднялъ глаза, слегка поклонился имъ и опять уткнулся въ книгу. Феи прошли мимо школы и, сдѣлавъ еще шаговъ двадцать, повернули обратно и развальцемъ, какъ бы гуляя, направились уже не по дорогѣ, а по тропкѣ мимо самаго крыльца.

Поровнявшись со мною, онѣ остановились.

— На воздухъ почитать вышли? воркующимъ тономъ спросила коренная.

— Да, отвѣтилъ.

— Вамъ не скучно?

— Нѣтъ. А вамъ?

— Очень скучно!

— Пойдемте гулять съ нами? пригласила томная пристяжная.

Вся эта комедія начала меня забавлять.

— Хорошо, сказалъ я. — Только отнесу къ себѣ книгу!

Черезъ минуту мы шли всѣ рядомъ по улицѣ; просвирнина дочка̀ чуть поодаль, а въ качествѣ коренника оказался уже я. Дамы кокетничали. Глядя со стороны, можно было поклясться, что я тайкомъ тычу въ седьмое ребро пальцемъ то одну, то другую — такъ онѣ изгибались и вытанцовывали.

— Вы, значитъ, въ школѣ остановились? сказала одна изъ нихъ.

— Да.

— А отчего не у насъ?

Я поглядѣлъ на задавшую вопросъ и хотѣлъ спросить ее въ свою очередь: отъ рожденія у нея въ головѣ нехорошо, или только сейчасъ она повредилась.

— Никто меня не приглашалъ! отвѣтилъ я.

— Ахъ, пожалуйста въ слѣдующій разъ прямо къ намъ пріѣзжайте! заторопились обѣ.

Въ это время лицомъ къ лицу мы наткнулись на

школьнаго сторожа, несшаго въ одной рукѣ кубанъ съ молокомъ, а въ другой здоровеннѣйшій каравай чернаго хлѣба.

Увидавъ меня среди поповенъ, сторожъ выпучилъ глаза и остановился; и кубанъ и хлѣбъ вотъ-вотъ готовы были покатиться отъ него въ разныя стороны.

Псаломщикъ поджидалъ своихъ дамъ подъ ракитами на греблѣ. Увидавъ меня, онъ съ благородствомъ во взорѣ раскланялся и стушевался за ближайшими плетнями.

Священникъ встрѣтилъ насъ улыбаясь, но попрежнему безмолвно.

Меня усадили въ гостиную, зажгли лампу и одна изъ дамъ—сестра попадьи, видя, что я зажмурился отъ свѣта, схватила съ дивана какую то бумагу, во мгновеніе ока прорвала въ ней дырку и нацѣпила ее на стекло вмѣсто абажура.

Священникъ сдѣлалъ движеніе воспрепятствовать, но запоздалъ.

— Что же это ты? проговорилъ онъ: — вѣдь это же бумага изъ консисторіи?..

— А, пускай ее! махнувъ рукой, небрежно отозвалась сестра попадьи.

Тутъ только я обратилъ вниманіе на диванъ. Весь онъ, до половины спинки былъ заваленъ книгами, метриками, обысками, приложеніями къ Нивѣ, газетами и всѣмъ, чѣмъ угодно. Будто кто то нарочно сгребъ въ одну кучу всѣ имѣвшіяся въ домѣ бумаги и книги, свалилъ ихъ на диванъ и долго перемѣшивалъ все хорошей лопатой.

Попадья занялась приготовленіемъ чая; на столѣ появилось варенье и коробка весьма застарѣлыхъ печеній.

Сестра ея тѣмъ временемъ выспросила мою фамилію и задумалась.

— А родственницы у васъ есть? спросила она.

— Есть.

— Такъ мы одну изъ нихъ знаемъ! обрадовавшись, заявила моя собесѣдница.

— Кого же именно?

— А вотъ сейчасъ. И она принялась рыться въ диванной сокровищницѣ. Метрики и отношенія поползли и посыпались на полъ.

Попъ поматывалъ головой и молчалъ.

Наконецъ, она вытащила номеръ журнала «Женщина», взмахнула имъ и, возгласивъ — здѣсь! открыла его и показала мнѣ портретъ жены, снятый въ Урянхаѣ.

— Это жена моя . . . а верховой позади нея — я! — сказалъ я.

Вѣсть эта вызвала полный восторгъ всѣхъ дамъ; усмѣхнулся даже попъ, но тотчасъ же прикрылъ ладонью ротъ и словно стеръ съ него улыбку.

Начались разспросы про Урянхайскій край и про его обитателей.

Попъ слушалъ внимательно; изрѣдка онъ слегка откидывался назадъ, грохоталъ на весь домъ, затѣмъ, опомнившись, зажималъ себѣ ротъ, разомъ обрывалъ ржанье и принималъ благообразный видъ.

Утромъ меня разбудили рано: пришли крестьяне съ разными находками.

Я купилъ все принесенное ими, но «дядьки» не уходили и мялись. — Мы до твоей милости? заявилъ, наконецъ, одинъ изъ нихъ.

— Что вамъ?

— А такъ что насчетъ попа. Сдѣлай милость такую — убери его отъ насъ!

— Милые мои, да я вѣдь не архіерей! отвѣтилъ я. — Вы архіерея просите. А что, чѣмъ вамъ попъ не угодилъ?

— Да съ тѣхъ поръ, какъ село стоитъ, такого поганаго попа не було! дружно заявили крестьяне.

Оказалось, что священникъ, несмотря на свою юность и дряблость — въ денежныхъ дѣлахъ дока. Цѣны на всѣ требы онъ удвоилъ и утроилъ, а «къ вѣнчанью хоть и не подступайся». Въ большую вину крестьяне вмѣняли ему несговорчивость и недоступность: съ народомъ объяснялся за него псаломщикъ, а

самъ попъ, по словамъ крестьянъ, цѣлые дни просиживалъ, не показываясь никуда, у себя въ комнатѣ за спущенными красными занавѣсками.

Я вспомнилъ мятый кумачъ на окнахъ гостиной и нездоровый, грязно-бурый цвѣтъ лица священника.

— Неужто онъ всегда занавѣсившись сидитъ? усомнился я.

— Всегда! подтвердили крестьяне. — Такъ изъ той комнаты и не вылазитъ, все въ ней!

— Да что жъ онъ въ потемкахъ дѣлаетъ?

— Кто жъ его знаетъ? — То посидитъ, то походитъ, только и всего...

Главнаго — двухъ глиняныхъ кувшиновъ, вѣрнѣе вазъ, случайно отрытыхъ кузнецомъ по ту сторону Ромна на городищѣ, изъ котораго мѣстные жители берутъ глину — мнѣ не доставили, несмотря на то, что нарочный былъ посланъ за ними наканунѣ.

Пришлось ѣхать на лодкѣ, а затѣмъ журавлемъ шагать по болотамъ самому, но увы, — напрасно! Вазы стояли въ углу въ кузницѣ и одну изъ нихъ разбили; другою же недѣли за двѣ до моего пріѣзда прельстился какой то проѣзжій мѣщанинъ изъ Кременчуга и увезъ ее, невѣдомо куда...

Августа 10. Побывалъ у Фененки. Онъ тоже только что вернулся изъ недолгой поѣздки по Городнянскому уѣзду, гдѣ занимался изученіемъ жизни бобровъ, еще водящихся въ Черниговской губерніи. Разсказы его настолько любопытны, что приведу ихъ полностью.

Главнымъ мѣстопребываніемъ его служилъ одинъ изъ древнѣйшихъ городовъ русской земли. Теперь это — мѣстечко, почти цѣликомъ принадлежащее нѣкіимъ магнатамъ N., и какъ кольцомъ охваченное 20 000 десятинъ ихъ же земли.

Молодой N. пробовалъ баллотироваться въ предводители дворянства, но былъ прокаченъ на вороныхъ, послѣ чего немедленно получилъ отъ министерства назначеніе въ предводители въ ближайшій уѣздъ сосѣдней Минской губерніи.

Мать его, на видъ ей лѣтъ пятьдесятъ — личность обаятельная. Въ ней сразу чувствуется природная аристократка; нѣтъ въ ней ни тѣни искусственности, сразу умѣетъ овладѣвать собесѣдникомъ и подчинять его своему мягкому вліянію.

Значеніемъ она пользуется громаднымъ.

Передъ пріѣздомъ Фененки у нея былъ съ жалобами только что выгнанный изъ министровъ Маклаковъ съ женою; Саблеръ слалъ ей «слезныя просьбы» (ея выраженіе) заступиться за него и т. д.

Бывалъ у нея на поклонѣ и Столыпинъ, не говоря уже о рядѣ другихъ зауряд-министровъ.

Со словъ Предсѣдателя Государственной Думы Родзянко, она разсказала Фененкѣ слѣдующее:

Родзянко просилъ аудіенціи у государя, но ему было отказано подъ предлогомъ, что царь очень занятъ. Тогда Родзянко послалъ во дворецъ заявленіе о сложеніи съ себя всѣхъ полномочій, и послѣ этого аудіенція состоялась.

Государь принялъ его наединѣ въ кабинетѣ и Родзянко сталъ горячо развертывать передъ нимъ картину того, что творится теперь на Руси, и закончилъ тѣмъ, что подходитъ время настоящей, грозной революціи, что Дума и Совѣтъ скоро окажутся безсильными остановить ее, и что Россія, можетъ быть, наканунѣ полной перемѣны династіи.

Государь плакалъ.

Результатомъ этого разговора была недавняя генеральная выгонка министровъ и обѣщанія свободъ.

Въ Ольгинъ день въ іюлѣ мѣсяцѣ въ указанное мѣстечко ѣдутъ въ полной парадной формѣ губернаторъ, все крупное чиновничество и архіерей и участвуютъ въ торжественномъ выходѣ владѣлицы въ церковь. На воздухѣ она всегда надѣваетъ синіе очки и въ такомъ видѣ шествуетъ во главѣ процессіи къ обѣднѣ.

Нечего и говорить, что полиція не смѣетъ и пикнуть безъ согласія помѣщицы. Губернаторъ прислалъ приказъ о выселеніи тридцати еврейскихъ семействъ, становой приставъ явился съ нимъ къ одному изъ уп-

равляющихъ, тотъ доложилъ владѣлицѣ, и та положила на оффиціальной бумагѣ карандашомъ краткую резолюцію — «отмѣняю». Приставъ послѣ поклона удалился на цыпочкахъ и уже ни съ его стороны, ни со стороны губернатора никакихъ разговоровъ по тому вопросу не подымалось.

Магнатка эта знала еще отца Фененки и потому, когда ей доложили, что въ мѣстечко пріѣхалъ Николай Іосифовичъ, она прислала пригласительное письмо и великолѣпную коляску за нимъ.

Помѣстили его во флигелѣ, въ комнатахъ для пріѣзжающихъ. Въ томъ же флигелѣ устроены и аппартаменты наслѣдника, рѣдко показывающагося въ главномъ дворцѣ.

Прислуга, разумѣется, выдрессирована изумительно; за обѣдомъ за стуломъ каждаго стоятъ по два лакея и Фененко забавно разсказывалъ, что чуть онъ нечаянно шевельнетъ головой — тарелки съ только что начатыми кушаньями, къ его огорченію, передъ нимъ какъ не бывало.

Во дворцѣ хранится драгоцѣнный семейный архивъ, наполненный письмами всѣхъ выдающихся людей Россіи разныхъ эпохъ; всѣ письма тщательно переплетены и томики ихъ рядами выстроены на полкахъ кабинета; тамъ же помѣщаются и записки покойнаго владѣльца и другихъ лицъ.

Молодой N. человѣкъ другого типа.

Книги, вопросы высшихъ ранговъ, которыми живетъ и которыми полонъ дворецъ, въ его резиденціи—флигелѣ, отсутствуютъ совершенно.

Тамъ, да и во всемъ мѣстечкѣ, царятъ времена Александра I и крѣпостное право, противъ котораго нѣтъ протестовъ и къ которому всѣ жители мѣстечка, слуги, многочисленная дворня, лѣсники и пр. относятся какъ къ явленію необходимому, вполнѣ законному и органически сросшемуся съ ними.

Жизнь во флигелѣ протекаетъ слѣдующимъ порядкомъ.

Будущій владѣлецъ вдругъ приказываетъ, чтобы къ

тремъ часамъ ночи явились къ нему на аудіенцію жители такихъ то домовъ и улицъ.

Приказы его исполняются мгновенно. Разумѣется, населеніе, состоящее изъ евреевъ, не имѣющихъ ни клока собственной земли, приходитъ къ двумъ часамъ и безмолвно ожидаетъ появленія своего повелителя въ пріемной.

Въ три часа камердинеръ будитъ его и докладываетъ, что вызванные собрались.

— Всѣ? — спрашиваетъ N.

Если кого-нибудь нѣтъ — начинается гроза и буря и изгнаніе всѣхъ изъ пріемной до слѣдующаго раза. Если собрались всѣ, повелитель поворачивается на другой бокъ и засыпаетъ. Въ девять часовъ утра онъ встаетъ и совершенно голый идетъ черезъ наполненную народомъ пріемную въ ванну; все передъ нимъ склоняется, онъ останавливается и милостиво шутитъ съ женщинами. Послѣ ванны слѣдуетъ обратно въ томъ же костюмѣ Адама, затѣмъ вызваннымъ объявляется камердинеромъ та или иная резолюція и они распускаются.

Неявившихся ждетъ не выселеніе, а выкидка съ помѣщичьей земли изъ мѣстечка, и никакіе суды и возраженія не могутъ имѣть мѣста. Всѣ это знаютъ и потому подобныя неявки безъ уважительныхъ причинъ немыслимы.

Иногда, проснувшись среди ночи, N. звонитъ и требуетъ граммофонъ. Камердинеръ заводитъ разныя аріи, тотъ слушаетъ лежа и, наконецъ, засыпаетъ.

Если утромъ является еврей-проситель, камердинеръ ставитъ его на комодъ и тотъ часами ожидаетъ выхода. Наконецъ, появляется молодой наслѣдникъ, сопровождаемый громаднымъ догомъ и догъ напускается на просителя. Еврей долженъ отбиваться ногами и нерѣдко комодъ послѣ такого боя оказывается весь мокрымъ.

Насладившись зрѣлищемъ, N. отзываетъ собаку, и полумертвый отъ страха проситель снимается лакеями съ эшафота и излагаетъ свои нужды.

Сцены такихъ пріемовъ бываютъ самыя разнообразныя. Однажды пріѣхалъ почтенный старый еврей-купецъ для покупки лѣса. N., не отвѣчая ему ни слова, приказалъ позвать музыкантовъ; тѣ явились мгновенно.

— Пляши! приказалъ онъ.

— Ваше сіятельство... я же не могу... позвольте?..

— Пляши!

Музыканты заиграли плясовую, и старику пришлось плясать до тѣхъ поръ, пока онъ не упалъ и не началъ плакать. Лѣсъ, который долженъ былъ пойти за пять тысячъ рублей, былъ за эту пляску отданъ ему за тысячу.

Большую часть дня N. проводитъ, разъѣзжая по мѣстечку и его окрестностямъ, всѣхъ встрѣчныхъ окликаетъ по именамъ, бесѣдуетъ съ ними и тутъ же продѣлываетъ всевозможные трюки.

Попалась ему навстрѣчу старая еврейка, плетшаяся съ кулечкомъ съ базара.

— А, Рахиль, закричалъ онъ. — Здравствуй, да какъ же ты помолодѣла?

Польщенная старуха кланялась и благодарила. N. кивнулъ двумъ рослымъ лѣсникамъ, всегда сопровождающимъ его; тѣ какъ перышко подхватили старуху и водрузили ее на проходившую мимо корову. Корова дала козла и помчалась прочь; старуха визжа уцѣпилась за ее шею, затѣмъ торчкомъ свалилась на землю.

Сейчасъ же въ рукѣ старухи очутилась сторублевка, и довольный зрѣлищемъ N. прослѣдовалъ дальше.

На ярмаркахъ за N. слѣдуетъ шеренга лѣсниковъ, вооруженная палками; всѣ они носятъ особую форму — мундиры. N. идетъ со скучающимъ видомъ и вдругъ чело его осѣняется вдохновеніемъ и проясняется; онъ даетъ знакъ и въ одинъ мигъ груды горшковъ и посуды разлетаются въ видѣ черепковъ во всѣ стороны.

Стоимость побитаго оплачивается лицомъ, вѣдаю-

щимъ это, а авторъ выдумки изобрѣтаетъ новые пассажи.

Однажды, во время прогулки съ Радзивилломъ, они встрѣтили около мѣстечка небольшой обозъ, везшій на нѣсколькихъ возахъ овесъ въ мѣшкахъ.

N. приказалъ остановить подводы и высыпать весь овесъ на землю. Лѣсники, привыкшіе безпрекословно исполнять каждое его слово, вытрясли всѣ мѣшки дочиста. Въ мѣшкахъ прорѣзали дыры, облачили въ нихъ возчиковъ и имъ приказано было плясать на разсыпанномъ овсѣ гопака.

Конечно, и этотъ танецъ былъ оплаченъ тройной цѣной.

Въ одинъ прекрасный день N. приказалъ скупить всѣхъ пѣтуховъ, и ихъ принесли къ нему сто пятнадцать штукъ; всѣхъ ихъ выпустили на дворъ; вельможѣ вынесли кресло, онъ усѣлся въ него и наблюдалъ за розыгравшимся грандіознымъ пѣтушинымъ побоищемъ.

Въ минуты хандры во флигель приглашается оркестръ. N. составляетъ списокъ пьесъ и высылаетъ его капельмейстеру. Оркестръ начинаетъ играть чувствительныя аріи, но никто не выходитъ; появляется только камердинеръ съ догомъ; догъ на цѣпи и въ намордникѣ.

Догъ и камердинеръ усаживаются передъ оркестромъ, заказанный репертуаръ проигрывается передъ ними и музыканты удаляются.

Лѣтомъ мѣстечко имѣетъ прекрасное сообщеніе съ Кіевомъ по Днѣпру; въ случаѣ выѣзда владѣльцевъ, имъ подаются отдѣльные пароходы; въ этомъ же году, вслѣдствіе войны, пароходные рейсы сокращены и знатные помѣщики вынуждены ѣздить на общихъ — пассажирскихъ.

Молодой наслѣдникъ при такихъ поѣздкахъ не стѣсняется: останавливаетъ, гдѣ вздумаетъ, пароходъ, выходитъ на берегъ и задерживаетъ его иногда часами.

Мѣстная публика привыкла къ выходкамъ сатрапа и молчитъ, но недавно приключилась маленькая исторія. Съ пароходомъ, гдѣ-то задержаннымъ въ пути N.,

ѣхалъ нѣкій комиссіонеръ, могилевскій еврей. Ѣхалъ онъ впервые, о мѣстномъ тузѣ ничего не слыхалъ и долгая остановка парохода его возмутила. Онъ началъ протестовать и требовать отхода; его успокаивали, говорили, что «вѣдь это же N. ждутъ», но тотъ не слушалъ и заявилъ, что никакихъ вельможъ знать не желаетъ, и что у него спѣшныя дѣла.

Тѣмъ временемъ прибылъ, наконецъ, N., кто то доложилъ ему о непригожихъ рѣчахъ еврея и черезъ нѣсколько минутъ горячій комиссіонеръ охлаждалъ свои нервы, барахтаясь въ Днѣпрѣ: по приказу N., его выкинули за бортъ и пароходъ ушелъ безъ него.

Все это сходитъ съ рукъ магнату совершенно безнаказанно.

Закончу сказаніе о немъ разсказомъ объ окончательно дикой его выходкѣ.

Во флигелѣ живетъ у него какая то красивая особа, и однажды, напившись у себя въ кабинетѣ съ гостившимъ у него Потоцкимъ, N. позвалъ камердинера и приказалъ обрить даму своего сердца и доставить потомъ къ нимъ.

Приказаніе было исполнено моментально, при чемъ ревностные исполнители сбрили ей не только косы, но и брови.

Когда она предстала въ такомъ обезображенномъ видѣ передъ нимъ въ кабинетѣ, онъ схватилъ револьверъ и выстрѣлилъ въ нее. Она упала. Тогда, вѣроятно въ проблескѣ сознанія, вторую пулю онъ пустилъ въ себя. Раны оказались не тяжелыми: и дѣвушка, и онъ остались живы.

Таковы владѣльцы живописнаго древняго гнѣзда, раскинувшагося на горахъ надъ Днѣпромъ. Освобожденіе крестьянъ тамъ еще не наступало и XVIII вѣкъ для него не минулъ.

Поѣздка Фененки не обошлась безъ приключеній: онъ дѣлалъ фотографическіе снимки съ построекъ бобровъ и измѣрялъ ихъ плотины. Его дважды выслѣживали, съ шумомъ и торжествомъ захватывали въ плѣнъ и водили къ становымъ приставамъ въ качествѣ

шпіона. Не будь у Фененки открытаго листа отъ губернатора и личнаго знакомства съ послѣднимъ — пришлось бы ему узнать, что за учрежденіе полицейскіе клоповники!

Августа 15. Ѣздилъ въ Батуринъ и въ Крупицкій монастырь св. Николая, лежащій верстахъ въ семи отъ него.

Уже вечерѣло, когда я подъѣхалъ къ Сейму — широкому и могучему въ тѣхъ мѣстахъ; глубина его подъ монастыремъ достигаетъ, по увѣренію перевозчика, 12 саженъ.

Наша пролетка спустилась узкимъ прорѣзомъ къ водѣ и съ грохотомъ въѣхала на плохонькій монастырскій паромъ.

На ровной, какъ столъ, зеленой возвышенности противоположнаго берега бѣлѣли строенія и надъ ними двѣ церкви монастыря, обнесенныя невысокою, бѣлою же оградой.

Лошади Ефрема вынесли меня на кручу и мы покатили по лугу; по ту сторону его, сейчасъ же за монастыремъ вставали суровыя стѣны лѣсовъ.

Гостиница — низенькое небольшое зданьице, прижалась спиною къ наружной сторонѣ монастырской стѣны; сейчасъ же за воротами, противъ нея, образуя широкій проулочекъ, тянется низенькій деревянный палисадничекъ, ограждающій тѣсный дворикъ и два деревянныхъ домика. Дальше проулокъ выводилъ на черный дворъ монастыря, гдѣ виднѣлись конюшни, сараи и скотный дворъ.

Старуха-богомолка отворила ворота и мы подъѣхали къ крыльцу. Напротивъ, во дворикѣ, былъ выставленъ накрытый скатертью длинный столъ; вокругъ него въ домашнихъ блузкахъ сидѣли три дамы; тамъ же похаживала, сдобная какъ московская попадья, чернобровая и румяная горничная. Мнѣ показалось, что я попалъ куда то на дачу.

Ефремъ принялся выгружать мои вещи; черезъ нѣсколько минутъ изъ домика напротивъ показался, за-

стегивая на ходу бѣлый балахонъ, сѣдой благообразный старикъ — о. гостинникъ. Гостиница была пуста. Старикъ отомкнулъ висячій замокъ и ввелъ меня въ просторную комнату съ тремя кроватями у стѣнъ и большимъ обѣденнымъ столомъ посрединѣ.

Настоятеля дома не оказалось.

Пока о. гостинникъ отправился хлопотать насчетъ самовара, я пошелъ пройтись по монастырю.

Начальная исторія его неизвѣстна. Но уже въ универсалахъ Богдана Хмельницкаго 1656 года имѣются упоминанія о Батуринскомъ монастырѣ, при чемъ онъ именуется «старожитнымъ, отъ давнихъ часъ» и «издавнимъ святымъ мѣстомъ». Новая, извѣстная часть его исторіи начинается съ 1633 года, но въ дѣйствительности настоящій монастырь существуетъ съ 1680 г.: до этой поры онъ находился въ другомъ мѣстѣ — на невысокомъ бугрѣ; приблизительно въ одной верстѣ отъ нынѣшняго. Тамъ жилъ и работалъ св. Дмитрій Ростовскій.

Среди неширокаго, длиннаго двора нынѣшняго монастыря проложена въ видѣ тротуара дорожка изъ досокъ; по обѣ стороны ея тянутся сперва небольшіе бѣлые домики — кельи и службы, затѣмъ довольно обширный настоятельскій домъ и церкви — большой пятиглавый соборъ св. Николая, оконченный въ 1680 г., и низкая, словно придавленная къ землѣ, теплая каменная же церковь во имя Преображенія съ колоннами при входѣ; эта выстроена въ 1803 году.

Постройки полузакрыты вѣтвями развѣсистыхъ яблонь и грушъ; фруктовъ въ монастырѣ урожай и деревья осыпаны крупными, румяными плодами.

Звонокъ къ настоятелю оказался испорченнымъ. Я постучалъ въ дверь и услыхалъ позади себя голосъ: «сейчасъ!» Я оглянулся: — ко мнѣ рысью летѣлъ молодой худощавый послушникъ съ копной развѣвавшихся отъ бѣга русыхъ волосъ на головѣ. Онъ юркнулъ за домъ, загремѣли внутри щеколды, дверь передо мною растворилась и выставилось востроносое, привѣтливо улыбавшееся веснушчатое лицо.

— Когда вернется о. настоятель? спросилъ я.

— Да скоро, съ минуты на минуту ждемъ! зачастилъ келейникъ.—Вы изволили въ нашей гостиницѣ остановиться? Какъ позволите о васъ доложить?

Я вручилъ ему свою карточку и медленно пошелъ обратно. На полпути меня перегналъ тотъ же келейникъ, несшійся въ гостиницу съ охапкою изъ подушекъ, одѣялъ и простынь, предназначавшихся, очевидно, для меня.

Я остановилъ его и сказалъ, что все необходимое у меня имѣется съ собою. Сѣрое лицо келейника выразило огорченіе; онъ потерялъ энергію, поникъ и поволокъ свою ношу обратно.

Но черезъ минуту онъ уже опять воспрянулъ духомъ и пролетѣлъ мимо меня съ развѣвающимися волосами и полами подрясника, и когда я всходилъ на крыльцо, онъ распоряжался чѣмъ то на противоположномъ дворѣ.

Самоваръ и только что подавшій его старикъ-гостинникъ ожидали меня.

— А хлѣбца подать? спросилъ старикъ. — Черный только есть сейчасъ!

— Пожалуйста.

Старикъ повернулся, чтобъ выйти, и чуть не столкнулся съ вплывавшей въ номеръ чернобровой толстухой; въ рукахъ у нея былъ подносъ съ вареньемъ, сдобными лепешками и кувшиномъ молока.

— Не угодно ли съ дорожки... свѣженькаго?.. пѣвуче, на московскій ладъ, заговорила она.

Сзади, изъ за ея плеча понюхалъ воздухъ острый носъ келейника и опять исчезъ.

Я поблагодарилъ нежданную гостью.

— Чѣмъ вотъ только васъ на ужинъ кормить — ума не приложу? продолжала толстуха. — Чать, скоромное кушаете?

Носъ келейника снова выставился изъ-за косяка двери.

— Грѣшенъ! отвѣтилъ я: не постничаю. Да вы не хлопочите: есть молоко, хлѣбъ; съ меня хватитъ!

Носъ исчезъ, словно узналъ, что ему было нужно; быстрый топотъ ногъ по коридору и крыльцу сообщилъ безъ словъ, что владѣлецъ пышной шевелюры опять помчался куда то во весь духъ.

Мнѣ невольно вспомнился дьяконъ Загребельской церкви, котораго о. Василій за его проворство и быстроту движеній называетъ «аэропланомъ».

Увидавъ въ окно шатавшагося безъ дѣла и скучавшаго Ефрема, я позвалъ его къ себѣ пить чай и сталъ спрашивать, что за женщины живутъ напротивъ гостиницы.

— Мать настоятеля одна изъ нихъ! сообщилъ онъ. — А та, что булки вамъ приносила — горничная при ней... Ну, и монастырь! неодобрительно добавилъ онъ.

— А что?

— Да бабъ полно! Гдѣ жъ такія горничныя бываютъ? Въ ней семь пудовъ вѣсу!

Сурово отозвался онъ и о старикѣ-гостинникѣ. По его словамъ, то былъ въ свое время первый конокрадъ въ уѣздѣ. «И такій проклятый, що колы не могъ куда коня сбыть, хоть бы полтораста рублівъ вінъ стоилъ — задавить и шкуру за пять карбованцевъ сбудеть!»

Напившись чаю, я отправился въ великолѣпный сосновый лѣсъ, отдѣленный отъ монастырскихъ службъ только дорогою. Громадныя мачтовыя деревья словно рѣдкая, темнокрасная колоннада храма Невѣдомому, стояли не зашелохнувъ. Покрытая травкой земля была ровна и чиста, какъ коверъ: ни сучка не валялось нигдѣ.

Выходя изъ воротъ монастыря я встрѣтилъ бричку, въ которой бочкомъ ютился семинаристъ въ формѣ; три четверти ея занималъ толстый попъ въ желтой соломенной шляпѣ и въ распахнутомъ черномъ дорожномъ азямѣ, изъ-подъ котораго виднѣлся голубой подрясникъ, повязанный неширокой, пальца въ два, красной тесьмой съ вытканными узорами.

Когда я вернулся — въ комнатѣ у меня горѣла лампа; я усѣлся за захваченную съ собою книгу и тотчасъ же услыхалъ грузные шаги: кто то ввалился въ

мой номеръ. Оглянулся — и узналъ мамонтоподобную фигуру того же священника.

— Здрасте!.. зычнымъ голосомъ проговорилъ онъ, протягивая мнѣ длань, которую я могъ охватить развѣ двумя руками. — Архимандритъ здѣшняго монастыря; очень радъ познакомиться!

Я отрекомендовался со своей стороны.

Во мнѣ два аршина и восемь вершковъ, но передъ о. архимандритомъ я почувствовалъ себя дѣточкой; человѣкъ онъ пудовъ на десять, упитанный, съ круглымъ лицомъ изъ тѣхъ, про которые говорятъ, что они кровь съ молокомъ; небольшая русая и рѣдкая бородка прикрывала только низы его пышащихъ здоровьемъ щекъ. Свѣтлые, мочальнаго цвѣта волосы на головѣ, ровно зачесанные назадъ, доходили ему почти до пояса.

Посидѣвъ нѣсколько минутъ, архимандритъ повелъ меня къ себѣ. Тотчасъ же въ большой и свѣтлой столовой появилась селедка и всякія закуски; въ заключеніе подали чай и... уже знакомыя мнѣ сдобныя лепешки. О. архимандритъ человѣкъ, очевидно, безъ предразсудковъ и оплеталъ ихъ добросовѣстно.

Прошлое о. Виссаріона имѣетъ какую то тайну. Крупицкій монастырь издавна служилъ ссылочнымъ мѣстомъ и всѣ его семь наличныхъ монаховъ, съ о. Виссаріономъ во главѣ, находятся въ немъ не добровольно. Нынѣшній архимандритъ его былъ ректоромъ въ Перми, затѣмъ въ Саратовѣ и, съ годъ тому назадъ, вдругъ очутился подъ Батуриномъ во главѣ семи монаховъ. Трое изъ нихъ — недавно присланные съ Аѳона и надѣлавшіе въ свое время порядочно шума — имясловцы; остальные кто изъ Рыхловскаго монастыря, кто изъ дальнѣйшихъ.

О. Виссаріонъ оказался человѣкомъ интереснымъ; монашескаго въ немъ отнюдь ничего не было, въ немъ чувствовался настоящій хозяинъ — помѣщикъ, вотъ-вотъ могущій распахнуться во всю русскую ширь свою. Голубая ряса его не шла къ нему совершенно.

На разспросы мои объ архивѣ и ризницѣ монастыря, онъ отвѣтилъ, что и то, и другое имѣется, но что никто ими не интересуется.

— Врагъ я храненія всего этого по глухимъ угламъ! сказалъ онъ: — кому здѣсь оно нужно? Въ столицы, или въ большіе центры слѣдъ бы сдавать это! Тамъ, по крайней мѣрѣ, пользу извлекли бы изъ нихъ люди!

Чтобы дать мнѣ болѣе точныя свѣдѣнія объ архивѣ и библіотекѣ монастыря, онъ послалъ келейника за о. ризничнымъ: черезъ нѣсколько минутъ въ дверяхъ появилась и остановилась довольно высокая черная фигура.

— Войди! приказалъ архимандритъ. — Садись! Разскажи вотъ имъ про старыя бумаги, что у тебя въ ризницѣ въ углу лежатъ!

— А що жъ я разскажу? отвѣтилъ, слегка усмѣхнувшись, о. ризничій.—Хиба я знаю що? Ихъ и прочесть не можно!

На кругломъ добродушномъ лицѣ сего хранителя старины отражалось недоумѣніе.

— Ну, а бралъ ихъ кто нибудь, читалъ? продолжалъ допросъ архимандритъ. Подчиненныхъ своихъ онъ, видимо, держалъ умѣлой рукой.

— Ні, никто! былъ отвѣтъ.

— А изъ библіотеки берутъ у тебя книги?

— Ні.

— Вотъ изволите видѣть! отнесся ко мнѣ архимандритъ: — а почитать въ ней есть что, завтра сами увидите! Такъ ты вотъ что, отецъ . . .—обратился онъ опять къ ризничему: — утречкомъ пораньше поди убери у себя — пылищи тамъ на аршинъ, такъ ты обмети ее, чтобы ужъ имъ не пачкаться, приготовь все . . .

Я скоро сталъ прощаться.

— Ты!—зыкнулъ архимандритъ въ сторону передней и изъ нея, словно бы изъ-подъ пола, выскочилъ келейникъ.—Огня зажечь надо: въ сѣняхъ у нихъ . . .

Архимандритъ не успѣлъ кончить, какъ пятки келейника сверкнули въ полутьмѣ коридора.

На дворѣ мы распростились и я пошелъ къ себѣ въ гостиницу; стояла безмолвная свѣтлая ночь, бѣлые домики и церкви спали.

Въ восемь часовъ утра на другой день я былъ уже въ ризницѣ. Подъ нее отведена довольно просторная комната при теплой церкви. Части двухъ стѣнъ ея, справа, заняты полками съ книгами. Въ ихъ числѣ имѣются между прочими рѣдкостями два синодика въ темныхъ бархатныхъ переплетахъ, писанные рукою Дмитрія Ростовскаго; въ одномъ изъ шкафовъ хранятся напрестольныя евангелія временъ Алексѣя Михайловича и позднѣйшія; въ другомъ висятъ ризы. Въ стѣнѣ около послѣдняго шкафа устроена большая ниша и въ ней, на подобіе дровъ, были сложены старинные дѣла и рукописи. Высота и длина груды ихъ равнялась приблизительно двумъ аршинамъ.

— А я не успѣлъ ничего зробыть, извиняйте! говорилъ о. ризничій, показывая мнѣ свои богатства.

Мы вмѣстѣ съ нимъ принялись отодвигать и убирать прочь разные ломаные подсвѣчники и другую утварь, загромождавшую доступъ къ углу съ бумагами. Наконецъ, мы ихъ достигли, и я пачками сталъ забирать ихъ и переносить на столъ. И руки и китель мой въ одинъ мигъ покрылись пылью и трухой.

Монахъ покачивалъ головой и опасливо поглядывалъ на открытую дверь.

— Охъ, попадэть менi! говорилъ онъ: — перепачкались вы усi!

Возился я съ рукописями до двухъ часовъ и ризничій все время чувствовалъ себя какъ на иголкахъ въ ожиданіи прихода архимандрита. Но онъ не появлялся. Вмѣсто него раза два прилеталъ, шумя рясою, его келейникъ и принесъ на подносѣ два стакана чаю и булки. Я уступилъ и то, и другое своему товарищу и, не отрываясь, разбиралъ дѣла.

Монахъ уписалъ ихъ съ аппетитомъ школьника. Среди бумагъ были преинтересныя: однѣ гласили о бѣглыхъ монахахъ и ихъ розыскахъ, другія о ссыльныхъ колодникахъ, третьи о разбояхъ и «гвалтахъ»

монаховъ и т. д. Я отобралъ цѣлую кучу и, когда всталъ, отряхнулся и сказалъ — «конецъ» — о. ризничій вздохнулъ съ облегченіемъ: приходъ архимандрита уже никакими бѣдами ему изъ за невычищенныхъ бумагъ грозить не могъ.

— Хиба жъ ихъ можно читать? съ сомнѣніемъ оказалъ онъ, указывая на пачки.

— Конечно, можно!

— А ну, що тамъ понапысано! И онъ подалъ мнѣ доношеніе Екатерининскихъ временъ.

Я пробѣжалъ его глазами.

— О дьяконѣ и о попѣ написано: — за пьянство и драку ихъ сюда въ монастырь сослали.

— Такъ, такъ... У насъ усе такъ!..

— А за что къ вамъ о. архимандрита смѣстили? спросилъ я.

— Це не знаемъ!.. понизивъ голосъ и приложивъ палецъ къ губамъ таинственно отвѣтилъ ризничій: — потомъ усе буде звiстно!

Забравъ отобранныя бумаги, я отправился къ настоятелю, просить разрѣшенія на увозъ ихъ изъ монастыря. Разрѣшеніе было дано немедленно; я выразилъ желаніе осмотрѣть скитъ — мѣсто, гдѣ стоялъ прежній монастырь, и архимандритъ командировалъ со мною того же ризничаго.

Идти къ скиту надо черезъ «хуторъ» — такъ именуется деревня дворовъ въ 80, примыкающая къ монастырю; деревня бѣдная, какъ и почти всѣ селенія, ютящіяся при монастыряхъ.

Скоро показался плетень, а за нимъ и убогая, выкрашенная въ красный цвѣтъ деревянная церковка; немного въ сторонѣ отъ нея краснѣла часовенка. Ни деревца, ни кустика около нихъ не замѣчалось; почти къ самой церковкѣ подступало картофельное поле; по другую сторону ея, на скатѣ бугра, разбросано нѣсколько намогильныхъ, покосившихся камней и плитъ съ давно стертыми надписями; на одномъ я съ трудомъ разобралъ надпись: «Графъ Николай Федоровичъ Апраксинъ, 1799 г. на 56 году отъ роду».

Провалы на землѣ и нѣсколько заросшихъ травою холмиковъ — вотъ и все, что уцѣлѣло отъ когда-то бывшаго тамъ кладбища. И церковь и часовня убоги сверхъ мѣры.

Въ послѣдней нѣтъ ровно ничего; однѣ голыя, некрашеныя сосновыя стѣны; на средней, прямо противъ входа, виситъ икона автора Четьи-Миней, на которой онъ похожъ скорѣе на Шейлока, чѣмъ на угодника.

Между часовней и церковью замѣтна площадка съ тремя глубокими ямами; думаю, что именно эти ямы и знаменуютъ мѣсто стоянія кельи. Исторія ея любопытна. Я розыскивалъ и опрашивалъ многихъ старожиловъ, отлично помнившихъ келью, и по ихъ разсказамъ она была довольно порядочныхъ размѣровъ: о четырехъ горенкахъ; балки потолка въ ней были покрыты старинной рѣзьбой.

Кому то изъ умныхъ людей пришла въ голову мысль продать ненужный монастырю стоявшій среди пустыря домикъ, задумано — сдѣлано, и древній домикъ переѣхалъ въ село Пальчики; затѣмъ его купилъ Конотопскій еврей.

Дальнѣйшій слѣдъ этого домика пока потерянъ: одни говорятъ, что изъ части его выстроены гдѣ то въ селѣ сѣни и лавка, другіе увѣряютъ, будто его перевезли въ Ростовъ.

Побродилъ я немного по мѣсту уединенія св. Димитрія и посмотрѣлъ на виды. Они суровы и не радуютъ взора.

По словамъ моего спутника, въ половодье холмъ превращается въ островокъ, окруженный со всѣхъ сторонъ водою. За неширокимъ поясомъ полей и луговъ синимъ кольцомъ его окружаютъ лѣса.

Какъ одиноко и какъ хорошо долженъ былъ чувствовать здѣсь себя человѣкъ, затерянный среди еще болѣе громадныхъ вѣковыхъ лѣсовъ, вплотную надвигавшихся въ старину на холмъ!

По возвращеніи въ монастырь меня ожидалъ обѣдъ изъ превосходнаго супа, курицы и компота изъ фрук-

товъ. Такого обѣда въ Конотопѣ нельзя получить ни въ одной изъ гостиницъ.

Подъ вечеръ я распростился съ гостепріимнымъ о. Виссаріономъ и покатилъ обратно въ Конотопъ.

Августа 16. Ярмарка въ Конотопѣ въ полномъ разгарѣ. Выйдешь на улицу и сразу попадешь, какъ въ туманъ, въ пыль, вздымаемую вереницами телѣгъ и ногами прохожихъ.

На базарѣ, среди балагановъ и палатокъ съ разными товарами не протолкаться; путь по тротуарамъ загораживаютъ задранныя къ небу оглобли телѣгъ, выстроенныхъ безконечными рядами; распряженныя лошади тутъ же жуютъ сѣно; въ холодкѣ подъ заборами и у домовъ сидятъ группы закусывающихъ людей; почти у всѣхъ въ рукахъ куски сотовъ и хлѣба, медъ струйками ползетъ по заскорузлымъ пальцамъ, пчелы сотнями вьются надъ головами завтракающихъ и садятся имъ чуть что не въ ротъ; на каждомъ шагу на манеръ турокъ расположились слѣпые или калѣки и распѣваютъ свое — «подайте несчастному» и т. п.

На одномъ перекресткѣ, другъ противъ друга, безъ шапокъ сидятъ за старыми фисгармоніями два слѣпца и, поднявъ мертвые глаза къ небу, поютъ и играютъ что то торжественное и печальное; вокругъ нихъ кучки слушающихъ, въ другихъ мѣстахъ звенятъ торбаны и надтреснутые голоса пѣвцовъ.

Шумъ, гамъ, въ глазахъ пеструтъ отъ платковъ бабъ, вышивокъ, бусъ и нарядовъ. Хороши ярмарки въ Малороссіи!

Августа 20. Проходилъ сегодня по двору земскаго склада, при которомъ вмѣстѣ съ Фененкой устраиваю историко-археологическій музей; по серединѣ двора имѣется небольшой скверикъ, обыкновенно пустынный. Около скверика дежурилъ городовой, а подъ деревьями щебетало пятеро сытенькихъ гимназистовъ въ курткахъ, приблизительно лѣтъ по пятнадцати-шестнадцати.

Двое изъ нихъ гладили на лавкѣ утюгами женскія кофточки. До слуха моего долетѣла фраза, обращенная однимъ изъ нихъ къ товарищу.

— Катя, передай мнѣ лифчикъ?

Я остановился и спросилъ, въ чемъ дѣло. Оказалось, что всѣ пять круглоголовыхъ, остриженныхъ подъ гребенку мальчугановъ, были подруги - гимназистки изъ пятаго класса Путивльской гимназіи, сбѣжавшія на войну. Онѣ успѣли пристроиться къ какому то эшелону и добрались до Кіева; прибыли въ него измученныя, такъ какъ двое сутокъ провели безъ сна и устроились на вокзалѣ на перронѣ въ повалку съ солдатами. Ночью эшелонъ ушелъ дальше, а онѣ и нѣсколько человѣкъ заморившихся солдатиковъ проспали. Ихъ повели къ допросу; кто они, изъ какого полка — бѣдныя дурочки этого не знали. Затѣмъ обнаружили ихъ полъ и послали по этапу обратно. Такихъ добровольцевъ вернули съ ними 29 человѣкъ, въ томъ числѣ еще нѣсколько женщинъ. Гимназистокъ отдѣлили и посадили въ Конотопѣ до пріѣзда родителей въ арестный домъ, имѣющій одинъ общій дворъ со складомъ; остальные помѣщены въ тюрьму.

Я съ удовольствіемъ побесѣдовалъ съ ними и смотрѣлъ на ихъ смѣшныя, милыя рожицы. Какъ хорошо, когда увлекаются чѣмъ либо люди!

Августа 21. Ѣздилъ въ село Веревки и вернулся оттуда нагруженный всякою стариной: фарфоромъ фабрики Миклашевскаго, вазами изъ фаянса Кіевской фабрики 1838 года, гравированными штофами XVIII вѣка и т. п.

Все это удалось купить у нѣкоей О. В. Кирѣй. Исторія добытыхъ вещей интересна.

Въ концѣ 18 вѣка въ Веревкахъ жилъ простой казакъ по фамиліи Харя. Человѣкъ онъ былъ дерзкій, заносчивый и угодилъ въ солдаты. Благодаря грамотности и ловкости, а затѣмъ и войнѣ 1812 — 15 г.г. ему удалось выдвинуться и попасть въ офицеры. Побывалъ онъ въ Парижѣ и оттуда вернулся съ ворохомъ

цѣнныхъ вещей; въ Веревку онъ попалъ уже въ чинѣ полковника въ отставкѣ и преображенный изъ Хари въ Халкедонскаго.

Въ Веревкахъ онъ зажилъ бариномъ. Довольно большой домъ его былъ наполненъ дорогою мебелью, картинами и гравюрами; было не мало золотыхъ и серебряныхъ вещей, большею частью французскаго происхожденія. Все это имущество, переходя изъ рукъ въ руки, попало, наконецъ, къ О. В. Кирѣй, — совершенно простой и уже достаточно пожилой женщинѣ.

Когда я въѣхалъ на заросшій травою дворъ ея, она сидѣла на крылечкѣ амбара съ двумя старухами; на ней было темно-синее ситцевое платье и бѣлый платокъ на головѣ, одѣяніе стряпки и другой сосѣдки-бабы отъ ея одѣянія не разнилось.

Домъ одною половиною выступаетъ на дворъ, другая спряталась за палисадникомъ въ густомъ фруктовомъ саду; подъ самыми окнами устроена пасѣка.

Я отрекомендовался хозяйкѣ и она повела меня въ комнаты.

Стѣны зала окаймляли плотно поставленные ряды стульевъ изъ краснаго дерева стиля ампиръ; гостиная, уголъ которой занимала громаднѣйшая кадь со свѣжимъ зерномъ, оказалась восхитительной: диванъ и кресла того же стиля были чудесной работы, съ голубыми сидѣньями; у одной изъ стѣнъ стоялъ ломберный столъ, у дивана — другой, овальный, на одной ногѣ — тумбѣ. Стѣну украшали гравюры и зеркало. Стульевъ и креселъ было столько, что не умѣщались у стѣнъ, они мѣстами стояли кучами. Въ столовой, въ старинномъ, очень неважномъ буфетѣ, наряду съ грошевыми современными стаканами и прочимъ хламомъ, стояли тарелки, чашки и пр. стараго фарфора.

Заглянулъ я, конечно, и въ чуланъ. Тамъ среди пыли и паутины валялись вазы XVIII вѣка, остатки сервизовъ и всякая всячина.

Порылся я вдосталь. На помощь намъ пришла старуха-мать хозяйки и какой-то юный, но очень самоувѣренный полуинтеллигентъ, ихъ родственникъ.

Несмотря на полное непониманіе предметовъ, владѣльцами которыхъ они являлись, продавали они вещи неохотно и не мало въ данномъ случаѣ мнѣ помогла все шире охватывающая здѣсь народъ боязнь близкаго прихода нѣмцевъ.

Съ сожалѣніемъ покинулъ я полковничьи аппартаменты. Они — живой музей, правда запакощенный присутствіемъ въ немъ деревянныхъ некрашенныхъ кроватей съ грязными постелями, табуретокъ изъ кухни и пр.

Какъ ни просилъ я уступить мнѣ хоть одинъ гарнитуръ изъ имѣющихся у нихъ четырехъ или пяти, или столикъ дивной работы изъ карельской березы — хозяйка уперлась и твердила, что не продастъ ни за какія деньги, т. к. это создастъ «пробѣлъ» у стѣны.

Уложилъ я въ корзину съ сѣномъ и въ отдѣльные пакеты пріобрѣтенныя вещи и покатилъ къ другому мѣстному помѣщику. — К. Н. Чеботкевичу.

Здѣсь въ уѣздѣ ихъ два брата: одинъ городской голова — другой Конст. Ник. — только помѣщикъ.

Человѣкъ онъ огромнаго роста, дюжій съ сизо-малиновыми бритыми щеками, пушистыми густыми усами и свѣтлыми глазами на выкатѣ; видъ у него брандмаіорскій и первое впечатлѣніе таково, будто онъ собирается немедленно огрѣть кого то по уху.

Чеботкевичи — сыновья бывшаго станового пристава; отецъ оставилъ имъ имѣніе, а сынки сумѣли превратить его въ нѣсколько. Константинъ Николаевичъ слыветъ однимъ изъ первыхъ хозяевъ въ уѣздѣ, всѣмъ интересуется и въ умственномъ отношеніи не чета своему брату, «головѣ безъ мозговъ», какъ честятъ его г.г. Конотопцы.

За чаемъ Чеботкевичъ, только что вернувшійся съ разогнаннаго съѣзда изъ Кіева, повѣдалъ мнѣ свои злоключенія. Оттуда началось стадное бѣгство. На желѣзныхъ дорогахъ съ 16 августа всѣ билеты были уже распроданы по 10 сентября. На улицахъ, около банковъ и казначейства, растянувшись хвостомъ версты на двѣ, стояли вкладчики, ожидавшіе очереди. За

серебряный рубль обыватели платили два и три рубля, такъ какъ отъ лицъ не въ форменныхъ фуражкахъ въ магазинахъ бумажекъ совсѣмъ не брали.

Августа 22. Ходилъ на Загребелье къ Фененкѣ звать его посмотрѣть на мои пріобрѣтенія.

Около воротъ его дома стояло нѣсколько телѣгъ; на лавочкѣ и на землѣ сидѣли кучки людей.

— Что, дома чтоль нѣтъ судьи? спросилъ я у ближайшихъ.

— Да чогось и никого нема: и канцелярія закрыта и секретаря нема! Прошенья подать нема кому!

— И чего вы судитесь, милые люди? обратился я къ нимъ: — время такое худое, а вы судью безпокоите? Оттаскали бы, кого слѣдъ, за виски — вотъ бы и дѣло съ концомъ!

Угрюмыя физіономіи прояснились и улыбнулись. Я вошелъ въ ворота и вдругъ изъ за домика, занимаемаго камерой, вылетѣло большое гнилое яблоко и на манеръ бомбы разлетѣлось въ куски у моихъ ногъ. За первымъ яблокомъ послѣдовало второе и третье.

Я остановился. Кидали черезъ крышу, стало быть не въ меня.

Загадка сейчасъ же разъяснилась: изъ подъ густыхъ яблонь сада, отдѣленнаго отъ двора низкимъ заборомъ, вынырнулъ раскраснѣвшійся растрепанный мальчишка — «секретарь» Фененки по уголовнымъ дѣламъ и, держа въ объятіяхъ съ десятокъ почернѣлыхъ яблоковъ, свища и улюлюкая, яростно принялся палить ими въ крышу. Въ ту же секунду на крышѣ другого дома, гдѣ живетъ самъ Фененко, появился второй — гражданскій секретарь безъ шапки, съ длиннымъ шестомъ, на концѣ котораго въ видѣ флага болталась грязная тряпка.

Ничего не видя и не замѣчая, кромѣ не желавшихъ летать голубей, онъ принялся махать шестомъ и свистать на манеръ Соловья-разбойника. Откуда то изъ за угла выскочилъ тоже съ шестомъ и портянкой на немъ третій участникъ — сторожъ, и вся эта кампа-

нія, вопя, принялась носиться по крышѣ, и по двору; полетѣли яблоки, куски кирпичей и все это бухало и топало по только что выкрашенной крышѣ дома и сарая.

Когда припадокъ умоизступленія улегся и вспотѣвшіе «секретари» обрѣли даръ рѣчи, они нѣсколько сконфуженно объявили, что судья уѣхалъ къ себѣ въ Хишки и вернется не раньше завтрашняго дня. Занятія спортомъ происходили около двѣнадцати часовъ дня. Надо полагать, что мой приходъ нѣсколько ускорилъ открытіе судейской канцеляріи.

Отъ Фененки отправился въ Городскую Думу; мнѣ давно хотѣлось заглянуть въ ея архивъ: свѣдѣнія мои гласили, что въ немъ имѣется не мало старинныхъ дѣлъ и кое что любопытное.

Голова оказался въ отъѣздѣ. Я обратился къ замѣнявшему его члену, членъ позвалъ секретаря; тотъ, узнавъ о моемъ намѣреніи попасть въ архивъ, пришелъ въ ужасъ и оба — долговязый, черный какъ жукъ членъ и коротенькій сытый блондинъ — секретарь принялись меня уговаривать не дѣлать такой глупости.

— Да туды жъ не пролізть никакъ! говорилъ членъ.

— Вы же всѣ перемараетесь! добавилъ секретарь. — Тамъ щось таке, шо и не взойти: грязюка, тѣснота, тьфу! Туды тілько коты заглядають!

— Архивъ вѣдь у насъ въ каланчѣ, на самомъ верху: лѣзть туда о-очень трудно!..

Я остался непоколебимымъ; секретарь послалъ двухъ сторожей что то «разгородить», чтобы можно стало попасть въ архивъ. Черезъ полчаса явился превращенный въ заматерѣлаго трубочиста сторожъ и доложилъ — «пожалуйте, теперь можно!»

Секретарь пошелъ впередъ. Съ задняго крыльца управы, на которомъ кипѣлъ чудовищный самоваръ, мы перешагнули на крыльцо каланчи, тоже украшенное пускавшимъ пары самоваромъ, только меньшихъ размѣровъ, и принялись взбираться наверхъ по крутой и колѣнчатой каменной лѣстницѣ. На высотѣ прибли-

зительно третьяго этажа каменная кладка кончилась и началась деревянная вышка.

— Вотъ и архивъ! сказалъ, тяжко пыхтя секретарь, указывая рукой на пріоткрытую дверцу въ чуланъ.

Я вошелъ въ него. На полу, по крайней мѣрѣ на полъ аршина въ толщину, лежалъ слой лохмотьевъ изъ старыхъ бумагъ, покрытыхъ грязью и плѣсенью. Чуланъ былъ тѣсенъ, узокъ, но весьма высокъ; стѣны его сплошь закрывали полки, заваленныя грудами связокъ съ дѣлами. Подъ вершковымъ слоемъ грязи и паутины виднѣлись дѣла 1812 г., и еще болѣе раннія. Сторожъ влѣзъ подъ потолокъ и бухнулъ оттуда указанную ему мной кипу. Пылища разомъ, словно черный дымъ, наполнила каморку и я выскочилъ наружу къ секретарю, не входившему въ нее. Сверху, въ пролетѣ выставилась круглая любопытствовавшая рожа дежурнаго на каланчѣ пожарнаго.

Разбирать бумаги въ убійственной духотѣ и такой пыли было немыслимо: негдѣ было даже присѣсть, не то что положить дѣлъ. Всякое неминуемое прикосновеніе спины или боковъ къ полкамъ отмѣчалось на нихъ лентами паутины и грязи.

Сторожъ поволокъ за нами въ управу пару связокъ и огромную, въ кожаномъ переплетѣ старинную опись, розысканную мною въ углу. Плѣсень наросла на ней, какъ мохъ на гнилой крышѣ, и сторожъ отскребъ ее предварительно носкомъ сапога и затѣмъ отшлифовывалъ дланью.

Въ связкахъ оказалось кое что интересное.

Августа 23. Пошелъ сегодня къ мѣстному старожилу И. Я. Кащенко повыспросить у него про Конотопскую старину.

Оффиціальное положеніе его — завѣдывающій земскимъ сельскохозяйственнымъ складомъ. Человѣкъ онъ мягкій, благожелательный и готовый услужить всѣмъ; цѣлые дни онъ въ суетѣ и въ бѣгахъ по всевозможнымъ порученіямъ сильныхъ уѣзда сего; порученія

эти почти всегда къ прямымъ обязанностямъ его совершенно не относятся.

Говорить съ нимъ можно только вечеромъ. Я засталъ его сидящимъ на крылечкѣ своего крохотнаго бѣлаго домика; старикъ сейчасъ же всхлопотался, загѣялъ чаепитіе, долго шарилъ по всѣмъ отдушникамъ и по тайнымъ угламъ ключей, куда то засунутыхъ ушедшей женой, надѣлъ для чего то на стекло лампы жестяную, кувыркающуюся акробатку и только тогда удалось его пришпилить ненадолго къ мѣсту и заставить разсказывать.

Конотопъ занимаетъ взгорокъ надъ болотной долиной Езуча (Іезуса) весь пересѣченный глубокими оврагами. По дну этихъ овраговъ, въ видѣ американскихъ горъ, тянутся улицы; въ старину одна изъ нынѣшнихъ лучшихъ улицъ, именуемая Красногорской, проходила въ части ближайшей къ главной улицѣ подъ валомъ укрѣпленія, опоясывавшаго берегъ оврага.

Часть этого укрѣпленія принадлежитъ издавна Радченкамъ; дѣдъ нынѣшнихъ владѣльцевъ былъ женатъ на сестрѣ С. И. Пономарева, жившаго въ семьѣ сестры.

Подъ горой противъ усадьбы Радченокъ посейчасъ замѣтенъ большой фундаментъ; нѣсколько лѣтъ тому назадъ земство задумало устроить электрическую станцію, но затѣя эта сама не имѣла фундамента и на немъ и окончилась. Когда рыли землю для него, то противъ середины, у горы наткнулись на глубокій колодезь. По городу давно ходило преданіе о какомъ то колодцѣ и большомъ кладѣ, зарытомъ въ немъ въ казацкія времена. Нашелся человѣкъ, взявшійся за раскопку, но работы своей за большою глубиною колодца до конца не довелъ и его опять засыпали.

Нѣсколько выше, противоположную сторону улицы занимаетъ усадьба Костенецкаго. Мѣсто это, пересѣченное еще другимъ оврагомъ, было когда то глухое и опасное: тамъ жили Ж—емы, пользовавшіеся недоброю славой разбойниковъ.

Есть слухи, что они прятали тамъ въ тайникахъ, вырытыхъ въ обрывахъ овраговъ, награбленное добро, но о находкахъ чего либо въ томъ мѣстѣ слышно не было.

Много зато при постройкахъ и посадкѣ Костенецкимъ сада находили человѣческихъ скелетовъ.

Другіе извѣстные Конотопскіе разбойники — «панокъ» Иванишевъ и помѣщикъ «панъ» Горкуша, почитаемый здѣсь, впрочемъ, не разбойникомъ, а самодуромъ, не знавшимъ ни удержи своему нраву, ни куда дѣвать избытокъ силъ и энергіи.

Старинное кладбище Конотопа занимало всю гору противъ нынѣшняго собора; тамъ послѣ большихъ дождей на крутой, незамощенной части улицы, до сихъ поръ обнаруживаются скелеты и кости сносятся водою къ Езучу.

На томъ мѣстѣ, гдѣ стоитъ только что оконченное зданіе уѣздной управы, обнаружена была обширнѣйшая яма, биткомъ набитая костями животныхъ: вѣроятно туда, за укрѣпленіе, вывозили падаль.

Бесѣда о старинѣ и чаекъ расшевелили Кащенку. Онъ взялъ ключи, огарокъ свѣчи и повелъ меня въ сарай, часть котораго превращена въ небольшую кладовую. Вся она завалена всякою дребеденью. Иванъ Яковлевичъ человѣкъ необыкновенно аккуратный и прячетъ рѣшительно все: на полкахъ красовались пузырьки отъ чернилъ, опустѣвшіе, судя по пыли, вереницу лѣтъ назадъ; старые подсвѣчники, треснувшія банки и т. п. Тамъ же стояли ведра, чугуны, утюги, ломаный диванъ, кровать, лежали книги, между прочимъ даже букварь, по которому Иванъ Яковлевичъ учился грамотѣ. Среди всей этой ветоши я усмотрѣлъ пару старинныхъ креселъ ампиръ и пару иконъ, одну еще до-Никоновскаго письма. Кресла были вынесены въ сарай за громоздкостью ихъ: такія малютки-комнатки въ домикѣ Ивана Яковлевича!

Кресла я попросилъ продать мнѣ. Кащенко согласился и назначилъ за оба десять рублей, но когда, вернувшись въ домъ и вымывъ руки, я сталъ разсчиты-

ваться съ нимь, онъ взялъ только девять рублей, найдя, что и того «за глаза довольно».

Объ иконахъ обѣщалъ подумать. Человѣкъ онъ религіозный, а продавать Господа Бога, хотя бы только написаннаго, не полагается.

Шелъ отъ него домой, и такая была тьма, что мѣстами пробирался въ буквальномъ смыслѣ ощупью, держась рукой за заборъ и нашаривая, какъ слѣпой, палкою дорогу. Не только что на землѣ, но даже и на небѣ забыли сегодня зажечь фонари!

Августа 24. Иконы у меня. Одна большая, безъ ризы, съ изображеніями въ четырехъ видахъ Богородицы, весьма рѣдкая, другая сплошь закрыта чеканной ризой съ тремя выпуклыми изображеніями Богородицы, Спасителя и Іоанна Крестителя. Икона по чеканкѣ любопытная чрезвычайно. Первая пришла въ домъ Кащенко со стороны его матери, уроженки Орловской губ., вторая изъ рода когда то знаменитыхъ здѣсь Лизогубовъ.

Какъ курьезъ отмѣчу, что мѣстная аристократія украшеніе своихъ аппартаментовъ покупною мебелью считаетъ дѣломъ не особенно хорошимъ: мебель должна быть родовая... Модная теперь въ столицахъ мебель краснаго дерева въ старину допускалась въ «большихъ» домахъ только въ кабинетахъ; верхъ стариннаго шика былъ ампиръ изъ карельской березы.

Въ трехъ великолѣпныхъ автомобиляхъ пріѣзжалъ съ адъютантами какой-то генералъ, завѣдывающій снабженіемъ арміи. Лазареты изъ Конотопа, по его словамъ, будутъ убраны; вмѣсто нихъ прибудетъ сюда онъ со своимъ штабомъ чуть ли не изъ трехсотъ человѣкъ однихъ офицеровъ. Всю эту орду надо размѣстить и предстоитъ реквизиція квартиръ.

Не превратиться бы и намъ въ скоромъ времени въ бѣженцевъ?

Августа 27. Вчера вечеромъ присутствовалъ на засѣданіи съѣзда земскихъ начальниковъ. На кой чортъ они удержаны тамъ, гдѣ введены мировые судьи

— нельзя понять! На производствѣ у нихъ остались лишь административныя дѣла, и ихъ количество таково, что управиться съ ними могъ бы одинъ человѣкъ на уѣздъ.

Засѣдали мы въ маленькой, заставленной шкафами комнаткѣ; предсѣдательствовалъ, за отсутствіемъ предводителя, Таравиновъ. Секретарь подалъ ему небольшую стопку дѣлъ, назначенныхъ къ слушанію.

— Прежде всего, господа, посмотримъ... началъ Таравиновъ, съ обычной своею жестикуляціей и выразительностю — нельзя ли что нибудь о-т-л-о-ж-и-т-ь? Онъ съ торжествомъ поглядѣлъ на насъ поверхъ очковъ. — А что нибудь и разсмотримъ!

По разнымъ пустяшнымъ предлогамъ отложить оказалось возможнымъ девять дѣлъ; къ разсмотрѣнію остались три, да и тѣ такого рода, что по несоблюденію формальностей со стороны крестьянъ, просителямъ надо было отказать и все засѣданіе свелось въ сущности къ объявленію четверти просителей объ отказѣ, а тремъ четвертямъ о томъ, что имъ придется прогуляться за сорокъ и болѣе верстъ еще разъ.

Причина была серьезная: Пелагея Андреевна Таравинова, пока мы бесѣдовали передъ обсужденіемъ дѣлъ о политикѣ, позвонила мужу по телефону и сказала, что у нея чай уже на столѣ и чтобы мы не задержались.

Черезъ часъ мы уже шли парами, подъ руку, къ квартирѣ Таравинова; въ темныя ночи здѣсь безопаснѣе ходить на четырехъ ногахъ.

У Таравиновыхъ было свѣтло и тепло, но не уютно: хозяйка не одарена способностью давать частицу души предметамъ.

За закуской и чаемъ зашли разговоры объ участившемся воровствѣ въ городѣ: каждую ночь обирается чей нибудь погребъ, при чемъ никакіе замки и пробои препятствіемъ не служатъ. Было очищено и нѣсколько квартиръ.

Особенно близко къ сердцу принималъ всѣ эти очистки погребовъ братъ Н. І. Фененки — Романъ

Іосифовичъ, человѣкъ очень нервный; состоитъ онъ въ земскихъ начальникахъ и обитаетъ въ своемъ имѣніи въ с. Гайворонѣ. Лѣтъ ему не больше 29. Длинный, тощій блондинъ съ сѣрыми, поминутно прищуриваемыми глазами на выкатѣ и носомъ севрюги, впечатлѣніе онъ производитъ неблагопріятное. Странная дѣланная улыбка, заключающаяся въ томъ, что углы длинныхъ, тонкихъ губъ онъ оттягиваетъ почти къ ушамъ, усиливаетъ это впечатлѣніе.

Иногда онъ не совсѣмъ удачно острилъ и тогда брови его вздергивались высоко вверхъ и онъ складывался пополамъ и имѣлъ видъ собирающагося нырнуть подъ столъ.

Всякіе пустяки его пугаютъ и безпокоятъ. Зачѣмъ понадобилось служить такому воплощенію безволія — не сумѣю сказать.

Слушая разговоры горожанъ о кражахъ, онъ призадумался.

— А что если бы около каждаго погреба поставить капканъ? предложилъ онъ. — Кто бы ни подошелъ — трахъ и нога пополамъ!

Идея его одобренія не заслужила и онъ опять замолчалъ; податной инспекторъ, сидѣвшій съ подвязанной щекой, процѣдилъ сквозь болѣвшіе зубы, что у него взломали дверь и выпили весь квасъ, находившійся въ бутылкахъ.

Августа 28. Нѣсколько часовъ провелъ у П. П. Радченко, внука С. И. Пономарева.

Живетъ онъ въ собственномъ домѣ, принадлежавшемъ его бабушкѣ, сестрѣ Степана Ивановича. Тамъ же до послѣднихъ минутъ проживалъ и покойный библіографъ. Говорю до послѣднихъ минутъ, а не до смерти, потому что умеръ онъ въ больницѣ. Окружающіе стали замѣчать въ старикѣ какія то невиданныя раньше странности; онъ сдѣлался угрюмымъ, неразговорчивымъ, сталъ прятаться отъ людей, запирался въ своей комнатѣ и ручки дверей привязывалъ веревками къ ножкамъ стульевъ, столовъ и т. д.

Дальше пошло хуже, доктора нашли у него полное старческое слабоумiе и незадолго до конца его пришлось свезти въ больницу. Умеръ онъ 84 лѣтъ отъ роду.

Въ саду, на самомъ мѣстѣ древняго вала, на обрывѣ съ котораго открывается видъ на противоположную часть города, Пономаревъ устроилъ остроконечную горку. Вся она заросла бурьяномъ, но винтовая тропка на самую вершинку ея еще замѣтна. Я поднялся на нее и полюбовался видомъ; съ нея хорошо видна и церковь, у стѣны которой спитъ Пономаревъ. Изъ травы торчали полусгнившiя доски съ разными надписями; на одной ясно бѣлѣло: «Господь хранитъ пришельцы». Тамъ лежала бесѣдка, рухнувшая въ недавнее время.

Видъ этой горки недурно срисованъ К. Я. Гротомъ; вообще семья послѣдняго была съ Пономаревымъ въ большой дружбѣ, засвидѣтельствованной множествомъ портретовъ всѣхъ членовъ, письмами, записочками и т. д.

Въ противоположномъ концѣ сада стоитъ чудесный столѣтнiй каштанъ, словно шатромъ прикрывающiй обширную бесѣдку; на многочисленныхъ столбахъ ея еще замѣтны надписи, сдѣланныя Степаномъ Ивановичемъ. На каждомъ столбѣ красовалось имя его внука или внучки, и число ихъ — до безчуствiя.

И Пономаревъ, и сестра его были люди глубоко религiозные. За десять лѣтъ до смерти (умерли черезъ годъ одинъ послѣ другого) оба они заказали себѣ по гробу и эти гробы хранились въ амбарѣ; нерѣдко дѣти, играя, забирались въ нихъ, а, случалось, и засыпали. Когда я спросилъ Петра Петровича, такъ ли это, онъ усмѣхнулся и сказалъ, что они часто спали въ нихъ и за неимѣнiемъ спокойнаго мѣста въ домѣ.

Осмотромъ послѣдняго я не удовольствовался и мы отправились въ амбаръ. Обширное помѣщенiе его, какъ я и ожидалъ, оказалось складомъ старой мебели, ящиковъ, сундуковъ, шкафовъ и чего угодно.

Сундуки съ рукописями стояли у противоположной стѣны и мы принялись ворочать и выносить все мѣшавшее намъ. Старинныя гравюры въ рамкахъ съ разбитыми стеклами, иконы, портреты — всего этого было натискано безъ конца.

Въ старыхъ бюварахъ лежали груды полулистковъ самой разнообразной почтовой бумаги; по объясненію Петра Петровича, дѣдъ его имѣлъ обыкновеніе отъ получаемыхъ писемъ отрывать чистые полулистки и беречь про всякій случай.

Вещи свои старикъ, видимо, любилъ, чрезвычайно и столь же былъ бережливъ и аккуратенъ. Я видѣлъ до полусотни томовъ, такъ называемыхъ его альбомовъ: — это толстенныя книжищи изъ бѣлой бумаги, сплошь покрытыя имъ собственноручно наклеенными вырѣзками изъ газетъ и притомъ далеко не важными по содержанію. Въ одномъ, напр., красовались достаточно чепушистые стихи, въ другомъ статьи Меньшикова и т. д. Иногда для этой же цѣли употреблялись имъ и прейскуранты.

Читалъ онъ, видимо, весьма много и весьма тщательно. Большинство книгъ его испещрено его замѣчаніями, сдѣланными карандашомъ.

И, судя по надписямъ авторовъ книгъ, кругъ его знакомства — конотопскаго купца — былъ великъ и очень почтененъ.

Добылъ я, что было возможно, и уже поздно вечеромъ возвратился въ свое пустынное и непривѣтливое логово.

Августа 29. Утромъ умылся и стою, утираясь полотенцемъ, у окна во дворъ. Вижу, вошелъ городовой съ книгой въ рукѣ, остановился и сталъ озираться.

— Что тебѣ? спрашиваю.

— А такъ что, господинъ Минцловъ не вы будете?

— Я.

— Бумага вамъ!

Взялъ я бумагу. Она оказалась давно ожидавшимся мною призывнымъ листомъ, въ которомъ предписы-

вается мнѣ, въ качествѣ подпоручика, черезъ пять сутокъ явиться въ г. Житоміръ къ инспектору ополченскихъ частей.

Итакъ — въ походъ!

Августа 30. Черезъ городъ потянулся потокъ бѣженцевъ. И днемъ и ночью скрипятъ колеса и ѣдутъ огромныя, крытыя полотномъ фуры, набитыя людьми и рухлядью.

Организаціи для помощи бѣженцамъ нѣтъ никакой. Двинулась, главнымъ образомъ, Волынь и почти сплошь — выселенные нѣмецкіе колонисты. Разореніе, конечно, поголовное. По слухамъ въ с. Козацкомъ ихъ скопилось свыше 10 000 и тамъ настоящая голодовка.

Изъ имѣнія прискакала З. Н. Занковичъ и разсказывала при мнѣ, что этой ночью къ нимъ ломились и стучали эти несчастные. Ломанымъ русскимъ языкомъ они просили досокъ для гроба: кто то изъ женщинъ умеръ у нихъ въ пути. Занковичъ бесѣдовала съ ними: люди озлобленные до-нельзя, голодные. Одинъ, не зная, конечно, что говоритъ съ предводительшей, заявилъ, что ему, чтобы спасти отъ голодной смерти дѣтей, надо совершить преступленіе: тогда будутъ кормить и его, и ихъ.

Августа 31. Дѣятельно укладываюсь. На старинную мебель плотники дѣлаютъ рѣшетки: въ городѣ нѣтъ складовъ и не у кого оставить безъ себя вещи. Приходится отсылать все въ Питеръ, между тѣмъ ни большой, ни малой скоростью ничего на станціи не принимаютъ. Предстоитъ слать все багажемъ и обойдется это мнѣ рублей до двухсотъ.

Горе съ обмундировкой: портной ѣздилъ «даже въ Ромны» и нигдѣ «и по 100» рублей за аршинъ нѣту ни солдатскаго сукна на шинель, ни сукна хаки на все прочее.

Сентября 1. Встрѣтилъ сегодня въ кинематографѣ Ив. Як. Кащенко и онъ тронулъ меня. Усиленно звалъ

къ себѣ и напомнилъ мнѣ старую няньку: и она стала бы такъ отъ души охать, покачивать головой и недоумѣвать по поводу моего призыва.

Всѣ теперь сдѣлались какъ то внимательнѣе ко мнѣ: не говорятъ, конечно, но я чувствую, что многіе смотрятъ на меня, какъ на опасно больного.

Изъ кинематографа онъ пошелъ меня провожать, хотя живетъ въ противоположной сторонѣ; я видѣлъ, что онъ дѣлаетъ это затѣмъ, чтобы я не чувствовалъ себя одинокимъ.

Ночи стоятъ звѣздныя, холодныя.

— Все не вѣрю, что вы на войну пойдете! говорилъ онъ. — Что же это такое будетъ? А?

— Какъ что? отвѣтилъ я: — великаго князя уволили, меня призвали — побѣда теперь обезпечена!

— Вы все шутите!.. А знаете, признаюсь вамъ, мнѣ жутко. Гляжу вотъ на небо, на звѣзды и чувствую — жутко! Жить страшно. Что дѣлается кругомъ — Боже ты мой?

Жуть эта забирается уже во многихъ!

Сентября 4. Недавно прибылъ сюда ветиринарный врачъ при Донскомъ Конскомъ запасѣ В. П. Бирюковъ. Познакомился я съ нимъ всего двѣ недѣли назадъ въ нашемъ музеѣ, и теперь каждый разъ радуюсь, когда его вижу.

Онъ еще юноша съ едва пробившимися усиками, но уже кончилъ кромѣ ветиринарнаго и Московскій Археологическій институтъ. Видъ у него неказистый, худъ онъ до-нельзя; желтые патлы волосъ торчатъ изъ подъ загрязненной бѣлой фуражки во всѣ стороны; на боку мотается казацкая шашка съ обломанной рукояткой. Говоритъ заикаясь и сильно, по пермски, окая; родомъ онъ пермякъ и притомъ поповичъ — сынъ сельского дьячка. Братьевъ и сестеръ у него какое то неподобное количество. Нечего и говорить, что отецъ-дьячокъ пособить дѣтямъ выбиться на дорогу не могъ ничѣмъ. Всѣ они остались — кто въ дьяч-

кахъ, кто еще на школьной скамьѣ, одинъ въ попахъ. В. П. не подчинился обстоятельствамъ, а, кончивъ семинарію, пошелъ учиться дальше. Чтобы существовать служилъ по вечерамъ лакеемъ, давалъ уроки, голодалъ — и все же кончилъ. Какъ водится, нажилъ злѣйшій катаръ желудка, но полонъ энергіи и надеждъ; женился на дочери мѣстной просвирни, окончившей гимназію и тоже поступившей въ Археологическій институтъ. Онъ спитъ и видитъ вернуться въ родное село, открыть тамъ сельскохозяйственную школу, устроить музей, словомъ внести культуру въ деревню.

Жена нѣсколько охолаживаетъ его, но и сама мечтаетъ о томъ же. Ходятъ оборванцами, ѣдятъ, какъ Богъ приведетъ, и копятъ деньги на исполненіе своей Принцессы-Грезы.

В. П. жадно собираетъ все — старыя ризы, образа, которыя сотнями дарили ему уральское духовенство, видящее въ немъ «своего», и т. п.

Третьяго дня я былъ на вокзалѣ, отправлялъ въ Питеръ вещи. В. П. розыскалъ меня тамъ, мы усѣлись въ сторонѣ отъ толчеи и стали разсматривать разные черепки и бусики, привезенные имъ мнѣ для просмотра.

Не одинъ, я думаю, пассажиръ, видя среди сутолоки и шума двухъ людей, разворачивающихъ десятки бумажекъ съ черепками и вновь бережно заворачивающихъ ихъ, счелъ насъ за тихихъ помѣшанныхъ.

Древніе черепки эти были случайно найдены В. П. на размывѣ песчанаго обрыва берега Сейма, верстахъ въ десяти отъ Конотопа.

Сегодня въ пять часовъ утра Бирюковъ уже стучалъ мнѣ въ окно и мы покатили на простой телѣгѣ осматривать открытое имъ мѣсто.

Все время пути онъ говорилъ неумолчно. И все о своей мечтѣ и о путяхъ къ ея исполненію. Много въ немъ еще дѣтскаго, но какъ свѣжо и радостно становится на душѣ, когда видишь такія пробуждающіяся, тянущіяся къ свѣту силы земли! Увѣренъ, что, если

выдержитъ физически, В. П. выростетъ въ крупную величину. Дай ему Боже!

Послѣ легкой археологической развѣдки, мы развели подъ дубомъ костеръ, напекли картошки, напились чаю, я въ заключеніе выкупался, и около часа дня мы вернулись въ Конотопъ.

Завтра уѣзжаю въ Кіевъ.

С. Р. Минцловъ.

КОНЕЦЪ.